Епископъ Антоній.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ I.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

Отъ Комитета Казанской духовной цензуры печатать дозволяется. Ординарный профессоръ Казанской духовной академіи *М. Богословскій.* 1899 г. 17 декабря.

Епископ Агапий.

СЛОВА,

БЕСѢДЫ И РѢЧИ.

Не имѣя возможности по недостатку времени записывать свои поученія, мы предлагаемъ вниманію читателей одну двадцать первую часть произнесенныхъ нами проповѣдей.

РѢЧЬ

при нареченіи въ санъ епископа[1]).

Преосвященнѣйшіе архипастыри!

Когда я грѣшный началъ обдумывать, что сказать мнѣ предъ вашимъ освященнымъ соборомъ въ сей знаменательный день моей жизни, то открылъ святую Библію на удачу и прочиталъ сіи слова Апостола: *„если и всѣ соблазнятся, но не я“* (Марк. 14, 29).

Извѣстно всякому, что отвѣтилъ Господь на это смѣлое обѣщаніе, и сколь горько посрамленъ былъ изрекшій оное. А между тѣмъ, какъ, повидимому, свойственно всякому дѣятелю, призываемому на высокое, святое служеніе, мысленно обозрѣть предстоящій свой жребій и предначертать въ сердцѣ своемъ и въ краснорѣчивомъ словѣ всѣ тѣ добрыя и мудрыя начинанія, которыя тѣснятся въ его воображеніи. Такъ и поступаютъ общественные дѣятели мірскіе, особенно въ странахъ, управляемыхъ выборнымъ началомъ: наперерывъ хвалятся они предъ народной толпой перечисленіемъ своихъ будущихъ подвиговъ, склоняя тѣмъ каждый на свою сторону выборъ народный.

Дѣятели духовные, особенно молодые, тоже нерѣдко поддаются такому же увлеченію, мечтаютъ и говорятъ о буду-

---

[1]) Была произнесена въ Казанской Крестовой церкви. Въ первый разъ была напечатана въ журналѣ «Церков. Вѣдомости». 1897 г. № 38.

шихъ реобразованіяхъ, о томъ, какъ они „не будутъ подобны прочимъ человѣкамъ хищникамъ, прелюбодѣямъ“; имъ ласкательствуетъ современная печать, изображая подобныхъ имъ мечтателей, осуществившихъ свои предначертанія и бывшихъ образцовыми священниками въ современномъ духѣ—лекарями, гигіенистами, экономистами.

Будемъ ли строго судить ихъ? Вѣдь не столько тщеславіе и самопревозношеніе, сколько незнаніе жизни, а паче того—незнаніе своей немощной человѣческой природы, увлекаютъ воображеніе этихъ юныхъ. Скоро, очень скоро тяжкія испытанія, огорченія, уничиженія отвнѣ и собственныя прегрѣшенія откроютъ глаза неопытному пастырю, и увидитъ онъ, что его надежды на себя подобны надеждѣ человѣка летать по воздуху съ игрушечными крыльями. Такъ и меня многократно смирялъ въ моихъ глазахъ Господь, какъ Петра, еще прежде пошедшаго къ Нему по водамъ и тонувшаго среди волнъ разсвирѣпѣвшаго озера, а затѣмъ постыдно устранившагося враговъ Христовыхъ.

Но вотъ сей самый Петръ, который нѣкогда въ горячности своей отсѣкъ мечемъ ухо Малха, теперь, „*исшедъ вонъ плакася горько*“; онъ уже не обѣщаетъ ничего своему Учителю, но со слезами раскаянія и скорби вопіетъ: „*Господи, Ты вся вѣси, Ты вѣси, яко люблю Тя*“. Что же мы видимъ послѣ сего самопознанія и покаянія? Смирившійся въ сердцѣ своемъ ученикъ уже съ великимъ дерзновеніемъ свидѣтельствуетъ о Христѣ предъ Его врагами, радостно благодаритъ Бога за темничное заключеніе о имени Его, единымъ словомъ исцѣляетъ хромаго, посрамляетъ лжепророка, низводитъ съ неба, вмѣсто огня, Святаго Духа, наконецъ, единою тѣнью тѣла своего исцѣляетъ болѣзни.—Чего не могла совершить естественная горячность духа, то свершила благодать Духа Божественнаго, обрѣтшая себѣ мѣсто въ сердцѣ, очищенномъ покаяніемъ, украшенномъ вѣрой, укрѣпленномъ смиреніемъ.

То, что совершилось съ первоверховнымъ Апостоломъ, есть законъ жизни, дѣйствующій во всѣхъ служителяхъ Бо-

жіихъ. Не въ смѣлыхъ предначертаніяхъ, не въ пылкомъ воображеніи раскрывается сила ихъ, но въ самомъ отреченіи отъ своей естественной силы обрѣтаетъ себѣ мѣсто сила Божія.

„*Сладцѣ убо похвалюся паче въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова*“ (2 Кор. 12, 9). Таковы да будутъ мои предначертанія въ широкой и святой дѣятельности, нынѣ мнѣ препоручаемой чрезъ ваше рукоположеніе Святымъ Духомъ. Да будетъ всегда непоколебима предъ моимъ духовнымъ взоромъ та истина, что жизнью правятъ не ухищренія человѣческія, а воля Промыслителя Бога, что Онъ для исполненія Своихъ спасительныхъ предначертаній требуетъ отъ насъ не предугадыванія событій, а внутренней чистоты, любви и смиренія, и если находитъ дѣлателя, исполненнаго сими дарами, то Самъ чрезъ него творитъ великая и славная. Такъ святостью своею Моусей и Ааронъ охраняли народъ свой отъ гнѣва Божія; такъ и пророкъ Іезекіиль говоритъ отъ лица Его: „*Искалъ Я у нихъ человѣка, который поставилъ бы стѣну и сталъ бы предо Мною въ проломѣ за сію землю, чтобъ Я не погубилъ ея*“ (Іезекіил. 22, 30). Отсюда видимъ, что духовный взоръ вновь призываемаго трудника нивы Его долженъ быть обращенъ не вдаль, а внутрь себя, не въ будущее, а въ настоящее: „*даждь намъ днесь... и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго*“.

Неразумные люди міра въ подобныхъ правилахъ жизни видятъ причину бездѣятельности православнаго духовенства и завидуютъ кажущейся ревности еретиковъ. Но если гдѣ замѣтите бездѣятельность, то легко убѣдитесь, при лучшемъ вниманіи, и въ томъ, что ея причина есть внутренній недугъ — себялюбіе или черствость, т. е. пренебреженіе православнымъ правиломъ пастырства, а не выполненіе его. О, какъ бы дѣятеленъ былъ тотъ пастырь, который полагалъ бы заботу души своей въ томъ только, чтобы въ сердцѣ своемъ всегда пріуготовлять храмъ Духа чрезъ подвиги духовной жизни. Онъ пошелъ бы путемъ святаго Іоанна Златоуста въ любви къ

людямъ, былъ бы дерзновененъ, какъ святитель Филиппъ предъ врагами истины, поколебалъ бы весь грѣшный міръ правымъ исповѣданіемъ, какъ Максимъ Исповѣдникъ, уразумѣвалъ бы тайны Промысла, какъ Іоаннъ Богословъ, привлекалъ бы къ себѣ любовію въ далекую пустыню всѣ сословія и возрасты, какъ Тихонъ Задонскій.—Эту истину уразумѣлъ я грѣшный среди испытаній своей жизни, но увы, уразумѣвалъ не чрезъ послѣдованіе ей, но чрезъ постоянное отступленіе, чрезъ самонадѣяніе, забвеніе надежды на Бога, колебаніе и тщетные страхи. Васъ, предстоящихъ святителей Божіихъ и духовно присутствующаго намъ усопшаго архипастыря града сего, учившаго меня вѣрѣ и надеждѣ примѣромъ любви своей и вѣры, прошу смиренно: вознести молитву, дабы жизнью я исполнялъ эту истину, такъ легко уразумѣваемую умомъ и такъ трудно осуществляемую волею. Вознесите молитву *да не како другимъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27).

Наипаче же тебя прошу о томъ, мой возродитель въ монашескую жизнь. Третій разъ будешь ты возлагать на меня руку; память первыхъ рукоположеній и любви твоей да даруетъ мнѣ сугубое умиленіе и упованіе въ третичномъ пріятіи сего великаго таинства. Въ пришествіи твоемъ на мое посвященіе я вижу не только подвигъ любви твоей, но и напоминаніе Божіе о томъ, чтобы я въ душѣ своей принесъ покаяніе за всѣ грѣхи свои, содѣянные въ монашествѣ, въ діаконствѣ, въ священствѣ.

Да не оскудѣетъ памятованіе о нихъ и въ дальнѣйшемъ служеніи моемъ, какъ не оскудѣетъ благодарность за твою любовь.

А) Слова общеназидательныя.

СЛОВО

въ день Святителя Николая Чудотворца [1])

„Азъ есмь Пастырь добрый и знаю Моя и знаютъ Мя Моя“.

Эти слова Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ о Себѣ Самомъ, что Онъ знаетъ своихъ овецъ, т. е. истинныхъ христіанъ, а овцы эти знаютъ Его. Стало-быть, братіе, только тотъ можетъ быть овцой Христова стада, кто желаетъ знать Христа. А какъ Его можно знать? Если будемъ учиться Его святому Евангелію, потому-что оно есть такая книга, въ которой записано Св. Духомъ чрезъ Апостоловъ Христовыхъ все то ученіе Спасителя нашего, которое необходимо намъ для познанія Его воли. Видите-ли бр., какъ важно всякому знать Евангеліе: безъ него мы не будемъ овцами стада Христова, безъ него мы будемъ чужими овцами, обреченными на погибель. Господь сказалъ: *„се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и Его-же послалъ еси Іс. Христа“*. Безъ познанія І. Христа и Его св. Евангелія нѣтъ вѣчной жизни, а есть только вѣчная смерть вѣчная погибель.— И какъ назвать человѣка, который не хочетъ читать или слушать св. Евангелія? Вѣдь самое это слово означаетъ: благая вѣсть, т. е. радостное письмо ко всякому христіанину, напи-

---

[2]) Произнесено въ Холмскомъ каѳедральномъ соборѣ 6 декабря 1886 года.—Печатается впервые.

санное не людьми, но самимъ Духомъ Святымъ,—письмо о томъ, что Сынъ Божій сошелъ на землю и сталъ, какъ простой, бѣдный человѣкъ, терпѣлъ злобу и клеветы гордыхъ нечестивцевъ, а затѣмъ принялъ страшную смерть за грѣхи наши отъ людей, которыхъ Онъ самъ сотворилъ изъ пыли земной, и которыхъ всегда могъ и можетъ снова „обратить въ пыль, которою они были“, но вмѣсто этой праведной казни, призываетъ всѣхъ грѣшниковъ ко спасенію.—И эту-то благую вѣсть, это-то св. письмо, мы неблагодарные, такъ мало читаемъ, такъ лѣниво слушаемъ!

Скажите, православные христіане! еслибъ былъ такой человѣкъ, который за тяжкую вину былъ бы осужденъ по царскому закону на вѣчную тюрьму, а его добрый господинъ выпросилъ-бы у царя, чтобы онъ того человѣка простилъ, и принялъ-бы самъ на себя его наказаніе, а тотъ преступникъ остался-бы на свободѣ; и вотъ этотъ добрый господинъ прислалъ бы ему благую вѣсть, письмо, что я освободилъ тебя, и самъ за тебя принялъ отъ царя должную казнь: скажите братіе, что сдѣлалъ-бы тотъ освобожденный человѣкъ съ этимъ драгоцѣннымъ письмомъ? Неужели онъ полѣнился-бы его прочитать или запряталъ-бы его куда нибудь подальше въ уголъ? А еслибъ онъ всетаки рѣшился сдѣлать такъ беззаконно, то какъ мы-бы его назвали?—Мы-бы назвали его неблагодарнымъ злодѣемъ, не стоющимъ того благодѣянія, но напротивъ самой лютой казни.

Братіе! каждый грѣшный человѣкъ осужденъ Богомъ на вѣчную смерть, но милосердый Господь нашъ І. Христосъ взялъ на Самого Себя смерть всѣхъ людей и самъ умеръ за насъ на крестѣ, оставивъ намъ св. евангеліе о томъ, какъ угождать Богу, чтобы избавиться отъ достойной казни за гробомъ. Все это Духъ Святый написалъ въ евангеліи, какъ тотъ господинъ написалъ въ письмѣ, что онъ освободилъ виновнаго человѣка отъ тюрьмы.—Скажите-же теперь еще: развѣ мы не злѣйшіе нечестивцы, чѣмъ тотъ неблагодарный человѣкъ, если мы не хотимъ читать письма Божія о нашемъ спасеніи отъ

смерти вѣчной, читать о томъ, что за наши грѣхи умеръ ни въ чемъ невиновный Господь нашъ?—О братіе! тотъ, кто не любитъ и не хочетъ читать слова Божія, тотъ видно мало вѣритъ своему спасенію. Онъ видно и думать не желаетъ о томъ, что вѣдь будетъ конецъ всѣмъ его заботамъ о наживѣ и обо всѣхъ земныхъ вещахъ, что придетъ часъ, когда душа его выйдетъ изъ тѣла, ради котораго онъ столько трудился, а между тѣмъ вотъ оно сдѣлается такимъ-же прахомъ, какой-ты выметаешь со двора! О бѣдный человѣкъ! какое жалкое безуміе тебя ослѣпляетъ! Для чего ты отворачиваешься отъ той радостной вѣсти, написанной въ евангеліи, что Господь избавилъ насъ отъ вѣчной смерти и обѣщаетъ намъ вѣчную жизнь? Вѣдь только тогда можемъ мы, по слову Христову, имѣть жизнь вѣчную, когда будемъ знать единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ есть І. Христа. Поэтому, братіе, читайте по возможности чаще св. Евангеліе и слушайте его усерднѣе въ храмѣ Божіемъ!—Когда вы въ праздникъ отдыхаете отъ работы, то вмѣсто праздной бесѣды или пересудовъ, вмѣсто ссоръ и разгула, не лучше-ли взять эту святую книгу, а, если не умѣешь читать самъ, то попроси почитать того, кто грамотный, да послушай самъ и еще позови кого-нибудь, потому что Господь сказалъ: *гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ буду и Я посреди ихъ.*—Неужели-же братіе бесѣда съ Самимъ Господомъ о Его благодѣяніяхъ не слаще для сердца христіанскаго, чѣмъ ненужныя шутки, или брань съ сосѣдями? Неужели повѣсть о страшныхъ страстяхъ, которыя Господь принялъ за насъ, и о Его славномъ воскресеніи,—менѣе дорога для тебя, чѣмъ какія-нибудь деревенскія новости? О, конечно никакое занятіе не можетъ сравниться съ чтеніемъ слова Божія.—Оно вѣдь, какъ чудное лѣкарство, исцѣляетъ всякую духовную болѣзнь.—Напримѣръ, если ты потерпишь убытокъ и будешь огорчаться и скучать, то Евангеліе легко тебя утѣшитъ: тамъ ты найдешь слова Христовы: *не собирайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ и воры подкапываютъ и крадутъ; собирайте-же себѣ сокровища на не-*

беси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, ни воры не подкапываютъ, ни крадутъ (Мѳ. 6. 20). Тогда ты поймешь, что нечего жалѣть о потерянномъ, потому-что оно, все равно, кончится и сгніетъ вмѣстѣ съ твоимъ тѣломъ, а не сгніютъ только добрыя дѣла, которыя всѣ записаны въ книгу жизни.—Или, если тебя напрасно осмѣяли или оклеветали предъ людьми, и бѣдная душа твоя начнетъ печалиться и тосковать: то открой св. евангеліе; тамъ І. Христосъ написалъ для тебя: *„блаженни будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ и пронесутъ имя ваше, яко зло Сына Человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день и взыграйте, се бо мзда ваша многа на небеси“*. Господь не велитъ плакать изъ за напрасной обиды, потому-что тамъ на небѣ Онъ за все наградитъ насъ. Или, если осерчаешь на сосѣда за шкоду и вздумаешь во гнѣвѣ жестоко отомстить ему, поскорѣй возьмись за евангеліе, пока діаволъ еще не овладѣлъ душею твоею, и читай слова Господа: *„любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгонящія вы: яко да будете сынове Отца вашего“*.—Видишь-ли, Господь обѣщаетъ тебѣ, если простишь врагу, сдѣлать тебя Своимъ сыномъ по благодати! О, неужели-же за такое великое благодѣяніе не уступимъ мы ничтожную обиду?—Такъ-то бр., тѣ подвиги, что намъ кажутся тяжелыми и трудными, если мы только начнемъ усердно и съ молитвою читать св. Евангеліе, окажутся легкими, какъ и говоритъ Апост. Іоаннъ Евангелистъ, что *„заповѣди Божія тяжки не суть“*; такъ и Господь сказалъ въ Евангеліи: *„пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы, возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ, иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть“*.

Если будете знать заповѣди Христовы, тогда будете овцами Его стада, о которыхъ Онъ сказалъ: *Азъ знаю Моя и знаютъ Мя моя“*. Онъ есть Пастырь добрый, который упа-

сетъ овецъ своихъ и спасетъ ихъ отъ злыхъ волковъ. И хотя Господь теперь же живетъ съ нами видимо, но управляетъ овцами своими чрезъ поставленныхъ отъ Духа Святаго пастырей и архипастырей, въ числѣ которыхъ былъ и Святитель Николай, во храмѣ котораго мы стоимъ.—Его прославляетъ весь міръ христіанскій, а св. Русь, нашъ великій народъ русскій, чествуетъ его особенно усердно и сегодня такъ свѣтло празднуетъ не только нашъ Холмъ, но и Москва, и Петербургъ, и Кіевъ и всѣ города и села русскіе.—А чествуетъ его народъ русскій за то, что онъ имѣлъ особенную милость ко всѣмъ бѣднымъ, къ заключеннымъ въ тюрьмѣ и тонущимъ въ морѣ,—за то, что онъ являлъ въ Россіи многія чудеса чрезъ свои чудотворныя иконы, какія есть въ Новгородѣ, въ Петербургѣ и въ разныхъ городахъ и обителяхъ русскихъ; этотъ св. угодникъ былъ значитъ особенно милостивъ къ народу русскому. А потому бр., если и вы желаете его умилостивить къ себѣ, то будьте истинно—русскими православными, исполняйте преданные намъ отъ св. Отцевъ уставы, что сохраняются въ цѣлости только въ единой святой соборной и апостольской Церкви; исповѣдайте правильно св. вѣру, потому что тотъ символъ вѣры, который поется за нашей обѣдней, составленъ на соборѣ Никейскомъ гдѣ присутствовалъ и Святитель Христовъ Николай, такъ строго осудившій еретика Арія, который вздумалъ исказить св. вѣру. А еще бр., если ожидаете милостей Св. Николая, то полюбите всѣмъ сердцемъ и здѣшнее достояніе Святителя. Вы знаете, что въ этомъ св. домѣ подъ невидимымъ руководствомъ Угодника Божія воспитываются ваши будущіе пастыри духовные; здѣсь насадилъ Святитель Николай для народа Холмскаго виноградникъ, чтобы напоить его виномъ Божеств. ученія. Посему бр., повинуйтесь всегда пастырямъ вашимъ,—иначе вы оскорбите ихъ невидимаго воспитателя Св. Чудотворца Николая, оскорбите самого Господа Бога, рекшаго: *„повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покаряйтесь“*. Итакъ, бр., знайте, что Св. Николай, посылающій отъ Бога милость всему народу русскому, особенно

милостивъ къ нашему краю, п. ч. даетъ ему, что всего нужнѣе, пастырей духовныхъ. Будемъ-же бр., молиться ему, чтобы онъ учащимся здѣсь ниспослалъ такую же ревность о вѣрѣ, какую имѣлъ самъ: будемъ о томъ молиться и мы, наставники и слушатели духовной школы.—Будемъ-же молиться всѣ здѣсь присутствующіе, ученые и неученые, старые и молодые, чиновные и простые, чтобы Святитель Христовъ Николай Чудотворецъ вдохновилъ-бы сей домъ свой любовью ко Христу Богу и къ народу Холмскому, чтобы паства, руководимая отсюда исходящими учителями и священниками, вмѣстѣ съ пастырями могла достойно едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпое имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

СЛОВО

въ день рожденія Государя Императора [1]).

Русское общество, всегда отличавшееся искреннею преданностью своему Государю, въ этотъ день его рожденія, должно размыслить о томъ, чѣмъ можетъ оно проявить свою вѣрноподданическую любовь Вѣнценосцу, начавшему сегодня новый годъ своей драгоцѣнной для отечества жизни. Патріотизмъ и преданность Государю не должны быть удѣломъ однихъ только чувствъ нашихъ, но должны отражаться на той дѣятельности, къ которой призванъ каждый изъ насъ, согласно съ словами Писанія: *„не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною“*.

Несомнѣнно впрочемъ и то, что русское *чиновничество* всѣхъ отраслей государственнаго управленія всегда исполняетъ возложенныя на него обязанности съ полнымъ послушаніемъ и весьма рѣдко случается, что-бы въ его дѣятельности появлялось сопротивленіе волѣ Государя. Но братіе, всякое правительственное мѣропріятіе, всякій издаваемый законъ имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю. Можно быть точнымъ исполнителемъ всѣхъ исходящихъ инструкцій, предписаній и распоряженій—по буквѣ, и въ то-же время совершенно оставлять въ сторонѣ ихъ духъ, ихъ внутренній смыслъ, ихъ цѣль въ дѣлѣ государственнаго благоустройства. Такъ древніе законники іудейскіе, повидимому не оставлявшіе безъ

---

[1]) Произнесено въ Холмскомъ каѳедральномъ соборѣ февраля 1887 года.— Печатается впервые

вниманія ни одной іоты закона, проведшіе чрезъ всю свою жизнь, чрезъ весь свой бытъ различныя предписанія религіознаго характера: въ тоже время были такъ слѣпы въ уразумѣніи сущности Божественнаго ученія, такъ далеки отъ усвоенія его истиннаго смысла, что они не только не узнали „*Егоже предвозвѣстиша Моисей и Пророцы*“, не узнали Того, въ Комъ было исполненіе закона, но представили Его, какъ нарушителя этого закона, какъ врага обѣтованій св. *Библіи*, и предали Его поносной смерти.

Такъ, слушатели, исполнителемъ законовъ и государевой воли является не тотъ, кто въ точности держится одной буквы исходящихъ мѣропріятій, но кто не ограничивается этимъ, а, стараясь вникнуть въ ихъ внутренній смыслъ и цѣли, самъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы и въ своей, ввѣренной ему дѣятельности, проводить тѣ-же идеи, тотъ-же духъ, который открывается въ волѣ Государя Императора.

Но, если, братіе, такъ поступать побуждаетъ насъ всегда вѣрноподданическая любовь русскихъ людей, то, по отношенію къ современному Правительству, мы имѣемъ, для усвоенія духа его узаконеній, еще другія, еще болѣе высокія побужденія, еще болѣе неотложный долгъ. И это потому, что направленіе или смыслъ современныхъ мѣропріятій есть именно то направленіе, которое должно быть самымъ дорогимъ, самымъ желательнымъ для русскаго человѣка, для православнаго христіанина. Это есть направленіе христіански-народное. То направленіе, которое призываетъ русскую общественную жизнь къ ея историческимъ основаніямъ, къ тому, что бы мыслить и поступать не по указаніямъ римскаго права, проникающаго жизнь западно-европейскую, къ тому, чтобы не искажать намъ бытъ и характеръ сообразно жизни и духу иноземныхъ государствъ, но обратиться къ своему отечеству и искать въ его исторіи, въ его идеалахъ, въ его чисто христіанскомъ, а слѣдовательно и высоко гуманномъ, складѣ народныхъ понятій, искать указаній къ устроенію собственнаго русскаго общественнаго міровоззрѣнія и началъ дѣятельности. Въ этомъ

смыслѣ мы постоянно извѣщаемся о поднятіи уровня религіознаго воспитанія, объ устроеніи церковно-приходскихъ школъ для простаго народа, (объ учрежденіи поземельныхъ банковъ) а о другихъ дѣйствіяхъ Правительства, изъ которыхъ становится ясно, что народность и православная религія являются предметами преимущественной заботы державной воли.—Вотъ поэтому-то бр. не только вѣрноподданническая исполнительность, но и русскій патріотизмъ и христіанская совѣсть каждаго русскаго дѣятеля должно въ нынѣшнее царствованіе побуждать его къ усердію въ исполненіи его обязанностей, къ исполненію не только формальному, но и искреннему, къ проникновенію самымъ духомъ порученныхъ ему распоряженій. Дѣйствительно, если послѣднее необходимо при всякомъ направленіи правительственной дѣятельности, то въ нынѣшнее царствованіе, когда главнѣйшею цѣлью общественной жизни ставится не военная сила или экономическое благосостояніе, но возстановленіе религіозно-народныхъ основъ,—мысль эта предстаетъ намъ съ неотразимою очевидностью. Очевидно, что добрымъ исполнителемъ цѣлей Правительства можетъ быть нынѣ тотъ дѣятель, который самъ проникнутъ горячею любовью ко всему родному русскому, кто не гнушается народа, но относится съ уваженіемъ къ его высокимъ христіанскимъ идеаламъ, кому наконецъ и эти идеалы не чужды, кто есть истинный христіанинъ въ душѣ, кто искренно вѣруетъ въ Божественныя обѣтованія нашего Искупителя, кто не по оффиціальной обязанности только, но по влеченію собственнаго сердца исполняетъ евангельскій законъ и уважаетъ церковныя постановленія. Очевидно, что, насколько и народность, и религія не ограничиваются установленіемъ внѣшнихъ порядковъ жизни, но касаются прежде всего внутренняго строя души человѣческой съ тѣмъ, чтобы руководить нашу совѣсть: настолько притворное и вообще внѣшнее только исполненіе правительственныхъ предписаній религіозно-народнаго характера не только не приближаетъ эти предписанія къ ихъ цѣли, но вноситъ въ жизнь вреднѣйшіе разлагающіе элементы религіоз-

ной фальши. О такихъ людяхъ Спаситель говоритъ: „*приближаются мнѣ люди сіи усты своими и устнама чтутъ Мя, сердце-же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же чтутъ Мя*“. Слѣдовательно, братіе, не дѣятельности и исполнительности только требуетъ отъ насъ и воля христіанскаго Государя нашего, не въ распоряженіяхъ и бумагахъ только должны мы быть патріотами и православными, но и въ сердцѣ, а слѣдовательно и во всей жизни.—Всякому извѣстно, что на области дѣятельности всякаго чиновника отражаются не только его правительственные принципы, но и его личный характеръ, направленіе всѣхъ его симпатій и антипатій: все это усвоивается или во всякомъ случаѣ имѣется въ виду подвѣдомственными его людьми, и жизнь ихъ сообразуется по большей части именно съ этими сторонами завѣдывающаго ими лица.— Поэтому, если мы дѣйствительно искренно готовы исполнять волю нашего Монарха относительно возстановленія религіозно-народныхъ началъ жизни, то мы не должны ограничивать отправленіе своего государственнаго долга однимъ только искреннимъ и не лицемѣрнымъ проведеніемъ этихъ началъ въ сферу нашихъ непосредственныхъ обязанностей,—нѣтъ, имъ слѣдуетъ вносить во всю нашу частную жизнь, по нимъ слѣдуетъ опредѣлять свои личныя склонности, свою семейную и общественную жизнь, и притомъ опять-таки не на показъ только, но изъ глубины сердца, не ради только исполненія воли Правительства, но по искренней личной вѣрѣ въ Бога и св. Церковь, по личной преданности и любви къ родной исторіи и быту.

Польза подобнаго пониманія своихъ обязанностей очевидна само собою. Если русскіе правительственные дѣятели, начиная отъ самыхъ высокопоставленныхъ и кончая самыми скромными труженниками, всѣ вмѣстѣ поставятъ себѣ цѣлью не пріобрѣтеніе чиновъ и имуществъ, но славу Божію и славу отечества, если въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу будутъ имѣть мѣсто не личныя неудовольствія и борьба самолюбія съ завистью, но искреннее сочувствіе успѣхамъ другъ друга,

какъ борцамъ одного и того-же великаго дѣла; если они во всей своей жизни и характерѣ будутъ для всѣхъ живыми примѣрами и побужденіями не холодной безучастности къ св. вѣрѣ и къ судьбѣ подчиненныхъ имъ, но горячей преданности евангельскому ученію, и заботъ о внутреннемъ благосостояніи зависящихъ отъ каждаго изъ людей; если однимъ словомъ государственная жизнь во всѣхъ ея отрасляхъ будетъ приближаться къ тѣмъ святымъ предначертаніямъ, которыя сдѣланы для человѣческой жизни Господомъ нашимъ, которыя приняты и воспѣты нашимъ народомъ и исторіей; то не только земное могущество, всегда вѣнчающее государственное единодушіе, не только общее благосостояніе, какъ удѣлъ братской любви между людьми, будутъ благословенными послѣдствіями христіанскаго патріотизма русскихъ дѣятелей: но государственная жизнь наша, соединяясь такимъ образомъ съ жизнью другого Божественнаго учрежденія на землѣ, того царства, которое основано самимъ Господомъ нашимъ І. Христомъ, и называется Церковью, будетъ постепенно усвоивать отъ нея благодатныя *силы яже животу и благочестію*, будетъ находиться въ особенно тѣсномъ общеніи съ источникомъ благодати, и почерпать въ немъ вновь и вновь воду жизни, *текущую въ животъ вѣчный*, будетъ раздѣлять со св. Церковью данныя ей обѣтованія вѣчнаго существованія на землѣ до времени втораго пришествія Небеснаго Царя, до времени полнаго слія-нія съ царствомъ небеснымъ. Аминь.

СЛОВО

въ день сошествія св. Духа *).

„Сегодня св. церковь воспоминаетъ то событіе, которое въ одно мгновеніе сдѣлало галилейскихъ рыбаковъ всемірными проповѣдниками. Это событіе Сошествія св. Духа дало этимъ простымъ людямъ, нерѣдко огорчавшимъ Господа своего грубостью и малодушіемъ, великую мощь духовную, такую мощь, такую несокрушимую силу, предъ которою пали въ прахъ и вѣковая религія Рима, такъ тѣсно слившаяся съ его государственною жизнью, и языческая философская мудрость съ ея представителями, и наконецъ самый государственный строй и бытовые обычаи, которые стремились охватить собою всю вселенную. Возлюбленные братья! Вдумайтесь въ эту силу апостольскаго воодушевленія, ибо всѣ присутствующіе здѣсь государственные чины и учащееся юношество призваны волею Божіею и теченіемъ родной исторіи къ подобному же преобразовательному дѣлу, къ тому, чтобы возстановить въ здѣшнемъ краѣ, потерявшемъ свой религіозный и народный характеръ, русскія православныя начала. Каждый человѣкъ и общество занимаются изученіемъ той или другой спеціальности, причемъ каждая изъ послѣднихъ цѣнится съ точки зрѣнія своей пользы. Такъ, механики и физики прославились

*) Произнесено въ Бѣльскомъ каѳ. соборѣ въ 1887 г. въ Праздникъ Сошествія Св. Духа.—Въ первый разъ было напечатано въ «Варшавскомъ Дневникѣ» отъ 31 іюня 1887 года.

тѣмъ, что доставили людямъ гигантскія силы въ дополненіе своей природной немощи; медицина научаетъ насъ изгонять болѣзни тѣла; исторія—гражданскому опыту, языкознаніе—пониманію инородной рѣчи. Но, какъ, братья, ничтожна эта польза разнородныхъ знаній съ тою силою вліянія на человѣческія сердца, съ тою нравственною мощью, которую получили въ нынѣшній день апостолы,—въ этомъ достаточно убѣдитъ насъ самый поверхностный взглядъ на существо человѣческое. Посмотрите, можетъ-ли любая спеціальность, любая отрасль дѣятельности вполнѣ наполнить собою духъ человѣка, вполнѣ его удовлетворить? Нѣтъ! Какъ бы ревностно ни занимался земледѣлецъ своимъ хозяйствомъ, какъ бы ни усердствовалъ воинъ къ своей службѣ, какъ бы ни увлекался ученый чистымъ знаніемъ, все-таки никто изъ нихъ не въ состояніи заглушить въ себѣ нѣкій голосъ, нѣкую высшую потребность, напоминающую человѣку о самоотверженномъ подвигѣ, о томъ чтобы стремиться къ высшему нравственному совершенству. Эту цѣль, этотъ непремѣнный долгъ человѣка, это единственное достойное его дѣло, если примется онъ исполнять, то скоро пойметъ, что исполнять его обычными, естественными средствами невозможно. Дѣйствительно, сколько разнороднѣйшихъ, возвышенныхъ цѣлей, идеаловъ носилось въ русскомъ обществѣ за послѣднее столѣтіе. Сколько молодыхъ силъ съ полнымъ самоотверженіемъ готовы были имъ отдаться. И что же? Вся русская литература переполнена подобными типами, которые, однако, въ жизни и дѣятельности остаются такимъ же игралищемъ страстей, такими же нравственно безсильными служить добру, какъ и всѣ себялюбцы. Зло настолько вѣлось въ человѣческую природу, что воистину сбываются слова апостола: „*Окаяненъ азъ человѣкъ! Не же еще хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣлаю*“. Это нравственное безсиліе, эта-то слабость духа, съ которою не можетъ справиться ни личная геніальность, ни сила одушевленія, произвела въ общественномъ русскомъ сознаніи то, что къ стыду

нашему, почти всѣ стали мириться съ безцѣльнымъ прозябаніемъ въ тинѣ себялюбіи, стали считать всякія иныя цѣли жизни лишь мечтой, ствойственной юнымъ годамъ. Не даромъ восклицаетъ поэтъ, что намъ „суждены лишь порывы благіе, а свершить ничего не дано“! Итакъ, братья, самая жизнь съ настойчивостью подтверждаетъ ученье Божественнаго Писанія о томъ, что природа наша повреждена грѣхомъ, что мы требуемъ благодатнаго обновленія, высшей духовной помощи, которая и была впервые дарована нынѣ св. Апостоламъ. Только при нелицемѣрной, живой вѣрѣ въ эту высшую помощь, получаемую нами въ св. Таинствахъ, при живомъ сознаніи, что въ дѣлѣ нравственнаго подвига—ты не одинъ, что этотъ подвигъ не есть лишь твое личное оригинальное начиненіе, идущее въ разрѣзъ съ обычаями и законами жизни, что, напротивъ, служа добру и борясь со страстями, ты имѣешь Всемогущаго Помощника и Покровителя, что не людское своекорыстіе, но Его всевышняя воля управляетъ жизнью, что поверхъ суетливости и мелочности человѣческихъ страстей совершается, невидимо для насъ, Божественное промышленіе о нашемъ спасеніи,—однимъ словомъ, только въ общеніи съ Отцомъ нашемъ небеснымъ, можемъ мы удерживаться на высотѣ и личнаго нравственнаго усовершенствованія, и безкорыстнаго, самоотверженнаго служенія ближнимъ. Дѣйствительно, только слово Божіе научаетъ насъ видѣть въ ближнихъ не знакомцевъ только, не подчиненныхъ, или начальниковъ, или сослуживцевъ и проч.; но братьевъ о Христѣ, сочленовъ св. Церкви, т. е. основаннаго Господомъ священнаго союза, имѣющаго цѣлью взаимное содѣйствіе къ достиженію совершенства духовнаго. Тогда то мы научились бы пробуждать въ ближнихъ дремлющую совѣсть по слову нынѣ читаннаго Евангелія: „*Аще согрѣшитъ братъ твой, иди и обличи его между собою и имъ, и аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего*“. Мы бы поучились, стоя на христіанской точкѣ зрѣнія, не ограничиваться чисто внѣшнимъ служеніемъ ближнему, заботами о его бытовомъ и ма-

теріальномъ благосостояніи, но питать его хлѣбомъ духовнымъ, вразумлять его относительно заблужденій и исцѣлять болѣзни его души, на что теперь, увы, столь немногіе бываютъ способны. Вотъ, въ чемъ, братія, состоитъ та наука, которая даетъ намъ силу управлять собою и сердцами ближнихъ, та наука, которой научились нынѣ ученики Спасителя. Она необходима, говорю, каждому человѣку, но особенно необходима русскимъ дѣятелямъ этого края. Посмотрите на наше молитвенное собраніе; нынѣ великій праздникъ, нынѣ въ сей градъ пріѣзжалъ нашъ іерархъ; будь это въ Великой Руси, то простой народъ переполнилъ-бы собою не только церковь, но и всю ограду, а здѣсь многіе изъ народа чуждаются св. церкви своей, ослѣпленные вѣковою ложью и жестокимъ насиліемъ. Объ этихъ скорбитъ наша дорогая отчизна и отеческое сердце Нашего Монарха, какъ о той заблудшей овцѣ, что мы слышали въ сегодняшнемъ евангеліи, о той овцѣ, возвращенной, которой пастырь радуется болѣе, нежели о 99 незаблудшихъ. Искать этихъ овецъ обязаны мы, братія, при помощи тѣхъ разнообразныхъ способовъ, которые предоставлены каждому чину, но прежде всего черезъ то религіозное одушевленіе, чрезъ ту силу духа, силу вѣры въ Бога и любви къ людямъ, которая пріобрѣтается постепенно всякимъ истиннымъ членомъ св. церкви. Мы должны, братія, съ дѣтскихъ лѣтъ размышлять объ этомъ долгѣ, должны пріобрѣтать образованіе не для полученія житейскихъ преимуществъ, не для одного только шаткаго эгоистичнаго познанія, но для того, чтобы этими познаніями укрѣплять свой духъ и тѣмъ успѣшнѣе служить дѣлу, мы должны и во время образованія не ограничиваться собираніемъ свѣдѣній научныхъ, но прежде всего утверждать въ добрѣ свою волю, вдохновлять свое сердце религіей и патріотизмомъ, дабы не чувственность, не гордость юности, но священный жаръ самоотверженной любви наполнялъ насъ по слову сегодняшняго апостола: *„не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ, но паче преисполняйтеся духомъ, воспѣвающе и поюще въ серд-*

цахъ нашихъ Господеви". Такъ должны мыслить и чувствовать учащіеся, а служащіе должны смотрѣть на свою службу, не какъ на средство обогащенія и пріобрѣтенія наградъ, но какъ на способъ помощи ближнимъ. Они должны не ограничиваться служебными мѣропріятіями въ дѣлѣ обрусенія края, но проводить православно-народныя начала въ жизнь посредствомъ всѣхъ своихъ отношеній къ людямъ: семейныхъ, родственныхъ, общественныхъ. Таковъ, братія, долгъ нашъ передъ Отечествомъ и Церковью. Размыслимъ же о томъ, какъ мы его выполняемъ. Вотъ нынѣ предстоитъ нашъ руководитель нашей совѣсти, нашъ преосвященный Владыка, какой же отчетъ можетъ онъ дать Господу о состояніи душъ нашихъ. И прежде всего ты, учащееся юношество, ты надежда Россіи, нашего дорогаго отечества, дѣйствительно-ли юные сердца твоихъ представителей пылаютъ самоотверженнымъ рвеніемъ служить родному краю. Дѣйствительно-ли они согрѣваютъ въ себѣ православную вѣру и христіанскую любовь? Дѣйствительно-ли гнушаются разврата и своекорыстія? Дѣйствительно-ли и чины государственные не по обязанности только, не подъ страхомъ отвѣтственности, но по расположенію свободной совѣсти служатъ церковно-народному дѣлу? Дѣйствительно-ли тѣ и другіе, живя христіанскими чувствами имѣютъ тотъ „плодъ духовный" о которомъ нынѣ вѣщаетъ апостольское чтеніе, плодъ состоящій во всякой благостынѣ, и правдѣ, и истинѣ? Если это такъ, то рано или поздно, но настанетъ иное время, настанетъ день, когда не по принятому только обычаю, но по ясному сознанію совѣсти, будемъ мы встрѣчать своего духовнаго вождя, какъ воины любимаго полководца, когда онъ не встрѣтитъ между паствой своею упорныхъ ослушниковъ, но отъ лица всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Церкви скажетъ Богу: *„се азъ и дѣти, яже даде ми Господь"*. Аминь.

Бесѣда въ недѣлю четвертую св. постовъ *).

Православная Церковь, переживая эти священныя седьмицы великаго поста, учрежденнаго для покаянія и освященія вѣрующихъ, предлагаетъ на воскресныхъ литургіяхъ такія чтенія изъ св. Евангелія и Апостола, въ которыхъ содержатся глубоко поучительныя вещи для людей, проходящихъ подвигъ покаянія и воздержанія.—Эти евангельскія чтенія имѣютъ цѣлью не только научить вѣрующаго истинному покаянію, но и побороть въ немъ всѣ тѣ искушенія, которыя встрѣчаются сами собою при всякомъ добромъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе тогда, когда человѣкъ, начиная говѣть, желалъ бы разъ навсегда развязаться со своими пороками и страстями и, очистившись исповѣдью и принятіемъ св. таинствъ, начать новую, богоугодную жизнь.—Начать грѣшить, очень не трудно, а отвыкать отъ грѣха—страшно тяжело. Чуть только человѣкъ рѣшится вести богоугодную жизнь—и сейчасъ множество искушеній предстанутъ ему на пути. Сначала прежніе грѣхи и страсти представятся ему особенно сладкими—начнетъ онъ жалѣть о томъ, что приходится отстать отъ нихъ, потомъ, какъ раздумается объ этомъ, ему покажется, что и не прожить ему безъ прежнихъ привычекъ, что и дѣлать-то ему нечего будетъ во время досуга, если онъ не будетъ выпивать или пересуживать. Потомъ дальше, добрая жизнь покажется ему ужъ слишкомъ тяжелой: творить милостыню—

*) Произнесена въ СПБ. Казанскомъ соборѣ въ 1887 г.—Печатается впервые.

жалко, говорить всегда правду—очень ужъ невыгодно; побольше молиться, поститься—скучно и тяжело; словомъ за какую добродѣтель ни возьмись: все не по силамъ, все мудрено. Такъ шепчетъ въ человѣческой душѣ врагъ нашего спасенія, отнимая бодрость у того, кто пожелаетъ жить богоугодно. Само собою разумѣется, что, если человѣкъ будетъ останавливаться на всѣхъ этихъ словахъ и мысляхъ, то возьмется онъ за постъ или за говѣніе вяло, безъ усердія—и стоитъ только попасться какой-нибудь приманкѣ къ прежнимъ грѣхамъ—какъ человѣкъ забудетъ свое доброе намѣреніе, броситъ молитву и постъ и опять пустится въ старый омутъ и гнѣвитъ Господа Бога своими грѣхами по старому до тѣхъ поръ, пока опять натолкнувшись на бѣду не одумается и опять не рѣшится остановить свои страсти. Но во второй разъ каяться ему еще труднѣе будетъ, потому что грѣхи его еще больше имъ одолѣли, силы у него меньше и, если онъ опять приступитъ къ покаянію такъ-же вяло и съ сомнѣніемъ, да оглядками, какъ первый разъ, то опять ослабѣетъ, опять вернется къ прежней жизни, да еще начнетъ роптать на Господа Бога, что Онъ не хотѣлъ исцѣлить его душевныя болѣзни и избавить его отъ грѣховъ. А потомъ, погружаясь все глубже и глубже въ пучину страстей и пороковъ, человѣкъ до того подпадаетъ подъ ихъ власть, подъ власть діавола, что ему уже кажется, будто самъ Господь теперь не можетъ его избавить отъ этого тяжелаго рабства—и злое отчаяніе входитъ въ его душу, то самое отчаяніе, которое испытывалъ Іуда предатель, думая, что уже самъ милосердный Господь Іисусъ его не проститъ.—Видите-ли братіе, какая ужасная участь грозитъ намъ, если мы приступаемъ къ св. говѣнію, или вообще къ доброй жизни съ сомнѣніемъ безъ надлежащей вѣры въ то, что Господь можетъ и простить всякій грѣхъ и помочь намъ избавиться отъ самыхъ ужасныхъ и неотвязныхъ пороковъ.—Вотъ сегодняшнее евангеліе, читанное за обѣдней и поучаетъ насъ вѣровать во всесильную помощь Божію. Вслушайтесь-же въ него внимательно, поду-

майте о немъ особенно тѣ, которые—сохрани Боже—бывали иногда близки къ отчаянію, которые уже теряютъ надежду избавиться отъ грѣховныхъ привычекъ.—Послѣ того, какъ Господь Іисусъ Христосъ преобразился на горѣ Ѳаворской предъ Своими учениками, показавъ имъ Свою Божественную славу, Онъ сошелъ съ горы и увидѣлъ, что тѣ изъ Его учениковъ, которые оставались внизу, спорятъ съ народомъ и Онъ спросилъ: о чемъ Вы спорите. (Марк. IX 17—31). Одинъ изъ народа сказалъ Ему въ отвѣтъ: Учитель! Я привелъ къ тебѣ сына моего, одержимаго духомъ нѣмымъ. 18. Гдѣ ни схватываетъ его, повергаетъ его на землю и онъ испускаетъ пѣну и скрежещетъ зубами своими и цѣпенѣетъ. Говорилъ я ученикамъ твоимъ, чтобы они изгнали его; и они не могли, 19. Отвѣчая ему Іисусъ сказалъ: о родъ невѣрный! доколѣ буду съ вами? доколѣ буду терпѣть васъ? приведите его комнѣ. 20. И привели его къ Нему. Какъ скоро бѣсноватый увидѣлъ Его, духъ сотрясъ его; онъ упалъ на землю, и валялся, испуская пѣну. 21. И спросилъ Іисусъ отца его: какъ давно это сдѣлалось съ нимъ? Онъ сказалъ: съ дѣтства. 22. И многократно духъ бросалъ его и въ огонь и въ воду, чтобы погубить его: но, если что можешь, сжалься надъ нами, и помоги намъ. 23. Іисусъ сказалъ ему: если сколько нибудь можешь вѣровать; все возможно вѣрующему. 24. И тотчасъ отецъ отрока воскликнулъ со слезами: вѣрую Господи! помоги моему невѣрію. 25. Іисусъ, видя, что сбѣгается народъ, запретилъ духу нечистому, сказавъ ему: духъ нѣмой и глухой! Я повелѣваю тебѣ: выйди изъ него и впредь не входи въ него. 26. И воскликнувъ и сильно сотрясши его, вышелъ: и онъ сдѣлался какъ мертвый, такъ что многіе говорили: онъ умеръ. 27. Но Іисусъ, взявъ его за руку, поднялъ его, и онъ всталъ.—Остановимся пока: подумаемъ о томъ, что прочитано. Сильно овладѣлъ бѣсъ этимъ мальчикомъ; съ самого рожденія бѣдное дитя было въ полной его власти; оно не могло даже молиться, не могло само попросить милосердія къ себѣ у благаго Учителя Іисуса. Просилъ за него отецъ:

но какъ просилъ: не вполнѣ даже довѣряя силѣ Господа! Онъ только сознавалъ свое безсиліе, свое маловѣріе и вмѣстѣ съ просьбой о милосердіи, просилъ прежде укрѣпить его вѣру. И что-же? Господь сжалился надъ его слезами, сжалился надъ несчастнымъ мальчикомъ и властно изгналъ бѣса изъ отрока и освободилъ его отъ страшной муки... Братіе! велика сила нашего Спасителя—Сына Божія: Ему поклоняются и повинуются силы небесныя, Его имени одного трепещутъ бѣсы; Онъ есть—Слово Божіе, Которымъ созданъ весь необъятный міръ! Велика Его сила—еще больше Его милосердіе къ людямъ. Онъ ради насъ претерпѣлъ уничиженіе на землѣ и принялъ позорную, ужасную смерть, отъ тѣхъ, кого Самъ создалъ изъ праха земнаго. Неужели-же, братіе, Онъ Всемогущій и Всеблагій не поможетъ и намъ, когда мы, удрученные скорбями и грѣхами, падемъ предъ Его пречистымъ Ликомъ и будемъ просить прощенія нашихъ грѣховъ и благодатной помощи для богоугодной жизни! Вѣдь Онъ затѣмъ и страдалъ, чтобы облегчить всѣмъ путь ко спасенію: ужели-же Онъ оттолкнетъ грѣшника, со слезами просящаго помощи во спасеніе? Итакъ христіанинъ! какъ-бы ни были тяжки твои грѣхи, какъ бы ни трудно тебѣ казалось отъ нихъ избавиться—вспомни объ этомъ отрокѣ, который былъ хуже-тебя подъ властью сатаны—и одно слово Христа Спасителя освободило его отъ этого рабства ради моленія его отца.—Можетъ быть ты скажешь: тогда было другое время: Іисусъ Христосъ былъ на землѣ, ближе къ людямъ и потому скорѣе давалъ имъ помощь. Это не правда: Господь всегда близокъ къ намъ: о Немъ мы движемся и живемъ; онъ теперь, послѣ своего страданія, смерти и воскресенія еще ближе къ сердцу человѣческому, чѣмъ въ бытность свою на землѣ. Это подтвердилъ Онъ своими собственными словами. Прощаясь съ учениками, Онъ говорилъ: *Я не оставлю васъ сиротами, но приду къ вамъ. Лучше вамъ, чтобы Я теперь ушелъ* (отъ земли), *потому что, если Я не пойду, то Утѣшитель* (Духъ Св.) *не придетъ къ вамъ, а, если Я уйду, то пошлю Его къ*

вамъ... И если кто Меня любитъ, Того будетъ любить Отецъ Мой и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ. —Итакъ, братіе, Господь къ каждому изъ насъ такъ-же близокъ, какъ Онъ былъ близокъ ко всѣмъ требовавшимъ Его помощи въ бытность Его на землѣ. Поэтому не сомнѣвайся прибѣгать къ Его милосердію, какъ-бы ни тяжки были твои грѣхи, какъ-бы ни жестоко овладѣлъ діаволъ твоимъ сердцемъ. Господь изгонитъ изъ него всѣ пороки и страсти, какъ изгналъ ихъ изъ того отрока, лишь-бы ты самъ не предавался имъ добровольно, самъ бы не призывалъ бѣса въ свою душу, но далъ бы себѣ твердый зарокъ впредь бороться со всякими соблазнами. А какъ съ ними бороться, этому научаетъ насъ конецъ сегодняшняго евангельск. чтенія. Когда І. Христосъ исцѣлилъ его, то 28. ученики спрашивали Его наединѣ: почему мы не могли изгнать его (бѣса)? 29. И сказалъ имъ: сей родъ не можетъ выйти иначе, камъ отъ молитвы и поста. 30. Вышедши оттуда, проходили чрезъ Галилею и Онъ не хотѣлъ, чтобы кто узналъ Его. 31. Ибо училъ Своихъ учениковъ и говорилъ имъ, что Сынъ человѣческій преданъ будетъ въ руки человѣческія, и убіютъ Его и по убіеніи, въ третій день воскреснетъ. Т. о. Спаситель указалъ два средства для борьбы съ бѣсомъ и съ грѣхами: молитва и постъ. Разсмотримъ братіе значеніе этихъ спасительныхъ средствъ повнимательнѣе, потому что нынѣ многіе легкомысленно относятся къ молитвѣ и къ посту, да еще говорятъ, что Христосъ Спаситель никогда не устанавливалъ постовъ и не велѣлъ помногу молиться. Стоитъ пожалѣть этихъ людей: они рѣшаются разсуждать объ евангеліи, очевидно, совершенно не читая и не помня его. Господь не только заповѣдалъ съ полною ясностью молиться и поститься, но и научилъ насъ, какъ именно слѣдуетъ заниматься этими св. дѣлами. Онъ говорилъ, что, когда поститесь, то не будьте унылы;... чтобы показаться людямъ постящимися... но помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимися не предъ людьми, но предъ Отцемъ твоимъ, Который втайнѣ и Отецъ твой,

видящій тайное, воздастъ тебѣ явно". Если Господь обѣщаетъ за постъ награду отъ Отца небеснаго, стало быть Онъ считалъ его за дѣло святое.—Только надо и то разумѣть, что Онъ не назоветъ постящимся человѣка, который въ постъ ѣстъ еще больше, чѣмъ въ мясоѣдъ, только безъ мяса, да напивается виномъ; такой человѣкъ постится не предъ Отцемъ небеснымъ, а предъ своимъ собственнымъ заблужденіемъ. А вѣдь какая польза душѣ отъ воздержанія въ пищѣ, какую свободу чувствуетъ человѣкъ отъ всякихъ плотскихъ пожеланій! Но вѣдь постъ по христіанскому ученію не въ одной пищѣ и кто только отказываетъ себѣ въ пищѣ, а ведетъ такую-же жизнь, какъ всегда, тотъ пусть не думаетъ, что онъ постился: истинно постящійся христіанинъ долженъ посвящать это время на обсужденіе своихъ поступковъ, на чтеніе свящ. книгъ, на безмолвіе и сосредоточенность, а паче всего—на молитву: постъ безъ молитвы—и не постъ. Такъ вотъ теперь иные говорятъ, что І. Христосъ велѣлъ молиться не помногу, потому что не въ многословіи спасеніе. Правда Онъ говорилъ: молясь не говорите лишняго, какъ язычники, ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны". Что значитъ, бр.: не говорите лишняго?, а то, что не слѣдуетъ повторять словъ молитвы, не молясь въ сердцѣ. Вотъ язычники думаютъ, что имъ довольно языкомъ пробалтать побольше словъ или даже написать молитву на ремень, а потомъ намотать на катушку и потомъ развертывать его, не читая—такъ для ихъ боговъ, это все равно, что молиться. Вотъ такую-то молитву и осуждаетъ Господь, а о томъ, что слѣдуетъ постоянно молиться: Онъ ясно указалъ въ притчахъ —вотъ, говорилъ Онъ, придетъ кто нибудь къ другу своему въ полночь и начнетъ будить его просить хлѣба взаймы, чтобы угостить гостя. Лк. XI 7. А тотъ изнутри скажетъ ему въ отвѣтъ: не безпокой меня, двери уже заперты и дѣти мои со мною на постелѣ, не могу встать и дать тебѣ. 8. Если-же, говорю вамъ, онъ не встанетъ и не дастъ ему по дружбѣ съ нимъ, то по неотступности его, вставъ, дастъ ему,

сколько проситъ. 9. И Я скажу вамъ: просите, и дано будетъ вамъ, ищите и найдете; стучите, и отворятъ вамъ. Изъ этой притчи мы видимъ, что Господь учитъ насъ молиться неотступно, умолять Бога о помощи неустанно, пока не получимъ просимаго. Не Богу, а тебѣ для размягченія сердца сіе нужно.—И святая молитва, соединенная съ постомъ, т. е. съ воздержаніемъ на лишнія слова, на пищу и питье, далеко отгонитъ отъ тебя злыя страсти и пороки. Но вотъ иной скажетъ: я бы радъ молиться и поститься, но для чего непремѣнно поститься всѣмъ вмѣстѣ въ опредѣленные дни года —не лучше-ли предоставить каждому молиться и поститься тогда, когда у него расположеніе явится, а не поневолѣ— вѣдь, І. Христосъ не установилъ, въ какіе именно дни надобно поститься. Дней-то Онъ разумѣется не установилъ, скажемъ мы, потому что одинъ постъ устроенъ въ память Его смерти, другой въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы, третій въ честь подвиговъ св. Апостоловъ; стало-быть всѣ событія, въ память которыхъ устроены посты, были послѣ земной жизни Спасителя. Поэтому Онъ, конечно, и не могъ установить въ память ихъ постовъ—ихъ установила св. Церковь, о которой Спаситель сказалъ, что ослушавшійся ея будетъ какъ язычникъ и мытарь.—А что до того, чтобы поститься лучше каждому, когда кто надумаетъ, то такъ могутъ говорить люди, у которыхъ охладѣла любовь къ ближнимъ. Вѣдь сыны св. Церкви не чужіе другъ другу—они предназначены всѣ для одного общаго дѣла—сознанія взаимнаго спасенія, такъ-что всякое доброе дѣло одного передается и другимъ и любовь каждаго христіанина призываетъ милость Божію и на всѣхъ его братій. Если бы мы любили другъ друга по заповѣди Божьей, то мы бы не только не тяготились общимъ дѣломъ поста, но утѣшались и укрѣплялись духомъ сами, видя напр., какъ съ чистаго понедѣльника всѣ добрые люди, какъ одна рать, пошли на битву съ грѣхомъ и страстями. Не Господь-ли обѣщалъ быть посредѣ двоихъ или троихъ, собравшихся во имя Его? А когда цѣлые приходы, цѣлые города, цѣлые

народы—однимъ словомъ—вся вселенская Церковь призываетъ въ покаяніи Его св. имя—развѣ Онъ не даруетъ всякому вѣрующему сугубую благодать прощенія. Говорятъ, что на людяхъ и смерть красна—такъ неужели-же не будетъ красно такое св. дѣло, какъ спасеніе души вмѣстѣ со всѣми православными?—Еще говорятъ третьи: мы бы и молились и постились, но не можемъ понять, какъ это, если я виноватъ предъ Богомъ, то молитва къ Сыну Его можетъ изгладить мою вину? вѣдь зло сдѣлано—грѣхъ вопіетъ отъ земли на небо—я достоенъ возмездія, кары отъ всеправеднаго Судіи—и вотъ говорятъ, что только молись Спасителю—и тебѣ простится, будто ты и не согрѣшилъ. Какъ-же спрашиваютъ заслуги Спасителя могутъ вмѣниться мнѣ въ праведность? Этой тайнѣ поучаетъ насъ послѣзавтрашній праздникъ.—Съ сегодняшней вечерни братіе началось предпразднество Благовѣщенію Пресвятой Богородицы, когда Церковь празднуетъ великое событіе, состоявшее въ томъ, что самъ Богъ, Сынъ Божій, сдѣлался человѣкомъ, вселившись во утробу дѣвы, чтобы родиться отъ нея чрезъ установленное время. Видители, человѣкъ созданъ безгрѣшнымъ, но свободнымъ, чтобы жить праведно или неправедно, потому что безъ свободы какая-же можетъ быть праведность; вѣдь не похвалишь машину за то, что шибко ѣдетъ, потому что знаешь, что она ѣдетъ не сама по себѣ, не свободно, а потому, что ее такъ устроили,—равно и первый человѣкъ: чтобы преуспѣвать ему въ праведности онъ долженъ былъ отъ себя ее исполнять, быть свободнымъ; вотъ онъ имѣя свободу, направилъ ее не къ добру, а ко злу, т. е. согрѣшилъ и своимъ грѣхомъ отпалъ отъ блаженной райской жизни и внесъ въ земную жизнь все то зло, всѣ бѣды и скорби, которыя мы встрѣчаемъ здѣсь. Онъ стало быть своею грѣховностью заразилъ всю землю и всѣхъ людей, которые отъ него рождались, а тѣ, кромѣ наслѣдственнаго грѣха, грѣшили и сами по своей волѣ, и такъ вовсе подпали подъ власть сатаны и навлекли на себя всѣ кары Божія.—Въ такой тяжелой скорби люди стали просить

у Господа Искупителя, какого-либо Небеснаго Посланника, Который загладилъ-бы вину человѣчества предъ Богомъ Своими страданіями. Но кто-бы могъ сдѣлать это? Вѣдь ни одинъ человѣкъ не могъ своею праведностью загладить грѣховность всѣхъ, да еще вѣдь всякій человѣкъ рождался въ грѣхѣ самъ; а вѣдь между тѣмъ кромѣ человѣка никто и не могъ искупить человѣчества, потому что вѣдь заслуга Ангела не была бы вмѣнена человѣчеству: кто согрѣшилъ, кто виновенъ—тотъ и отвѣчай.—Но премудрость и всеблагость Господня отъ вѣка разрѣшила сію неразгаданную людьми тайну. Самъ Богъ, Второе Лицо Св. Троицы, Сынъ Божій благоволилъ содѣлаться человѣкомъ, не чрезъ грѣховное рожденіе, какимъ рождались люди, но безъ грѣха, Отъ чистой Дѣвы, безъ мужа, безсѣменно. Онъ принялъ въ Себя естество человѣческое, и затѣмъ, не сотворивъ Самъ ни единаго грѣха, благоволилъ взять на Себя вину всего человѣчества и страшными муками душевными и тѣлесными, такими муками, въ которыя сложились всѣ вины, всѣ грѣхи всѣхъ людей, начиная съ самыхъ лютыхъ грѣшниковъ, Онъ удовлетворилъ правду Божію, искупилъ родъ человѣческій отъ грѣха, проклятія и вѣчной смерти, примиривъ его съ Богомъ. Какъ Адамовъ грѣхъ перешелъ на всѣхъ сыновъ Его, такъ стало-быть нынѣ праведность Господа нашего Іисуса Христа подается всѣмъ, которые соединились Его тѣлу, т. е. Св. Церкви, или обществу людей, учрежденному Христомъ на землѣ. Мы, братіе, съ Господомъ Іисусомъ едино и потому Онъ можетъ своею праведностью очищать и прощать насъ, какъ голова своимъ разумомъ направляетъ разумно всѣ прочіе члены тѣла. Вотъ почему чрезъ милость Господа Іисуса мы можемъ получить прощеніе нашимъ грѣхамъ: за нихъ Онъ претерпѣлъ лютую смерть и потому теперь можетъ даровать жизнь намъ грѣшнымъ. Чтобы вамъ яснѣе понять, какъ это Христовъ подвигъ крестный можетъ замѣщать нашу праведность и искупать наши грѣхи—возьмемъ такой примѣръ. У одного почтеннаго человѣка былъ

сынъ, которому отецъ поручилъ свое хозяйство на годъ, обѣщая ему по истеченіи срока великую награду. Но сынъ его, предавшись пьянству, попалъ въ драку и его совсѣмъ изувѣчили, переломавъ ему руки и ноги, такъ-что онъ вовсе почти пересталъ годиться въ работники. Тутъ-то сынъ раскаялся и со слезами просилъ прощенія у своего отца—и что-же? Отецъ сталъ лѣчить его раны, а всѣ работы по хозяйству взялъ на себя, предоставивъ сыну только такія небольшія дѣла, которыя тотъ могъ кое какъ исправить даже больной, а когда сынъ чего-нибудь портилъ не по винѣ, а по безсилію, то отецъ поправлялъ работу. И при этомъ отецъ обѣщалъ, что, если сынъ справитъ эти дѣла, какъ слѣдуетъ и своею воздержностью и осторожностью успѣетъ вылечиться, то онъ получитъ черезъ годъ ту великую награду, которую отецъ обѣщалъ ему до болѣзни.—Видите-ли—Отецъ, это нашъ Спаситель, І. Христосъ. Человѣкъ, какъ тотъ непокорный сынъ, сроднился съ грѣхомъ и грѣхъ, одолѣвъ его, изувѣчилъ его душу, заразивъ ее страстями, такъ-что люди, какъ тотъ сынъ—калѣка, уже не могли исполнять возложенный на нихъ подвигъ, не могли и искупить своей первой вины, —все это Г. І. Христосъ, какъ Отецъ чадолюбивый, взялъ на Себя и Своею праведностью и Своимъ крестнымъ подвигомъ исполнилъ все то, что должны были претерпѣть люди. Онъ ихъ излѣчиваетъ своею благодатію и свящ. таинствами отъ грѣховъ, какъ тотъ отецъ своего сына отъ увѣчья, и помогаетъ имъ невидимо въ той небольшой работѣ, которая возложена на нихъ, которая состоитъ въ томъ, чтобы употреблять въ дѣло тѣ благодатныя средства, какія намъ даются отъ Бога, а если наша грѣховность и тутъ чего нибудь испортитъ, то Христосъ Богъ, всегда сущій съ тобою и здѣсь, какъ пѣстунъ руководитъ тобою чрезъ твоего Ангела Хранителя, такъ-что отъ тебя требуется только одного,—чтобы ты повиновался ему, повиновался тому легкому бремени Христову, которое осталось на тебѣ—съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этой земной жизни получить тебѣ ту-же вели-

кую награду, которая заслужена подвигомъ Христовымъ, а тебѣ дается лишь по Его безконечной милости.—Такъ вотъ какимъ образомъ Господь Іисусъ Христосъ можетъ исправлять твои ошибки и прощать твои грѣхи. Вотъ почему Онъ, призывая къ Себѣ людей, обѣщая дать имъ покой, и говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы, возьмите иго Мое на себе и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго-бо Мое благо и бремя Мое легко есть* Мѳ. 11. 28—30.—Видите-ли братіе, какое утѣшеніе, какую благодать въ подвигѣ предлагаетъ намъ Христосъ Спаситель, призывая всѣхъ принять участіе въ Его благихъ дарахъ, дарованныхъ намъ не за наши добродѣтели, а за Его земной подвигъ, начало Котораго празднуется въ свѣтлый день Благовѣщенія.—Поэтому старайтесь чаще и внимательнѣе вдумываться въ тайну искупленія, вчитываясь въ священныя строки Евангелія—особенно въ тѣ Его главы, гдѣ описываются крестныя страданія и смерть Господа Іисуса. Дѣлайте это особенно въ тѣ минуты, когда грѣхи ваши подавляютъ вашу совѣсть настолько, что діаволъ начинаетъ вамъ нашептывать, будто никто, ни даже самъ Богъ не можетъ очистить ваши беззаконія.—Вообще братіе, всякій грамотный долженъ имѣть св. евангеліе и читать его, потому что только въ немъ во всей полнотѣ указанъ путь спасенія, *испытывайте, что благоугодно Богу*“—сказано въ сегоднешнемъ Апостолѣ—*дорожа временемъ, ибо дни лукавы; и такъ не будьте неразсудительны, но познавайте, что есть воля Божія*“. (Ефес. 5. 10. 16. 17). И не только въ минуты сомнѣній и горя думайте о спасеніи и прибѣгайте къ чтенію свящ. Писанія и св. отецъ, какъ это обыкновенно бываетъ, что если громъ не грянетъ, то мужикъ и не перекрестится, но и въ радости опять къ Богу возводите свои мысли, потому что Онъ даетъ намъ радость по Своей милости, а не по нашимъ заслугамъ. Вотъ въ сегоднешнемъ Апостолѣ и сказано, что въ радости: „*не упивайтеся виномъ, отъ котораго бываетъ распутство, ни исполняйтесь Духомъ, назидая самихъ*

себя псалмами, и славословіями, и пѣснопѣніями духовными, поя и воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу".—Въ самомъ дѣлѣ, братіе, послушайтесь хотя для опыта сперва словъ Апостола, чѣмъ во время досуга предаваться разуму—возьмите хоть раза три священную книжку—хоть житіе какого-нибудь угодника—а потомъ такъ вамъ понравится это занятіе, что будете жалѣть лишь о томъ, что давно не догадались приняться за такое пріятное и святое дѣло. Эти книжки легко достать за мѣдную деньгу вотъ въ нашей лаврской лавочкѣ, а польза отъ нихъ великая: въ нихъ указано св. отцами все, нужное для спасенія. Вотъ въ сегоднешней бесѣдѣ мы, по мѣрѣ силъ постарались изложить вамъ, какъ слѣдуетъ бороться съ унынiемъ и отчаяніемъ, а у св. отцевъ указанъ весь путь спасенія, какъ на картинкѣ. Напр. сегодня, въ пятую недѣлю поста празднуется преп. Засиму Лѣствичнику. Этотъ св. отецъ, подвизавшійся 75-лѣтъ на горѣ Синайской далъ наставленія о всемъ порядкѣ спасенія, научая насъ восходить до святости, какъ бы на лѣстницу, по тридцати добродѣтелямъ или ступенямъ, изъ которыхъ первая—отреченіе отъ житія мірскаго, т. е. отъ слѣдованія похотямъ и страстямъ своимъ, а послѣдняя—союзъ вѣры, и надежды, и любви, приводящій подвижника къ Богу. Отсюда, братія, намъ слѣдуетъ уразумѣть, что принявшись за подвигъ покаянія, мы, если и исполнимъ его, т. е. и получимъ отъ Господа прощеніе грѣховъ и благодатную помощь, то наша задача еще не окончена, то еще нельзя успокоиться и предаться безпечности въ увѣренности, что мы уже достигли спасенія души: нѣтъ спасеніе даруется подвизавшемуся до конца дней, а подвигъ, т. е. святая жизнь не ограничивается однимъ раскаяніемъ во грѣхахъ—онъ только начинается съ этого, а самъ состоитъ въ постепенномъ усвоеніи себѣ при помощи божественной благодати всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, а это дѣло не скорое: вѣдь сразу не научишься и обыкновенному дѣлу—говорятъ, не учась и лапти не сплетешь, такъ тѣмъ болѣе, самому важному дѣлу въ человѣческой жизни,

т. е. угожденію Богу во всемъ—нужно научаться и усовершаться въ этомъ до самого гроба; эту истину должны усвоить себѣ особенно начинающіе говѣть, потому что вѣдь и покаяніе имѣетъ смыслъ лишь въ связи съ намѣреніемъ, твердымъ и непоколебимымъ намѣреніемъ—исправить свою жизнь и посвятить главную работу своей души на то, чтобы прочее время живота своего скончати въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, которыя велятъ намъ стремиться къ полному совершенству и богоподобію. И вотъ для этой цѣли, братіе, читайте святоотеческія наставленія о праведной жизни, напр., книжки Димитрія Ростовскаго и св. Тихона Задонскаго, которыя для всѣхъ доступны и понятны не только, какъ учители, но и какъ благій примѣръ, размышляя о которомъ, по слову Апостола Павла: *свергнемъ съ себя всякое бремя и запинающій насъ грѣхъ и съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на начальника вѣры и Совершителя Іисуса* (Евр. XII 1—2). Аминь.

СЛОВО

на Великій Пятокъ [1]).

„Поклоняемся страстемъ Твоимъ Христе! Поклоняемся страстемъ Твоимъ Христе!

Еще разъ сподобилъ Господь насъ грѣшныхъ поклониться Его „страшнымъ страстямъ“, еще разъ прослушать жалостное повѣствованіе св. Евангелія о Своемъ крестномъ подвигѣ, принятомъ за наши прегрѣшенія.

Горько намъ переживать это воспоминанія объ ужасныхъ мукахъ Христовыхъ, при мысли, что и каждый изъ насъ не безучастенъ въ томъ жестокомъ сокрушеніи духа, которое нанесли Господу грѣхи человѣческіе, при мысли, что Онъ распятъ „насъ ради человѣкъ“! Впрочемъ возобновляемыя воспоминанія послѣднихъ дней Его земной жизни представляютъ намъ не одинъ только божественный образъ страждущаго Искупителя, но и другіе образы окружавшихъ Его людей, Его враговъ, Его друзей или наконецъ людей къ Нему равнодушныхъ. Конечно всѣ люди повинны въ страданіяхъ Христа-Спасителя, но всетаки повинны въ различной степени, а потому, слушая страстныя Евангелія, мы испытываемъ весьма различное настроеніе въ зависимости отъ того, кому изъ ок-

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1888 г. № 17.

ружавшихъ Христа людей уподобляетъ насъ совѣсть наша. Различны были эти люди, братіе, различно ихъ отношеніе ко Христу! Но, правду сказать, мало добраго открыли души человѣческія предъ крестомъ Спасителя. Мѣра Его невинныхъ страданій должна была исполниться, чаша Его должна была быть выпита до дна, а потому Господь не судилъ, чтобы Онъ имѣлъ много утѣшеній въ окружающихъ Его людяхъ. И конечно, братіе, не столько неистовая злоба Его враговъ, безумная ярость фарисеевъ, слѣпотство народной толпы, бездушная льстивость Пилата могли огорчать нашего Господа, сколько тѣ скорби, которыя нанесены были Ему Своими же учениками, на одномъ изъ которыхъ тогда оправдалось слово Писанія: „*ядый хлѣбы Моя возвеличи на Мя запинаніе*“ (Пс. XL, 10), а на всѣхъ: „*порази Пастыря и расточатся овцы стада*“ (Зах. XIII). Велика была скорбь божественнаго Учителя о нетвердости тѣхъ, кого такъ любилъ Онъ, такъ заботливо воспитывалъ словомъ и примѣромъ.

Но, братіе, очи Господни смотрѣли конечно дальше своихъ непосредственныхъ учениковъ: сквозь туманъ вѣковъ грядущихъ прозирали они и будущихъ учениковъ истины Христовой, тѣхъ самыхъ, о которыхъ молился Господь послѣ прощальной бесѣды, говоря: „*не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ*“ (Іоан. XVII, 20). На этихъ учениковъ, на насъ, братіе, были устремлены скорбныя очи Искупителя. О Своихъ одиннадцати Онъ зналъ, что имѣющій придти Духъ святый „*наставитъ ихъ на всякую истину*“ (Іоан. XVI, 13) и восполнитъ своею благодатью ихъ слабость; но могъ ли не знать Господь, что въ малодушномъ настроеніи Его учениковъ въ день Его преданія выражается нѣчто большее, выражается то самое настроеніе, которое Его дальнѣйшіе ученики будутъ проявлять не въ одинъ день, не въ качествѣ временнаго ослабленія ревности, но увы—цѣлые вѣка, въ качествѣ своего обыкновеннаго состоянія?

Соберемъ же, братіе, свои разсѣянныя мірскими забо-

тами мысли, свои разбросанныя по суетнымъ предметамъ чувства, отрѣшимся хотя здѣсь—предъ гробомъ умерщвленнаго за насъ божественнаго Искупителя, отрѣшимся хотя въ эти священныя минуты отъ грѣховной суетности нашей и провѣримъ свою совѣсть чрезъ евангельскія повѣствованія. Ученики Христовы разбѣжались, когда Его взяли подъ стражу, ап. Петръ отрекся отъ Него предъ Его врагами, но вина ихъ ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что сердца ихъ, еще не просвѣщенныя благодатью св. Духа, не вмѣщали въ себѣ истины воскресенія Его, такъ что Его крестныя страданія поколебали было даже ихъ вѣру въ Его божественное посланничество (Лук. XXIV, 21). Но для насъ, знающихъ о прославленіи Христовомъ, пріявшихъ полноту Его божественныхъ даровъ, для насъ, братіе, нѣтъ ослабленія, нѣтъ прощенія, если мы поддаемся подобному малодушію.

Но неужели, спросите вы, и теперь Христосъ бываетъ преданъ? Неужели кто-либо теперь убѣгаетъ отъ Христа, неужели отрекается? О, братіе, лучше не спрашивать такъ. Вопросъ этотъ слишкомъ подобенъ другому страшному вопросу: „*Господи, когда Тя видѣхомъ алчуща, или жаждуща, или странна, или нага, или больна, или въ темницѣ и не послужихомъ Тебѣ?*“ Да, братіе Господь и нынѣ бываетъ поругаемъ въ жизни, бываетъ осмѣиваемъ, какъ у несчестивыхъ жидовъ; Господь и нынѣ бываетъ оставляемъ и отвергаемъ своими учениками. Всякій разъ, когда мы встрѣчаемъ въ жизни насмѣшку надъ вѣрой Христовой, попраніе Его св. заповѣдей, когда видимъ возносящійся и кичащійся собою грѣхъ, всякій разъ, когда мы оказываемся настолько лишенными христіанскаго мужества, что поддаемся хулителю имени Божія или правды Божіей, когда мы ради мірского страха стыдимся исповѣдать свою вѣру въ Него, свое благоговѣніе предъ Его заповѣдями,—всякій разъ мы тѣмъ самымъ уподобляемся малодушію Его учениковъ, разбѣжавшихся при видѣ вооруженныхъ враговъ. А когда мы прямо стараемся скрыть свою вѣру предъ людьми, вмѣсто того, чтобы „исповѣдать“ ее, по

слову причастной молитвы, когда мы опасаемся, чтобы люди не замѣтили нашего благочестія, не прочь бываемъ даже похвастать своимъ пренебреженіемъ къ обязанностямъ христіанина, когда мы славу міра сего любимъ больше, чѣмъ славу Божію (Іоан. XII, 43): тогда уже вина отреченія Петрова ложится на насъ двойною тяжестію, и блаженъ тотъ человѣкъ, котораго духовный слухъ еще не настолько огрубѣлъ, что— еще можетъ донестись до него возглашеніе алектора покаянія, дабы слезами омыть наши постоянныя, чуть не ежедневныя отреченія отъ нашего сладчайшаго Господа Іисуса!

Вотъ, братіе, какой винѣ подвергаются даже благочестивые люди забывающіе исповѣданіе вѣры и заповѣдей Христовыхъ. Но если мірская корысть, или любоначаліе, или чувственныя страсти, или сердечная злоба побуждаютъ насъ прямо на сознательныя отступленія отъ Христа, если эти нечестивыя побужденія иногда доводятъ насъ до того, что мы чрезъ беззаконія наши являемся предателями Христа, живущаго между вѣрующими, если не добро, но сознательное зло вносимъ въ жизнь и вредимъ славѣ Божіей: о, тогда ужасно выговорить, чье гнусное дѣло мы повторяемъ,—дѣло злочестиваго отступника Іуды! Не возмнимъ, братіе, что это есть преувеличеніе, не будемъ поддаваться человѣческому разумѣнію вещей вспомнимъ еще разъ, какими словами осудитъ Господь всѣхъ грѣшниковъ на судѣ Своемъ, какъ Своихъ собственныхъ обидчиковъ, посмотримъ на свои беззаконія по суду не мірскому, но Божьему, и помыслимъ, какъ не далеки мы бываемъ по грѣхамъ своимъ отъ грѣха предателя. Не будемъ, братіе, закрывать глаза и предъ тою участью, какую онъ себѣ приготовилъ въ самоубійствѣ, и воспоминая многочисленные случаи самоубійствъ въ наше время, убѣдимся во-очію въ богопредательскомъ состояніи всѣхъ сознательныхъ беззаконниковъ. Да, братіе, велики наши преступленія предъ Господомъ въ нашемъ постоянномъ о Немъ забвеніи, въ томъ, что мы, заботясь о всякой самомалѣйшей суетной нуждѣ нашей усерднѣе, чѣмъ объ исполненіи Его закона, какъ бы

тѣмъ самымъ отрекаемся отъ званія Его учениковъ всякій разъ, когда приходится ради Него жертвовать мірскими выгодами. Но можетъ быть у насъ есть и подвиги, является и христіанское мужество? Бываетъ, братіе, и это, но едвали оно оказывается угоднѣйшимъ Богу, чѣмъ неразумная ревность Петра, отсѣкшаго ухо Малхово за минуту до своего малодушнаго бѣгства: ибо если мы что и дѣлаемъ для процвѣтанія вѣры, для добра, то столько грязи, столько гордости, честолюбія, корыстолюбія и другихъ грѣховъ пачкаютъ наше доброе дѣло что и здѣсь бываетъ трудно сказать, служимъ ли мы Богу, или возстаемъ противъ Него.

Такимъ-то образомъ, братіе, хотя страданія Господа окончились давно, но и теперь Господь, обитающій между нами, точно также то бываетъ оставляемъ, то поругаемъ и распинаемъ и въ жизни христіанъ, какъ въ дни Своего земного подвига. И нынѣ въ ознаменованіе сего здѣсь лежитъ Его святая плащаница среди тысячъ учениковъ Его, какъ бы для просвѣтленія нашей совѣсти, для того, чтобы каждый могъ дать себѣ отвѣтъ о своемъ отношеніи ко Христу. Правда, мы всѣ съ молитвою приближаемся и покланяемся Его св. гробу но вѣдь этого приближенія мало, *приближались* къ Нему *усты своими* и враги Его и *устнама чтили* Его; *сердце же ихъ далече отстояло отъ Него.* И наши уста, братіе, нынѣ воспѣваютъ славу божественнаго страдальца, но гдѣ нынѣ *сердца наши?* Не далече ли и они отъ Христа? Не земныя ли заботы ихъ наполняютъ? Не остались ли они непримиренными съ обидѣвшими насъ? Не остались ли мы и они неотрѣшенными отъ похоти плоти, отъ похоти очесъ и гордости житейской (1 Іоан. II, 16)? Однимъ словомъ, можемъ ли мы по отношенію къ страданію Христову сочесть себя съ немногими вѣрными Ему предстоятелями креста, или наоборотъ, приближаемся болѣе ко врагамъ Его? Но не будемъ, братіе, отвѣчать и на этотъ вопросъ, чтобы не отягчить унынiемъ и отчаяніемъ и безъ того слабыхъ сердецъ нашихъ, а

лучше проникнемся сознаніемъ высокой важности дотолѣ презиравшагося нами несенія въ жизни креста Христова и скажемъ въ покаяніе подобно сотнику, бія себя въ перси: *„воистину Божій Сынъ бѣ сей“* (Мѳ. XXVII, 54). Воистину Сей, Кто научилъ насъ прощать и любить, презирать свое себялюбіе и гордость, Который говорилъ намъ, что блаженны не смѣющіеся и богатые, но нищіе духомъ и алчущіе правды; Сей, чьи слова мы считали неприложимыми къ жизни, мудреными мечтаніями; Сей, чей законъ казался намъ исполнимымъ только для отшельниковъ или нищихъ; Сей, Кого мы не стыдились забывать постоянно, Кому всегда предпочитали внушенія страстей—Сей есть Сынъ Божій, совѣчная Отцу Премудрость, устрояющая міръ и положившая начало всему доброму!

Сей осужденный, какъ опасный вводитель странныхъ ученій, осмѣянный и осмѣиваемый понынѣ, какъ безсильный мечтатель, распятый, какъ злѣйшій преступникъ, и убитый, какъ злодѣй,—сей есть нашъ Судія, Котораго крестъ насъ или спасаетъ, или осуждаетъ, къ Которому покорное, или враждебное настроеніе наше, не Его унижаетъ или возвышаетъ, но только насъ или оправдываетъ или предаетъ вѣчной смерти. Итакъ, принимая или отвергая Господа—Спасителя чрезъ свою жизнь, мы не Его, но самихъ себя или приводимъ къ жизни или удаляемъ. Вдумаемся же, братіе, въ эту истину, что наша жизнь,—не жизнь плоти, но жизнь вѣчная,—зависитъ не отъ того, сколько мы себѣ накопимъ богатства, чиновъ или почтенія и славы отъ человѣкъ, но отъ того, насколько мы успѣемъ очистить свое серце отъ грѣховныхъ чувствъ и наполнить добродѣтелями христіанскими. Помыслимъ, братіе, и о томъ высокомъ преимуществѣ, которое имѣетъ духовная жизнь христіанская предъ жизнью грѣховной. Вѣдь все равно, сколько ни трудись надъ влеченіями себялюбивыхъ склонностей, все равно никогда не насытишься ими: чѣмъ больше будешь достигать, тѣмъ большаго будешь желать дальше и никогда не пріобрѣтешь спо-

койствія души, не достигнешь духовнаго насыщенія: „*всякъ піяй отъ воды сея, вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки*“, сказалъ Господь. Онъ сказалъ еще, что, исполняя заповѣди Его, наполняя сердце свое любовію къ Нему и къ людямъ, мы не только не лишаемся сравнительно съ тѣми, которые живутъ для плоти, но сторицею пріобрѣтаемъ въ вѣкѣ семъ и животъ вѣчный въ вѣкѣ грядущемъ. И кто, братіе, не знаетъ о томъ, что христіанинъ при всѣхъ лишеніяхъ всегда блаженѣе нечестивца, для котораго адъ всегда начинается еще на этомъ свѣтѣ? А кому и этого довода жизни мало, тотъ пусть еще разъ взглянетъ на гробъ божественнаго Страдальца и увидитъ всю похоть мірскую попранною чрезъ Его смерть, пусть хотя здѣсь, предъ величіемъ Его священнаго подвига, предъ широтой Его всеобъемлющей любви, принявшей въ Его душу всѣ грѣхи міра, содѣланные всѣми людьми отъ начала вѣка, пусть хотя здѣсь возлюбитъ Его святѣйшій законъ, вкуситъ сладость Его небесной любви и постарается принять въ сердце свое взамѣнъ подъятыхъ Искупителемъ съ Собою на крестъ грѣховъ нашихъ, принять Его божественныя заповѣди, понести Его благое иго, Его легкое бремя (Мѳ. XI, 30).

А если жизненная разсѣянность или малодушіе наше снова будутъ отвращать насъ отъ Него и понудятъ покидать Его предъ Его врагами: то все же не будемъ до конца удаляться отъ Его креста, но какъ мироносицы слезами орошать Его подножіе, чтобы спастись отъ отчанія Іуды.

И нынѣ, исповѣдуя Его устами и сердцемъ за Сына Божія, обѣщаемся предъ лицемъ Его Церкви не пренебрегать впредь нашимъ Господомъ и Спасителемъ и отселѣ построить свою жизнь такъ, чтобы не утѣхи плоти и себялюбія руководили нами, но чтобы находить утѣшеніе въ помощи ближнимъ, въ утѣшеніи печальныхъ, во вразумленіи падающихъ, въ ободреніи унывающихъ, въ прощеніи обижающихъ насъ, въ питаніи алчущихъ и посѣщеніи больныхъ и заключенныхъ; чтобы, собираясь для общенія другъ съ другомъ, не въ не-

ресудахъ и злостныхъ ухищреніяхъ проводитъ время, но въ обсужденіи общихъ предпріятій для славы Божіей, для благодѣяній ближнимъ; чтобы постепенно умягчать и растворять благожелательною ко всѣмъ любовью сердца наши и такимъ образомъ приготовляться къ вѣчному празднованію воскресенія Христова въ сердцахъ нашихъ въ подражаніе Его святымъ апостоламъ, которыхъ духовныя очи всегда были устремлены къ своему небесному Учителю и послѣ Его вознесенія.

Богу извѣстно, суждено ли каждому изъ насъ еще разъ поклониться Его честнымъ страстямъ или еще раньше того придется предстать предъ Нимъ, какъ предъ Судіей, а потому не будемъ откладывать дѣла обращенія отъ зла къ добру, рѣшимъ отнынѣ поучаться познанію и осуществленію Его закона и начнемъ съ того, чтобы въ эти священныя минуты не устами только но и сердцемъ облобызать Его пречистыя язвы. И если сознаніе грѣховъ нашихъ настолько тяготитъ нашу совѣсть, что намъ представляется невозможнымъ присоединиться духомъ къ Его подвигу, то вспомнимъ, братіе, еще одного соучастника Его страданій, а именно покаявшагося разбойника и убѣдимся въ великой силѣ всепрощенія Христова. Убѣдимся въ ней и съ твердой покаянной вѣрой преклонимся предъ Его св. гробомъ, молитвою очищая сердце свое отъ всякаго лукавства и повторяя съ сокрушеніемъ сердца слова молитвы: „ни лобзаніе Ты дамъ, яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя: помяни мя Господи во царствіи Твоемъ“. Аминь.

СЛОВО

на освященіе М. Исидоромъ новозданнаго приходскаго храма въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы Новгородской губерніи Крестецкаго уѣзда, Каевской волости на пустырѣ—Козловкѣ [1]).

„Свѣтися, свѣтися Іерусалиме, пріиде бо твой свѣтъ и слава Господня на тебѣ возсія“ (Ис. 60, 1).

Великая благодать посѣтила насъ, братіе,—жители честныя веси сея: на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ безплодный пустырь, гдѣ бродили только лѣсные звѣри и летали птицы, нынѣ возсіялъ храмъ живаго Бога, устроилось мѣсто Его священнаго пребыванія для нашего духовнаго рожденія и духовной жизни.

Нынѣ въ этомъ грѣшномъ мірѣ прибавилась еще одна небесная обитель, которой трепещетъ дьяволъ, которой бѣжитъ грѣхъ, гдѣ печальный находитъ утѣшеніе, грѣшный—милостивое прощеніе, соблазняющійся—укрѣпленіе, унывающій—ободреніе, — гдѣ умягчается злостное человѣческое сердце, слыша пѣсни духовныя, прославляющія Христову къ намъ любовь;—гдѣ смиряется сатанинская гордость людей, взирающихъ на образъ Сына Божія, пріявшаго зракъ раба;—гдѣ обиженный за правду найдетъ силы за все благодарить и про-

---

[1]) Произнесено въ означеномъ храмѣ 1 октября 1889 г.—Печатается въ первые.

славлять Бога; —гдѣ всѣ мы забываемъ этотъ грѣховный міръ и всю нашу преданность его соблазнамъ, но вспоминая наше истинное отечество, которое на небѣ, — съ сокрушеннымъ сердцемъ, и съ умиленною надеждою поднимаемъ вверхъ наши духовныя и плотскія очи и взываемъ: „Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ!“.

Благословенъ Господь, Который не оставилъ насъ, вознесшись отъ земли на небо, не покинулъ на произволъ судьбы грѣшнаго рода человѣческаго, но чрезъ святыхъ Своихъ Апостоловъ научилъ насъ созидать во славу Его и во спасеніе наше святые храмы, дабы люди хоть здѣсь-то были христіанами, хоть здѣсь-то думали о Христѣ и о вѣчной жизни, хоть здѣсь-то учились-бы любить другъ друга и ненавидѣть порокъ и всякое зло. Съ такою-же братіе цѣлью и на семъ мѣстѣ Господь помогъ чрезъ добрыхъ людей соорудиться святому храму, и окрестнымъ селамъ соединиться въ одинъ приходъ для общей жизни во Христѣ.

Но чтобы мы могли быть достойны такой милости Божьей, чтобы могли оцѣнить вполнѣ это къ намъ Его благодѣяніе, а затѣмъ, чтобы и съ пользою для себя Его принять—для сего размыслимъ, братіе, чѣмъ отличается общество приходское церковное отъ всякаго другого земнаго союза людей, чѣмъ превозносится Церковь надъ всякимъ другимъ учрежденіемъ.

Есть много обществъ или союзовъ, къ которымъ примыкаетъ человѣкъ; такъ всякій изъ васъ принадлежитъ къ Россійскому царству, къ своему сельскому обществу, наконецъ къ своей роднѣ и къ своей собственной семьѣ. Каждому конечно дорого то, что онъ русскій человѣкъ, подданный Бѣлаго Царя; дорого всякому и свое родное село и сосѣди, а особенно дорога своя семья, своя жена и дѣтки: но, братіе, всего этого дороже должно для насъ быть то, что мы—сыны Христовой Церкви, наслѣдники обѣтованій жизни вѣчной; всего дороже намъ долженъ быть Господь и Его заповѣди, которымъ поучаться можемъ мы въ святомъ храмѣ.

Почему такъ? А потому, что всякая земная наша привязанность временная, а наше церковное единство—вѣчное. Ты дорожишь своею родиной, любишь матушку Русь?—и хорошо дѣлаешь. Но знай, что придетъ время и ты её потеряешь, то время, когда свѣтъ земли будетъ отбѣгать отъ твоихъ глазъ и силы твои упадутъ, будетъ сжиматься твое дыханіе и приближаться странный часъ смерти: поможетъ-ли намъ здѣсь, братіе, земная сила и крѣпость нашего государства? Увы, на томъ судѣ, который ожидаетъ каждаго за гробомъ, насъ не оправдаетъ и не поможетъ намъ сила нашего отечества; не оно будетъ отвѣчать за насъ противъ истязателя—діавола, а если что насъ защититъ и спасетъ, то развѣ молитва о насъ Христовой Церкви, поминовеніе наше предъ престоломъ Божіимъ въ этомъ святомъ храмѣ: вотъ что поддержитъ надежду нашу въ день смерти, вотъ что возвратитъ намъ жизнь въ Богѣ послѣ кончины.

Итакъ, братіе, мы должны во столько разъ болѣе цѣнить нашу духовную связь съ Церковью, чѣмъ со всякимъ земнымъ учрежденіемъ, во сколько разъ вѣчное больше временнаго, небесное лучше земнаго. Люби свое мірское общество, свое родное село, люби Россію, но паче того люби свой храмъ, гдѣ ты получаешь источникъ вѣчной жизни въ словѣ Божіемъ, въ таинствахъ и въ молитвѣ; люби Вселенскую Христову Церковь, въ которой Господь открываетъ намъ Свою волю и ради молитвъ которой даетъ прощеніе душамъ усопшихъ.

Храмъ Божій и Вселенская Церковь дороже для человѣка, чѣмъ его родная семья. Спросите у стариковъ, которые поженили сыновей и повыдали дочерей замужъ; спросите, много-ли осталось у дѣтей ихъ той любви къ родителямъ, которая ихъ радовала въ прежніе годы? Горяча, братіе, супружеская и семейная любовь, но и она временная, и она не продолжается послѣ смерти, когда всѣ равны предъ Богомъ, да не только послѣ смерти но и въ этой-то жизни она ослабѣваетъ съ годами. А Церковь Христова равно любитъ и малыхъ, и

старыхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и здоровыхъ, и болящихъ: всѣхъ она призываетъ на пиръ Христовъ, какъ сказано во святомъ Евангеліи: *„изыди скоро на распутія и стогны града, и нищыя и бѣдныя, и слѣпыя, и хромыя введи сѣмо“* (Лук. 14, 21). Такъ-то братіе отнынѣ призываемся мы въ сей домъ Божій, чтобы духовными очами взирать на „благолѣпіе красоты Его“, чтобы сердцемъ здѣсь уразумѣвать Его правду, чтобы здѣсь научится любить всѣхъ людей, какъ братьевъ, а ненавидѣть только грѣхъ и всякое зло.

Храмъ Божій долженъ быть намъ такъ дорогъ нетолько потому, что онъ служитъ намъ къ спасенію вѣчному, и мы должны предпочитать наше общеніе въ Церкви не по той только причинѣ, что вѣчное выше временнаго: но мы должны любить Христову Церковь и святый Его храмъ еще и потому, что все доброе, дорогое намъ на землѣ, достойно нашей любви именно потому, что оно освящается Церковью. Отчего дорога намъ Россія? отчего мы её называемъ Святою? А потому, что она создана подвигами угодниковъ Божіихъ, русскихъ Святителей и Святыхъ Князей; потому, что всѣ русскіе добрые обычаи основаны на Божественномъ ученіи Церкви; такова и русская любовь къ бѣднымъ и несчастнымъ, и снисхожденіе къ преступнымъ, и услужливость къ странникамъ, и вообще все то, что располагаетъ сердца всѣхъ любить и хвалить нашъ народъ и отечество.

Или тебѣ дорого твое сельское общество, ты радѣешь о его пользѣ, но опять, Кто тебѣ поможетъ въ служеніи правдѣ, Кто тебѣ даетъ слово, чтобы усовѣстить одного, утѣшить другого, убѣдить міръ на доброе и справедливое дѣло,—Кто, если не Господь чрезъ Свое всесильное Слово, чрезъ Святую Церковь, въ которой ты Его слышишь.

Наконецъ даже въ семейной-то жизни развѣ не всякую семейную радость освящаетъ молитва и благословеніе Божіе, развѣ не всякую семейную печаль умягчаетъ та-же молитва, то-же небесное утѣшеніе въ храмѣ Божіемъ. Ты любишь свою жену? и въ храмѣ Божіемъ въ таинствѣ святаго брака по-

лучаешь благодатную отъ Бога силу, чтобы всегда пребывать въ этой любви, чтобы любовь твоя была не животная, не плотская, но духовная, которая служитъ ко спасенію тебя и жены. Родилось у тебя дитя? и опять-же изъ храма Божія приносится къ тебѣ молитва о новорожденномъ и родильницѣ, а затѣмъ и самое дитя изъ храма Божія чрезъ св. крещеніе и муропомазаніе получаетъ новую духовную жизнь, становится чадомъ Божіимъ; невидимо оно облекается въ Христа, невидимо Господь нашъ его приближаетъ къ Себѣ, обнимаетъ, какъ нѣкогда обнималъ дѣтей іудейскихъ. Выходишь-ли ты съ семьей на работы, встрѣчаешь-ли въ семейной радости праздникъ:—всюду тебя сопровождаетъ, и благословляетъ, и укрѣпляетъ Божественная благодать, приносимая пастыремъ изъ храма Божія. Что было-бы съ нами еслибъ мы ея не имѣли? Мы бы жили, какъ звѣри вдали отъ Бога и Его милостей, жили-бы неизвѣстно для чего, умирали-бы безъ надежды на вѣчную жизнь; самый міръ казался-бы намъ мрачною темницею, потому-что весь духовный свѣтъ, всякое духовное утѣшеніе—все мы братіе получаемъ только изъ храма Божія. Вотъ почему мы должны его любить паче всего мірскаго, любить Церковь и Христа паче родины, паче семьи своей; вотъ почему—мы и все доброе и святое въ этомъ мірѣ должны любить любовію Христовой, любить не мірскою любовью, какъ нехристи, но любовью святою, любить чрезъ Церковь и всю эту любовь нашу къ людямъ и къ міру Божію освящать молитвою во св. храмѣ и просить здѣсь укрѣпленія въ любви.

Разумѣете-ли вы нынѣ, братіе, какая великая милость Божія къ людямъ открывается въ построеніи всякаго новаго храма? Наши села, удаленныя на 10 и больше верстъ отъ церкви, теперь имѣютъ среди себя престолъ невидимаго Бога, теперь могутъ здѣсь-же, подъ рукой, черпать обильно „воду жизни духовной отъ источника спасенія“, могутъ здѣсь принимать благодать таинствъ, изливать предъ Богомъ свою скорбь и радость въ церковной молитвѣ, могутъ просвѣщать свои

умы слышаніемъ слова Божія. „*Свѣтися, свѣтися Іерусалиме пріиде бо твой свѣтъ и слава Господня на тебѣ возсія!*“.

О братіе, помолимся-же, чтобы Господь, возсіявшій намъ здѣсь нынѣ свѣтъ Своего познанія, научилъ-бы насъ и достойно пользоваться Его милостью! Научилъ-бы насъ со всякимъ тщаніемъ посѣщать священныя службы, не поддаваясь искушеніямъ грѣховной лѣности; чтобы не допустилъ насъ ожесточиться въ ней и пренебрегать храмомъ Божіимъ;—чтобы мы не были подобны христоненавистнымъ іудеямъ, которые, по слову пророка, поворотили спину предъ Господемъ Своимъ и Избавителемъ. Помолимся, чтобы всегда „наша молитва восходила со всѣмъ усердіемъ предъ Господа“, чтобы Онъ „приклонялъ ухо Свое къ моленію“ нашему въ св. храмѣ. Помолимся, чтобы онъ вложилъ въ наши сердца попеченіе о красотѣ Его жилища, дабы каждый прихожанинъ по мѣрѣ силъ содѣйствовалъ нуждамъ храма и причта его. Помолимся, братіе, и о томъ, чтобы Господь благословилъ строителей храма и жертвователей, чтобы воздалъ имъ небесными дарами за ихъ труды и помощь. Наипаче-же братіе, будемъ молиться о томъ, чтобы Богъ помогъ намъ въ семъ св. храмѣ устроять и изъ нашихъ сердецъ нерукотворный храмъ Его имени, дабы въ семъ новорожденномъ приходѣ не устами только, но и жизнью святилось имя Божіе и открывалось Его царство. „*Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое....* Призовемъ братіе на помощь всѣмъ этимъ благимъ намѣреніемъ Предстательницу нашу предъ престоломъ Божіимъ, Пресвятую Богородицу, въ честь и память которой освященъ нашъ св. храмъ. Да призрѣваетъ Она „на всѣхъ насъ призрѣніемъ Своего милостиваго заступленія“, да „покрыетъ насъ святымъ Своимъ Покровомъ“ и да наставитъ насъ ко исполненію заповѣдей Сына Своего, Христа Бога нашего. Аминь.

СЛОВО

При открытіи памятника Оресту Ѳеодоровичу Миллеру, 1 іюня 1890 года [1]).

„Блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ; ей, говоритъ Духъ, они успокоются отъ трудовъ своихъ“ (Апок. XIV, 13).

Какъ понятны и близки сердцу эти слова для всякаго, разумѣющаго исторію внутренней жизни усопшаго учителя! Какъ понятны были они и для него, всю жизнь проведшаго средя страданій, всю жизнь несшаго крестъ безъ воздаянія! Жизнь любаго праведника и поборника истины! кто изъ твоихъ причастниковъ не радъ бы отдать тебя назадъ Богу и найти отъ Него упокоеніе? Блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ! Да, ясна правда этихъ священныхъ словъ для людей, уже причастившихся жизни крестной; но какъ темна она для тѣхъ, которые знаютъ эту жизнь лишь по симпатіи къ ней, которые ее только воображаютъ, только одобряютъ въ своей мысли. Какимъ холодомъ и смущеніемъ отражаются эти слова особенно на душахъ юношества, которое свое будущее служеніе правдѣ представляетъ себѣ, какъ побѣдоносный путь къ славѣ, какъ путь духовнаго наслажденія. Конечно, оно мало понимаетъ наше ублаженіе смерти покойнаго Ореста Ѳеодоро-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Славянскія Извѣстія» 1890 г. № 23.

вича и, вѣроятно, говоритъ въ душѣ своей: неужели только для неба и для рая существуютъ тѣ высокія качества отлетѣвшаго отъ насъ духа, которыя насъ къ нему привязали? неужели на землѣ среди насъ не нашлось бы приложенія его любви къ ближнему, не знавшей никакихъ предѣловъ,—его самоотверженной преданности истинѣ, его свѣтлымъ познаніямъ?

Да, всѣ эти качества были присущи усопшему; они нужны для его учениковъ; но именно эти-то качества, несмѣшанныя съ грязью земли и чуждыя уступокъ духу міра, именно они-то и дѣлаютъ жизнь своего носителя тою сплошною мукой, тѣмъ тяжкимъ крестнымъ путемъ, что заставляетъ его просить себѣ у Бога покоя и ублажить умершихъ. Вспомните его жизнь и посмотрите, чѣмъ она ему отплатила! Не о томъ хочу я говорить, на что, можетъ быть, вы ожидаете намека. Нѣтъ, не о преслѣдованіяхъ со стороны сильныхъ міра сего я думаю; далекъ я отъ того, чтобы щекотать опасныя и безплодныя, хотя и любимыя студентами, ощущенія, возникающія отъ такихъ намековъ. Нѣтъ! такіе люди какъ Орестъ Ѳеодоровичъ, считаютъ свои служебныя неудачи за послѣдніе изъ жизненныхъ крестовъ. Не за тѣмъ они гнались, не того искали; не воздѣйствій на земныя порядки, не вмѣшательства въ законодательную область. Они далеки забавныхъ надеждъ, будто внѣшній порядокъ можетъ обезпечить или уничтожить правду и добродѣтель, которыя однѣ только для нихъ и дороги. Не въ порядкахъ и не въ законахъ, но въ сердцахъ человѣческихъ ищутъ они этой правды; къ нимъ направляется ихъ слово и ихъ перо. Здѣсь ихъ крестъ, тягчайшій изъ всѣхъ крестовъ—въ нравственной косности ихъ учениковъ, въ неблагодарности и жестокости ихъ слушателей, въ безсиліи нравственно возродить общество, въ его удобопреклонности на всякую ложь, въ его увлеченіи глупыми и праздными политическими фантазіями и пренебреженіемъ къ нравственной правдѣ. Да, этотъ крестъ, эти муки духовнаго рожденія, столь близкія и знакомыя всякому любителю Христовой правды, всею тяжестью

своею давили и терзали всю жизнь почившаго. Такимъ ли желалъ и стремился онъ видѣть дорогой ему университетъ, тоголи ожидалъ отъ своихъ слушателей и слушательницъ, отъ Славянскаго Общества и отъ всей Россіи, того-ли, что̀ ему приходилось встрѣчать? Чуждый всякихъ косвенныхъ и лживыхъ средствъ для распространенія своихъ взглядовъ, желавшій воздѣйствовать на юношество одною только правдой своихъ убѣжденій и силою искренняго одушевленія, гнушаясь надутостей ученаго авторитета, много-ли добраго встрѣчалъ онъ отъ большинства, кромѣ насмѣшекъ, снисходительнаго о себѣ резонерства или развѣ минутнаго одобренія? Не могъ-ли онъ восклицать съ Апостоломъ: „дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ! (Гал. IV, 19). Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, не смотря на то, что, чрезвычайно любя васъ, я менѣе любимъ вами (2 Кор. XII, 15). Ибо чего мнѣ не достаетъ предъ прочими церквами, развѣ только того, что самъ я не былъ вамъ въ тягость. Простите мнѣ такую вину (13). Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумныхъ. Вы терпите, когда кто васъ порабощаетъ, когда кто объѣдаетъ, когда кто обираетъ, когда кто превозносится, когда кто бьетъ васъ въ лицо. Къ стыду говорю, что на это у насъ недоставало силъ (XI, 19—21). Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ, кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? (29)“. Вотъ эти муки духовнаго рожденія, присущія всякому, отвращающемуся отъ лжи и духовнаго порабощенія: онѣ-то научаютъ человѣка вѣрить и ожидать правды только за гробомъ, служа ей въ земной жизни. Но, съ другой стороны, только эта вѣра въ ту лучшую жизнь, только увѣренность въ существованіи премірной вѣчной Правды, примиряющая человѣка со скорбями за правду, можетъ сдѣлать его дѣйствительнымъ служителямъ ея, а не поборникомъ самолюбивыхъ фантазій подъ знаменемъ какого нибудь условнаго и временнаго начала. Только такой человѣкъ можетъ ясно разумѣть—тотъ законъ жизни, который прежде

приводилъ въ отчаяніе мудрецовъ, а со времени Христовой жертвы изобильно утѣшаетъ ея проповѣдниковъ, тотъ законъ жизни, по которому человѣкъ лишь настолько можетъ внести истиннаго блага въ жизнь, насколько вложитъ въ нее самоотверженныхъ, добровольныхъ и неувѣнчанныхъ страданій, униженій, самоограниченій. Это есть путь, которымъ шли всѣ истинные благодѣтели человѣчества, которому научилъ насъ Тотъ, Кто самъ былъ „путь, и истина, и жизнь“ (Іоан. XIV—6), котораго такъ далеки современные дѣятели, современные говоруны и мечтатели, возстающіе противъ существующихъ порядковъ, чтобы замѣнить ихъ, можетъ быть, еще худшими, не заботящіеся объ исправленіи своего сердца, не понимающіе, что въ немъ источникъ жизни, въ собственномъ всегдашнемъ самоограниченіи, въ возстаніи на самого себя. Усопшій понималъ это; онъ не отчаявался при видѣ окружающей косности и нравственной грубости; онъ вѣрилъ, что самъ Богъ созидаетъ жизнь вокругъ того, кто отдаетъ ее Богу и ближнимъ... и невидимо эта жизнь созидалась и продолжаетъ созидаться. Она созидается, усопшій страдалецъ, въ сердцахъ твоихъ слушателей, а не въ учрежденіяхъ внѣшнихъ,—она собрала сюда къ твоему памятнику представителей всѣхъ сословій, направленій и даже многихъ народовъ [1]) и всѣмъ имъ, хотя разъединеннымъ по земному положенію, всѣмъ имъ съ воспоминаніемъ о тебѣ вложила и нравственную силу для борьбы съ неправдою въ себѣ самомъ и въ жизни. Да, о тебѣ, какъ одномъ изъ очень немногихъ общественныхъ дѣятелей, можно сказать, что твое вліяніе сказывается въ юношествѣ не въ гремучихъ фразахъ, не на площадяхъ и эстрадахъ, а въ глубинѣ души, въ жизненной борьбѣ, въ жизненной дѣйствительности. Ты много училъ словами, но еще больше дѣлами, жизнью и смертью; а потому, насколько безсильно вліяніе на жизнь отъ людей слова и пера, настолько вѣско вліяніе твоего нравственнаго облика, который одного удержитъ отъ об-

[1]) Собралось не мало иноземцевъ—славянъ.

мана, другую—отъ паденія, третьяго—отъ нечестности, четвертаго—отъ презрѣнія къ нуждѣ ближнихъ. Такое вліяніе могутъ оказать только тѣ слова, которыя были всегда соединены со страданіями, съ униженіемъ и лишеніемъ, когда, лишаясь временнаго, человѣкъ получаетъ вѣчное, лишаясь видимаго, получаетъ дѣйствительное. Вотъ—почему ты, обиженный всѣми, становишься дорогъ для людей всѣхъ партій; вотъ—почему твои убѣжденія, легкомысленно встрѣчаемыя с е г о д н я, становятся дорогимъ достояніемъ многихъ з а в т р а; вотъ почему тебѣ, одинокому и покинутому при жизни, можно воскликнуть теперь, схороненному здѣсь подъ землю: „возвеселись неплодная, нерождающая! воскликни и возгласи, немучившаяся родами! потому что у оставленной гораздо болѣе дѣтей, нежели у имѣющей мужа, говоритъ Господь“. (Ис. LIV, 1).

Теперь уразумѣли ли вы, юные почитатели усопшаго, уразумѣли ли смыслъ словъ: блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ? Узнали ли вы теперь главнѣйшій законъ истиннаго усовершенствованія жизни? Поняли ли вы, что ключъ къ разуму и правдѣ не столько въ придумываніи внѣшнихъ ея обезпеченій, сколько въ отданіи себя въ жертву въ каждый мигъ своего существованія? что побѣда добра не въ законодательномъ его подтвержденіи, а въ рѣшимости терпѣть за него лишенія? будете ли сознавать, что не здѣсь, на землѣ, а тамъ, на небѣ, ожидаетъ насъ конечное оправданіе и созерцаніе побѣды своего дѣла? что не къ земному, а къ небесному, должны быть устремлены ваши сердца? Уразумѣйте это здѣсь, у памятника Ореста Ѳеодоровича Миллера, и полюбите жизнь не тѣлесную, но жизнь духа, которая мириться со смертью тѣла, ибо не нарушается ею. „Блажены мертвые, умирающіе о Господѣ... Ей! говоритъ Духъ: и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними“. Аминь.

СЛОВО

на день св. благовѣрнаго вел. князя Александра Невскаго [1]).

„*Праведникъ яко финикъсъ процвѣтетъ, яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится*“ (Пс. XCI, 13).

Эти слова св. писанія, всегда подтверждаемыя славою угодниковъ Божіихъ на небѣ и на землѣ, съ особенною ясностью должны, бр , напечатлѣться въ умахъ нашихъ сегодня, когда въ этомъ св. храмѣ предъ священною ракою благовѣрнаго князя вотъ уже ровно сотый разъ собралось благочестивое населеніе православной столицы, чтобы чествовать приснопамятное перенесеніе нетлѣнныхъ мощей святаго угодника Божія Александра Невскаго въ царствующій градъ нашъ. Воистину сей праведникъ процвѣлъ, яко финикъсъ, и умножился, яко кедръ. Какъ подъ широколиственные кедры укрываются птицы небесныя и многочисленные звѣри земные, такъ и къ угоднику Божію со всѣхъ концовъ многолюднаго и многопопечительнаго города стекаются богомольцы, чтобы найти здѣсь убѣжище для истомленныхъ душъ, чтобы снискать утѣшеніе въ житейскихъ скорбяхъ, чтобы обрѣсти ободреніе въ претерпѣваемыхъ обидахъ, чтобы испросить духовныхъ силъ

---

[1]) Произнесено въ Александро-Невской лаврѣ на всенощной подъ 30 августа 1890 г. (день столѣтія лаврской соборной церкви). Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ» 1890 г. № 35.

для борьбы со страстями, чтобы умилить сердце и склонить его къ прощенію враговъ, чтобы разогрѣть его любовью къ нуждающимся, однимъ словомъ—чтобы усвоить себѣ тѣ духовныя сокровища, которыми сіялъ блаженный духъ Александра Невскаго, и хотя бы въ молитвенномъ желаніи ему уподобляться. Въ этомъ-то смыслѣ онъ умножается, какъ кедръ, сіяя намъ примѣромъ своей жизни и молитвеннымъ предстательствомъ своимъ произращая въ насъ тѣ духовныя силы, за которыя прославилъ его Господь.

О, братіе, какъ велика сила христіанской праведности! Смотрите, чрезъ нее умершій даетъ высшую духовную жизнь живущимъ. Ради нея нѣмой гробъ заставляетъ людей забыть кипучую дѣятельность столичнаго быта и могила даетъ живымъ то, чего не можетъ дать шумящій внѣшнею жизнью городъ. Взгляните на эти умиленныя лица, на эти съ надеждою устремленные ко св. ракѣ глаза молящихся, и спросите себя: есть ли на землѣ такая сила, которая могла бы влить въ насъ столько духовнаго ободренія въ жизненной борьбѣ, столько утѣшенія, столько умиленія, сколько почерпается при гробѣ угодника? Нѣтъ, ни столичная роскошь, ни ученость, ни красоты зданій, ни разумность общественныхъ учрежденій, ни тонкость благородныхъ отношеній—ничто не можетъ поддержать унывающій духъ человѣка, кромѣ благодати Божіей, такъ изобильно получаемый чрезъ молитвенное поклоненіе мощамъ Его угодника. Чему же научаетъ это явленіе? О какомъ законѣ нашей собственной жизни вѣщаетъ эта слава праведниковъ Христовыхъ, процвѣтающихъ, какъ финиксъ? О томъ законѣ, бр., что и въ насъ кромѣ внѣшней жизни заложена еще иная высшая жизнь духа и совѣсти, сорадующаяся славѣ святыхъ и утѣшающаяся ею и не могущая удовлетвориться внѣшнимъ попеченіемъ. Къ этой-то истинѣ относятся Христовы слова: *„кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою“* (Марк. VIII, 36). Да, братіе, на томъ-то и зиждется слава святыхъ Божіихъ и ихъ высоко-назидательное значеніе для людей, что и въ

насъ-то грѣшныхъ есть зачатки той же небесной жизни, которую вели на землѣ святые, и какъ мы ни принебрегаемъ ею, какъ ни стараемся разсѣять себя въ пустыхъ обольщеніяхъ міра: но вотъ во дни горестей и жизненныхъ обмановъ или во дни праздниковъ Божіихъ мы съ печалью сознаемъ свою внутреннюю пустоту и духъ нашъ ищетъ прилѣпиться къ такой жизни, которая протекла въ правдѣ, въ чистотѣ, въ пренебреженіи къ міру и въ любви ко Христу, какова была и жизнь угодника Божія Александра, жизнь, причастившаяся вѣчнаго блаженства и потому отогнавшая тлѣніе даже отъ того тѣла, въ которомъ она теплилась.

Эту-то истину, этотъ законъ жизни, по которому мы, не удовлетворяясь мірскими дѣлами, нуждаемся въ общеніи со святыми небожителями и угодниками, хорошо понимали мудрые россійскіе Государи, строители и украсители нашего царствующаго града.

Такъ усопшій Императоръ Петръ I-й, при всей силѣ своего характера и своего ума, ясно сознавалъ, что до тѣхъ поръ однако не привяжетъ сердецъ русскихъ къ новой столицѣ, пока она не будетъ покоищемъ для святого угодника. И вотъ Господь сподобляетъ его этимъ безцѣннымъ даромъ: Петербургъ становится святымъ мѣстомъ и русскій народъ спокойно и радостно спѣшитъ населять новый, дотолѣ невѣдомый городъ. Да воздастъ Господь небесными нетлѣнными вѣнцами Государю Петру Первому за то, что онъ не понадѣялся въ своихъ великихъ предпріятіяхъ на одинъ свой умъ и на свою только волю, но преклонилъ ихъ подъ сѣнь нашего небеснаго покровителя и тѣмъ сроднилъ хотя отчасти свои преобразованія съ духомъ православнаго народа, съ духомъ церкви Христовой! Да даруетъ Господь вѣчный покой и душѣ Государыни Екатерины Второй за то, что она озаботилась воздвигнуть сей благолѣпный храмъ надъ гробомъ угодника, и тѣмъ дать возможность многимъ тысячамъ народа назидаться и умиляться пѣніемъ его славы вотъ уже столѣтіе! Да благословитъ и да прославитъ Господь и духъ другого строителя сего храма,

великаго іерарха митрополита Гавріила, предъ памятью котораго благоговѣетъ русскій народъ! Да воздастъ Господь и всѣмъ потрудившимся для славы угодника Своего, всѣмъ воспѣвавшимъ и повѣдавшимъ предъ людьми о его подвигахъ, о его чудесахъ, священнослужителямъ и пѣвцамъ сего святого храма, пастырямъ и архипастырямъ, усопшимъ изъ нихъ да даруетъ вѣчный покой, а живѣмъ долгоденствіе и здравіе! Сто лѣтъ уже въ семъ храмѣ повѣдается жизнь и подвиги угодника Божія; сто лѣтъ уже призываемся мы жители столицы къ тому, чтобы сравнить свою суетную, мелочную и темную жизнь съ немерцающимъ и вѣчнымъ свѣтомъ праведности святыхъ. И какъ убѣдительно это сравненіе! Какъ повидимому неотразимъ долженъ быть для насъ примѣръ христіанской праведности? Вотъ предъ нами ея вѣчно неизмѣнная, вѣчно животворящая насъ же духовная сила. А вотъ за стѣнами обители мятется житейское море: каждое пятилѣтіе воздымаетъ тамъ новыхъ кумировъ, даже каждою новою зимою общество увлекается новыми и новыми интересами и стремленіями, горячится, споритъ, предается ради нихъ грѣхамъ легкомыслія и попираетъ священныя преданія религіи. И что же? Проходитъ пять лѣтъ, а то и два года или годъ: кумиры разбиваются, интересы мѣняются; опять изобрѣтаются новые, и такъ дальше изъ года въ годъ. Здѣсь сбываются печальныя слова Экклезіаста: „*кое изобиліе человѣку о всемъ трудѣ его, имъ же трудится подъ солнцемъ?... Родъ преходитъ и родъ приходитъ, а земля во вѣкъ стоитъ. Что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотворенное, тожде имать сотворится*“ (Эккл. I, 3—9). Такъ мятется въ сей жизни мірской человѣкъ, тщетно отыскивая въ шумѣ и суетѣ столичной жизни конечнаго удовлетворенія своему духу. А здѣсь по прежнему твердо неизмѣнно возвышается величественный храмъ, осѣняя сей благолѣпный гробъ съ нетлѣннымъ тѣломъ праведника. Здѣсь всякій, кому сподобитъ Господь хоть разъ вкусить общенія съ духомъ угодника, уже не ищетъ затѣмъ поклоненія мірскимъ кумирамъ и новымъ мірскимъ ученіямъ,

никогда не могущимъ надолго утѣшить человѣка, тѣмъ ученіямъ міра и плоти, къ которымъ примѣнимы слова Господни: „*піяй воду сію вжаждется паки*“ (Іоан. IV, 13).

О, братіе, наученные исторіей послѣдняго столѣтія съ его многочисленными перемѣнами мірской, общественной жизни, и вѣчно пребывающей духовной силы сего св. храма и почивающаго въ немъ угодника, научимся же вѣчное предпочитать временному, научимся вѣрить, что эта вѣчная неизмѣнная жизнь намъ даруется только чрезъ подвиги евангелъской праведности, научимся въ ея святомъ послѣдователѣ—покровителѣ нашего града, а не въ мірскихъ интересахъ минутной моды, искать руководства для дѣятельности! Воззовемъ здѣсь предъ его св. гробомъ, воззовемъ къ жизни въ душахъ нашихъ тѣ сѣмена благодатной евангельской правды, которыя и намъ всѣмъ вложилъ Господь и которыми мы сродняемся съ духомъ св. Александра Невскаго! Пусть нарождающееся новое столѣтіе его благолѣпнаго храма возродитъ и въ нашихъ сердцахъ духъ той вѣчной жизни, которой онъ научаетъ насъ примѣромъ своего житія! Пусть отнынѣ не міръ, не обольщенія свѣта руководятъ нами, но та же вѣра, которая руководила имъ, та Живоначальная Троица, которой единой онъ поклонялся и которой посвящена его церковь! Пусть не міръ, не плоть, не временное и чувственное привлекаетъ васъ, но „*благодать Господа, нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святого Духа*“. (I Кор. XIII, 13)! Аминь.

СЛОВО

на день святителя Николая чудотворца и тезоименитства Наслѣдника Цасаревича [1]).

„*Азъ знаю Моя и знаютъ Мя Моя*“ (Іоан. X, 14). Такъ говоритъ добрый Пастырь о своихъ духовныхъ овцахъ. Между Нимъ и Его стадомъ образуется столь тѣсное духовное родство, что овцы, разбѣгающіяся при приближеніи чужого человѣка, своему истинному Пастырю не только дружно повинуются, но и сами за Нимъ спѣшатъ добровольно. Не трудно замѣтить всякому, что Пастырь имѣетъ здѣсь дѣло со Своимъ собственнымъ стадомъ, что здѣсь Онъ не чужой.

О чемъ говоритъ это подобіе, братіе? О томъ, что жизнь наша, жизнь христіанскаго общества должна идти въ такомъ постоянномъ, неуклонномъ согласіи съ жизнью нашего Пастыря—Христа, чтобы всякій легко могъ узнать въ насъ Христово стадо, Христовъ дворъ овчій. Такъ и было во времена древнія, въ вѣка мученичества, когда „*у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа*“ (Дѣян. IV, 32), когда общеніе ихъ съ Богомъ было настолько сильно, что даже невѣрующій или незнающій, входившій въ ихъ молитвенное собраніе, обнаруживалъ тайны своего сердца, падалъ ницъ и, покланяясь Богу, долженъ бывалъ сказать: „*истинно съ вами Богъ*“ (1 Кор. XIV, 25). Давно окончились времена апостоловъ и

---

[1]) Произнесено въ Исаакіевскомъ соборѣ 6 декабря 1890 г. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ» 1890 г. № 49.

мучениковъ: нынѣ христіанская жизнь усвоена государствами и можетъ спокойно и мирно процвѣтать въ народахъ. Спрашивается, сохранилось ли прежнее тѣсное общеніе сей жизни съ Начальникомъ жизни? Восклицаетъ ли и теперь всякій, входящій въ общество христіанъ: воистину съ вами Богъ? Думаютъ ли иновѣрные такъ, напр., о настоящемъ нашемъ молитвенномъ собраніи, когда въ этотъ св. храмъ вмѣстѣ съ народомъ русскимъ собрались и представители его правительства? Скажутъ ли о насъ, что съ нами Богъ? Повидимому, должны бы сказать: молитва русскаго народа усердна и искренна; самый поводъ, по которому мы здѣсь собрались въ столь праздничномъ видѣ, тоже вполнѣ сроденъ съ закономъ Божіимъ. Собрались мы сюда, чтобы принести Господу молитвы за царствующую семью въ день ея праздника, за семью, не только избранную и вознесенную Богомъ, но и въ свою очередь дающую примѣръ искренняго усердія къ вѣрѣ Христовой и благочестивой жизни. Сей праздникъ, въ честь первенца и Наслѣдника такого Государя, который въ Высочайшихъ манифестахъ торжественно предъ лицемъ цѣлаго міра исповѣдаетъ, что опора его безопасности и мира заключается въ молитвахъ многомилліоннаго народа,—сей праздникъ молитвы народной, конечно, есть праздникъ, достойный называться праздникомъ Христовымъ, не по внѣшности только, но и по самому существу.

Но то ли мы слышимъ о нашихъ праздникахъ и о жизни нашей отъ современныхъ невѣровъ и невѣждъ? Ради чего они отъ насъ удаляются? Можетъ быть по тѣмъ же причинамъ, по которымъ отъ христіанъ древнихъ удалялись еретики? Можетъ быть потому, что имъ ненавистна благочестивая жизнь, что они „*идутъ вслѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высшихъ*“ (2 Петр. II, 10)?

Трудно войти въ ихъ душу и узнать подлинныя руководящія ими сокровенныя побужденія, но говорятъ они совсѣмъ другое, говорятъ нѣчто такое, чего давно, а можетъ быть

никогда, не дерзали говорить отступники отъ церкви, еретики или язычники. Современные отступники утверждаютъ, что ихъ побуждаетъ удаляться отъ насъ наше собственное якобы забвеніе жизни Христовой, наше холодное, неискреннее отношеніе къ христіанской вѣрѣ, наше противоевангельское довольствованіе одними богослужебными обрядами, говоря кратко, сходство якобы нашей жизни и нашихъ мыслей съ тѣми, за которыя Господь такъ грозно обличалъ фарисеевъ. Итакъ, вопреки нашему предположенію, невѣры современные говорятъ, что съ нами нѣтъ Бога, что мы забыли Христа, что ихъ отъ насъ удаляютъ не злыя, но добрыя стремленія, жить такъ, какъ Господь заповѣдалъ по евангелію. Такъ дерзаютъ говорить и образованные отступники отъ церкви, вдохновляемые однимъ извѣстнымъ писателемъ; такъ не страшатся повторять за ними и люди простые, образующіе секты штундистовъ и пашковцевъ. Тщетно православные миссіонеры имъ толкуютъ, что грѣхи людей не должны вооружать никого противъ самой непогрѣшимой вѣры и церкви, что Господь, обличавшій лицемѣрную жизнь, тутъ же далъ предупрежденіе повиноваться и слушать закономъ поставленныхъ учителей (Мат. XXIII, 3), что объ истинности нашей вѣры свидѣтельствуетъ библія и исторія: ничего этого не хотятъ слушать сектанты; они говорятъ: Бога съ вами нѣтъ, ибо вы не по божьи поступаете. Отчасти понятно такое упорство: различать вѣрованія общества отъ его жизни, и обращать вниманіе на первыя, не замѣчая второй, могутъ только люди, склонные къ отвлеченному мышленію, а такихъ вездѣ меньшинство, и святая истина нашей вѣры останется далека и неприступна для этихъ жалкихъ отщепенцевъ до тѣхъ поръ, пока наша общественная жизнь будетъ имъ давать поводъ произносить приведенныя обличенія.

Что же: повторять ли обличенія раскольниковъ и съ каѳедры церковной? Говорить ли о томъ, что русское общество не идетъ въ слѣдъ благочестиваго примѣра своего вѣнценоснаго Монарха и его Высочайшей семьи? Обращаться ли ъ

совѣсти слушателей съ укоромъ за то, что ихъ уваженіе къ вѣрѣ христіанской мало искренно и внѣшне? Рисовать ли печальную картину общественныхъ нравовъ: безучастнаго отношенія къ общественнымъ обязанностямъ, не братолюбиваго стремленія къ ближнимъ, гордости и безпутнаго поведенія?

Увы, отъ этого мало пользы! Русскій человѣкъ, правда, не гнѣвается на обличенія: онъ готовъ самъ въ десять разъ больше прибавить къ тому, что сказалъ въ его осужденіе обличитель. Любимое чтеніе его—обличительная письменность, будь она ораторская, будь она ироническая, будь она повѣствовательная. Но что пользы въ этой любви къ обличенію? Пережитая горечь недовольства собою и жизнью составляетъ для русскаго человѣка предметъ своеобразнаго наслажденія и оно замѣняетъ ему надлежащій плодъ обличенія, т. е. дѣйствительную перемѣну жизни.

Но если обличенія безсильны, а печальная дѣйствительность слишкомъ громко заявляетъ о необходимости коренного, внутренняго обновленія нашей общественной жизни и нравовъ, ради которыхъ, какъ видимъ, „имя Божіе хулится во языцѣхъ“ (Римл. II, 24): то что дѣлать церкви, чтобы воззвать къ жизни своихъ ослабѣвающихъ сыновъ? Какъ возстановить такія условія общественнаго быта, чтобы никто, ни одинъ искренній и правдивый человѣкъ не сталъ говорить о забвеніи нами закона Божія, не хулилъ бы нашу вѣру, какъ вѣру обрядности и лицемѣрія?

Трудный желательный переворотъ, мудрена предлежащая задача! И если въ нашихъ сердцахъ нѣтъ благопріятныхъ тому стремленій, то, конечно, ни обличенія, ни разъясненія въ родѣ того, что своею грѣховною жизнью мы губимъ души людей, отпадающихъ отъ церкви, что распространеніе ересей грозитъ поколебать цѣлость нашей народности и государства, —ничто такое не поможетъ дѣлу, ибо не напрасно сказалъ Господь: не можетъ дерево худое приносить плоды добрые (Мат. VII, 17).

Но, благодареніе Богу, русское сердце еще не умерло для христіанской жизни: пусть говорятъ, что мало у насъ христіанской добродѣтели въ быту общественномъ, но едвали скажетъ справедливый человѣкъ, что въ русскихъ сердцахъ нѣтъ христіанскихъ стремленій, нѣтъ стыда, нѣтъ тяжкихъ укоровъ оскорбленной совѣсти. Пусть говорятъ, что нашъ общій бытъ далекъ отъ жизни первыхъ христіанъ, но кто осмѣлится утверждать, что другіе евангельскіе образы намъ чужды: образъ кающагося мытаря, блудницы и благоразумнаго разбойника, образъ Закхея, который только ждетъ, чтобы Христова благодать его коснулась, чтобы оставить грѣховную жизнь и возродиться,—образъ Никодима и Іосифа аримаѳейскаго, которыхъ сердца горятъ любовію къ высшей правдѣ. и только робость предъ толками сотоварищей мѣшаетъ открыто исповѣдать Христа? Кто смѣетъ отрицать, что въ глубинѣ души всѣ русскія люди суть алчущіе и жаждущіе правды, что они—нищіе духомъ и плачущіе въ тайникѣ своихъ сердецъ, что въ личной совѣсти своей они гораздо лучше, чѣмъ во внѣшней являемости, что не столько въ нихъ самихъ корень нашихъ общественныхъ золъ, отвращающихъ братьевъ нашихъ отъ истинъ православія, сколько въ принятыхъ иноземныхъ обычаяхъ жизни общественной, въ той видимой холодности, горделивой вѣжливости, безучастной любезности и внѣшней, кажущейся законности, къ которымъ пріучило насъ двухвѣковое иноземное вліяніе? Разумѣемъ не столько обычаи внѣшніе, усвоенные оттуда. сколько то самое настроеніе духа, холодное и горделивое, которымъ отличается образованный европеецъ. Русскими людьми оно усвоивается съ дѣтства и утѣсняетъ собою ту истинно евангельскую сердечную теплоту, искренность и трезвость совѣсти, коими отличается характеръ русскаго человѣка. Отсюда то печальное раздвоеніе, которымъ опредѣляется русская жизнь, отсюда и тѣ позорныя и грозящія общественными бѣдами злохуленія, что изрекаются на православіе современными сектантами.

Итакъ, вотъ куда надо обратить наши взоры и наше вниманіе: на внутренность души нашей, на голосъ забываемой совѣсти. Надо воззвать къ жизни все высокое, святое и искреннее, что мы туда прячемъ, и не стыдиться тѣхъ нѣжныхъ и благочестивыхъ русскихъ чувствъ, которыхъ мы такъ не любимъ обнаруживать, не стыдиться Христа и словесъ Его „въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ грѣшномъ“ (Лук. IX, 26), какъ это мы дѣлаемъ. Болѣе искренности, болѣе соотвѣтствія внѣшнихъ обнаруженій нашихъ и нашего быта съ тѣми высокими стремленіями нашего духа, которымъ противятся условія принятыхъ предразсудковъ! Много есть на Руси лицемѣрія добромъ, но еще болѣе противоположнаго лицемѣрія зломъ въ видѣ похвальбы своими грѣхами и хвастливости. Можетъ быть и первое вызывается послѣднимъ. Перестанемъ же, братіе, боязливо прятать отъ жизни всякое искренне доброе чувство, отбросимъ ложный стыдъ добраго, а устыдимся зла, устыдимся лицемѣрія, проникающаго нашъ бытъ. Конечно преобразиться сразу очень трудно, а между тѣмъ необходимо. Разростающаяся ересь ясно говоритъ, что теперь первый общественный, какъ говорятъ, гражданскій долгъ нашъ заключается въ сердечномъ проникновеніи истинами жизни евангельской. Начнемъ это проникновеніе хотя съ малаго: вкусимъ этой жизни чрезъ самый доступный всякому подвигъ милосердія къ бѣднымъ, столь умѣстный въ виду приближающагося праздника Рождества Христова. Не о падачѣ милостыни говоримъ мы только, но о томъ, чтобы войти самому въ нужды бѣдныхъ, убѣдиться опытомъ въ этихъ нуждахъ хотя разъ одинъ, чтобы вкусить истиннаго подвига евангельской любви и состраданія. Однажды пережитое и обнаруженное чувство братолюбія дастъ намъ возможность вкусить ту, ни съ чѣмъ несравненную сладость евангельской жизни, которая начнетъ жечь сердца наши, какъ огонь, и заставитъ насъ постепенно возраждаться внутренно, а внутреннее возрожденіе отразится всецѣло и на условіяхъ жизни общественной и заградитъ уста хулителей нашей вѣры. Съ малаго начнемъ исполнять

это великое назначеніе нашего вѣка, но малостью перваго подвига смущаться не будемъ, ибо царство Божіе сначала бываетъ какъ сѣмя горчичное, а потомъ разростается въ высокое дерево, и птицы небесныя укрываются подъ сѣнью его. Если будетъ въ нашей жизни возрастать царство Божіе, то возвратятся вновь отступники православія и, присоединяясь къ нашимъ молитвеннымъ собраніямъ, скажутъ: „воистину съ вами Богъ“.

Р Ѣ Ч Ь,

сказанная (съ сокращеніями) на молебствіи Безплотнымъ Силамъ въ день открытія академическаго журнала: „Богословскій Вѣстникъ“ [1]).

На многія размышленія наводитъ насъ, братіе, нынѣшнее совпаденіе открытія нашего богословскаго журнала съ праздникомъ въ честь св. Ангеловъ.

Всевышній Творецъ, по единому побужденію безкорыстной любви воззвавшій къ бытію сонмы міровъ и безчисленное множество разнороднѣйшихъ тварей, — эту-же любовь и взаимопомощь поставилъ основнымъ закономъ ихъ жизни. Впрочемъ существенная разность наблюдается между двумя частями твари: тою которая одарена нравственнымъ сознаніемъ, и тою, которая его лишена.

Въ жизни послѣдней мы видимъ, что слабѣйшая и низшая по развитію порода идетъ на служеніе высшей: наоборотъ въ жизни существъ сознательныхъ высшіе и разумнѣйшіе духи служатъ низшимъ и менѣе разумнымъ, такъ что страшные Херувимы и Серафимы и прочія Силы Безплотныя, предстоящія лицу Создателя, не только не гнушаются именоваться *„служебными духами“* (Евр. 1, 14), но съ тѣмъ большимъ тщаніемъ пекутся о духовномъ руководствѣ низшихъ ихъ тварей—людей, въ чѣмъ глубочайшую бездну паденія они низвергаются, ибо сказано, что небожители радуются болѣе *„объ одномъ грѣшникѣ кающемся нежели о девяносто девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи“* (Лук. 15, 7. 10). Поистинѣ, какъ поразительна эта мысль! Хотя небесные духи настолько превосходятъ лучшаго изъ людей, что онъ даже умомъ своимъ не можетъ предста-

[1]) Произнесена 8-го ноября 1891 года въ академической церкви. Въ первый разъ была напечатана въ журналѣ Богословскій Вѣстникъ, 1892 г. Январь.

вить, чѣмъ различаются ихъ боголюбезные чины, чѣмъ Херувимы разнятся отъ Серафимовъ и въ чемъ преимущество Серафимовъ предъ Началами: тѣмъ не менѣе даже слабые младенцы человѣческаго рода не лишены ихъ предусмотрительныхъ заботъ: „*блюдите*, говоритъ Господь: *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца небеснаго* (Мѳ. 18, 10).

Падшій родъ человѣческій забылъ этотъ законъ служенія высшихъ низшимъ и уподобилъ свою жизнь жизни животныхъ, борящихся за свое существованіе, но смотрите, для возстановленія правильнаго понятія о жизни уже не Ангелъ и не Архангелъ, но самъ Господь воплощается въ бренную плоть и вотъ Онъ, Владыка вселенной, въ рабскомъ видѣ стоитъ среди Своихъ учениковъ предъ сосудомъ, въ коемъ умываетъ ихъ ноги и возстановляетъ истинное понятіе о законахъ общежитія: „*царіе языкъ господствуютъ ими и обладающіи ими благодателе нарицаются. Вы-же не тако, но болій въ васъ да будетъ яко мнійй; и старѣй, яко служай. Кто бо болій, возлежай-ли или служай? не возлежай-ли? Азъ-же посредѣ васъ есмь, яко служай*“ (Лук. 22, 25—28).

Содѣлавшіеся „*причастниками Божескаго естества*“ (2 Петр. 1, 4), сыны Новозавѣтной Церкви твердо шли по начертанному пути и возстановили на землѣ законъ жизни ангельской; приближенные ко Христу Апостолы, восхищавшіеся до третьяго неба и слышавшіе тамъ „*неизреченные глаголы*“ (2 Кор. 12, 4) считали себя рабами христіанъ (2 Кор. 4, 5), ихъ кормилицами (1 Сол. 2, 7), ихъ многоболѣзными матерями (Галат. 4, 19); будучи отъ всѣхъ свободны, они всѣмъ порабощались, дабы больше пріобрѣсть (1 Кор. 9, 19), ибо для нихъ не было большей радости какъ слышать, что дѣти ихъ ходятъ въ истинѣ (3 Іоан., 4). Тому-же ангельскому обычаю учили они вѣрныхъ, говоря: „*мы сильные должны сносить немощи безсильныхъ и не себѣ угождать. Каждый изъ васъ долженъ угождать ближнему во благо къ назиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ*“ (Римл. 15, 1—3).

Вотъ, братіе, для насъ наглядный примѣръ того, какъ и мы должны подражать дѣлу Ангеловъ въ начатомъ нами благомъ дѣлѣ. Мы не знаемъ въ подробностяхъ жизнь безплотныхъ руководителей нашихъ; но знаемъ, что сравнительно даже съ жизнію древнихъ христіанъ современный внѣшній бытъ церковный сталъ инымъ: явились новыя формы общежитія, отношенія между людьми осложнились; но всетаки ничто не можетъ освободить насъ отъ обязанности посвящать себя и свои труды на служеніе меньшей братіи, ибо хотя измѣнился внѣшній строй жизни, но пребываетъ та любовь, которая создала христіанское общество и духъ Апостоловъ, духъ Ангеловъ по прежнему долженъ исполнять тѣхъ, кому Господь открылъ разумѣніе Своей воли, кого приблизилъ къ Себѣ чрезъ познаніе законовъ бытія и Домостроительства. „*Раздѣленія дарованій суть, а той же Духъ; и раздѣленія служеній суть, а той-же Господь; и раздѣленія дѣйствъ суть, а той-же есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ*“ (1 Кор. 12, 4—7).

Впрочемъ, не смотря на великую разность между вѣкомъ апостольскимъ и нашимъ, тотъ и другой имѣютъ нѣчто весьма родственное по отношенію къ задачамъ духовнаго просвѣщенія. Именно, какъ Апостоламъ Божіимъ предлежала необходимость вѣдаться съ двумя главнѣйшими направленіями умственной жизни—эллинской и іудейской и въ свою очередь становиться то яко подзаконными, то яко беззаконными, да всяко нѣкія спасутъ (1 Кор. 9, 22): такъ и современные дѣятели духовнаго просвѣщенія должны примирять и приводить къ истинно-христіанскимъ понятіямъ тоже два враждующихъ другъ противъ друга и другъ друга удаляющихъ отъ Христа, два направленія умственной жизни образованнаго общества.

Кто-же наши русскіе эллины и кто іудеи, и какъ должны вразумлять ихъ представители церковнаго ученія?

Наши эллины это тѣ безпокойные умы, которые или воспитались внѣ жизненнаго вліянія Христовой вѣры и Цер-

кви, или не познавъ, не понявъ той и другой, отчуждались отъ нихъ по недоразумѣнію. Разумѣемъ не тѣхъ сознательныхъ противниковъ и даже ненавистниковъ религіи, которыхъ конечно не книгами и не учеными разсужденіями возможно обратить на путь истины, а развѣ дѣлами любви и свидѣтельствомъ живой вѣры произвести переворотъ въ ихъ волѣ. Но мы имѣемъ въ виду тѣхъ маловѣрныхъ блудныхъ сыновъ русской Церкви, которые просто по незнанію, по недомыслію относятся къ ней съ сомнѣніемъ или боязнью, почитая ее, по ложнымъ свѣдѣніямъ своихъ руководителей, вмѣстилищемъ лишь сухаго формализма, ненавистницею просвѣщенія, утратившею священные завѣты Евангелія о любви и правдѣ. Разумѣемъ тѣ отрасли нашей свѣтской печати, служащей выразительницею и учительницею такихъ современныхъ эллиновъ, которые проповѣдуютъ высокія нравственныя идеи, призываютъ людей къ отверженію себялюбія и слѣдованію по стезямъ закона евангельскаго,—которые дѣйствительно преисполнены желаніемъ нравственнаго обновленія, но, не зная или не понимая Церкви, не имѣютъ для него ни достаточно сильнаго побужденія, ни тѣмъ менѣе твердой почвы для борьбы съ грѣхомъ, что ими съ горечью и признается. Не таковы прежніе не церковные проповѣдники любви и человѣчности, называющіе себя либералами. Послѣдніе, обнаруживъ свое нравственное безсиліе, очень мало о немъ печалились и хотя немногіе лучшіе изъ нихъ сознавались, что имъ „суждены лишь порывы благіе, а свершить ничего не дано“: но въ большинствѣ совершенно спокойно относились къ своей порочной и себялюбивой жизни, усыпляя совѣсть мыслью о своихъ внѣшнихъ трудахъ, подъ коими часто разумѣлись однѣ либеральныя фразы. Нѣтъ, нынѣшніе послѣдователи независимой нравственности, столь близкіе къ духу Церкви по характеру своихъ сердечныхъ стремленій и столь далекіе отъ ней по заблужденіямъ ума,—ищутъ, напряженно и мучительно ищутъ опоры для своей религіозной и нравственной жизни, повѣряютъ источники Откровенія и обѣщаютъ быть самыми

ревностными сынами Церкви, если имъ объяснятъ, какимъ образомъ всѣ ея вѣрованія и установленія, вся ея жизнь выводится изъ той основной заповѣди, на которой *„законъ и пророцы висятъ“* (Мате. 22, 40). Въ такомъ разъясненіи вѣры и жизни церковной и заключается первая задача распространителей церковнаго просвѣщенія и богословской науки. Показывать не только истинность, но и святость Церкви и Православія, вотъ что должны мы дѣлать по отношенію къ современнымъ эллинамъ. Подобно великому Павлу, должны мы во всѣхъ отрасляхъ православнаго богословія проповѣдать имъ того невидимаго имъ Бога, котораго не зная умомъ, они почитаютъ сердцемъ (Дѣян. 17, 23) и показать, что кажущіяся новыми нравственныя понятія давно, давно имѣются въ сознаніи Церкви. Творенія святыхъ Отцевъ, заботившихся всегда о подобномъ именно толкованіи истинъ вѣры, могутъ для насъ послужить руководствомъ для приближенія съ Церковью умовъ современныхъ эллиновъ.

Но кто-же наши іудеи? Это люди преданій, строгіе поклонники внѣшняго церковнаго строя, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ его сторонъ, которыя имъ нравятся, но самовольные толкователи духа Церкви, съуживающіе его только до ученія о борьбѣ съ личными грѣхами, съ чувственными страстями. Они держатся тѣхъ религіозныхъ возрѣній, которыя были господствующими въ XI-мъ вѣкѣ въ Византіи и конечно сочли-бы новшествомъ и своевольными умствованіями тѣ свѣтлыя представленія о царствѣ Божіемъ, которыя проповѣдывали вселенскіе Учители 4-го и 5-го вѣка. Ограничивая все содержаніе Божественной вѣры церковными священнодѣйствіями и выполненіями благочестивыхъ упражненій въ воздержаніи и уединеніи,—они отрицаютъ значеніе Церкви для жизни общественной, нисколько не хотятъ присматриваться къ нравственному настроенію общества, сказывающемуся въ мірской печати, и конечно съ непримиримою ненавистью и презрѣніемъ относятся къ вышеописанному первому направленію мысли, какъ древніе іудеи къ элли-

намъ. Эта то ихъ нетерпимость и самый складъ ихъ религіозныхъ воззрѣній, холодныхъ и внѣшнихъ, служитъ главною причиной односторонняхъ понятій о самой Церкви нашей у людей противо-церковнаго направленія и поддерживаетъ ихъ упорное отступничество. Послѣдніе въ свою очередь называютъ нашихъ іудеевъ лицемѣрами, чуждыми христіанскихъ понятій себялюбцами, и уподобляютъ два различныхъ отношенія къ христіанству тѣмъ двумъ сынамъ одного хозяина, изъ коихъ одинъ, соотвѣтствующій современнымъ іудеямъ, обѣщавъ отцу исполнить его приказаніе и идти работать въ его виноградникъ, не пошелъ, а другой, подобно будто-бы современнымъ русскимъ эллинамъ, отказавшись слушаться, на дѣлѣ исполнилъ волю отца.—Конечно, лицемѣры всегда были и будутъ въ каждомъ религіозномъ обществѣ, но всетаки эти обвиненія невѣрны точно такъ-же, какъ и то смѣшеніе современныхъ маловѣрныхъ искателей жизненнаго смысла христіанства съ прежними разрушителями нигилистами, на каковомъ смѣшеніи настаиваютъ ихъ противники. Нѣтъ, сколько глубокой вѣры въ Господа, сколько благоговѣнія предъ величіемъ Его дѣлъ, сколько подвиговъ и молитвы могутъ представить и эти ненавистники всякаго общественнаго значенія вѣры, имѣющіе нелицемѣрною ревность о ней, хотя, подобно древнимъ іудеямъ, и не по совершенному разумѣнію (Рим. 10, 2)! И когда дѣло пойдетъ о дѣйствительной помощи страдальцу, о подлежащей сейчасъ необходимости пожертвовать своимъ для добраго дѣла, то какъ часто іудеи предваряютъ велерѣчивыхъ эллиновъ, ясно свидѣтельствуя тѣмъ, что основанное на твердыхъ убѣжденіяхъ, хотя и холодное, повиновеніе долгу, всетаки прочнѣе, чѣмъ висящія на воздухѣ произвольныхъ измышленій благороднѣйшія стремленія сердца.

Но можетъ-ли мириться церковное просвѣщеніе съ такимъ несовершеннымъ со стороны русскихъ іудеевъ пониманіемъ вѣры? можетъ-ли смотрѣть равнодушно на эту препону для обращенія эллиновъ къ Церкви? Не должно-ли оно дать рев-

ности первыхъ побольше сердечнаго простора и свѣта, объяснивъ имъ, что Господъ милости хочетъ, а не жертвы (Мѳ. 12, 7), что лишенный любви, хотя и горы будетъ переставлять вѣрою и отдастъ тѣло свое на сожженіе,—останется кимваломъ бряцающимъ, будетъ какъ ничто (1 Кор. 13, 1—3)? Имъ надо показать, что Церковь обнимаетъ собою всѣ стороны жизни человѣческой, что только злоба и грѣхъ ею не вмѣщаются, и всякое дѣло всякая мысль, согласная съ совѣстью неизмѣнно включается въ жизнь Церкви, усовершаясь благодатію вѣры, что именно такъ учили Богоозаренные Отцы, которые древнѣе и церковнѣе ихъ авторитетовъ, что вся наша жизнь должна быть продолженіемъ тѣхъ богослужебныхъ молитвъ, которыя мы всѣ такъ любимъ. Раскрывать всѣ эти истины вѣры путемъ научно-теоретическимъ весьма трудно, несравненно труднѣе, чѣмъ благочестивымъ примѣромъ, но между тѣмъ существенно необходимо; ибо оба заблужденія происходятъ вслѣдствіе недостаточно глубокаго пониманія самаго ученія Христова и его исторіи. Поэтому, сколько надо нравственной чуткости, какое нѣжное вниманіе сердца, чтобы въ дерзкихъ и иногда грубо-неосмысленныхъ яко-бы критически-философскихъ заявленіяхъ современныхъ эллиновъ и въ неумалимомъ узкомъ фанатизмѣ іудеевъ различить среди возбужденій запальчивости, голосъ совѣсти ищущей свѣта или ревнующей о славѣ Божіей. Поистинѣ съ терпѣніемъ Ангела-Хранителя долженъ современный учитель православнаго богословія отыскивать искры правды въ современныхъ умахъ и чрезъ эти искры проницать въ умы свѣтомъ спасительныхъ завѣтовъ Церкви. Конечно св Церковь, сама по себѣ не нуждается въ благоволеніи къ ней какого нибыло направленія современной мысли,—сама въ себѣ имѣетъ она вѣчную основу жизни и врата ада ея не одолѣютъ (Матѳ. 16, 18): но вѣдь и св. Ангелы могли бы жить безъ насъ, многогрѣшныхъ, и однако сѣтуютъ и огорчаются, видя наше ожесточеніе. Не должны-ли и мы, при видѣ погибающихъ въ отчужденіи или ожесто-

ченіи почти цѣлыхъ поколѣній, при видѣ разбивающихся о скалы отчаянія волнъ самаго чистаго, но безсильнаго внѣ Церкви стремленія къ свѣту и добру—подобно Ангеламъ томиться и плакать и взывать съ пророкомъ: *кто дастъ главѣ моей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ! я плакалъ-бы день и ночь о пораженныхъ дщери народа моего* (Іер. 9, 1). *Возвратись отступница, дочь Израилева, говоритъ Господь: Я не изолью на васъ гнѣва моего; ибо Я милостивъ, говоритъ Господь: не вѣчно буду негодовать. Признай только вину свою, ибо ты отступила отъ Господа... Возвратитесь, дѣти отступники, говоритъ Господь: потому что Я сочетался съ вами*“ (Іер. 3, 12—14).

Услышимъ-ли мы въ отвѣтъ кающихся: „*вотъ мы идемъ къ Тебѣ, ибо Ты Господь нашъ*“ (Іер. 3, 22)!? Это зависитъ отъ того будетъ-ли въ нашемъ словѣ, въ нашихъ ученыхъ изысканіяхъ „*явленіе духа и силы*“, (1 Кор. 2, 4) будемъ-ли мы преисполнены ангелоподобной любви и смиреннаго попеченія объ умственыхъ болѣзняхъ общества, съумѣемъ-ли примирить одностороннія увлеченія мысли эллиновъ и іудеевъ и быть соработниками (1 Кор. 3, 8) Того, Кто „*есть миръ нашъ сотворивый обоя едино и средостѣніе ограды разоривый*“ (Ефес. 2, 14).

„Союзомъ любви связуеми, владычествующему надъ всѣми Христу себе возложше“, будемъ очищать молитвою сердца наши для благовѣствованія сего мира, силою истинно-богословскихъ знаній покоряя Христу и Церкви отчуждившуюся мысль и волю людей. „Свѣтозарные Ангелы, неизмѣримымъ кругомъ обстоящіе равночестный свѣтъ Трисіяннаго Божества“ (молитва св. Григорія Богослова), не возгнушайтесь принять въ общеніе своей службы и насъ недостойныхъ и многогрѣшныхъ служителей вѣры, просвѣщая вашимъ предстательствомъ наши умы сердца и исполняя насъ разумѣнія истины Божіей и умѣнія раскрывать ее людямъ для обращенія всѣхъ ко Христу. Аминъ.

СЛОВО

На день памяти преподобнаго Сергія [1]).

Подобно есть царствіе небесное зерну горушичну, еже вземъ человѣкъ всѣя на селѣ своемъ: еже мальйше убо есть отъ всѣхъ сѣмень: егда же возрастетъ: болѣе всѣхъ зелій есть и бываетъ древо, яко пріити птицамъ небеснымъ и витати на вѣтвехъ его (Матѳ. 13, 31—32).

Эти слова Господни исполнились, братіе, на жизни угодника Его преподобнаго Сергія, въ славную обитель котораго собралъ насъ день его пятисотлѣтней памяти. Святая обитель сія стала древомъ многовѣтвистымъ, подъ сѣнь котораго собираются обитатели земли русской со всѣхъ концовъ ея, и при томъ не ради тѣлеснаго питанія и упокоенія, но ради насыщенія духа—памятью о подвигахъ святаго, покаяніемъ во грѣхахъ и примиреніемъ съ Богомъ и съ житейскими скорбями. Видѣла ли ты, русская земля, такія несмѣтныя толпы народа на праздникахъ мірскихъ, на зрѣлищахъ или торжищахъ? Нѣтъ, поистинѣ горчишное сѣмя царствія Божія, положенное однимъ преподобнымъ отшельникомъ на сѣмъ мѣстѣ, оказалось древомъ *большимъ всѣхъ зелій земли*—боль-

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Богословскій Вѣстникъ» 1892 г. Октябрь.

шимъ и несокрушимо твердымъ, въ противоположность скоропреходящимъ увлеченіямъ жизнью міра. А если мы къ сегодняшнему сонму собравшихся богомольцевъ мысленно присоединимъ всѣхъ тѣхъ, которые притекали въ обитель преподобнаго Сергія въ продолженіе сего лѣта и прошлаго и цѣлыхъ пяти сотъ лѣтъ; если къ нимъ еще приложимъ имена всѣхъ православныхъ, хотя и не бывшихъ здѣсь, но въ другихъ храмахъ и домахъ призывающихъ и призывавшихъ имя Преподобнаго или покланявшихся его святымъ иконамъ: то умъ нашъ затрепещетъ отъ этихъ тысячей тысячъ и тьмами темъ мужей и женъ, старцевъ и дѣтей, ученыхъ и простыхъ, вельможъ и земледѣльцевъ, праведниковъ и грѣшниковъ, которыхъ объединяло одно имя, которыхъ дѣлалъ братьями одинъ отецъ. Вотъ праведникъ, ослабѣвающій въ подвигахъ и скорбяхъ за имя Божіе, взирая на икону Святаго, находитъ въ воспоминаніи о немъ какъ бы надежный якорь; вотъ грѣшникъ, гордецъ или жестокосердый ненавистникъ, услышавъ бесѣду о чудесахъ и обличеніяхъ Святаго, проникается покаяніемъ и обращается ко Христу; вотъ скорбящая мать или осиротѣлая вдова, вспоминая о любви преподобнаго Сергія къ угнетеннымъ и страдающимъ, вновь примиряется съ жизнью; вотъ умирающій въ предсмертномъ ужасѣ находитъ отраду, слушая церковную пѣснь въ честь Угодника; а вотъ и лишившіяся было спасенія, суція въ мукахъ адскихъ, грѣшныя, но не ожесточенныя до конца души чрезъ предстательство Святаго получаютъ облегченіе и, наконецъ, прощеніе отъ Бога.—Такъ многочисленны и разнообразны дарованія, что равно объемлютъ собою раздѣленныхъ вѣками и тысячами верстъ, соединяя всѣхъ въ единый несмѣтный ликъ празднующихъ.—О, великій сонмъ! о, священное братство! Поистинѣ ты лучше всякаго братства по плоти и прочнѣе всякаго кровнаго союза, ибо, хотя нынѣ мы всѣ, любовію молящіеся Преподобному, не знаемъ другъ друга, но нѣкогда узнаемъ

и увидимъ, и тогда-то достойно оцѣнимъ силу той любви, которая собрала вмѣстѣ концы земли, слила во едино вѣка и въ разнообразные умы и сердца вселила единый духъ—духъ смиреннаго покаянія и чистой любви.

Итакъ, братіе, мы, во многихъ тысячахъ собравшіеся сюда, составляемъ лишь малую часть всѣхъ живыхъ и усопшихъ, воспѣвающихъ славу преподобнаго Сергія. Поистинѣ на немъ открылась слава Божія, слава Церкви Божіей, которой онъ служилъ. Поистинѣ только въ ней можетъ созидаться обширное братство и прочный союзъ душъ, котораго такъ чужда жизнь земная. Смотрите, великіе герои міра—мудрецы, поэты, ораторы или могучіе завоеватели всѣмъ жертвуютъ, на все рѣшаются, чтобы создать прочное единство народовъ, упрочить надолго какое-либо ученіе, усвоить порядки общежитія. И что же? Всесокрушающее время скоро посмѣвается ихъ замысламъ: царства ихъ рушатся, мысли ихъ забываются, даже память о нихъ остается только въ книгахъ. И чѣмъ важнѣйшими и поразительнѣйшими событіями ознаменовали они свои дѣянія, чѣмъ высочайшіе построили памятники своего могущества, тѣмъ ужаснѣйшее разрушеніе ожидаетъ ихъ, тѣмъ безлюднѣйшая пустыня является наслѣдницею прежней славы. Не такова участь подвижника истинной Церкви, празднуемаго днесь нами. Здѣсь, напротивъ, пустыня создаетъ собою населенный градъ; убѣжище отшельника является дорогимъ пристанищемъ для милліоновъ; строгій постникъ и неусыпный труженикъ — утѣшителемъ семействъ и народовъ; умерщвляемое при жизни тѣло—нетлѣннымъ поклоненіемъ для царей и святителей.

Конечно великъ духъ преподобнаго Сергія; но одинъ духъ даже лучшаго изъ смертныхъ людей не могъ бы произвести сего чуднаго превращенія, еслибъ онъ не подвизался въ пріискреннемъ единеніи съ Духомъ Божіимъ, который живетъ на землѣ только въ Церкви Христовой и *можетъ вся*,

какъ вѣчный, всемогущій и пресвятый. Ушелъ преподобный отъ людей, но не хотѣлъ уходить отъ Бога и отъ Церкви: въ ней онъ искалъ Бога, въ ея священныхъ уставахъ монашеской жизни искалъ постепеннаго возрастанія во Христа и общенія съ Духомъ Божіимъ, и Богъ былъ съ нимъ и привлекъ къ нему въ пустыню сіе множество чадъ духовныхъ, во исполненіе словъ Писанія о славѣ Церкви, которыя теперь оправдались на преподобномъ Сергіи: *На тебѣ явится Господь и слава Его на тебѣ узрится. И пойдутъ царіе свѣтомъ твоимъ и языцы свѣтлостію твоею. Возведи окрестъ очи твои и виждь собраная чада твоя: се пріидоша вси сынове твои издалеча и дщери твои на рамѣхъ возмутся. Тогда узриши и ужаснешися сердцемъ, яко приложится къ тебѣ богатство морское, и языковъ и людей... И положу тя въ радость вѣчную, веселіе родомъ родовъ* (Ис. 60, 2—6. 15). Роды родовъ духовно веселятся предъ тобою, отче Сергіе! Твоя слава, выросшая изъ смиренія, научаетъ насъ, въ чемъ должно полагать цѣль жизни. Здѣсь, предъ святымъ твоимъ гробомъ, сыны Церкви уразумѣваютъ ея силу, ея преимущество предъ всякою земною цѣлію, ея прочность, ея могущество, ея вѣчную жизнь: только она открываетъ путь къ Богу и къ вѣчному, только въ ней можно пріобрѣсти ту силу духа, которая созидаетъ братство людей.

„О, чада свѣтообразная церковная!“ Не нова истина, открываемая намъ сегодняшнимъ праздникомъ, но сей праздникъ открываетъ намъ ее съ неотразимою ясностью. Воспоминайте о немъ, воспоминайте о славѣ преподобнаго Сергія и побѣждайте ею искушенія суеты житейской. Ты, юноша, избирающій себѣ путь жизни: поучайся, что не внѣшніе успѣхи, а смиренное созиданіе внутренняго человѣка откроетъ тебѣ доступъ къ благотворной дѣятельности; ты, уполномоченный дѣятель общества, знай, что не лесть людямъ или хлопоты о славѣ упрочатъ твое дѣло, а неуклонное послушаніе

волѣ Божіей; ты, мудрецъ, изслѣдывающій науку о добродѣтели и ищущій пути совершенства: научись отъ славы преподобнаго Сергія, что только въ Церкви духъ нашъ приближается къ ангельской святости, только Церковь соединяетъ людей въ истинное братство; и ты, всякій христіанинъ, не гонись за счастьемъ жизни, не ослабѣвай въ исполненіи воли Божіей, опасаясь міра: видишь ли, что Богъ не оставляетъ ищущихъ Его; не сразу Онъ даетъ утѣшеніе и вѣнецъ подвизающимся, но за то обильно вознаграждаетъ за претерпѣнныя лишенія; скажи вмѣстѣ съ ветхозавѣтнымъ праведникомъ: *отъ Тебѣ побѣда и отъ Тебе премудрость, и азъ рабъ Твой* (2 Ездр. 4, 59).

Такими уроками жизни обогатила насъ слава преподобнаго Сергія, пережившая вѣка и охватившая концы міра. Вспомнимъ же, братіе, что мы стали причастниками сего наученія не по своимъ заслугамъ, а по милости Божіей, данной нашему народу и сокрытой отъ другихъ народовъ, не слышавшихъ о Христѣ и во тьмѣ пребывающихъ. Вспомнимъ, что тотъ свѣтъ жизни, который нынѣ такъ ярко горитъ предъ нашими очами, есть даръ благодати, и оцѣнимъ милость Господню къ намъ, открывающуюся въ томъ, что, по молитвамъ Его Угодника, народъ нашъ не отступилъ отъ истинной Церкви, и примемъ къ сердцу своему слова Пророка: *Се Господа Бога твоего небо и нѣбо небесе, земля и вся, елика сутъ на ней: обаче отцы ваши произволи Господь любити ихъ и избра сѣмя ихъ по нихъ васъ, паче всѣхъ языкъ въ день сей. Господа Бога твоего да убоишися и Тому Единому послужиши и именемъ Его клянешися. Той хвала твоя и Той Богъ твой, иже сотвори тебѣ великая и славная сія, яже видѣстѣ очи твои* (Вто 10, 14. 15. 20. 21). Аминь.

СЛОВО

при открытіи памятника Императору Александру II [1]).

«Аще зерно пшенично падъ на землю не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ.» (Іоан. XII, 24).

Мы собрались въ сей св. храмъ, чтобы предварить молитвой гражданское торжество града нашего, устроенное въ память почившаго въ Бозѣ Государя Александра Втораго. Да будетъ память его по слову Писанія, *„какъ составъ виміама, приготовленный искусствомъ мироварника“* (XLIX, 1) и да славится жизнь его и кончина его на стогнахъ градовъ и въ домахъ сыновъ народа нашего; но здѣсь въ домѣ Божіемъ, въ домѣ молитвы и просвѣщенія духовнаго, направимъ свое вниманіе на ту сторону воспоминаемыхъ событій, которая можетъ служить къ нашему наученію.

Не долго придется намъ ее отыскивать: собственная совѣсть наша уже шепчетъ каждому изъ насъ два всѣмъ понятныхъ, два страшныхъ для русскаго человѣка слова: *первое марта.*

Давно совершилось позорное для всей земли нашей цареубійство и однакоже какимъ тяжелымъ, но постоянно новымъ

---

[1]) Сказано 30 августа 1895 г. въ Казанскомъ Каѳедральномъ соборѣ. Въ первый разъ было напечатано въ журн. «Правосл. Собесѣдн.» 1895 г., октябрь.

укоромъ поражаетъ нашу душу память сего злодѣянія всякій разъ, когда мы бросаемъ взоръ на наше историческое прошлое. Мрачность этой картины усиливается именно потому, что по общему сознанію современныхъ мыслителей преступное событіе, столь сильно потрясшее сердца русскихъ людей, не стояло однако внѣ связи съ настроеніемъ тогдашняго общества и хотя представилось ему горестнымъ, ужаснымъ, позорнымъ, однако не было для него совершенно чужимъ, совершенно случайнымъ единичнымъ дѣломъ, но произросло на русской нивѣ, какъ колючій ядовитый тернъ среди многихъ другихъ негодныхъ злаковъ и плевелъ, насажденныхъ врагомъ, который воспользовался грѣховнымъ усыпленіемъ общественной совѣсти. Объ этомъ-то усыпленіи и должно намъ подумать братіе въ сей день, посвященный воспоминанію славнаго царствованія и мученической смерти незабвеннаго Государя. Какъ ни тяжела сія всенародная исповѣдь, но соединенная съ искреннимъ покаяніемъ да облегчитъ она безъисходную печаль русскихъ людей при взираніи на созданный художниками обликъ благостнаго Государя, котораго не могла сохранить отъ руки убійцы земля его, погруженная въ грѣховный сонъ и самозабвеніе.

Правда повидимому нельзя назвать временемъ духовнаго усыпленія первый періодъ воспоминаемаго царствованія, тѣ шестидесятые годы, которыми многіе и понынѣ любятъ хвалиться, какъ временемъ всеобщаго одушевленія, временемъ живымъ и дѣятельнымъ, исполненнымъ гражданскихъ подвиговъ земскихъ дѣятелей и высокими, самоотверженными стремленіями учившагося въ то время юношества.

Не будемъ и мы отрицать добрыхъ сторонъ того времени, пожалѣемъ вмѣстѣ съ его сынами объ утраченной впослѣдствіи живой общественности, искренности и безкорыстныхъ стремленіяхъ, но всетаки предложимъ и имъ согласиться, что именно тогда положено было начало тому нравственному опьяненію и растлѣнію, которое въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи создало безобразную секту динамитчиковъ.

Пусть были искренни и чисты тогдашнія свободолюбивыя и человѣколюбивыя стремленія: но нельзя отрицать и того, что всю правду и человѣколюбіе хотѣли тогда воплотить въ учрежденіяхъ внѣшнихъ, заботились о внѣдреніи ихъ лишь въ содержаніи законовъ и въ общественномъ строѣ, а важнѣйшее условіе для процвѣтанія, какъ этихъ, такъ и всѣхъ прочихъ духовныхъ благъ, было забыто,—забыто и даже отвергнуто. Разумѣемъ внутреннюю жизнь человѣка, жизнь нравственной личности. Не съ тѣхъ ли именно поръ русскіе люди начали уподобляться нашимъ иновѣрнымъ сосѣдямъ по тому внѣшнезаконническому, безсердечному настроенію, при которомъ человѣкъ заботится лишь о томъ, чтобы всякій отдѣльно взятый поступокъ его не былъ нарушеніемъ точныхъ и ясно опредѣленныхъ законовъ условно-просвѣщеннаго общества,—а о чистотѣ совѣсти своей, о смягченіи сердца, объ искреннемъ обсужденіи своихъ внутреннихъ побужденій—совершенно забываетъ. Да забыло о семъ наше общество, увлекаясь блестящими картинами новаго облагороженнаго строя жизни,—забыло, отдавъ свое сердце и свой умъ изысканію и установленію справедливыхъ порядковъ внѣшнихъ и возгордясь ими какъ нѣкогда Ахавъ или Навуходоносоръ своими блестящими учрежденіями. Сколько, дѣйствительно, отважной похвальбы себѣ слышимъ мы отъ представителей того времени, какимъ насмѣшливымъ презрѣніемъ стали они клеймить все прошлое нашего отечества, не разбирая худаго отъ хорошаго и даже потерявъ способность понимать послѣднее.

Сначала, т. е. во время возбужденія общественной жизни шестидесятыхъ годовъ, это увлеченіе не было еще сознательно преступнымъ и порочнымъ: оно скорѣе напоминало неудержимую рѣзвость подростка, забывшаго о послушаніи своимъ родителямъ: но вотъ проходитъ первый пылъ увлеченія, новые порядки жизни, т. е. крестьянская воля, судъ присяжныхъ и земство, перестали быть увлекательными новостями, пришло время собирать плоды новаго посѣва, пришли семидесятые годы, и что-же? оказалось, что грѣшная и лукавая

душа человѣка, оставленная безъ испытующаго вниманія и упражненій совѣсти религіозной, быстро начала подмѣнять подъ благородныя учрежденія общественной жизни самыя низкія, самыя гнусныя побужденія. Журналы и газеты наполнились оглаской того, какъ полномочія частныхъ торговыхъ учрежденій, земскихъ дѣятелей, присяжныхъ повѣренныхъ и другихъ человѣколюбивыхъ профессій стали средствами лихоимства, наглыхъ обмановъ и посягательствъ, наконецъ жестокости и человѣкоубійства,—какъ воспитаніе, проникнутое духомъ свободы, но не снабженное нравственнымъ содержаніемъ, повергло юношество въ ранній, утонченный и гибельный развратъ, безвѣріе, кощунство и отчаяніе.

И вотъ среди этого общественнаго развращенія, явившагося, хотя неожиданнымъ, но неизбѣжнымъ плодомъ шестидесятыхъ годовъ, исторгавшихъ послѣдніе корни духовнаго церковнаго склада русской жизни,—среди уже не искренняго, а лицемѣрнаго провозглашенія словъ человѣколюбія и равенства,—воспитались разочарованныя, озлобленныя, исполненныя ненавистью ко всему и съ дѣтства развращенныя мрачныя исчадія духа человѣкоубійства, жаждавшія крови, чтобы отмстить за свое собственное нравственное уродство, за свои обманутыя надежды,—и нашедшія дозволеніе своему звѣрскому настроенію въ дикихъ идеяхъ соціализма. Такъ воспитались многочисленные исполнители ужаснаго преступленія, такъ оправдали они предсказаніе великаго писателя, уподобившаго ихъ гадаринскимъ свиньямъ, въ которыхъ вошли всѣ бѣсы, овладѣвшіе на время человѣкомъ, подъ коимъ сей писатель разумѣлъ русскій народъ. Оправдалось предсказаніе это въ томъ смыслѣ, что страшное паденіе этихъ несчастныхъ сыновъ проклятія, проявившееся въ ихъ отвратительномъ безумномъ злодѣяніи, дѣйствительно образумило русскую землю, русское общество. Образумило, но какою цѣною? Цѣною Царя-Благодѣтеля, Царя мира и прощенія, Царя милости и просвѣщенія. Образумило, но, о еслибъ, дѣйствительно исцѣлило! Тогда бы и эта драгоцѣнная кровь, и эта щемящая, мучи-

тельная память о ней была бы и жертвой ненапрасной и наказаніемъ, умягчаемымъ сладостью духовнаго возрожденія. Но въ томъ и заключается вся горечь этой утраты, вся свинцовая тягость воспоминаній, что одержимые духовными недугами, хотя и образумились въ значительной степени, но еще далеко не исцѣлѣли; хотя поняли глубину своего паденія и преступность своего удаленія отъ завѣщанной намъ церковію и предками жизни по внутреннему человѣку: но все-таки не нашли и не находятъ еще въ себѣ силы, чтобы воротиться подобно блудному сыну къ отеческому завѣту, чтобы не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ зажить новою жизнью въ преискреннемъ союзѣ съ церковію и забытымъ народомъ.

Правда послѣ семидесятыхъ годовъ настали восьмидесятые и девяностые, когда стало принято говорить о великомъ государственномъ значеніи церкви и религіознаго воспитанія, о гибельности безвѣрія и свободомыслія, но увы! говорящіе такъ по большей части страдаютъ тѣмъ же, чѣмъ и отцы ихъ: они воплощаютъ восхваляемыя начала въ учрежденіяхъ внѣшнихъ „*сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене, всуе же чтутъ Мя*“, такъ сказалъ бы о нихъ Господь нашъ. До того разслабло сердце современнаго человѣка, что ни искренно чувствовать не хочетъ онъ того, что признаетъ умомъ, ни жить такъ, какъ чувствуетъ сердце. — И вотъ, все остается прежнее: прежняя холодность къ нуждающимся и страдающимъ, прежняя ненасытимая жажда удовольствій и увлекающая борьба неукротимыхъ честолюбій, прежнее развращеніе нравовъ, спокойная самодовольная лѣность богатыхъ при озлобленіи зависти бѣдныхъ,—вотъ содержаніе нашихъ общественныхъ нравовъ.

Тяжело не знать истины, но не тяжелѣе ли, зная ее, не находить въ себѣ силы ей слѣдовать?

И это ты, ты святая Русь, достояніе князей, оканчивавшихъ дни свои въ монашеской схимѣ или въ сонмѣ мучениковъ отъ руки язычниковъ-татаръ! Ты, освященная подвигами святыхъ—духовныхъ вождей твоего народа, предметъ удив-

ленія иностранцевъ, о которой сказано, что Христосъ родился въ Виѳлеемѣ, а живетъ въ Россіи? Попрежнему воздухъ надъ тобою оглашается церковными трезвонами и наполняется молитвенными гимнами; попрежнему стези твои попираются тысячами тысячъ паломниковъ богомольцевъ, попрежнему простецы изъ сыновъ твоихъ, оканчивая дни земнаго странствія, спокойно и торжественно переходятъ въ загробный міръ, какъ достойные благоговѣйнаго преклоненія, великіе духомъ философы.

Отчего же лучшіе изъ сыновъ народа твоего, наученные мудростямъ всѣхъ странъ и обогащенные воспитаніемъ и роскошью, исполнены духа иного, и либо пренебрежительно отвращаются отъ твоихъ завѣтовъ, отъ твоихъ святынь, либо издалека простираютъ къ нимъ неувѣренныя, безсильныя руки? Въ нихъ нѣтъ прежней продерзостной самоувѣренности.— Отеческое достояніе истрачено уже до конца блуднымъ сыномъ; позналъ онъ пагубность своего удаленія; видитъ теперь, что и познаніе само по себѣ безсильно вернуть его къ жизни. Онъ плѣненъ страстями и лѣностью, видитъ грозящую погибель и сидитъ въ безсильномъ пока раздумьи. Каковъ будетъ исходъ сего раздумья? Послѣдній ли порывъ отчаянія или сокрушенное покаяніе и послѣдующій затѣмъ медленный и долгій подвигъ нравсвеннаго отрезвленія? Пойметъ ли русское общество, сознавшее нравственное безсиліе естественнаго человѣка, что чистота совѣсти, совершенство добродѣтели достигатся не порывомъ, не единичнымъ подвигомъ, но смиреннымъ созиданіемъ своего внутренняго человѣка, что жизнь есть крестный подвигъ не въ смыслѣ отдѣльныхъ героическихъ поступковъ, а въ смыслѣ томъ, чтобы незримому для человѣческихъ похвалъ постоянно созидать въ тайникѣ сердца своего совершенство добродѣтели, немыслимое безъ всегдашняго общенія со Христомъ и поученія Его слову?—Или наоборотъ—прозрѣніе, не сопровождаемое бодростью духа, повергнетъ его въ отчаяніе, сугубый развратъ и самоубійство какъ древнихъ римлянъ,—вотъ о чемъ спрашиваетъ насъ на-

ступающее новое столѣтіе, спрашиваетъ насъ тѣнь убитаго Царя и воздвигнутый нынѣ его памятникъ. Вотъ о чемъ спрашиваетъ насъ тѣнь и его усопшаго царственнаго сына, учившаго насъ примѣромъ жизни своей тому, чему научилъ насъ державный отецъ его своею мученической кончиной.

Отвѣтъ на эти вопросы въ совѣсти каждаго изъ насъ. И если наше общество, научаемое явными дѣлами Божественнаго Провидѣнія, наконецъ обратится къ своему внутреннему человѣку и чрезъ то возвратится къ жизни своего народа и къ служенію ему, согласно не только общественному призванію каждаго, но и въ добровольныхъ подвигахъ благотворенія: то *„пріидутъ времена отрады отъ лица Господа“* (Дѣян. III, 20). Тогда только и великія преобразованія царствованія Александра Втораго возсіяютъ во всей своей славѣ, ибо къ братолюбивому учрежденію прибавится братолюбивый духъ и уже никто не посмѣетъ, какъ нынѣ, принижать ихъ во имя охранительныхъ началъ. И если гдѣ нибудь, хотя въ одномъ уголкѣ земли нашей, настало бы искреннее нравственное возрожденіе, то оно примѣромъ своимъ подобно чистительному огню, пронеслось бы по всей странѣ и тогда бы сбылась вторая часть уподобленія нашаго отечественнаго писателя,— т. е. вся Русь, какъ исцѣленный бѣсноватый, сѣла бы при ногахъ Спасителя, одѣтая въ одежду соотвѣтственныхъ ея духу человѣколюбивыхъ учрежденій воспоминаемаго царствованія, а самъ великій виновникъ этихъ послѣднихъ благословилъ бы насъ изъ того лучшаго міра и со свойственнымъ его царственному сердцу самоотверженіемъ и всепрощеніемъ благословилъ бы и скорбную жизнь свою, и мученическую свою смерть, послужившую духовному просвѣтлѣнію отечества во исполненіе словъ Евангелія: *„аще зерно пшенично падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ: аще ли умретъ, многъ плодъ сотворитъ“*. Аминь.

СЛОВО

въ день священнаго коронованія ихъ Императорскихъ Величествъ. [1])

Въ настоящій часъ сердце всякаго русскаго человѣка стремится къ сердцу Россіи и, преодолѣвая пространство, переносится въ тотъ священный храмъ, гдѣ нынѣ совершается вѣнчаніе на царство нашего возлюбленнаго Государя. Мы съ такимъ же нетерпѣніемъ ожидаемъ быстролетной вѣсти о благополучномъ совершеніи этого вѣнчанія, съ какимъ любящая невѣста—своего вѣнчанія съ избранникомъ сердца. Такія чувства любви, радости и нетерпѣливаго ожиданія раздѣляютъ всѣ истинно русскіе люди; но для того, чтобы чувства эти, внушаемыя знаменательнымъ событіемъ, тверже укоренились въ душахъ нашихъ и могли бы являться для насъ неложнымъ руководствомъ въ нашей гражданской жизни, постараемся освѣтить ихъ сознаніемъ, сознательнымъ размышленіемъ о значеніи переживаемаго нынѣ радостнаго дня.

Нѣкоторыя явленія, сопровождающія низведеніе даровъ Святаго Духа на нашихъ Государей въ XIX-мъ вѣкѣ, подобны тѣмъ, при которыхъ совершилось облагодатствованіе вселенской церкви на всѣ вѣка во дни Пятидесятницы, нынѣ воспроизводимыя въ нашихъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ.

---

[1]) Сказана 14 мая 1896 г. въ Казан. Каѳедральномъ Соборѣ.—Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ» 1896 г., іюнь.

Правда, то было событіе, по силѣ своей единственное въ исторіи вселенной, и въ этомъ отношеніи ни съ чѣмъ несравнимое; однако мы не однажды встрѣчаемъ повтореніе хотя бы нѣкоторыхъ его сторонъ. Такъ, въ той же книгѣ Дѣяній Апостольскихъ мы читаемъ, что и даръ языковъ, и необычайная сила слова, и чудесныя знаменія, подобно дню Пятидесятницы, давались многимъ обращеннымъ послѣ ихъ крещенія, а иногда даже и до крещенія.

Во дни священнаго коронованія государей россійскихъ не открывается, правда, даръ языковъ, не бываетъ и *дыханія бурна*, но совершается иное, знаменательное и въ настоящій вѣкъ единственное, явленіе, нѣсколько напоминающее святѣйшій день первой христіанской Пятидетятницы. Именно въ тотъ день, пятидесятый по воскресеніи, Духъ Святый даровалъ апостоламъ такую полноту вѣры и любви, что они, желая всю вселенную обнять этою любовію и всѣхъ привести къ истинѣ, превзошли законы естества и, неученые, вдругъ заговорили на всѣхъ языкахъ о величіи Божіемъ, о Спасителѣ, о покаяніи. Встрепенулись многочисленные народы, наводнявшіе тогда священный градъ и, оставивъ дѣла свои, въ ужасѣ сбѣжались къ дому, гдѣ собраны были проповѣдники Евангелія. Одни умилялись, каялась и возрождались къ новой, вѣчной жизни; другіе, въ безсильной злобѣ противъ истины, старались клеветами осмѣять Божественное чудо, но самою злобою своею свидѣтельствовали, что на землѣ совершилось нѣчто великое, безпримѣрное и святое. Всѣ объединились въ чувствѣ ужаса и изумленія: откуда явилась та сила, которая сливаетъ въ одно славословіе Богу раздѣленные враждою народы? *Дивляхуся вси и чудяхуся, глаголюще другъ ко другу: не се-ли вси сіи суть галилеяне? и како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немже родихомся?.... слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія?... что убо хощетъ сіе быти* (Дѣян. II, 7—12).

Нынѣ въ нашъ царствующій градъ тоже сошлась вся вселенная: представители не только европейскихъ державъ, но и

всѣхъ частей свѣта, влекомые не столько правительственными соображеніями, сколько таинственнымъ, быть-можетъ неясно даже сознаваемымъ, чувствомъ, смутно вѣщающимъ имъ о величіи, о нравственной силѣ православной Россіи, со всѣхъ концовъ міра стекаются въ древній, тѣсный храмъ Успенія, и одни съ живѣйшимъ сочувствіемъ, другіе съ боязливымъ недоумѣніемъ взираютъ на ту безпримѣрную въ современномъ мірѣ силу любви, которая изъ ста милліоновъ русскихъ сердецъ тѣснится къ сердцу одного человѣка, смиренно преклоняющаго колѣна предъ Живоначальною Троицею и удостовѣряющаго свою мать—святую церковь и своихъ дѣтей—русскій народъ въ искренномъ исповѣданіи истинъ православной вѣры.

Что убо хощетъ сіе быти? спрашиваютъ другъ друга эти народы. Что значитъ, что милліонная толпа съ ревнивымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ видѣть своего Царя и когда увидитъ, то слезы радости прерываютъ ея восторженныя крики; чужіе люди бросаются другъ другу въ объятія отъ умиленія о совершившемся; враги прощаютъ другъ друга; всю вселенную заключить въ объятія готовъ русскій человѣкъ въ день сей, когда лицезрѣніе священнаго торжества, или даже одно извѣстіе о немъ пробуждаетъ въ его сердцѣ всегда ему присущее, хотя обыкновенно дремлющее, убѣжденіе о близости Бога къ нашей святой странѣ, о ея призваніи являть міру образъ Христовъ, о ея прежнихъ судьбахъ, исполненныхъ скорбей и слезъ, и кровей, но не напрасныхъ, а очистительныхъ, возводящихъ людей къ совершенству, къ примиренію, къ всепрощенію и спасенію вѣчному.

Да, когда русскіе люди видятъ Царя, окруженнаго безпримѣрнымъ на землѣ величіемъ, но не на земную силу опирающагося, а принимающагося власть свою и силу свою отъ благодатнаго благословенія Божія, по молитвѣ святителей церковныхъ; видятъ Царя, исповѣдующаго миръ, и правду, и любовь: то они забываютъ всѣ печали жизни своей, свои лишенія, свои общественныя неправды; отъ глазъ ихъ отнимается

покрывало и они, въ духовномъ восторгѣ, созерцаютъ перстъ Божій, ведущій ихъ, вотъ уже девять вѣковъ, путемъ страданій къ славѣ и силѣ, путемъ подвига къ вѣрности святой вѣрѣ и къ надеждѣ вѣчнаго блаженства на небѣ. Они сознаютъ тогда, что важнѣйшее условіе къ нравственному развитію народа и къ прочности его учрежденій заключаются не въ завистливомъ стремленіи раздѣлять себѣ власть, выхватывая ее затѣмъ другъ у друга въ постоянной междуусобной борьбѣ партій: а въ томъ, чтобы окружить носителя власти любовію, чтобы вручить его самого не ревнивому надзору честолюбцевъ, а всесовершающей благодати Божіей.

Такъ происходитъ таинственное сочетаніе Царя со своимъ царствомъ. Становясь отцемъ ста милліоновъ не подданныхъ только, но сыновъ, являясь Царемъ не людей только, но и сердецъ, русскій Государь долженъ испытывать такое же таинственное возрожденіе, какъ женщина, когда она становится матерью дѣтей. И если подобное возрожденіе испытывали даже тѣ государи наши, которые съ дѣтства были воспитаны иностранцами и знакомились съ народомъ своимъ уже на царскомъ престолѣ, то насколько глубже и сильнѣе переживается оно въ Государѣ Николаѣ Второмъ, обозрѣвшемъ свое отечество отъ Тихаго океана до Атлантическаго и обнаружившемъ чувства необыкновеннаго человѣколюбія и сострадания съ первыхъ дней своего воцаренія.

Вотъ это-то таинство единенія ста милліоновъ сердецъ въ одномъ сердцѣ, это-то могучее обнаруженіе нравственныхъ силъ и вѣры народной, происходящее въ день ниспосланія благодатныхъ даровъ на Царя Русскаго, исполняетъ, иногда противъ воли, сочувственнымъ страхомъ сердца съѣзжающихся иностранцевъ и тѣмъ еще болѣе приближаетъ событіе сегодняшняго дня къ воспоминаемому нынѣ церковію дню Сошествія Святаго Духа на апостоловъ.

Ни въ одномъ народѣ міра не происходитъ ничего подобнаго, а въ народѣ русскомъ единеніе это утверждается все больше съ каждымъ царствованіемъ.

Впрочемъ, мы будемъ указывать на это явленіе не для того, чтобы превозноситься предъ прочими народами и унижать ихъ, а для того, чтобы съ большею надеждою молить Господа, да приложитъ Онъ къ святому дню сему еще одну черту того великаго библейскаго событія, которое воспѣвается церковію, именно,—да расположитъ Онъ сердца народовъ, созерцающихъ въ нашемъ торжествѣ нравственную мощь Россіи, къ тому, чтобы и они начали усваивать основанія этой мощи, т. е. преданность Богу, подвигъ самоотреченія и истинную вѣру Евангелія, невредженно нами сохраненную. Да обратитъ онъ къ истинѣ и сердца тѣхъ отщепенцовъ отечества, которые, подобно богохульнымъ фарисеямъ, готовы надъ нимъ издѣваться; дабы и они, созерцая дѣла Божія въ день сей, вмѣстѣ со всѣми нами, „*умилились сердцемъ*“, какъ тѣ три тысячи мужей іудейскихъ и, вмѣстѣ съ нами же, приняли къ сердцу глаголъ апостола: „*покайтесь.... и получите даръ Святаго Духа, ибо вамъ принадлежитъ обѣтованіе и дѣтямъ вашимъ и всѣмъ дальнимъ, кого ни призоветъ Господь Богъ нашъ*“ (Дѣян. II гл., 37—39 ст.). Аминь.

СЛОВО

Въ день Святителя Николая и тезоимства Государя Императора, произнесенное въ Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ 6 декабря 1895 года [1]).

„Входяй дверми пастырь есть овцамъ. Сему дверникъ отверзаетъ и овцы гласъ его слышатъ“ (Іоан. 10, 2, 3).

Этими и дальнѣйшими словами Господь нашъ опредѣляетъ свойства не только истиннаго пастыря, но и добрыхъ овецъ, ибо не всѣ овцы слѣдуютъ за добрымъ пастыремъ, какъ и за Христомъ пошли далеко не всѣ іудеи. *„Вы не вѣрите“*, говорилъ имъ Господь: *„ибо вы не изъ овецъ Моихъ, какъ Я сказалъ вамъ“* (26). Добрыхъ пастырей Христовыхъ, къ которымъ св. церковь относитъ слова сей притчи, было, и есть, и будетъ очень много, но не много овецъ слѣдовали за большинствомъ изъ нихъ, такъ-что подвигъ пастырскій, подвигъ святителей Божіихъ по большей части былъ подвигомъ сиротства, терпѣнія, изгнанія. Такая участь постигала многихъ великихъ учителей вселенной, замѣняя ихъ кратковременную (при жизни ихъ) славу, напр., св. Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Максима Исповѣдника, Филиппа Московскаго, Германа Казанскаго. Ихъ современники въ лицѣ

---

[1]) Сказано въ 1 Казанск. Каѳедр. Соборѣ 6 декабря 1895 г. Въ первый разъ была напечатана въ «Извѣстіяхъ по Казанской Епархіи» 1895 г.

знатнѣйшихъ и сильнѣйшихъ были „не отъ овецъ Христовыхъ“ и потому не шли за посланными отъ Него пастырями.

Въ нашъ маловѣрный вѣкъ еще неохотнѣе идутъ словесныя овцы къ своимъ пастырямъ, хотя и не святымъ, но все же искренно преданнымъ вѣрѣ евангельской,—осуждая послѣднихъ за присущія человѣкамъ слабости. Не радятъ онѣ и о почитаніи пастырей святыхъ, хотя и усопшихъ, но молитвенно пребывающихъ съ живущими на землѣ. Развѣ только простолюдины, да уцѣломудренныя скорбями женщины и старцы прилѣпляются душою къ памяти святыхъ, а обычный человѣкъ нашего времени почти разорвалъ уже свою духовную связь съ исторіей св. церкви, такъ что и весь мѣсяцеслов святыхъ, содержавшійся цѣликомъ и безошибочно въ памяти нашихъ предковъ, для сыновъ истекающаго столѣтія теряетъ свое возвышающее значеніе.

Но вотъ настаетъ день Святителя Николая. Какая-то непонятная сила вливаетъ въ сердца жажду молитвы; пустѣющіе храмы съ избыткомъ наполняются богомольцами; всѣ чувствуютъ въ душѣ своей христіанскій праздникъ, т, е. торжество вѣры, любви, примиренія и прощенія. Исчезаетъ обычная сухость настроенія; сынъ западническаго просвѣщенія перестаетъ чуждаться молящагося простолюдина; онъ даже ощущаетъ внутреннее желаніе побыть истинно православнымъ, русскимъ; усваиваетъ въ сей день давно покинутые имъ обычаи отеческаго благочестія: подаетъ бѣдному, поставитъ свѣчу, приложится къ образу, не съ брезгливостью, не съ видомъ снисхожденія, но съ оттѣнкомъ сердечнаго умиленія, смутно чуя, какое величіе любви и святости содержится въ жизни пренебрегаемой имъ церкви.—Что чувствуютъ въ сей день простолюдины, эти постоянные гости Божественной вечери, собираемые Его слугами на распутіяхъ и стогнахъ и халугахъ (Лук. 14, 23)? Вмѣсто отвѣта довольно будетъ предложить вопрошателю стать около иконы Св. Николая въ храмѣ, чтобы видѣть море слезъ и цѣлую бурю молитвенныхъ воздыханій, увидѣть проявленіе той силы, которая хранила и бу-

детъ хранить святую Русь незыбленную въ ея нуждахъ, скорбяхъ, искушеніяхъ и паденіяхъ.

Но почему-же эта сила такъ мощно проявляется въ день Святителя Николая? Почему этотъ угодникъ Христовъ и именно въ русской землѣ прославился паче причастникъ своихъ? Въ чемъ заключается тайна его воздѣйствія даже на маловѣрныя души, сокрушаемыя умиленіемъ предъ его памятью, какъ ледянныя глыбы подъ лучами весенняго солнца? Что это за великій пастырь, которому готовы повиноваться даже тѣ овцы, что не суть отъ двора Христова? Понять эту тайну можно чрезъ разсмотрѣніе свойствъ житія Святителя по сравненію его съ житіями другихъ угодниковъ. То были по большей части мужи скорбей, мужи подвига мученическаго или отшельническаго, или же мученики человѣческой неблагодарности и ненависти. Имъ давно сказалъ Господь, что будутъ они ненавидимы всѣми за имя Его; да и самую память о нихъ Онъ намъ оставилъ для совершенствованія въ терпѣніи, въ крестоношеніи, да *„и мы толикъ имуще облежащъ насъ облакъ свидѣтелей,... терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ“* (Евр- 12, 1). Не было чуждо скорбей и житіе Святителя Николая; не было оно исполнено роскоши или веселья; напротивъ исторія сохранила намъ повѣствованіе о его постѣ, бдѣніяхъ, трудахъ и вообще суровомъ образѣ жизни. Но все-же эта жизнь пребывала подвигомъ *побѣды; побѣждающая любовь* вотъ отличительное свойство сего, исполненнаго чудотвореній, приснопамятнаго житія. Законы природы уступали силѣ его любви; буря морская стихала по его слову; пространственныя ограниченіи исчезли по его желанію, и что всего непонятнѣе—человѣческая ожесточенность смягчалась подъ вліяніемъ его заочнаго чудодейственнаго внушенія. Однимъ словомъ, всякій подвигъ любви, который принималъ на себя Святитель, приводился къ желаемому завершенію вопреки законамъ общественной жизни и даже самой природы. Очевидно, что Господь, прославляющійся въ скорбяхъ другихъ святыхъ угодниковъ, благоволилъ прославить Себя во святомъ

Николаѣ радостью побѣждающей любви. Раскрывая намъ Свой законъ, какъ ученіе креста и лишеній, Господь открываетъ намъ чрезъ сего Святителя, что этотъ путь креста и лишеній, есть въ то-же время путь духовныхъ радостей, путь побѣды, путь торжествующаго братолюбія и прощенія. Премудрое попеченіе Божіе о спасеніи нашемъ не замедлило оправдаться, ибо вотъ всѣ мы видимъ и подтверждаемъ, что это прославленіе побѣды Его во святомъ угодникѣ покорило даже холодныя сердца современниковъ нашихъ и всѣхъ объединило не только въ его прославленіи, но и въ нѣкоторомъ усвоеніи его духа, что особенно цѣнно въ нашъ грѣховный вѣкъ. Во времена прошедшія сердца всѣхъ христіанъ привлекались и къ подвигамъ отшельниковъ и къ мученичеству страстотерпцевъ; нынѣшнимъ христіанамъ эти кресты кажутся слишкомъ суровыми и страшными; лишенные всякой ревности къ Богу, многіе изъ насъ не рѣшаются и приблизиться къ памяти мучениковъ и преподобныхъ. Знаютъ они, что милость и прощеніе обрѣтетъ всякій кающійся, но на самое покаяніе нѣтъ у нихъ рѣшимости, а входить въ храмъ „съ двоящимися мыслями“ (Іак. 1, 8), они не дерзаютъ, и потому замыкаются въ собственномъ своемъ ожесточеніи, не надѣясь на побѣду въ себѣ добрыхъ чувствъ надъ злыми. И какъ часто случается, что пренебрежительное кощунство русскаго человѣка надъ вѣрой и молитвой есть лишь прикрытіе глубокаго презрѣнія къ себѣ, къ своему нравственному безсилію, къ своимъ паденіямъ! Пусть спасаются люди подвига и самоотреченія, а мы преданные честолюбію и чувственности, какіе богомольцы? такъ думаютъ о себѣ эти люди. Но вотъ приходитъ сегодняшній день, когда Господь и для нихъ находитъ средство надежды и умиленія, день торжествующаго милосердія. Конечно люди эти, называющіе себя образованными, по большей части и не знаютъ ни житія, ни свойствъ духа Святителя Николая, но видъ торжествующаго народа воскрешаетъ въ ихъ сознаніи цѣлостный обликъ православнаго благочестія, прощающаго, смиреннаго, надѣющагося. Они видятъ, какъ грѣшнѣйшіе изъ

сыновъ народа русскаго въ сей день озаряются надеждой, что св. Николай, столь дерзновенный предстатель нашъ у небеснаго престола, не пренебрежетъ и малымъ вздохомъ нашей покаянной молитвы, не отринетъ и скудной милости, приносимой хотя бы и не совсѣмъ чистыми руками. Всякая скудость наша восполняется духовнымъ богатствомъ Святителя, всякая борьба, обращенная къ его помощи, почерпаетъ отъ него силы къ побѣдѣ. Вѣра въ эту побѣду такъ сильно проявляется въ сей день въ сознаніи народномъ, что невольно охватываетъ собою и сыновъ западническаго воспитанія, соединяя ихъ въ общей молитвѣ. Радуются нынѣ сугубо люди благочестивые, проходящіе подвигъ борьбы и поста; утѣшаются скорбные душою меньшіе братья Христовы; ликуютъ вмѣстѣ съ ангелами ревнители славы Его на землѣ, убѣждаясь, что не всегда и не вездѣ святая любовь будетъ встрѣчаема ненавистью, милосердіе покрываться неблагодарностью, неправда торжествовать, порокъ оставаться необличеннымъ. Потому такъ и любятъ русскіе люди икону Святителя Николая съ мечемъ и церковью въ рукахъ, что въ ней изображается ихъ надежда на торжество истины, вѣры, любви и прощенія. Это не торжество силы, не казнь еретиковъ, не избіеніе враговъ, чего всегда домогались латины, но торжество правды прощающей и чрезъ то побѣждающей. Поэтому неправы неразумные ругатели русскаго народа, вышедшіе изъ ложеснъ его, но не бывшіе отъ него (1 Іоан. 2, 19), когда они утверждаютъ, будто русскіе люди понимаютъ вѣру Христову лишь какъ тупое терпѣніе, да ожиданіе загробнаго возмездія, а на настоящую жизнь смотрятъ чрезвычайно мрачно, какъ на царство сплошнаго зла.

Конечно русскіе люди, какъ истинные послѣдователи евангельскаго ученія, чужды тѣхъ неразумныхъ надеждъ своихъ ложно-просвѣщенныхъ руководителей, въ силу которыхъ послѣдніе думаютъ, будто нѣкогда на землѣ будетъ рай, исчезнетъ грѣхъ и останется только счастье и добродѣтель. Справедливо и то, что народъ нашъ, согласно съ дѣйстви-

тельностію и словомъ Божіимъ, помнитъ, что міръ лежитъ во злѣ, но онъ знаетъ, что зло, постоянно возникая въ сей жизни, постоянно же бываетъ и побѣждаемо, обличаемо, казнимо. И онъ никогда зла не называетъ добромъ, не поклоняется ему, не хвалитъ его, какъ это часто дѣлаютъ люди образованные; но вѣруя въ увѣнчаніе добра и истины, поклоняется мученикамъ истины Христовой, благоговѣетъ предъ ея крестоносцами, жадно отыскиваетъ добровольныхъ страдальцевъ-подвижниковъ, и утѣшается духовнымъ обликомъ Святителя Николая, вѣруя твердо, что его побѣдоносная мощь призывается въ молитвахъ, и понынѣ является рѣшительницею борьбы добра со зломъ, одолѣвая послѣднее и прославляя первое.

Впрочемъ и помимо этого и прочихъ небесныхъ утѣшеній при видѣ зла, часто торжествующаго въ жизни, народъ русскій имѣетъ утѣшеніе и на землѣ. Окружая благоговѣйнымъ чествованіемъ подвижниковъ и страдальцевъ, а также и носителей благодати Божіей и церковныхъ полномочій, народъ русскій чтитъ и любитъ еще одного человѣка, въ которомъ всегда олицетворяетъ торжествующую правду, торжествующую любовь и милосердіе, соединенное уже не съ нравственною только, но кромѣ того и съ внѣшнею силою и величіемъ. Этотъ человѣкъ есть бѣлый, православный царь, день Ангела котораго мы нынѣ празднуемъ вмѣстѣ съ памятью Святителя Николая. Совпаденіе это поистинѣ знаменательное, ибо какое мѣсто Св. Николай занимаетъ въ духовной жизни народа и общества, такое-же занимаетъ у нихъ представленіе о царѣ русскомъ въ жизни общественной, гражданской— представленіе о милости и правдѣ и ихъ побѣдѣ. Здѣсь опять общество сходится съ народомъ въ единодушіи и единомысліи.

Благодаря Создателю, русскіе государи, являя себя отцами русскаго народа, даже въ нашъ вѣкъ раздвоенія русской жизни, всегда помнятъ о томъ священномъ жребіи торжествующей правды и милосердія, который данъ имъ рукою

Промысла, который удѣляется имъ сознаніемъ народа. Когда этотъ вѣнецъ добра и правды 15 лѣтъ тому назадъ соединился со столь драгоцѣннымъ вѣнцомъ мученичества, то любовь народа къ царямъ своимъ достигла еще высшей, дотолѣ небывалой силы. Всякая общественная бѣда или неправда находитъ въ сердцѣ народномъ примирительный откликъ при одной мысли, что если царь узнаетъ объ этомъ, то неправда истребится, и правда снова восторжествуетъ. Усилившееся просвѣщеніе и гражданственность, вопреки надеждамъ республиканцевъ, вопреки растлѣвающему вліянію разныхъ преступныхъ радѣтелей гибели нашего отечества—явились только средствомъ къ большей и большей преданности къ престолу, такъ-что и самыя убогія жилища простолюдиновъ украшаются хоть незатѣйливыми, но глубоко трогательными картинами, изображающими, то царя, то всю царственную семью, то прежнихъ монарховъ, почивающихъ во гробѣ съ иконой на груди.

Новое царствованіе, подобно прежнимъ, спѣшитъ на встрѣчу любви народной и призываетъ знатныхъ бояръ и просто достаточныхъ представителей его идти на помощь къ бѣднымъ труженикамъ. Учреждаемые нынѣ Царемъ и Царицей Дома Трудолюбія, начало которымъ положено было раньше любимѣйшимъ духовнымъ пастыремъ народа, призываютъ и насъ братіе присоединиться къ этому дѣлу правды и любви, дѣлу, которое при правильной постановкѣ будетъ лучшимъ, чѣмъ милостыня отцевъ нашихъ, хотя святая по своимъ побужденіямъ, но нерѣдко напрасно питавшая тунеядцевъ. Поистинѣ это будетъ дѣло торжествующей любви, той любви, которою прославился въ народѣ нашемъ Святитель Николай, нынѣ озарившій наши сердца молитвеннымъ умиленіемъ. Это будетъ одно изъ тѣхъ многочисленныхъ дѣлъ, коимъ посвятивъ себя, русскіе образованные и богатые люди могли бы найти себѣ объединительный мостъ съ народомъ, отъ котораго они оторвались, могли бы найти оправданіе своимъ пока еще праздным заявленіямъ о томъ, что евангельская вѣра

требуетъ не молитвы только, но и дѣлъ любви,—могли бы найти наконецъ миръ и истинное святое счастье, котораго они такъ много и тщетно ищутъ, и которое для нихъ-то именно, одаренныхъ вліяніемъ и богатствомъ, такъ доступно въ дѣлахъ милосердія, соединеннаго съ любовью.

И если слабы наши увѣщанія ихъ къ такому подвигу, то да поможетъ имъ нашъ всеобщій объединитель сердецъ въ любви и вѣрѣ, Святой Николай чудотворецъ, отъ небесныхъ круговъ назирающій наше молитвенное собраніе.

Тайна новой жизни, открытая въ день крещенія.

СЛОВО

НА БОГОЯВЛЕНІЕ. [1])

„Днесь небесе и земли Творецъ приходитъ плотію на Іорданъ крещенія прося, безгрѣшный, да очиститъ міръ отъ лести вражія“.

Какимъ образомъ, братіе, крещеніе Господне можетъ освобождать міръ отъ обольщенія? Мы слышимъ изъ установленныхъ въ нынѣшній день чтеній пророческихъ, что смирившійся въ крещеніи Своемъ Спаситель открылъ новую жизнь міру, новый путь, идя по которому, ученики Его *„не заблудятъ. И не будетъ тамо льва, ниже звѣрей лютыхъ взыдетъ нань, ниже обрящется тамо: но пойдутъ по нему избавленніи и собранніи отъ Господа, и обратятся и пріидутъ въ Сіонъ съ веселіемъ и радостію, и веселіе вѣчное надъ головою ихъ; хвала и радованіе, и веселіе постигнетъ ихъ; отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе“* (Ис. 35).

Отсюда видно, что путь жизни, открытый намъ подвигомъ крещенія Христова, доставляетъ идущимъ по нему и вну-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Странникъ». 1896 г. № 1.

тренній миръ въ ихъ жизни личной, и благоустройство или счастье въ быту общественномъ. У ветхозавѣтныхъ мудрецовъ было справедливое убѣжденіе или, вѣрнѣе сказать, откровеніе о томъ, что пока самъ Богъ не ниспошлетъ на землю Духа Своего, пока не придетъ отъ Него Примиритель небесный, до тѣхъ поръ никакія усилія мудрости, ни власти, ни богатства не исправятъ устоевъ общественной жизни, ни личному сознанію не дадутъ примиренія съ совѣстью никакія человѣческія добродѣтели. Такъ мудрѣйшій изъ людей, царь Соломонъ, призналъ во дни старости своей, что только внѣшній обликъ жизни могъ онъ измѣнить, а ея внутреннее содержаніе осталось исполненнымъ той-же несправедливости и злобы, какъ раньше. Видѣлъ я—говоритъ онъ: *„мѣсто суда, а тамъ беззаконіе, мѣсто правды, а тамъ неправда* (Екк. 3, 16). *И обратился я и увидѣлъ всякія угнетенія, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и въ рукѣ угнетающихъ ихъ сила, а утѣшителя у нихъ нѣтъ“* (4, 1). Прилагалъ сей богопросвѣщенный царь всю свою мудрость, чтобы исправить жизненное зло, но рѣшилъ предъ концомъ своимъ, *„что кривое не можетъ сдѣлаться прямымъ и чего нѣтъ, того нельзя считать“* (1, 15). Предпріятія мудрецовъ и искателей общаго счастья или хотя бы осмысленія своей личной жизни остаются *суетой и томленіемъ духа;* жалкій человѣкъ не можетъ стать выше своей страстной рабской природы; общественная жизнь, исполненная зла, не поддается человѣколюбивымъ преобразованіямъ друзей человѣчества, но съ постоянствомъ и упорствомъ бурной рѣки сокрушаетъ на неуклонномъ пути своемъ всякое стремленіе отклонить ее къ добру и истинѣ; она вѣчно повторяетъ усвоенные ей законы бытія и *„нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ: что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться“* (1, 9).

Такое печальное состояніе міра, отвергшагося отъ благодати Божіей, длилось до пришествія Христова, до сегодня празднуемаго событія Его явленія. — Нынѣ открытъ путь

истины, нынѣ исполнилось пророчество Исаіи о томъ, что нѣкогда окончится неисправимость кривизны житейской, признанная Соломономъ: „*кривизны выпрямятся и неровные пути сдѣлаются гладкими. И явится слава Господня и узритъ всякая плотъ спасеніе Божіе* (Ис. 40, 4), ибо явилось, какъ говоритъ св. Григорій, единственное *новое подъ солнцемъ*, чего напрасно искалъ Екклезіастъ въ естественной жизни. Явился Утѣшитель угнетенныхъ, ибо мы слышали, какъ Церковь увѣряетъ насъ въ исполненіи днесь св. пророчествъ: *укрѣпите ослабѣвшія руки и утвердите колѣна дрожащія. Скажите робкимъ душою: не бойтеся; вотъ Богъ вашъ, пріидетъ отмщеніе, воздаяніе Божіе; Онъ пріидетъ и спасетъ васъ. Тогда откроются глаза слѣпыхъ и уши глухихъ отверзутся. Тогда хромой вскочитъ, какъ оленъ, и языкъ нѣмаго будетъ пѣть, ибо пробьются воды въ пустынѣ и въ степи потоки* (Ис. 35, 3—7).

Нужно ли говорить, братіе, о томъ, что слова сіи исполнились и исполнятся на истинныхъ послѣдователяхъ Христовыхъ? Конечно, вы читали въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, что „*всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго. И каждый день единодушно пребывали въ храмѣ, и преломляя по долямъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога и находясь въ любви у всего народа*“ (2, 44—47).

Такую то блаженную среди гоненій внѣшнихъ внутреннюю жизнь принесъ сегодня Господь обществу послѣдователей Своихъ вообще и сердцу каждаго изъ нихъ въ частности. Какую же тайну открылъ онъ намъ въ день сей? — Чему именно научилъ насъ? Явленіемъ ли св. Троицы просвѣтилъ насъ? Конечно, это великая и святая истина, но она и раньше раскрывалась людямъ, въ Благовѣщеніи, а впослѣдствіи, и уже не одному Крестителю, но многимъ сообщалась въ прощальной бесѣдѣ и въ Пятидесятницу. Или, быть можетъ, день Крещенія великъ потому, что онъ былъ началомъ проповѣди

евангельской? Нѣтъ, за нимъ вѣдь слѣдовало 40-дневное уединеніе.

Великъ онъ, братіе, потому, что нынѣ Господь открылъ тайну возрожденной, новой жизни, тотъ духъ ея, котораго никогда не зналъ естественный міръ. Эта тайна, этотъ духъ есть духъ самоуничиженія и смиренія, исполненнаго любви. Смотрите, насколько онъ противоположенъ духу міра: дѣятель мірской, выступая на дѣло свое, прежде всего старается заявить о своихъ достоинствахъ, о своихъ правахъ; онъ спѣшитъ убѣдить всѣхъ въ томъ, насколько онъ далекъ отъ людей злыхъ и невѣжественныхъ, насколько близокъ къ людямъ уважаемымъ. Затѣмъ, если онъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, которые желаютъ служить благу ближнихъ своихъ, онъ обращается къ нимъ,—какъ учитель-ли или ученый, или правитель, даже, какъ отецъ семьи своей, все-таки всегда сверху внизъ, съ постояннымъ сознаніемъ и напоминаніемъ своего превосходства, свого добровольнаго подвига, приближающаго его къ людямъ, ниже его поставленнымъ въ умственномъ, или нравственномъ или общественномъ положеніи.—Конечно, еслибъ эти послѣдніе всегда со всею ясностью разумѣли свою духовную пользу, то подчинялись-бы и такимъ наученіямъ, лишь-бы были онѣ разумны; но въ томъ-то и заключается главная помѣха къ общему и личному благополучію и совершенствованію, что въ сердцахъ человѣческихъ глубже всѣхъ прочихъ чувствъ коренится гордость, ради которой люди готовы бываютъ отвернуться отъ разумнѣйшаго предостереженія, отвергнуть очевидную пользу, лишь-бы не подчиняться другому человѣку, лишь-бы не уступить своего предубѣжденія, не показать своего предпочтенія правды ближняго предъ своею неправдой. Вотъ почему они ненавидѣли мудрыхъ преобразователей, изгоняли ученыхъ, отвергали открытія: предъ ними вся польза нововведеній застѣнялась личностью дѣятеля, поступиться собой предъ другимъ препятствовала имъ естественная гордость.

Что наблюдается въ жизни общественной, тоже происходитъ и въ жизни личной. Первымъ условіемъ нашего внутренняго исправленія должно быть *окаяваніе себя*, признаніе своего глубокаго паденія, своего нравственнаго безобразія, какъ это сдѣлалъ приточный мытарь и блудный сынъ. Но и этого не хочетъ исполнить гордый человѣкъ: онъ всегда старается оправдывать себя, признать лучшимъ, чѣмъ другіе, онъ создалъ себѣ мерзкія божества, вреднѣйшія, чѣмъ всякіе Ваалы и Астарты, и назвалъ ихъ благородною гордостью, благороднымъ самолюбіемъ, чувствомъ собственнаго достоинства, личною честью. Онъ намѣренно закрываетъ глаза свои предъ своими пороками, а потому и остается въ плачевномъ положеніи того недужнаго, который считаетъ себя здоровымъ, или слѣпца, почитающаго себя зрячимъ.

И вотъ, когда въ такомъ ослѣпленіи и горделивомъ взаимномъ отчужденіи коснѣли всѣ люди, когда мудрѣйшіе изъ нихъ торжественно признали безсиліе всякихъ средствъ къ умиротворенію и усовершенію жизни, и только сыны народа Божія, сохранявшіе еще жажду исправленія, окружали священнаго пророка въ пустынѣ, спрашивая его: „Что намъ дѣлать?“; въ эту годину печали и тьмы явился свѣтъ смиренія Христова. Онъ не пошелъ къ величавшимся земнымъ владыкамъ и ложнымъ мудрецамъ, но сталъ среди этихъ паломниковъ пустыни и преклонилъ главу свою предъ Крестителемъ, какъ-бы нуждающійся въ очищеніи.

О люди! какъ бы говорилъ Онъ: не бойтесь признать себя ничтожными, павшими; не превозноситесь одинъ предъ другимъ, не заявляйте о своемъ превосходствѣ ко взаимному досажденію. Смотрите, Я, святой и предвѣчный Сынъ Божій, котораго присно воспѣваютъ серафимы, Я не только не гнушаюсь вашего общенія, но готовъ быть признанъ за подобнаго вамъ искателя очищенія! Идите-же за Мною къ проповѣднику покаянія, а потомъ придите ко Мнѣ *„и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ“* (Мѳ. 11, 29).

При такихъ словахъ, братіе, поднимается наше сердце: оно уже не влечетъ насъ на борьбу, на отстаиваніе себя предъ Тѣмъ, кто заранѣе Себя унизилъ предъ всѣми, Кто не укоряетъ насъ Своимъ превосходствомъ, Кто „безъ огня изваряетъ и назидаетъ безъ сокрушенія“. Мы съ отвращеніемъ выбрасываемъ застарѣлую въ насъ гордыню, взирая на Божественный Его Ликъ, преклоненный подъ руку раба, и сразу проникаемся ощущеніемъ новой жизни.—Какъ лодка, освободившаяся отъ тяжелаго груза, свободно возносится духъ нашъ надъ житейской борьбой. Мы не боимся за каждый шагъ нашей жизни, не боимся, что насъ не уважутъ, обойдутъ, осмѣютъ. То сочувствіе ближнимъ нашимъ, которое робко пряталось за это опасливое самолюбіе и, быть можетъ, ни разу еще не могло обнаружить себя, теперь безпрепятственно распростираетъ свои братскія объятія къ людямъ. Наша вѣра въ Бога, которая прежде проникала насъ почти враждебнымъ страхомъ за свое будущее, теперь, освободясь отъ стѣснявшей ее гордыни нашей, въ духовномъ восторгѣ мысленно влечетъ насъ на Іорданъ. Мы смотримъ на смирившагося Христа и, изливая предъ Нимъ умиленныя слезы, въ то же время оплакиваемъ свое прежнее заблужденіе. Зачѣмъ, о, зачѣмъ отравляли мы сами свою жизнь? зачѣмъ, вдавая себя предразсудкамъ самолюбія, строили сами для себя темницу духовнаго одиночества среди ближнихъ нашихъ? зачѣмъ, ненавидя въ душѣ кощунство или развратъ, служили имъ для того, чтобы не потерпѣть насмѣшекъ и уколовъ самолюбію? зачѣмъ скрывали святую любовь изъ ложнаго стыда, похваляясь предъ другими дѣлами, достойными ужаса и посмѣянія?

Теперь открылись наши умственныя очи: мы видимъ, что въ томъ и заключается истинное величіе человѣка, чтобы не бороться за свое превосходство, но уничижать себя предъ всѣми, богатѣть не превозношеніемъ, но состраданіемъ, не похвалами другихъ, но любовію къ другимъ. Вотъ въ чемъ явилось *единственное новое подъ солнцемъ*, вотъ въ чемъ исправленіе жизненной кривизны, вотъ кому изъ униженныхъ

жизнью дается истинное утѣшеніе, вотъ въ чемъ тайна крещенія Господня! „Крещается Христосъ и восходитъ изъ воды, совозводитъ съ Собою міръ“.

Не одни пророки со Крестителемъ ликовали и ужасались предъ этимъ священнымъ событіемъ: даже мертвая природа не могла пребывать въ своемъ естественномъ покоѣ при видѣ того, какъ разрушенъ былъ установившійся въ ней законъ человѣческой гордыни. Іорданъ убоялся приблизившагося Владыки, воды Его готовы были ринуться прочь отъ входившаго въ нихъ Богочеловѣка; небо разверзлось надъ Нимъ и, во время торжественнаго свидѣтельства Отца и Святаго Духа, страшные Херувимы и Серафимы, закрывая въ священномъ трепетѣ свои лица, служили Крещаемому, воспѣвая Его Божественную славу. „Крещается Христосъ съ нами, Иже всякія вышнія чистоты и всѣмъ просвѣщеніе даруетъ... дланію раба рукополагаемый и страсти міра исцѣляетъ“.

Исцѣленіе это и просвѣщеніе Господь даруетъ всѣмъ, по Немъ шествовати хотящимъ, но сугубую истину и сугубый разумъ открываетъ Онъ чрезъ Свое крещеніе тѣмъ, которые желаютъ служить ближнимъ своимъ, воспитывать дѣтей своихъ или чужихъ, или управлять своими согражданами или пасомыми. Только тѣ изъ этихъ послѣднихъ будутъ истинными друзьями людей, будутъ мощными повелителями сердецъ, будутъ дѣйствительными усовершителями содержанія жизни общественной, которые возьмутся за дѣланіе свое такъ же, какъ открылъ Христосъ Спаситель Свое служеніе міру,—которые распнутъ себя, уничижатъ себя въ сердцѣ своемъ и въ умѣ своемъ, которые напишутъ на своей совѣсти обѣтъ—служить не своей чести или славѣ, а самоотверженной любви въ смиреніи; для которыхъ будутъ чужды радости прославленія и преклоненія, но которые будутъ знать только одну радость, чтобы дѣти ихъ ходили въ истинѣ, какъ говоритъ Божественный Апостолъ; которые не будутъ стремиться къ господству и своими прихотями требовать подчиненія, но будутъ чувствовать такъ, какъ другой Апостолъ, сказавшій: „будучи отъ

всѣхъ свободенъ, я всѣмъ поработилъ себя, дабы больше пріобрѣсть... Для всѣхъ я былъ всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ“ (1 Кор. 9, 19—23). Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся“? (2 К. 11, 29).

Для такихъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ не будетъ житейскихъ разочарованій, какъ для Екклезіаста: ихъ слова и дѣла будутъ жечь человѣческое сердце, жизнь заволнуется вокругъ нихъ, все доброе укрѣпится и возстанетъ на борьбу со зломъ; все потемненное грѣхомъ, но не сроднившееся съ нимъ всецѣло, увидѣвъ въ такомъ посланникѣ полное отсутствіе укора или унижающаго превозношенія, раскается и преклонится предъ нимъ, а все озлобленное въ конецъ, сознательно ненавидящее правду, будетъ обличено и выдѣлено, и если подниметъ съ двойною злобою возстаніе на истину и даже умертвитъ ея носителя, то все же не уничтожитъ дѣла его, но только прославитъ послѣднее, какъ это было со св. мучениками.

Таковъ, братіе, новый путь жизни общественной и личной, открытый намъ въ тайнѣ крещенія Христова. „Гласъ Господень на водахъ вопіетъ глаголя: пріидите, пріимите вси духа премудрости, духа разума, духа страха Божія, явльшагося Христа“. Можемъ-ли мы принять духа сего? Можемъ ли принять Христа? Богата Его трапеза, обиленъ даръ. Но если ты колеблешься, какъ богатый юноша, если еще не рѣшился отнынѣ жить духомъ служенія и самоуничиженія, чтобы пріобрѣсть истинное благо жизни, то все же преклони главу свою предъ Христомъ и скажи Ему, какъ хананеянка: „Господи, я недостоинъ трапезы сыновъ Твоихъ, но не лиши меня хотя тѣхъ падающихъ съ нея крохъ, которыя подбираютъ псы“. *И онъ отвѣтитъ тебѣ: „блаженни алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся“. Аминь.*

СЛОВО

Въ день открытія Святыхъ Мощей Святителя Ѳеодосія Черниговскаго [1]).

Днесь радостью великою радуется святая Церковь и небесная и земная. Радуется Господь, ввѣрившій десять талантовъ вѣрному рабу Своему св. Ѳеодосію и нынѣ поставившій его не надъ десятью городами, а на одномъ изъ небесныхъ престоловъ для ходатайствованія о кающихся и свидѣтельства противъ нечестивыхъ.

Радуются ангелы, пророки, апостолы и всѣ святые о томъ, что вѣрный рабъ вошелъ въ радость Господа своего. Ликуютъ и люди, праведные и грѣшные, и счастливые въ Богѣ, и нищіе міра.

Радуются они и тому, что имъ дарованъ новый предстатель, и тому, что въ недавное еще грѣшное время Господь повелѣлъ жить на землѣ святому человѣку.

Но еще высшую радость, братіе, чувствуемъ всѣ мы по поводу событія дня сего, когда слышимъ вновь дерзновенный гласъ Церкви, вѣщающій намъ откровеніе воли Божіей, властно свидѣтельствующей намъ о святости своего сына, своего столпа. Отнынѣ всѣ сподобившіеся чудесной помощи отъ Святителя, а равно и чающіе отъ него исцѣленій и предстательства будутъ призывать святаго мужа уже не въ стѣсненной запо-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1896 г., ноябрь.

кoйными прошеніями молитвѣ, но съ умиленнымъ восторгомъ повторять дерзновенныя, просительныя и прославительныя пѣснопѣнія матери Церкви къ святому угоднику. Съ сугубымъ довѣріемъ и уваженіемъ будемъ мы взирать нынѣ и на ея предстоятелей, съ сугубой любовью будемъ благоговѣть предъ Церковью помѣстной, съ сугубой вѣрой будемъ исповѣдывать истину о Церкви православной вселенской, созерцая воочію ея дерзновеніе къ Богу, ея близость къ Главѣ своей и слову Его: *„дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“* (Матѳ. XVI, 19).

Внидемъ же всѣ въ радость Господа! опять предъ нами открывается жизнь Его Церкви, Его живого духовнаго тѣла, какъ во времена прежнія. Опять всѣ мы, искренно молящіеся Ему во всемъ мірѣ, чувствуемъ себя объединенными во единомъ упованіи званія нашего, не странными и пришельцами, но сожителями святымъ и присными Богу. Такъ во единое дружное стадо собираетъ насъ блаженный и святый Ѳеодосій, являющійся по смерти своей пастыремъ вселенной, ибо не одной только своей паствѣ, но и всему вѣрующему міру предстоитъ нынѣ его нетлѣнный ликъ, призывая всѣхъ къ надеждѣ будущихъ благъ.

Поистинѣ, когда въ день сего великаго событія его прославленія мы представимъ себѣ колѣнопреклоненныя сотни тысячъ исцѣляемыхъ больныхъ, обращающихся невѣрныхъ, ликующій градъ, то сколь ясно сознаемъ превосходство жизни духовной предъ земною, какъ блѣднѣютъ въ глазахъ нашихъ прелести міра — богатство, слава, попеченіе о плоти и всѣ прочія приманки, удалявшія насъ отъ Бога и отъ попеченія о душѣ. Близкимъ намъ представляется небо, близкою Божественная помощь, воздаяніе и судъ.

Такой высокій подъемъ духовной жизни испытываемъ мы, братіе, въ событіи прославленія Угодника. Но еслибъ вы пожелали научиться частнѣйшимъ добродѣтелямъ чрезъ подражаніе вѣрѣ его и жизни, то и въ такомъ духовномъ дарѣ не отказалъ бы вамъ новоявленный чудотворецъ. Правда, при чтеніи краткихъ свѣдѣній о житіи его, сохраненныхъ намъ

современниками, мы пожалуй не найдемъ сразу чего либо особенно назидательнаго. Узнаемъ мы, что св. Ѳеодосій жилъ во второй половинѣ XVII-го столѣтія, учился въ Кіевской Академіи, управлялъ затѣмъ Кіевскимъ Выдубецкимъ монастыремъ, а потомъ былъ помощникомъ епископа черниговскаго, въ епископскомъ же санѣ, который воспріялъ чрезъ рукоположеніе патріархомъ Адріаномъ и наконецъ, не за много лѣтъ до собственнаго преставленія былъ возведенъ на каѳедру архіепископовъ черниговскихъ, въ каковомъ званіи и преселился въ міръ горній, въ не старомъ еще возрастѣ. Знаемъ еще, что его Архипастырь преосв. Лазарь такъ опредѣлилъ его богоугодный нравъ: „мужъ благій, украшенный добродѣтелями монашеской жизни, которую ведетъ съ молодыхъ лѣтъ... исполненъ страха Божія и духовной мудрости“. Сказать просто, житія Святителя Ѳеодосія и не сохранилось, а имѣются лишь свѣдѣнія о томъ, какія должности онъ проходилъ.

Но насколько смиренно и малоизвѣстно житіе его, настолько же многосодержательно и свято. Насколько неизвѣстна его земная жизнь, настолько велика слава его по преставленіи. Такъ, ближайшій преемникъ служенія его, архіепископъ черниговскій Іоаннъ Максимовичъ вскорѣ послѣ погребенія святого исповѣдалъ всѣмъ его чудесную помощь себѣ и прославивъ его какъ святого, оставилъ надпись съ молитвеннымъ призываніемъ имени св. Ѳеодосія. Послѣ сего вскорѣ начались исцѣленія отъ его гроба и вотъ цѣлыхъ 200 лѣтъ не оскудѣваютъ они отъ святыхъ мощей Угодника, уже давно изъятыхъ изъ нѣдръ земли и торжествующихъ надъ законами бреннаго естества своимъ чудеснымъ нетлѣніемъ, привлекая тысячи богомольцевъ отъ конецъ земли.

Итакъ, въ чемъ нарочитая назидательность житія его? Въ исполненіи на немъ евангельскаго слова: *„царство небесное подобно зерну горчичному,.... которое, хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и скрываются въ вѣтвяхъ его“* (Матѳ. XIII, 31, 32). Сло-

ва эти, братіе, въ своемъ примѣненіи къ жизни св. Ѳеодосія имѣютъ особо важное значеніе для указанія истиннаго пути жизни сынамъ современности—для примиренія ихъ съ жизнію, которою они обыкновенно бываютъ такъ недовольны.

Есть два взгляда на жизнь: при одномъ взглядѣ человѣкъ цѣнитъ послѣднюю по ея внутреннему, нравственному достоинству, не заботясь ни о внѣшнемъ положеніи своемъ, ни о томъ, что говорятъ о немъ другіе, — лишь бы достойно и нелицемѣрно преуспѣвать въ исполненіи принятаго служенія. Наградой за трудъ является тогда созерцаніе растущаго около дѣятеля добра; наградой за трудъ пастырскій — общее спасеніе. Таково очевидно было отношеніе къ своей дѣятельности новоявленнаго святого. Онъ не старался о сохраненіи памяти дѣлъ своихъ для грядущихъ поколѣній и не былъ знаменитъ среди современниковъ, но смотрите, какъ глубоко было вѣяніе его святой жизни, его духа на окружающихъ: одни сейчасъ послѣ смерти его называютъ святымъ, другіе, привыкшіе пользоваться его любовію при жизни, не хотѣли и по смерти прекратить свои прошенія къ нему и въ замѣнъ совѣтовъ и милостыни получаютъ благодатныя исцѣленія и утѣшенія. И вотъ, чѣмъ болѣе прошедшее отходитъ въ область забвенія, чѣмъ болѣе меркнутъ и блѣднѣютъ облики современныхъ св. Ѳеодосію дѣятелей, знаменитыхъ и славныхъ въ мірѣ семъ, дѣятелей столь много заботившихся объ увѣковѣченіи своей памяти: тѣмъ болѣе возрастаетъ слава святого мужа, живущаго среди насъ и по смерти, предлежащаго нетлѣнно взорамъ молящагося народа и ставшаго близкимъ для всякаго, независимо отъ временъ и пространства. Не такъ складывается жизнь дѣятелей, намъ современныхъ. Очень немногіе изъ нихъ ищутъ „*славы, которая отъ единаго Бога*“ (Іоан. V, 44), а большинство, прежде чѣмъ начнутъ свое дѣланіе, уже безпокоются о томъ, будутъ ли они достойно прославлены на землѣ и знамениты. Ихъ умъ и сердце обращены не на свое послушаніе, не на данный имъ отъ Бога жребій, но или вверхъ, на стоящихъ у власти, или вширь на

толпу, на повременную печать. А такъ какъ и предъ начальствомъ и предъ общественнымъ мнѣніемъ они встрѣчаютъ соперниковъ, то жизнь ихъ, и безъ того суетная и безпочвенная, становится сугубо-смущенною, праздною гонькой за повышеніемъ, знатностью, богатствомъ, — самое же дѣло имъ порученное, является лишь средствомъ къ достиженію этихъ соблазнительныхъ благъ земныхъ. Конечно, искуственно поддерживаемое благоволеніе властей, или извѣстность, не прочны, и вмѣсто наслажденія доставляютъ лишь вѣчную неутомимую тревогу, побуждаютъ къ безчестнымъ поступкамъ, къ безславной борьбѣ, къ небратолюбивому соперничеству; истинный долгъ службы забывается и попирается окончательно; порученное дѣло, иногда святое и великое, остается въ небреженіи, нуждающіеся въ полномочной помощи забытыми. Подобныя явленія, наблюдаемыя въ жизни у дѣятелей государственныхъ, и ученыхъ, и писателей, и учителей, оставляютъ тройное сожалѣніе: во-первыхъ, страхъ за участь злыхъ виноградарей, во-вторыхъ, печаль о попираемомъ вертоградѣ, а въ третьихъ, жалость о томъ, что люди въ погонѣ за земнымъ счастьемъ оставляютъ вслѣдъ за собой самое счастье, становятся неспособными понять, что всякая общественная дѣятельность, исполняемая отъ чистаго сердца, даетъ труженику гораздо больше радости, чѣмъ погоня за богатствомъ и славой. На землѣ еще онъ сродняется съ дѣломъ своимъ и порученными ему людьми, какъ съ родной семьей, а на небѣ уготовляется ему вѣнецъ правды. Его величіе не бываетъ предметомъ зависти, какъ при мірскомъ соперничествѣ, но всѣ принимаютъ участіе въ славѣ избранника Божія.

Наиболѣе поразительно исполняется это на тѣхъ, которыхъ Господь прославилъ святостію. Вѣнчается одинъ, но въ немъ награждаемся всѣ мы, молящіеся одному. Въ противоположность мірскому здѣсь, чѣмъ болѣе стремленій, чѣмъ болѣе просящихъ, тѣмъ болѣе и дарованій. Любочестивъ бо сый Владыка и оному даетъ и сему дарствуетъ, и дѣла пріемлетъ и намѣреніе цѣлуетъ. Внидемъ же всѣ въ радость Господа!

Забудемъ въ день сей нашу мірскую борьбу, зависть и честолюбіе и обратимся умомъ и сердцемъ къ нравственному облику новоявленнаго святого мужа. Будемъ просить его помощи въ нуждахъ нашихъ, а того паче въ томъ, чтобы отклонить нашъ жизненный путь отъ началъ суетнаго тщеславія и своекорыстія къ началамъ чистоты и смиренія по образу св. Θеодосія. Аминь.

СЛОВО

Предъ благодарственнымъ молебствіемъ по окончаніи III-го всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда [1]).

Господь помогъ намъ закончить совѣщательные труды наши въ навечеріе праздника Своего преславнаго Преображенія. Духовный смыслъ этого чудеснаго событія изъясненъ въ церковной пѣсни: „На горѣ высоцѣ преобразися Спасъ, верховныя, имѣя ученики преславно облисталъ есть, показуя, яко высотою добродѣтелей облиставше и божественнѣй славы сподобятся".

Ученики Христовы, удрученные, истомленные постояннымъ уничиженіемъ на землѣ своего Учителя, увидѣли въ день сей раскрытіе Его внутренней силы, Его неземной красоты и поняли, что эта красота, эта святыня не нуждается ни въ земной славѣ, ни въ чести, ни въ богатствѣ, что сама по себѣ она безконечно превосходитъ всякую земную красоту настолько, что всякій, проникнувшій однажды духовнымъ взоромъ своимъ въ эту небесную славу, не пожелаетъ уже больше земныхъ наслажденій, но воскликнетъ: „*Господи, добро намъ есть здѣ быти*"!

Отцы и братіе, да даруетъ Господь вамъ всѣмъ многократно узрѣть въ благовѣстническихъ трудахъ нашихъ прео-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Правосл. Собесѣд.». 1897 г., Сентябрь.

браженіе славы Его, прикасаться духомъ своимъ къ Его божественной жизни, видѣть *царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ*, бывать свидѣтелемъ умягченія злыхъ сердецъ, служителемъ возрожденія отпадшихъ, раскаянія грѣшныхъ, смиренія гордыхъ душъ, однимъ словомъ—созерцать то чудное измѣненіе человѣка, совершаемое словомъ благодати Божіей, которое подобно облачному осѣненію учениковъ на горѣ Ѳаворской.

Но знайте братіе и отцы, что это раскрытіе силы Божіей въ насъ и въ слушателяхъ достигается не иначе, какъ путемъ страданій и ими же снова сопровождается. Не съ первыхъ дней удостоилъ Господь Своихъ учениковъ показать славу Своего Преображенія, но послѣ многократныхъ уничиженій Своихъ отъ людей. Уже неоднократно былъ Онъ укоренъ отъ фарисеевъ: Его чудеса бывали приписываемы силѣ бѣсовской; Его ревность о проповѣданіи была осмѣяна всенародно; въ Назаретѣ Его хотѣли низвергнуть со скалы. Немало наболѣли сердца учениковъ Его; Онъ увѣщеваетъ ихъ не стыдиться Его *въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ* и только тогда показываетъ имъ славу Свою на горѣ Ѳаворской. Но и послѣ сего событія немедленно напоминаетъ имъ о немощи человѣческой, о молитвѣ, о постѣ, о естественномъ ихъ маловѣріи, воспрепятствовавшемъ имъ исцѣлить бѣсноватаго отрока.

Эти-то огорченія, эти колебанія и эта потреба подвиговъ и вѣры, испытанныя учениками Слова, являются постоянными условіями жизни и преемниковъ ихъ, и всѣхъ вообще христіанъ, проводящихъ духовную жизнь. Одушевляемые ревностью о славѣ Божіей, объ обращеніи невѣрныхъ, служители Слова, долго томятся созерцаніемъ уничиженія Его отъ людей, прежде чѣмъ сподобятся узрѣть славу Его въ людяхъ сихъ. „*Печаль пріятъ мя отъ грѣшникъ, оставляющихъ законъ Твой*“ (Пс. 118, 53) жалуется псалмопѣвецъ. „*Доколѣ путь нечестивыхъ спѣется?*“ вопіетъ пророкъ Іеремія. Ему вторитъ весь сонмъ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, святителей. Вся

исторія житія ихъ, наполнившая листы святой Библіи и Миней не есть ли тотъ свитокъ скорби, который проглотилъ Іезекіиль? „*и вотъ свитокъ исписанъ былъ внутри и снаружи и написано на немъ: плачъ, и стонъ, и горе*“ (Іез. 2, 10).

Тогда лишь только, когда эта печаль о Бозѣ пройдетъ во всѣ внутренности подвижника, когда распнется въ немъ ветхій человѣкъ, тогда лишь начинается около него возрастаніе духовной нивы изъ умершаго сѣмени пшенична, тогда видитъ онъ около себя преображеніе славы Божіей. Такъ и сказалъ апостолъ: „*смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ*“ (2 Кор. 4. 12). Насколько вымираетъ въ ежечастныхъ страданіяхъ естественная жизнь проповѣдника или пастыря, настолько лишь и только такимъ путемъ насаждается жизнь духовная въ слушателяхъ въ паствѣ во исполненіе словъ Христовыхъ: „*егда вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ*“.

Будемъ же, отцы и братіе, всегда утѣшаться сею истиною. Будемъ помнить, что безъ скорбей и подвига не можетъ быть и плода духовнаго, а одно только самообольщеніе или прелесть, какъ учили святые отцы Церкви, повторяя слова апостола о томъ, что только незаконныя дѣти не терпятъ наказанія (Евр. 12, 5—9). Эту истину унесите въ сердцахъ вашихъ отъ нынѣшняго блестящаго собранія въ мрачные притоны ереси и раскола, въ глухія деревни и недоступные хутора, гдѣ вамъ приходится бороться со звѣрьми и умирать каждый день (1 Кор. 15, 31).

И чѣмъ больше будетъ возставать на васъ ожесточенная злоба и упорное коварство ересеучителей, чѣмъ грубѣе будутъ приступы невѣжественнаго, озлобленнаго народа, тѣмъ крѣпче уповайте, что въ васъ и около васъ совершаются муки духовнаго рожденія. Не здѣсь, не въ нашемъ торжествующемъ собраніи единомысленныхъ сотрудниковъ, зачинается таинство св. вѣры, а въ душной избѣ, наполненной сѣрымъ народомъ, или, лучше скажу, въ скорбящемъ, измученномъ сердцѣ проповѣдника, если только оно не съ ропотомъ и унынiемъ, но

съ благодареніемъ и упованіемъ несетъ свой апостольскій крестъ. Пусть его святые порывы встрѣчаются издѣвательствомъ; пусть любовь его клеймится, какъ лицемѣріе; пусть его ревность обзывается жестокостью: если все это удостоишься претерпѣть, то знай, что этотъ самый внутренній вопль наболѣвшей души есть крикъ возрожденія въ жизнь духовную для многихъ. Не прежде Богъ раскрылъ тайну любви Своей ко всему человѣческому, какъ исторгнулъ такой вопль отъ пророка Своего во чревѣ кита. Не прежде открылъ Онъ обѣтованіе о вселенской Церкви Своему посланнику Ездрѣ, какъ показалъ ему видѣніе жены, возопившей въ скорби о смерти своего сына.

Предсмертный вопль благоразумнаго разбойника былъ рожденіемъ его въ вѣчную жизнь, а вопль глубокой скорби объ ожесточеніи ближнихъ бываетъ чрезъ содѣйствіе благодати началомъ ихъ обращенія.

Возлюбимъ же отцы и братіе не торжества наши только, но паче и скорби наши; облобызаемъ съ любовію, вѣрою и упованіемъ кресты нашихъ поношеній, и уничиженій, и осмѣяній Въ нихъ наша сила, ими даетъ намъ Господь побѣду; послѣ нихъ показываетъ намъ преображеніе Своей славы.

Но не забудемъ, братіе, и о томъ, что во время Преображенія Своего Господь говорилъ со Своими загробными собесѣдниками о крестномъ исходѣ Своемъ; не забудемъ и объ искушеніи, постигшемъ апостоловъ по возвращеніи съ горы Ѳаворской. Не однажды и не дважды, а многократно повелѣваетъ намъ Господь испытывать тяжкія скорби видимаго безплодія трудовъ нашихъ и прямыхъ оскорбленій и клеветъ. Всегда съ любовію будемъ вдавать *плещи свои на раны и ланиты на заушенія* (Ис. 50, 6), ибо всякій разъ Господь воздастъ намъ за это пріобрѣтеніе брата,—либо самого устыдившагося обидчика, либо свидѣтелей его беззаконій, или же насъ самихъ наградитъ внутреннимъ духовнымъ плодомъ; ибо только послѣ такихъ скорбныхъ испытаній раскрываются намъ тайны Божественнаго промысла, только страдальцамъ бываетъ

суждено какъ бы перстами своими прикасаться къ подножію Вседержителя. Будемъ же братіе молитвой и постомъ хранить души наши отъ унынія и лѣности, дабы не падать подъ бременемъ испытаній. „*Внемлите же себѣ да не когда отягчаютъ сердца ваши печальми житейскими и найдетъ на вы внезапу день той... Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убѣжати всѣхъ сихъ хотящихъ быти и стати предъ Сыномъ человѣческимъ*“ (Лук. 21, 36). Аминь.

СЛОВО

Въ день Преображенія Господня [1]).

Церковныя пѣснопѣнія нынѣшняго дня убѣждаютъ насъ, братіе, въ томъ, что Господь явилъ свое чудное преображеніе съ тою именно цѣлью, чтобы убѣдить своихъ послѣдователей, какъ могутъ и они сами, украсивъ свой внутренній обликъ добродѣтелью, просіять нѣкогда и внѣшнею духовною красотой. Въ душѣ нашей есть неутолимая жажда видѣть соотвѣтствіе между внутреннимъ и внѣшнимъ, и вотъ, до пришествія на Землю Сына Божія, праведники недоумѣвали, почему имъ суждено быть всегда въ приниженномъ состояніи, въ убогомъ, скорбномъ видѣ, а грѣшникамъ допускаетъ Богъ украшаться и величаться. Самые современники Спасителя ожидали съ нетерпѣніемъ того дня, когда онъ отброситъ видъ уничиженный и скорбный, освободится отъ бѣдности и бездомовности, и могущественнымъ царемъ, блистая красотою одеждъ и пышностію окружающей обстановки, вступитъ на престолъ Давида, отца своего, попирая злочестивыхъ враговъ своихъ и враговъ Израиля.

Но вотъ Господь являетъ нетерпѣливымъ послѣдователямъ своимъ иную, духовную красоту облика своего, всегда присущую ему, но сокрываемую отъ очей человѣческихъ въ обыч-

---

[1]) Произнесено 6-го августа на литургіи въ Симферопольскомъ каѳедральномъ соборѣ. Въ первый разъ было напечатано въ «Таврич. Епарх. Вѣдомостяхъ», 1898 г. № 16.

пое время. Онъ восходитъ съ тремя учениками на гору, и когда духъ Его возносится въ молитвѣ къ Отцу, вдругъ лицо Его просіяло, какъ солнце и одежды стали бѣлы, какъ снѣгъ. Изъ загробнаго міра предстали Ему Моисей и Илія, и райскій облакъ объялъ ихъ и учениковъ, въ благовѣйномъ ужасѣ взиравшихъ на видѣніе. Это приближеніе неземной намъ райской красоты привело учениковъ въ состояніе неизъяснимаго блаженства, такъ что Петръ воскликалъ, не помня себя отъ радости: *Учителю, добро есть намъ здѣ быти.* Здѣсь пересталъ онъ сожалѣть о красотѣ царскаго или вельможескаго положенія, отъ котораго уклонялся Спаситель; здѣсь онъ понялъ, насколько красоты его Божественной святости выше суетныхъ украшеній міра, насколько жалки были воздыханія учениковъ о внѣшней нищетѣ и убожествѣ своего учителя, преисполненнаго неземной, вѣчной, райской красоты и небесной славы.

Вспоминай же, о христіанинъ, это священное событіе изъ жизни твоего учителя! Утѣшайся въ своихъ скорбяхъ надеждою на то, какъ нѣкогда онъ облечетъ подобной же славою всѣхъ вѣрныхъ его заповѣдямъ. Не мѣняй той внутренней красоты, которая накопляется здѣсь подвигами любви и благочестія, на суетную красоту мірскаго богатства или мірскаго величія, достигаемыхъ отступленіемъ отъ евангельскаго закона, потемнѣніемъ внутренней красоты твоего духа. Не завидуй тѣмъ, которые величаются красотою домовъ своихъ, или одеждъ, или сытымъ видомъ своего празднаго тѣла, или преклоненіемъ зависящихъ отъ нихъ прислужниковъ, или праднымъ удивленіемъ толпы. Вспоминай притчу о Богачѣ и Лазарѣ, не забывай того, что скоро всѣ эти украшенія міра будутъ достояніемъ червей, а уничиженный образъ праведниковъ, согбенныхъ трудомъ, состарѣвшихся безвременно отъ страданій, опечаленныхъ насмѣшками или даже изувѣченныхъ нечестивцами, этотъ образъ, который носитъ праведникъ, *не имущій вида, ниже доброты,*—возсіяетъ красотою вѣчною и ни

съ чѣмъ на землѣ несравнимою, по реченному: *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ.*

Впрочемъ если пожелаешь удостовѣриться въ истинности сего обѣтованія и чрезъ разсмотрѣніе вещей земныхъ, то не останешься неудовлетвореннымъ, ибо то чудесное преображеніе, которое обѣщано намъ за гробомъ по образу Преобразившагося на Ѳаворѣ, въ нѣкоторой, хотя малой степени, можемъ наблюдать и на людяхъ, измѣнившихъ грѣховное, злостное, и блудное, и горделивое содержаніе душевной жизни своей на святое и богоугодное, а еще болѣе на тѣхъ, которые отъ юности жили добродѣтельно. Вотъ посмотри на эти прекрасныя иконы угодниковъ Божіихъ, разставленныя по святому храму. Видишь ли эти лица, старческія, изнуренныя постомъ, нахмуренныя отъ бывшихъ печалій, испещренныя ранами? И смотрите, однако, какою неотразимою красотой они осіяваются! Въ этихъ чертахъ сіяетъ блаженное упокоеніе въ Богѣ, въ нихъ свѣтится любовь, блистаетъ надежда, видится полное торжество надъ мірской суетой. Таковы ли лица міролюбцевъ, отягченныя излишествами, исполненныя гордостей, обезображенныя блудною страстію или злобой, искаженныя страхомъ за свое благополучіе, омраченныя ревностію или завистью и вообще носящія отпечатокъ грѣховной страсти?

Святые угодники жили во времена прошедшія, и ихъ было меньше чѣмъ обычныхъ грѣшныхъ людей. Но взгляни на окружающую тебя жизнь, на знаемыхъ твоихъ и на себя самаго. Зналъ ли ты людей, измѣнившихъ грѣховный обычай или вообще пустой образъ жизни на постоянный подвигъ благочестія, на побореніе страстей, на благотворительность и дѣломудріе? Если видѣлъ, то подтвердишь слова мои о томъ, что и лица людей сихъ преображались, что въ глазахъ ихъ и во всѣхъ чертахъ ихъ, и въ обращеніи ихъ и въ голосѣ, засіялъ тотъ тихій свѣтъ духовной, безсмертной жизни, который несравненно привлекательнѣй чувственной красоты грѣшниковъ и дѣйственнѣе, нежели дѣланныя рѣчи и льстивое обращеніе сыновъ міра сего. Припомни такія измѣненія въ

обликѣ знаемыхъ твоихъ и въ твоемъ собственномъ обликѣ и возжелай этой духовной красоты, этого неземного свѣта больше, чѣмъ всякихъ земныхъ красотъ, пренебрегай послѣдними для перваго, а не наоборотъ, какъ, вѣроятно, дѣлалъ ты доселѣ, и предайся подвигу духовнаго дѣланія во Христѣ, дабы пріобрѣтать постепенно на лицѣ своемъ отблескъ этой божественной славы Его, которую днесь явилъ Онъ на горѣ Ѳаворской. Подвигъ внутренняго измѣненія или преображенія называется дѣланіемъ во Христѣ, потому что безъ того невозможно духовное дѣланіе. *Кто пребудетъ во Мнѣ*—говоритъ Господь—„*тотъ принесетъ много плода, а та вѣтвь, которая не пребудетъ на лозѣ, высыхаетъ и извергается вонъ и сгараетъ; такъ и вы, если во мнѣ не пребудете*“.—Правда, въ наше маловѣрное время много говорятъ о нравственной жизни безъ вѣры во Христа и молитвы, но слова эти не осуществляются на дѣлѣ.

Нравственное одушевленіе людей невѣрующихъ, основанное на неопредѣленныхъ поэтическихъ ощущеніяхъ молодости, на вычитанныхъ изъ книгъ нравоученіяхъ, непрочно, непродолжительно, какъ зелень оторванной отъ корня вѣтки. Въ первыя минуты эта зелень свѣжа, какъ прежде, но проходитъ день, и она обращается въ негодную ветошь. Таковы и первые порывы доброй настроенности и человѣка невѣрующаго отъ которыхъ очень скоро остается одно лишь разочарованіе или горделивое притворство, тщеславное лицемѣріе, тщетно силящіеся надѣвать на себя личину человѣколюбія, будучи исполнено внутри себя злобной зависти, или тупого отчаянія, какъ у Каина, или Саула, или Ирода. Это знаютъ по собственному опыту всѣ вѣрующіе и невѣрующіе, пережившіе юность, свою, потому что они испытали нравственное безсиліе человѣческой природы, лишенной помощи свыше. Вотъ почему, люди пожилые или обращаются къ вѣрѣ, отказавшись отъ неосуществимыхъ притязаній на добродѣтель естественную,—или не желая увѣровать, отказываются отъ стяжанія добродѣтели видя ея недостижимость безъ вѣры.

И такъ, нѣтъ духовной красоты въ томъ сердцѣ, въ которомъ нѣтъ Христа. Какъ же могутъ стяжать ее сердца, вѣрующія Христу? Сему, братіе, научаетъ насъ Христосъ преобразившійся на Ѳаворѣ. Лицо Его просвѣтлилось во время молитвы, во время бесѣды Его о пророчествахъ, во время размышленія Его о грядущихъ страданіяхъ во Іерусалимѣ. Вотъ путь восхожденія къ духовной красотѣ нашей. Должно молитвенно призывать Божественную помощь, должно наполнять свой ѹмъ Божественнымъ словомъ, открытымъ намъ въ священномъ Писаніи и во всемъ ученіи церкви; должно, наконецъ, бодрственно рѣшиться на перенесеніе скорбей, не избѣжныхъ по пути восхожденія къ славѣ Божіей.

Будемъ же, братіе, стремясь къ этой славѣ, не на свои силы полагаться, но молиться и вникать въ Божественное ученіе, будемъ готовы принимать скорби за Христа по заповѣди, и Онъ сподобитъ насъ участія въ своей вѣчной славѣ на небѣ; и тогда мы, подобно Петру на Ѳаворѣ, забудемъ свои печали и лишенія и будемъ восклицать вѣчно въ духовномъ восторгѣ: „*Наставникъ, добро есть намъ здѣ быти*“. Аминь.

Б) Слова воспитанникамъ духовной школы.

СЛОВО

въ день академическаго акта, къ студентамъ С.-Петербургской Академіи [1]).

Православные слушатели! Въ этотъ день, когда Академія встрѣчаетъ новый, нынѣ уже 78 й годъ своего существованія, мысль невольно оборачивается на прошлое. Припоминаются образы великихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ подъ священнаго крова этой мирной обители, ихъ плодотворная пастырская и ученая дѣятельность, приходитъ на мысль и другая скромная дѣятельность труженниковъ воспитанія духовнаго юношества, которые незамѣтно, тихо, какъ ревностные муравьи, строятъ великое зданіе религіозно-нравственнаго просвѣщенія отечества чрезъ своихъ питомцевъ, выходящихъ въ сельскіе пастыри. Окидываешь мысленнымъ взоромъ и ту пылкую работу, которая выпала на долю учившагося здѣсь столичнаго духовенства, трудящагося надъ сорною нивой, что называется образованнымъ обществомъ.—При всей разнородности этихъ дѣятелей, мы однако легко можемъ замѣтить ту, общую всѣмъ участь, что кто погонится за внѣшнимъ благополучіемъ, тотъ не достигаетъ внутренней удовлетворенности, а кто стремится жить по совѣсти, тому приходится отказаться отъ внѣшнихъ благъ.— Осуществляются слѣдов. слова Спасителя: „*никто не можетъ работать двумъ господамъ, или одного будетъ ненавидѣть,*

[1]) Назначено къ произнесенію 17 февр. 1886 г., но произнесено, кажется, не было.

а другого любить—или одному усердствовать, а другому нерадѣть“...

И вотъ предъ всякимъ вступающимъ въ жизнь простираются два пути; а Міродержитель какъ-бы вновь говоритъ каждому: „*предложихъ ти огнь и воду и на неже хощеши возложиши руку твою*“.—Конечно, бр., всякій студентъ нашей Академіи всею душею стремится идти въ жизнь путемъ правды и самоотверженнаго служенія добру, но наблюденія надъ жизнію, надъ трудностями удержаться на этомъ пути, смущаютъ его умъ и поставляютъ вопросъ о самой разумности и законности благородныхъ стремленій его сердца.—Вѣдь не мы первые, не мы послѣдніе—нашептываетъ ему недремлющій никогда искуситель—всѣ юноши мечтаютъ о великомъ и всѣ въ жизни перестаютъ достигать его.—Насколько практическіе выводы изъ этого положенія гибельны для нравственной жизни, насколько они „угашаютъ духъ“ и ослабляютъ волю—это понимаетъ каждый; но посмотримъ, нельзя-ли бороться съ ними на основаніи той-же самой посылки, изъ которой ихъ выводятъ.—Вѣдь, если всякой молодой душѣ свойственно мечтать и стремиться къ высокому, предначертывать себѣ жизнь, какъ подвигъ, а не какъ поприще для удовлетворенія себялюбивыхъ стремленій, то подобнаго рода настроеніе не есть прививное, нѣтъ, оно есть законное требованіе человѣческой природы, быть можетъ, откликъ того „дыханія жизни“, которое вдохнулъ Творецъ въ человѣка. Мы смѣемся надъ дѣтьми, когда они не хотятъ вѣрить побѣдѣ злыхъ надъ добрыми, когда у нихъ представленіе о жизни слагается не потому, какъ бываетъ на дѣлѣ, а потому, какъ должно бы быть: но вѣдь и эта, не оправдываемая наблюденіемъ надъ жизнью, вѣра во всепобѣждающую силу добра—есть опять-же лишь естественное обнаруженіе или запросъ человѣческой природы, а слѣдовательно—она должна находить себѣ оправданіе въ дѣйствительности.—Поэтому будетъ вполнѣ законно спросить, кто болѣе достоенъ смѣха: дитя-ли, которое не вѣритъ въ возможность побѣды зла, или испытанный въ жизни мужъ,

переставшій вѣрить въ жизненное значеніе добра?—„*Если вы не обратитесь, и не будете, какъ дѣти, то не войдете въ царство небесное*“, говорилъ Спаситель, уча подражать дѣтской вѣрѣ въ побѣду добра тѣхъ, чей жребій, бр., выпадаетъ и намъ грѣшнымъ. И ученики Его сохранили эту вѣру, ею путеводились они въ непроглядной тьмѣ языческаго міра, ею жили, въ ней умирали отъ руки палачей; однако не только не отступили отъ ней подъ давленіемъ жизни, но напротивъ самую жизнь покорили этой вѣрѣ, создавъ христіанскую общину, утвержденную на началахъ самоотверженной любви ея членовъ ко всѣмъ людямъ. И тотъ, кто принялъ эту вѣру такимъ-же юношей, какими мы поступаемъ сюда, тотъ писалъ въ глубокой старости „*сія есть побѣда, побѣдившая міръ вѣра наша*“.

Въ побѣду добра, въ самодовлѣемость нравственнаго начала вѣрили не только одушевленные ученики Христовы—апостолы, мученики, аскеты, не только религіозные энтузіасты, не желавшіе знаться съ дѣйствительностью, не только тѣ, которыхъ проповѣдь была „іудеемъ соблазнъ, эллиномъ-же безуміе“, нѣтъ, эту мысль провозгласилъ и великій представитель разума естественнаго; мало того—онъ положилъ ее въ основаніе всей философіи, всего человѣческаго знанія и дѣятельности. Онъ говорилъ, что, пока человѣкъ располагаетъ свой разумъ по законамъ теоретическаго познанія пріобрѣтаемаго чрезъ внѣшній опытъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ познать сущности вещей, п. ч. предметы внѣшняго опыта не имѣютъ въ себѣ истиннаго значенія, но суть лишь явленія, которыхъ сущность остается непознаваема. Гдѣ-же истина вещей? Какъ она познается? Чрезъ наше нравственное сознаніе—отвѣчаетъ мыслитель—ее должно выводить изъ запросовъ нашей нравственной природы, вовсе не соображаясь съ видимой стороною міра и жизни. Отсюда получается предписаніе—опредѣлять свою дѣятельность не по внѣшнимъ, чрезъ внѣшнія чувства получаемымъ, удовольствіямъ и выгодамъ, не подъ давленіемъ внѣшняго, видимо господствующаго направленія,—

но свободно—по указанію собственнаго нравственнаго сознанія или совѣсти. Итакъ сама наука должна признать, что добрыя, идеальныя начала въ человѣкѣ имѣютъ творческое, самодовлѣющее значеніе, которое потому-то и цѣнно, что не нуждается ни въ какой поддержкѣ изъ области познаваемыхъ явленій, но напротивъ—само приводитъ человѣка къ предположенію лежащаго въ основѣ ихъ нравственнаго міропорядка, который по свидѣтельству того-же сознанія можетъ исходить только отъ личнаго Существа, поскольку нравственное начало не имѣетъ для насъ никакого значенія и смысла внѣ личности. А если такъ, то не смѣха достоенъ младенецъ, который не допускаетъ побѣды зла, не подлежитъ высокомѣрнымъ насмѣшкамъ и юноша—студентъ, который вѣритъ, что жизнь есть крестъ, даваемый человѣку Богомъ, не соблазнъ и не безуміе исповѣдуетъ христіанинъ вообще, если онъ вѣритъ, что надъ этимъ царствомъ мамоны есть другой высшій Царь Правды, изгоняющій князя міра сего, котораго власть есть лишь суета и обманъ, какъ царство отца лжи.—Да, не глумиться должно надъ христіанами за то, что они стараются быть просты, какъ дѣти, но—видѣть въ этомъ ихъ стремленіи мысль, къ которой съ необходимостью приходитъ человѣческое сознаніе чрезъ углубленіе въ сущность вещей.—Печально однако то, бр., что убѣжденіе еще не ручается за исполненіе, за проведеніе въ жизнь того, въ чемъ бываешь убѣжденъ: легко быть философомъ въ сознаніи, но трудно—философомъ въ дѣятельности, много есть послѣдователей ученія о нравственной свободѣ, но кто изъ нихъ свободенъ отъ рабства грѣху или страстямъ? Так. обр., если внѣшняя наука и можетъ осмыслить нравственную самоотверженную жизнь, то она все-же далеко не въ состояніи дать естественному „человѣку, тлѣющему въ похотѣхъ прелестныхъ“, силы для исполненія своихъ благихъ намѣреній. Поэтому и нельзя удивляться паденію подъ бременемъ житейскихъ искушеній тѣхъ изъ вступающихъ въ жизнь, которые желаютъ опираться на одно сознаніе долга; виновны не столько они, сколько „живущій

въ нихъ грѣхъ".—Но не въ такомъ душевномъ состояніи находимся мы, братіе. По неисчетной и ничѣмъ незаслуженной милости Господа, мы воспитаны въ православномъ христіанскомъ направленіи, которое даетъ для святой жизни именно то, чего не можетъ дать философія, т. е. она предлагаетъ какъ истинную дѣйствительность такое міровоззрѣніе, каковое есть лишь требованіе нравственнаго сознанія. Оно говоритъ намъ, что все, происходящее въ мірѣ помимо воли человѣка не есть дѣйствіе сочетанія слѣпыхъ силъ, но Домостроительство человѣческаго спасенія. Самого-же человѣка оно представляетъ не игралищемъ безсознательной природы, но союзникомъ Божественнаго Промысла; мало того—оно обѣщаетъ ему даровать „вся силы, яже къ животу и благочестію", чрезъ св. таинства. Но не будемъ разъяснять со всѣхъ сторонъ преимущества христіанства для нравственной жизни; посмотримъ на то изъ нихъ, какое намъ даетъ наше призваніе, какъ строителей Церкви, какъ представителей церковности.

Къ сожалѣнію послѣднее понятіе настолько слабо усвоено современнымъ сознаніемъ, что оно не только не служитъ вдохновляющимъ началомъ для дѣятельности, но напротивъ, представляется часто, какъ препятствіе къ духовной жизни, какъ собраніе формальныхъ предписаній, лишенныхъ нравственнаго значенія. Для избѣжанія такого печальнаго недоразумѣнія мы должны ставить точкой отправленія своихъ разсужденій объ этомъ предметѣ самый догматъ Церкви. Вѣровать въ Церковь, значитъ вѣровать, что искупленное Христомъ человѣчество есть единое живое тѣло, оживляемое Духомъ Святымъ чрезъ взаимную любовь ея сыновъ, подобно тому, какъ душа поддерживаетъ жизнь тѣла чрезъ взаимодѣйствіе его членовъ. Отсюда слѣдуетъ, что каждое дѣло любви одного сына Церкви: будь это молитва пустынножителя, или гражданскій подвигъ общественнаго дѣятеля, или втайнѣ преоборенная страсть, или ласковая улыбка младенцу—имѣетъ не личное только, но и общественное и даже общечеловѣческое значеніе. Тѣло Церкви созидается любовью и

подвиги каждаго отдѣльнаго человѣка споспѣшествуютъ дѣлу Домостроительства.

Вотъ эта-то вѣра въ Церковь, въ совершаемое самимъ Творцемъ и Промыслителемъ міра дѣло общаго спасенія чрезъ взаимную любовь даетъ и намъ бодрость и силу для самоотверженнаго служенія добру.—Поэтому бр., будемъ проникаться идеей спасающей Церкви, будемъ самимъ духомъ жить въ Церкви, чтобы не ослабѣть въ борьбѣ съ искушеніями жизни, чтобы не пасть одинокимъ борцемъ, но сознавать себя членомъ побѣжденной рати, воинствующей противъ князя міра сего, „сожителями святыхъ и присными Богу“. Внося эту идею, эту вѣру, въ жизнь, мы бы освѣтили ее себѣ такимъ свѣтомъ, который смѣло можно было бы противопоставить суетнымъ блесткамъ искушеній своекорыстія. Тогда-бы мы могли руководиться дѣтскою вѣрою въ побѣду добра не въ сознаніи только, но и въ жизни, и не подвергаться общей участи вступающихъ въ жизнь дѣятелей.—Мы бы могли презирать то, что называютъ умѣніемъ жить, мудрость „міра сего, которая есть безуміе предъ Господомъ“, представилась бы намъ еще болѣе смѣшною и жалкою, чѣмъ представляются юношескіе идеалы житейскимъ мудрецамъ.— То, что послѣдніе называютъ жизнью, мы бы назвали смертью. Мы бы не знали другой жизни, кромѣ жизни въ Церкви для вѣчности, какъ дѣти мы-бы вѣрили, что всякія внѣшнія неудачи и пораженія имѣютъ лишь временный, призрачный характеръ, что, „*блаженни нищіи духомъ, яко ваше есть царствіе небесное, блаженни алчущіи нынѣ, яко насытитеся, блаженни плачущіи нынѣ, яко возсмѣетеся; блаженни будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше, яко зло, Сына Человѣческаго ради*“. *Аминъ.*

СЛОВО

О крестѣ пастырскаго служенія [1]).

„Братіе! Слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть“. (Кор. 1. 18).

Между различными предметами благоговѣйнаго чествованія св. Церкви, св. крестъ особенно много говоритъ нашему сердцу,—мы въ немъ видимъ не только напоминаніе о давно прошедшемъ, но и указаніе для личной жизни каждаго изъ насъ. Поклоняясь животворящему древу, воспѣвая страсти Распятаго на немъ, мы должны помнить, что и намъ не чуждъ крестный подвигъ, что каждый христіанинъ, уповающій на спасеніе, долженъ „сраспинаться Христу, сообразуяся смерти Его“.

Кто не желаетъ погрязнуть въ мутной тинѣ низкихъ страстей, кого разумъ влечетъ на иной, высшій путь жизни, кто не можетъ относиться къ дѣлу искупленія и освященія человѣчества, какъ холодный посторонній зритель, лишь *покивающій главою своею* предъ голгоѳской картиной, кто хочетъ идти во слѣдъ Христу: тотъ *да отвержется себе и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Ему.*

---

[1]) Произнесено въ Церкви Холмской Духовной Семинаріи 14-го сентября 1886 г. Напечатано впервые въ Холмско-Варшавскомъ Епар. Вѣстникѣ. 1886. № 19.

Да, братіе, для христіанина земная жизнь не есть путь къ удовлетворенію своихъ мелочныхъ прихотей, она не есть, какъ у язычниковъ, постоянный самообманъ съ забвеніемъ смерти,—нѣтъ, она есть подвигъ; радости ея не въ прелестяхъ міра сего, но въ томъ, чтобы идти за возлюбленнымъ Господомъ Іисусомъ. „*Аще кто Мя любитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой да будетъ*“. Пути слѣдованія Христу различны по своимъ внѣшнимъ опредѣленіямъ, но всѣ они сводятся къ одному—къ повиновенію по чистой совѣсти Божественному закону при постоянномъ препобѣжденіи себялюбивыхъ, своекорыстныхъ желаній. Законъ этотъ, согласно ученію Св. Писанія, самъ по себѣ не чуждъ существу человѣческому, *онъ написанъ на скрижаляхъ его сердца.* Поэтому каждому важнѣйшему правилу христіанской жизни отчасти соотвѣтствуетъ то или другое естественное стремленіе души, хотя-бы оно само по себѣ, внѣ вѣры и благодати, неспособно было осуществить своей великой задачи. Такъ и указанному главнѣйшему долгу христіанина, долгу полнѣйшаго самоотверженія и повиновенія во всемъ просвѣщенной Евангеліемъ совѣсти можно найти въ сердцѣ человѣческомъ нѣчто соотвѣтствующее, а именно въ сердцѣ молодомъ, не испорченномъ еще житейскими мелочами и борьбой изъ за куска хлѣба. Я хочу указать на тотъ юношескій идеализмъ и энтузіазмъ, который при всемъ различіи его въ различныхъ характерахъ, заключается обыкновенно въ заоблачныхъ мечтаніяхъ о великихъ подвигахъ, въ стремленіи къ полному самоотверженію во имя великой идеи. — Конечно, этотъ идеализмъ, эти мечтанія весьма неопредѣленны и нетверды, а потому тѣ изъ пожилыхъ людей, которые, навсегда покинувъ ихъ, затѣмъ насмѣхаются надъ юношами—мечтателями, всегда будутъ имѣть къ тому основанія. Конечно, прибавимъ, мало кто изъ юношей и во время своего увлеченія идеей, дѣйствительно проводитъ ее въ жизнь, еще меньше найдете такихъ, которые оставались-бы ей вѣрны по выходѣ изъ школы на службу: но все-же это идеальное настроеніе

заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ ему обыкновенно удѣляется. Обратимся-ли къ исторіи: большинство міровыхъ великихъ подвиговъ явились не какъ логическіе выводы изъ какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, но были завѣтной мечтой своихъ виновниковъ отъ лѣтъ ихъ юности. Почти всѣ, напримѣръ, завоеватели, политики, художники, поэты, философы, наконецъ даже праведники, аскеты отъ юныхъ годовъ со всею свойственною возрасту пылкостью предавались тому, чѣмъ прославились впослѣдствіи. Возьмемъ-ли бытъ обыкновенныхъ смертныхъ: что служитъ предметомъ постоянныхъ, согрѣвающихъ сердце, воспоминаній для стариковъ, какъ не школьные годы? какія отношенія самыя дружественныя, какъ не отношенія бывшихъ товарищей, единомышленниковъ? Да и чѣмъ-бы красилась жизнь обычныхъ, скромныхъ тружениковъ, какъ не тѣми нѣсколькими годами, которые прожиты были въ школѣ на высшихъ вопросахъ?—Стало быть этотъ юношескій идеализмъ, это безотчетное стремленіе къ чему-то высшему, не есть ошибка возраста, а естественное проявленіе богосозданной природы человѣческой, естественное указаніе на ея высшее назначеніе, чѣмъ ежедневныя будничныя потребности. И вотъ горячему воображенію юноши представляется множество путей жизни. Вотъ его манитъ прежде всего сила: онъ любуется на сильныхъ знаніемъ и наукой, на сильныхъ богатствомъ или славой, на сильныхъ красотой или остроуміемъ. Привлекаетъ его къ себѣ и высшее стремленіе чести,—самоотверженныхъ гражданскихъ подвиговъ: онъ представляетъ себя политическимъ благодѣтелемъ человѣчества, врачемъ, учителемъ, правителемъ. Картина за картиной разстилаются предъ его сознаніемъ—онъ колеблется въ выборѣ между различными, одинаково высокими и одинаково лестными представленіями—какъ вдругъ взоръ его палъ на крестъ и висящаго на немъ въ предсмертныхъ мукахъ Богочеловѣка. „Отвергнись самого себя,—слышитъ онъ—и иди вслѣдъ Меня“. Слышите-ли сей голосъ въ своей совѣсти, слышите-ли вы, искупленные этою

великою жертвою отъ вѣчной смерти, отъ вѣчной слѣпоты духовной.

Увы, не многіе слышатъ его, не многіе изъ немногихъ повинуются сему гласу. Знать евангельскую исторію не значитъ еще сознавать ее; вѣдь знали ее и видѣли глазами своими и тѣ, которые равнодушно покивали главами предъ Голгоѳой, и проходили мимо, точно такъ-же не удѣливъ ей вниманія, какъ къ сожалѣнію многіе нынѣшніе путники жизни. Но что естественно для тѣхъ изъ нихъ, которыхъ воспитаніе шло лишь около церковной жизни, т. е. для людей свѣтскихъ, то невозможно для васъ, слушатели духовной школы. Куда направлены ваши пути жизни? гдѣ находится лелѣемый каждымъ изъ васъ идеалъ? Пусть размыслитъ объ этомъ каждый. Вотъ ты стоишь предъ крестомъ Богочеловѣка, вотъ Онъ зоветъ тебя взять крестъ свой.... пройти Его невниманіемъ ты не можешь, ты можешь или взять его, облегчить эту тяжкую ношу, какъ Симонъ Киринейскій, или... или поругаться Распятому, какъ Анна и Каіафа!

Да, други, это не преувеличеніе, не риторическій пріемъ, но самое существо дѣла. Воспитываемые на Божественномъ ученіи Спасителя, имѣя всегда предъ духовными очами Его искупительную жертву, вы не должны отдѣлять своего идеала отъ Его Лица. Мы сказали, что крестъ Христовъ состоитъ въ неуклонномъ слѣдованіи Его волѣ, а по внѣшнимъ способамъ осуществленія оно различно: какой же путь служенія Господу предложитъ намъ, братіе? Чтобы уже ничто не удержало насъ отъ него, разсмотримъ этотъ вопросъ чрезъ изслѣдованіе свойственнаго юнымъ сердцамъ *естественнаго* стремленія самоотверженно служить ближнимъ, посвятить себя на благо человѣчества. Въ чемъ, спросимъ, это благо? Мы довольно знаемъ случаевъ самоубійствъ людей богатыхъ и ученыхъ, славныхъ и знатныхъ: стало быть благо не въ наукѣ не въ богатствѣ, не въ славѣ, а во внутреннемъ довольствѣ, въ богатствѣ духовномъ. Да, братья, не хлѣба и не обстановки требуютъ отъ насъ люди, они требуютъ хлѣба духовнаго или

христіанскаго просвѣщенія, столь чуждаго даже образованному русскому обществу, а тѣмъ болѣе далекаго отъ простаго народа. Утвердите-же мысль на томъ, что только вы, имѣющіе получить знаніе Божественнаго закона, только вы явитесь обладателями того всеисцѣляющаго лѣкарства, которое одно можетъ бороться съ разъѣдающею міръ болѣзнію нравственнаго зла, лежащаго въ основаніи золъ физическихъ. Вотъ вашъ жребій, вашъ крестъ, слушатели! Быть благовѣстителями Христовой любви въ мірѣ, въ частности въ этомъ краѣ, гдѣ истинно православныя понятія только начинаютъ прививаться къ народной жизни, послѣ тяжкаго рабства прошлыхъ вѣковъ. Вотъ куда должна быть направлена цѣль вашей жизни, идеалъ вашей юности. Не слава, не богатство, не чувственность, не искуство, нѣтъ,—а несеніе креста Господня, несеніе Его подвига есть ваша задача. Представляя вамъ познаніе Своего закона, Господь тѣмъ самымъ уже призываетъ васъ быть Его проповѣдниками для всѣхъ сихъ нищихъ духомъ,—Онъ тѣмъ самимъ, говорю, уже „помазалъ васъ благовѣствовать нищимъ и послалъ васъ исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу и проповѣдывать лѣто Господне благопріятно“. Примете-ли вы сей крестъ пастырства и учительства, крестъ Христовъ? Или отречетесь отъ Него, какъ Іуда? или останетесь равнодушными зрителями Его распинанія вновь чрезъ мірскія беззаконія? Помните однако, что кто, имѣя въ рукахъ хлѣбъ, допускаетъ брата своего умирать съ голоду предъ собою, тотъ есть убійца, а кто, имѣя „слово жизни“, нерадитъ объ умирающихъ духовно, тотъ есть убійца духовный, тотъ не жди милосердія; онъ есть лжецъ, если говоритъ о долгѣ и чести, объ идеалахъ и высшихъ задачахъ жизни!—Да, изученіе Божественнаго Откровенія полагаетъ неизбѣжное обязательство благовѣстить, обязательство пастырства и учительства, или вообще такого или иного служенія Богу. „Горе мнѣ, аще не благовѣствую“, долженъ думать каждый изъ васъ.—Иначе, если отречешься

отъ служенія Богу, если будешь жить ради собственной корысти, то ты повиненъ будешь во всемъ міровомъ злѣ „отъ крове Авеля, до крове Захаріи“, отъ невинной крови Господа Іисуса до нынѣ проливаемой крови и потому людей, живущихъ безъ вѣдѣнія Божественнаго закона, до всякой напрасной обиды, всякой слезы вдовы и сироты, до всего того, съ чѣмъ слѣдуетъ бороться воину Христову. Подумайте о семъ, братья! Подумайте здѣсь предъ крестомъ Господнимъ—вѣдь это не слова, а сущность жизни! Если прежде оно не приходило на мысль всегда, то знайте, что обычный разсѣянный человѣкъ живетъ въ постоянномъ самообманѣ, ибо онъ менѣе всего думаетъ о томъ, что всего несомнѣннѣе, т. е. о смерти.

Но если столь многое должно отвращать насъ отъ искушенія покинуть Христовъ подвигъ, то еще болѣе основаній мы имѣемъ, чтобы дерзновенно слѣдовать за Христомъ. Здѣсь прежде всего, и только здѣсь, найдетъ свое жизненное осуществленіе высокій идеалъ юности—идеалъ служенія добру. Не туманныя мысли объ общечеловѣческомъ благѣ, не фантазіи различныхъ политиковъ будутъ лежать въ основѣ вашей дѣятельности, какъ это бываетъ у всѣхъ прочихъ народниковъ, строющихъ зданіе не о Христѣ, нѣтъ—вы твердо будете знать, что́ вы должны дѣлать, для чего именно, и что́ имѣете достигнуть. При всѣхъ неудачахъ, при всякой бѣдѣ отъ міра и діавола, вы не впадете въ уныніе—вы будете знать, что „се не воздремлетъ храняй тя Господь“, что „власъ главы вашея не погибнетъ“ безъ Его воли. Вы будете имѣть ободряющее начало въ мысли о церковномъ союзѣ, о томъ, что не стихіи міра сего управляютъ судьбами того дѣла, которому вы служите, но Самъ Св. Духъ проникаетъ и освящаетъ силою Своей благодати все, что дѣлается вами по указанію закона Господня. А что всего важнѣе, вы всегда будете имѣть источникъ нравственныхъ силъ для осуществленія желаемаго, имѣть, стало быть, то, чего лишены всѣ прочіе, исходящіе на путь жизни идеалисты, почему и падаютъ они такъ скоро подъ тяжестью искушеній. Если вы останетесь вѣрны Хри-

стову ученію, то ваши идеалы служенія меньшей братіи окажутся не фантазіей молодыхъ лѣтъ, надъ которыми смѣются опытные люди, нѣтъ, они будутъ всегда съ вами не въ умѣ только, но и самомъ дѣлѣ. Тогда вамъ нечего будетъ вспоминать дней школы, какъ единственной свѣтлой полоски въ сѣренькой жизни, тогда сами вы будете „свѣтомъ міру и солью земли". Разъ вы возьмете со смиреніемъ и молитвой крестъ Христовъ, разъ будете побѣждать имъ свое себялюбіе, и вамъ сторицей будетъ воздано не только въ будущемъ вѣкѣ, но и въ настоящей жизни, не въ смыслѣ конечно внѣшняго благополучія, но въ смыслѣ духовныхъ утѣшеній, превышающихъ всякое внѣшнее счастье. Нѣтъ радости выше той, чтобы давать другимъ жизнь духовную. Эта-то радость дѣлаетъ тяжкій крестъ „игомъ благимъ и бременемъ легкимъ". Тогда, при такомъ преспѣяніи въ пастырствѣ, онъ будетъ не тяжелою ношею, но знаменемъ побѣды, вѣнцемъ великаго подвига.

Имѣйте однако въ виду, братья, что подобное духовное удовлетвореніе дается не сразу, а по мѣрѣ воспитанія въ себѣ любви къ людямъ, по мѣрѣ того, какъ вы потеряете жалость о понесенныхъ лишеніяхъ и скорбяхъ. Поэтому, братья, одноразумѣніе Божественнаго закона еще недостаточно, чтобы съ успѣхомъ исполнять служеніе любви Христовой. Приготовляясь къ нему чрезъ изученіе Откровенія, мы должны съ юныхъ, съ отроческихъ лѣтъ, заботиться о томъ, чтобы самихъ себя сдѣлать достойными носителями этихъ знаній, иначе,—проповѣдуя ихъ міру, ты самъ останешься холоднымъ кимваломъ и проповѣдь твоя, не возгрѣваемая любовью, не будетъ ложится на сердце слушателей.

Какъ-же готовиться къ этому? А посредствомъ проведенія въ свою школьную жизнь изучаемыхъ заповѣдей Христовыхъ. Пусть иные ученики свѣтскіе думаютъ объ однихъ забавахъ, пусть тѣ юноши предаются „влеченію сердецъ своихъ и видѣнію очей своихъ"—*вы-же не тако*, вы должны всегда имѣть предъ собою мысль о томъ, что за каждый проведенный день и часъ вы отвѣтственны не только предъ Богомъ

и совѣстью, но и предъ тѣми, кому суждено быть вашею паствою, вашими учениками. Каждая злая мысль, каждое похотливое мечтаніе, пренебреженное дѣло, все это отражается въ жизни ослабленіемъ воли, притупленіемъ чувства, все это нанесетъ ущербъ характеру будущаго пастыря, а слѣдовательно и духовному преспѣянію паствы. Можетъ быть, если иной пастырь, напримѣръ, не проникается состраданіемъ къ осиротѣвшему ребенку настолько, чтобы найти ему слово утѣшенія, то потому, что когда-то въ юности онъ самъ не любилъ останавливать мысль на человѣческихъ страданіяхъ, а вѣчно искалъ веселыхъ развлеченій. Теперь онъ бы и сознавалъ, что поступалъ тогда неразумно, но что дѣлать?—прошлаго не воротишь, сердце очерствѣло и приходится лишь сокрушаться о томъ „что было такъ близко—возможно и утрачено такъ безвозвратно". — Чтобы избѣжать подобнаго состоянія, мы должны всегда имѣть въ умѣ и въ совѣсти мысль о нравственномъ совершенствѣ и молитву о помощи Божіей.

Быть можетъ, братья, такая жизнь покажется вамъ скучною, жестокою, тяжелымъ добровольнымъ заключеніемъ, но что великое достигается безъ труда? Если желаешь вѣрить своимъ высокимъ идеальнымъ стремленіямъ, если ты не согласенъ видѣть въ нихъ лишь игру молодой крови, если ты не намѣренъ посвятить себя на служеніе мамонѣ, но стремишься къ горнему: то отъ лѣтъ отроческихъ покинь стихійное безсознательное прозябаніе, не подчиняйся всякому случайному впечатлѣнію извнѣ.—Вотъ вы живете вмѣстѣ—что вамъ препятствуетъ поддерживать другъ друга во всемъ добромъ, созидать свою дружбу не въ мальчишескихъ шалостяхъ, не въ общемъ разгулѣ, не въ винѣ, не въ водкѣ, какъ это бываетъ въ кружкахъ свѣтской молодежи, но на началахъ идеальныхъ, на единствѣ общихъ стремленій, на взаимномъ одушевленіи великою идеей предстоящаго пастырскаго служенія? Тогда, по истинѣ, вы будете собраны въ этихъ священныхъ стѣнахъ во имя Христово и Христосъ будетъ посредѣ васъ.

Да, други, вы призваны къ великому апостольскому дѣлу—„*блюдите убо, како опасно ходите, не яко немудри, но якоже премудри, испытующе, что есть воля Божія*“.— Богъ и правда Божія не въ шумѣ, не въ вихрѣ, не въ огнѣ, но „*во гласъ хлада тонка*“—поэтому и великое дѣло нравственнаго воспитанія человѣчества совершается не кровавыми войнами, не культурными открытіями, нѣтъ, оно выносится на согбенныхъ плечахъ скромныхъ служителей слова Божія; вчастности твердыня нашей отечественной Церкви, историческая сила нашего народа, опирается не на крѣпости или университеты, но на алтари Божіи съ предстоящими имъ труженниками пастырями. Каждый смиренный сельскій священникъ совершаетъ не малое дѣло: отъ него зависитъ созидать, или расшатывать основы церковной народной жизни. Поэтому тотъ семинаристъ, который когда-то мечталъ о міровыхъ подвигахъ, а попалъ на эту скромную дѣятельность въ глухую деревню, можетъ смѣло сказать, что онъ осуществляетъ свои мечты, если только ходитъ достойно своего званія.—А что-бы ходить достойно его, надо теперь, пока вы молоды и чисты душой, пока гнусное сладострастіе и корыстолюбіе еще не овладѣло вами, теперь, пока вы свободны отъ житейскихъ дрязгъ и нуждъ, вогрѣвать огонь св. ревности въ своемъ сердцѣ, усердно занимаясь науками и нравственною жизнью. Внимайте сему дѣлу, возлюбленные братія, внимайте, пока не поздно. „*Ходите въ свѣтѣ, дондеже свѣтъ имате, да тьма васъ не имать и ходяй во тьмѣ не вѣсть, камо идетъ; дондеже свѣтъ имате, вѣруйте въ свѣтъ, да сынове свѣта будете*“. Не отлагайте дѣла нравственнаго самовоспитанія: изъ этого св. храма выходите съ животворящимъ крестомъ въ своихъ сердцахъ и побѣждайте имъ искушенія міра. „*Побѣждающаго*—говоритъ Спаситель (Откр. III. 12)—*сдѣлаю столпомъ въ храмѣ Бога Моего и онъ уже не выйдетъ вонъ*“ Аминь.

СЛОВО

на 14 ноября [1]).

Въ высокоторжественные царскіе дни, слуш., сердце русскаго человѣка воспламеняется особеннымъ патріотизмомъ и всякій жаждетъ съ своей стороны сдѣлать что-либо для блага своего отечества. Тѣмъ болѣе такое настроеніе свойственно бываетъ людямъ молодымъ, готовящимся вступить въ жизнь. Но какой лучшій путь служенія Россіи, служенія Престолу? Отвѣтъ на это намъ даетъ исторія династіи нашего царствующаго Дома.—Едва-ли, братія, не только русская, но и всемірная исторія могла-бы указать царственный родъ, столь дорогой, столь любимый народомъ, какъ домъ Романовыхъ. Слава „Бѣлаго Царя“ гремитъ и на Камчаткѣ, и въ невѣдомой Европѣ сердцевинѣ дикой Азіи, и въ Царьградѣ, и на Бѣломъ морѣ.—Вотъ это то названіе Бѣлаго Царя указываетъ на то свойство доброты и благодатнаго освященія, которое соединяетъ народъ съ мыслью о царѣ. И дѣйствительно, братіе, исторія царственнаго дома имѣетъ освященный церковью ходъ событій. Въ тяжкое смутное время междуцарствія, кто первый указалъ на Романовскій родъ, какъ достойный, чтобы спасти гибнущую Россію? Великій Ермогенъ, въ польскихъ оковахъ ожидавшій смерти. Откуда взятъ былъ затѣмъ избранникъ Россіи? Изъ монастыря, отъ рукъ монахини матери вышелъ онъ на царство въ преднесеніи чудотворныхъ иконъ, взятыхъ изъ Москвы и и Костромы. Ему предстояла, въ его отроческіе годы, муд-

---

[1]) Произнесено въ церкви Холмской духовной семинаріи 14 ноября 1886 г.—печатается впервые.

реная задача опять собрать вновь распавшуюся Русь, въ которой многія области, насмотрѣвшись постояннаго низведенія царей, не очень то были склонны къ подчиненію новой власти. Но была власть, которой никто тогда не смѣлъ противиться изъ считавшихъ себя русскими, это власть Патріарха. Вотъ такое-то лицо и было родоначальникомъ новой династіи и оно-то укрѣпило ей вѣрность въ сердцахъ русскихъ. Извѣстно, сколько незамѣнимыхъ услугъ оказалъ престолу Никонъ Патріархъ, какъ велико было значеніе его въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи, и въ дѣлѣ начала народнаго образованія, которое въ то невѣжественное суевѣрное время могло-быть принято народомъ не иначе, какъ подъ крѣпкимъ даннымъ авторитетомъ іерархіи, ибо въ иномъ случаѣ отъ него отвернулись-бы, какъ отъ ереси. Хорошо понималъ это Петръ I, хорошо понимали и исполняли эту просвѣтительную задачу современные ему святители Димитрій Ростовскій, Іовъ Новгородскій, Стефанъ Рязанскій, которые, не смотря на крайнее стѣсненіе въ денежныхъ средствахъ, устраивали училища, и сами воспитывали учителей народу. Понимали они и то, что даже добрая и полезная сторона Петровой реформы не будетъ принята народомъ, если они не покажутъ ей своего сочувствія. И вотъ, великій угодникъ Божій св. Митрофанъ первый влагаетъ лепту на устройство Черноморскаго флота. Важныя при новомъ строѣ войскъ побѣдоносныя битвы восхваляются іерархами въ рѣчахъ церковныхъ, а дѣло народнаго объединенія совершается даже въ далекой Сибири подвигами двухъ великихъ праведниковъ Митрополитовъ Филоѳея Тобольскаго и св. Иннокентія Иркутскаго.—Такъ введена была реформа при содѣйствіи русскихъ Святителей, такъ и новые порядки не искоренили духа народнаго благодаря тому, что іерархія и на нихъ положила церковное освященіе. Въ послѣдующіе годы прошлаго вѣка то иностранное вліяніе и сила иностранныхъ министровъ подавляла интересы народа, то вновь прорывалось въ высшихъ сферахъ патріотическое сознаніе, и опять польза отечества

ставилось на первое мѣсто. И здѣсь мы видимъ, что сообразно этимъ колебаніямъ то возвышалось, то умалялось значеніе духовенства: оно первое подвергалось общенародной бѣдѣ, напримѣръ при Биронѣ, но и первое дѣлило съ нимъ царскія милости, напримѣръ при Елизаветѣ Петровнѣ. Настало время Отечественной Войны 12-го года, когда, дотолѣ презираемый, простой сѣрый народъ проявилъ великую силу своего духа и своего партизанскою дѣятельностью побѣдилъ гордаго покорителя Европы. И это движеніе героизма народнаго получило первый толчекъ въ лицѣ уже умиравшаго старца Митрополита Платона, и затѣмъ было питаемо явленіемъ ему святыни церковной, такъ-что и для главной Бородинской битвы одушевляющимъ желаніемъ было принесеніе Чудотворной иконы Богородицы Смоленской.—Здѣсь-то и образованное общество начало уразумѣвать, что въ простомъ народѣ русскомъ главная опора отечества и престола, что народъ сознательно жертвуетъ собою за царя своего, что царь ему дорогъ именно по тому изобилію благодати Божіей, которое изливалъ Господь на его родъ, начиная съ самаго его воцаренія. Эти-то взгляды о церковномъ характерѣ народнаго духа, народной преданности престолу, взгляды, опредѣлявшіе уже сами по себѣ и то направленіе внутренней политики, которое наиболѣе полезно для отечества, и начали проповѣдывать наши великіе патріоты пятидесятыхъ годовъ: Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковъ, Самаринъ. Они проводили ихъ въ богословскихъ и въ философскихъ, и въ историческихъ, и въ политическихъ, и литературныхъ произведеніяхъ, проводили ихъ въ дѣятельности административной, ученой и воспитательной, внѣдрили подобное направленіе во всѣ отрасли отечественной жизни.—Ихъ труды не остались безслѣдны, и въ прошлое царствованіе Государевы милости начали сыпаться на народъ въ изобиліи: онъ былъ освобожденъ отъ двухсотлѣтняго рабства, ему дарованъ равный со всѣми судъ и школы, и облегченіе солдатчины. Въ нынѣшнее царствованіе ему даются милости, еще болѣе ему дорогія, различныя

преимущества въ жизни церковной т. е. церковно-приходскія школы, внѣбогослужебныя собесѣдованія, облегченіе хожденія къ св. мѣстамъ и пр. Такъ-то наши Государи, истинно по-царски воздаютъ сторицею народу за его преданность къ ихъ роду, такъ что и общество начинаетъ сознавать уже повсемѣстно, что народъ нашъ любитъ то и тѣхъ, кто идетъ къ нему отъ Бога. Въ этомъ съ особенною силою убѣдительности онъ удостовѣрилъ всѣхъ, съ негодованіемъ изгнавъ своихъ противоцерковныхъ учителей шестидесятыхъ годовъ, не смотря на обѣщанія золотыхъ горъ. — Вотъ, братіе, какой великій урокъ даетъ намъ исторія и дѣятельность нынѣ царствующаго дома! Изъ нея должны уразумѣть и мы свою задачу, свой долгъ по отношенію къ народу, къ отечеству, къ престолу.

Вотъ сегодня, когда Церковь собираетъ насъ въ священныя свои стѣны для молитвы за царицу русскую, когда сердца нашихъ соотечественниковъ пылаютъ патріотическимъ жаромъ, теперь-то, братіе, подумайте о своемъ призваніи, о томъ служеніи, котораго ждетъ отъ насъ народъ и отчизна, котораго ждетъ отъ насъ и другой Царь—Небесный, по выраженію современныхъ грековъ, родившійся въ Виѳлеемѣ, но живущій въ Россіи. Да, братіе, Христосъ Спаситель обитаетъ въ народѣ русскомъ, обитаетъ потому, что послѣдній, какъ мы видѣли, есть не столько политическая, сколько религіозная, церковная единица, потому что нѣтъ знамени, подъ которымъ собрался-бы народъ русскій, кромѣ знамени Христова. Христосъ обитаетъ въ народѣ русскомъ т. е. нѣтъ народа, столь преданнаго Его подвигу самоуниженія, самоотверженія и милосердія. Христосъ будетъ обитать наипаче въ тѣхъ, кто ужъ продолжитъ подвигъ Его въ качествѣ русскаго пастыря и учителя, и свѣтитъ міру свѣтомъ Его совершенствъ, дабы имя Его славилось на землѣ. Тако да просвѣтится и свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца Вашего, иже есть на небесѣхъ.—Итакъ, братіе, нашъ родъ служенія народу и отечеству еще тѣмъ выше всякаго иного служенія, что переходитъ предѣлы мѣстъ и времени и возносится къ Вездѣсущему, Вѣчному Богу. Аминь.

СЛОВО

въ день апостола Матѳея [1]).

Сегодня, братіе, св. Церковь празднуетъ память Апостола Христова и Евангелиста Матѳея. Намъ, готовящимся къ апостольскому служенію, эти праздники д. б. особенно близки и назидательны, но служеніе св. Апостола Матѳея имѣетъ еще частнѣйшія черты сходства съ нашимъ будущимъ служеніемъ. Дѣло въ томъ, что тогда какъ другіе Апостолы проповѣдывали Христа язычникамъ, проповѣдывали, сталобыть, новую вѣру — св. апостолъ Матѳей обратился съ проповѣдью къ іудеямъ и для нихъ то главнымъ образомъ написалъ свое евангеліе, въ которомъ Духъ Божій указываетъ, что Г. Іисусъ есть именно обѣтованный въ Ветхомъ Завѣтѣ Мессія, что Его ученіе не нарушаетъ закона и пророковъ но исполняетъ ихъ, что для сыновъ Израиля Его ученіе не, есть иное чуждое Моисею, но напротивъ подлинное исполненіе того, о чемъ гадали пророки. Братіе! и Ваша будущая паства, подобно іудеямъ, потеряла истинное разумѣніе своей древней вѣры, такъ-что послѣднее и понынѣ представляется для ней новой, чуждой вѣрой. И вамъ—будущимъ пастырямъ уніатскихъ приходовъ, какъ Евангелисту Матѳею, придется доказывать имъ, что православная вѣра не есть иная, чѣмъ та, которой они преданы, что уніатское исповѣданіе носитъ въ себѣ гибельное раздвоеніе, а все истинное въ ней имѣетъ свое дѣйствительное оправданіе въ вѣрѣ православной, что какъ истинный ученикъ Моисея долженъ былъ слѣдовать за Христомъ, такъ и истинный чтитель грековосточныхъ уніатскихъ обрядовъ долженъ стремиться въ ту Церковь, Церковь Православную, въ которой эти обряды только и получаютъ

---

[1]) Произнесено 16 ноября 1886 г. въ церкви Холмской дух. семинаріи. Печатается впервые.

свой смыслъ и значеніе. Но, братіе, только та проповѣдь даетъ плоды, которая не расходится съ жизнью проповѣдника, такъ и св. Матвѣй, проповѣдуя единство обоихъ завѣтовъ, обоихъ ученій: Христова и Моисеева,—самъ былъ истымъ израильтяниномъ, не переставая быть христіаниномъ, самъ совмѣщалъ въ духѣ своемъ оба Завѣта, а вовсе не сближалъ ихъ ради одной популярности или ради одного только воздѣйствія на соотечественниковъ. Поэтому тяжело грѣшитъ предъ истинной Христовой и проповѣдникъ, если онъ позволяетъ себѣ говорить то, во что самъ не вѣруетъ, ради только возбужденія ревности въ слушателяхъ, какъ это допускается въ Церкви латинскій, дозволяющей священнику распространять различныя даже суевѣрія и насаждать нехристіанскія чувства, чтобы крѣпче подчинять паству власти церковной. Вотъ почему, братіе, готовясь быть проповѣдниками святости древнихъ обрядовъ и учрежденій нашей Церкви, т. е. привлекать къ ней народъ на основаніи его привязанности къ родной, къ *своей* старинѣ, мы и въ себѣ обязаны, неотложно обязаны воспитывать нелицемѣрную, искреннюю и сердечную любовь къ Православному богослуженію, къ установленному церковью способу нашего молитвеннаго воспитанія въ вѣрѣ и христіанской жизни для улученія вѣчнаго спасенія.—Я не буду говорить, братіе, о томъ, насколько поистинѣ назидательна, свята и дѣйственна служба Божія—въ этомъ съ неотложною и неизбѣжною необходимостью убѣждается каждый, кто хоть сколько-нибудь печется о главной цѣли человѣческаго существованія, т. е. о своемъ нравственномъ развитіи. Да, кто пытается бороться со страстями плоти, со страстями гнѣва и самолюбія, тотъ скоро пойметъ совершенную невозможность этой борьбы безъ молитвы, безъ вѣры въ дары божественной благодати, тотъ скоро оцѣнитъ и незамѣнимое для сей цѣли достоинство содержанія нашихъ молитвъ и пѣснопѣній. Я не буду говорить объ этихъ достоинствахъ, но укажу, братіе, на то удобство, которымъ мы всѣ пользуемся здѣсь въ семинаріи для развитія въ себѣ любви къ учрежденіямъ церков-

нымъ, любви *къ своему*, къ родному, столь необходимой для проповѣдника или пастыря уніатскаго прихода.—Вездѣ хороша и умилительна православная служба Божія; но особенно сильно дѣйствуетъ она на сердце, когда ея совершители и слушатели не чужіе другъ другу люди, когда о ея благолѣпіи заботятся и тѣ и другіе вмѣстѣ посредствомъ общаго пѣнія и очереднаго чтенія, когда такимъ образомъ общество, объединенное какою-либо единою цѣлью, здѣсь во св. храмѣ Божіемъ, объединяется еще тѣснѣе объединяется общимъ прославленіемъ Бога и Создателя, объединяется самимъ Христомъ, Который и нынѣ, посредѣ насъ, сохраняяй вхожденіе твое и исхожденіе твое". А, если обратить вниманіе еще на то, что самое-то общество наше объединено не *какою-нибудь* цѣлью, но цѣлью Апостольскаго служенія, то какъ сердечно должны мы умиляться, присутствуя здѣсь подъ осѣненіемъ благодати Христовой и участвуя вновь и вновь въ Его жертвѣ, которой проповѣдниками мы готовимая быть. Здѣсь-то мы должны думать о своемъ призваніи, здѣсь-то вспоминать, обращенныя къ намъ, слова апостола: „нѣсте странни и пришельцы, но сожители святымъ и присніи Богу, наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу". И горе, братіе, тѣмъ ученикамъ, которые не желаютъ сознавать своего единства со школою, горе тѣмъ, которые стараются лишь указывать себѣ и другимъ на промахи и отступленія своихъ руководителей и товарищей! И промахи эти и отступленія не только бываютъ, но и всегда будутъ, п. ч. дѣло воспитанія, а тѣмъ болѣе воспитанія духовнаго, столь трудное, что во мнѣніяхъ о немъ не сходились между собою великіе мудрецы и праведники между іерархами, но вѣдь на то и существуетъ любовь и мотива, ради которой мы сходимся въ этотъ храмъ, чтобы просить Господа помощи—для принятія къ сердцу лишь добрыхъ и должныхъ отношеній къ намъ людей, и для прощенія дурныхъ, чтобы молиться другъ за друга, а не гнѣваться, молиться особенно за тѣхъ, кому поручено управленіе ближними, наипаче-же

душами ближнихъ, какъ дѣло столь трудное, столь неудобоисполнимое безъ высшей помощи. Не утаимъ и мы—наставники, что къ сожалѣнію далеко не всегда встрѣчаемъ съ вашей стороны должнаго исполненія вашихъ гораздо простѣйшихъ обязанностей, чѣмъ наши, что готовы бываемъ впасть иногда въ уныніе терять надежду на то, что воспитаемъ изъ васъ добрыхъ пастырей, а не обыденныхъ наемниковъ эгоистовъ. Но здѣсь въ этомъ св. храмѣ, когда вы въ тѣсныхъ рядахъ, юношескими голосами славите Господа въ пѣснопѣніяхъ церкви Православной, когда видишь молитвенное оживленіе на вашихъ юныхъ лицахъ, то вновь возгорается надежда, вновь не желаешь думать, что всему этому доброму суждено безвозвратно погибнуть въ тинѣ житейскихъ страстей и дрязгъ и вновь съ надеждой взываешь мысленно ко Господу: Отче святый! соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси намъ, да будутъ едино. Не мало да возьмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни. Святи ихъ во истину Твою слово Твое истина есть". Да, братіе, учитесь же здѣсь во св. храмѣ сознавать свое единство съ вашею духовною школою, научайтесь здѣсь любить и прощать, и такимъ образомъ въ полнотѣ уразумѣвать и всѣмъ сердцемъ привязываться къ православному храму, къ православнымъ учрежденіямъ, чтобы прививать эту любовь къ тѣмъ будущимъ прихожанамъ вашимъ, которые потеряли ее по недоразумѣнію, какъ іудеи не узнавшіе во Христѣ исполненія своего собственнаго закона Моисеева. Тогда-то вы будете достойными носителями жребія апостольства, и какъ таковые, получите данныя апостоламъ обѣтованія въ прощальной молитвѣ Нашего Спасителя, заключившаго ее словами: Отче ихже далъ еси Мнѣ, хощу, да идѣже есмь Азъ и тіи будутъ со Мною, да видятъ славу, юже далъ еси Мнѣ, якоже возлюбилъ еси Мене прежде сложенія міра. Отче Праведный, и міръ Тебѣ не позна, Азъ же тя познахъ, и сіи познаша, яко ты Мя послалъ еси. И сказахъ имъ имя Твое и скажу, да любы, еюже мя еси возлюбилъ въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ. Аминь.

БЕСѢДА

Въ навечеріе св. св. Праотецъ [1]).

Православные слушатели! Сегоднешняя воскресная служба есть послѣдняя въ этомъ году, которую большинство слушаетъ въ семинарской Церкви. Слѣдующая чрезъ недѣлю—воскресное навечеріе встрѣтитъ васъ на разныхъ концахъ Польши и Волыни, подъ кровлею отеческихъ домовъ.—Вы вѣроятно съ нетерпѣніемъ ожидаете той минуты, когда снова увидаетесь съ близкими сердцу родными и предадитесь покою послѣ четырехмѣсячныхъ трудовъ. Эти чувства, эти ожиданія разумѣется вполнѣ естественны и законны, но не законны-ли и естественны и нѣкоторыя другія мысли и чувствованія съ Вашей стороны? Вѣдь вы не просто ученики, школьники, дожидающіеся роспуска по домамъ, васъ ожидаетъ, о васъ волнуется не одна только семья каждаго изъ васъ; нѣтъ—вы надежда цѣлой Холмской Руси, ваша семья—это весь народъ Холмскій; ваша школа не есть только мѣсто, въ которомъ заучиваютъ и отвѣчаютъ уроки—нѣтъ, это священный разсадникъ высшаго, духовнаго, евангельскаго просвѣщенія! Изъ всѣхъ этихъ особенностей или вѣрнѣе сказать высокихъ преимуществъ вашего ученическаго быта,

---

[1]) Произнесена 13 декабря 1886 г. въ церкви Холмской Дух. Семинаріи.—Печатается впервые.

понятно, съ какими чувствами и съ какими намѣреніями должны вы разставаться со своею alma mater на рождественское время.— Сознавая то высокое назначеніе, которое соединяетъ васъ подъ ея священнымъ кровомъ, вы должны любить свою семинарію, независимо отъ всѣхъ кажущихся вамъ или дѣйствительныхъ непріятностей, которыя вы соединяете съ представленіемъ о ней, потому-что подобнаго рода непріятности отсутствуютъ только въ блаженномъ обществѣ духовъ рая. Вы должны любить свою семинарію и, покидая ее на время вакацій, не рваться всѣми силами души прочь отсюда, но съ благоговѣніемъ оглянуться на святой крестъ, возглавляющій это зданіе и подумать о томъ крестѣ, который вы приняли на себя, поступивъ въ число учениковъ духовной школы, по слову Господа: той рабъ, вѣдый волю Господа своего, и не сотворивъ, не уготовавъ волю Его, біенъ будетъ много". Вы должны затѣмъ, обративъ свой взоръ внизъ на домъ, подумать о томъ, какъ слѣдуетъ вамъ относиться впродолженіи вакаціи къ жизни, къ людямъ и въ частности къ народу. — Большая часть юношества не предначертываетъ себѣ опредѣленныхъ правилъ жизни, а поступаетъ по внушеніямъ минутныхъ чувствъ, то добрыхъ, то порочныхъ и такимъ образомъ, поддаваясь всякому впечатлѣнію, является, яко трость, вѣтромъ колеблема, лишенная всякаго постоянства. Не такъ должно поступать намъ, братіе! Какъ представители школы церковной, воспитанія христіанскаго, мы обязаны въ своемъ поведеніи и бесѣдахъ проявлять христіанское настроеніе. Посмотрите на нашъ народъ, посмотрите съ какою охотою готовъ онъ слушать о Богѣ, о святыхъ Его, о Церкви, о Евангеліи. Посмотрите и на то, какъ рѣдко исполняется его стремленіе къ благочестію, какъ мало образованныхъ людей изъявляютъ готовность споспѣшествовать религіознымъ интересамъ народа. Вотъ вамъ-то предлежитъ служить народу, алчущему духовно, этою духовною пищею. Не много нужно житейской опытности и знанія, чтобы одному понимать евангеліе, или духовную книжку,

разсказать что-нибудь о святомъ и т. д. Это можетъ сдѣлать даже ученикъ младшаго класса, даже мальчикъ. А кто имѣетъ полномочіе произносить поученія съ церковной каѳедры, тотъ не долженъ лѣниться и небречь о селѣ. Не должно отговариваться ни молодостью, ни неопытностью въ назиданіи. Назиданіе бываетъ различнаго рода. Если оно состоитъ въ изложеніи своего духовнаго опыта, то такого рода назиданіе приличествуетъ разумѣется старцу, лицу облеченному въ священный санъ. Но назиданіе чрезъ заимствованіе истинъ изъ Божественнаго ученія доступно всякому изучающему его, чтобы оно было дѣйственно—достаточно добраго желанія, молитвы къ Богу и любви къ ближнимъ. Желаніе порождаетъ соотвѣтствующее настроеніе, а настроеніе — наученіе. Чтобы сохранять такое благочестивое настроеніе, братіе, нужно расходиться изъ этой святой обители не съ нетерпѣливымъ легкомысліемъ, но съ молитвой о помощи Божіей для доброй жизни.—Такъ именно всегда и разставались другъ съ другомъ люди, соединенные общимъ подвигомъ. Такъ древнихъ обителей иноки, имѣвшіе обыкновеніе на весь великій постъ уединяться по окрестнымъ пещерамъ и пустынямъ, въ прощальное воскресенье послѣ вечерней трапезы, воспѣвали пасхальныя пѣсни съ тѣмъ, чтобы подѣлиться радостью воскресенія Христова предъ разставаніемъ, м. б. послѣднимъ, ибо каждому изъ нихъ грозила одинокая смерть въ пустынѣ отъ непогоды, или голода, или дикихъ звѣрей. Затѣмъ, когда праздникъ Пасхи снова соединялъ ихъ другъ съ другомъ въ обители, то они, вдохновленные молитвенными и созерцательными подвигами, не удручались горемъ, если недосчитывали нѣкоторыхъ изъ среды своей, твердо уповая, что ихъ скончавшіеся братіе уже непосредственно лицомъ къ лицу видятъ воскресшаго Господа. Такъ временное разставаніе ихъ служило не къ умаленію ихъ ревности, но къ возвышенію ея, потому что оно совершалось при общей молитвѣ, при ясномъ напечатлѣніи цѣли уединенныхъ подвиговъ. Такъ и вы, братіе, разставаясь съ семинаріей, вслушивайтесь въ воспѣ-

ваемыя ублаженія рождающагося Господа и соединяйте съ ними мысль о томъ, чтобы ходить достойно званія будущаго проповѣдника Христова. Есть русская пословица: за чѣмъ пойдешь, то и найдешь, итакъ, если вы пойдете отсюда по весямъ Привислянскимъ и Волынскимъ для того, чтобы, наблюдая жизнь, еще болѣе назидаться евангельскимъ духомъ братолюбія, то, вмѣсто того, чтобы губить въ эти недѣли тѣ познавательныя и нравственныя сокровища, которыя вы пріобрѣтаете здѣсь, вы-бы еще пріумножили ихъ, соотнося евангельскія истины съ дѣйствительною жизнью. Сегоднешнее утреннее евангеліе повѣствуетъ намъ о прощаніи Господа Іисуса съ учениками Своими; говорится, что они возвратились съ радостью великою съ горы, Елеонской, послѣ Его вознесенія на небо. Чѣмъ-же объяснить эту радость? А тѣмъ, что св. Апостолы, принявъ чрезъ дуновеніе устъ Господнихъ просвѣщеніе Духа Святаго, уразумѣли въ полнотѣ Христову истину, и, нося ее въ сердцѣ, сознавали свою близость къ Божественному Учителю еще живѣе, чѣмъ во время своей внѣшней тѣлесной близости съ Нимъ. Такъ и вы, братіе, если будете вносить, по мѣрѣ силъ и средствъ, въ народную жизнь тѣ христіанскія начала, которыя преподаются вамъ въ семинаріи, то будете съ нею всегда въ духовномъ единеніи не только во время временной разлуки, но и по окончаніи курса ученія. А это единеніе будетъ вдохновлять васъ ревностью въ дѣлѣ насажденія царствія Божія. Аминь.

СЛОВО

на день Св. Димитрія Ростовскаго [1]).

Православія ревнителю и раскола искоренителю, Россійскій цѣлебниче и новый къ Богу молитвенниче, цѣвнице духовная, Димитріе Блаженне!....

Между безчисленнымъ сонмомъ угодниковъ Божіихъ Св. Димитрій Ростовскій особенно долженъ быть близокъ намъ и задачѣ нашей жизни. Онъ не далекъ отъ насъ и по времени, и особенно близокъ намъ по мѣсту и по предметамъ своей дѣятельности. Жилъ онъ менѣе, чѣмъ 200 лѣтъ назадъ, въ царствованіе Петра Великаго, былъ ученикомъ Кіевской Академіи, а затѣмъ, наперерывъ приглашаемый изъ города въ городъ свѣтскими и духовными властями, равно цѣнившими его высокія дарованія и св. жизнь, онъ, въ санѣ молодаго іеромонаха и потомъ игумена, переходилъ изъ одного города въ другой,—изъ Кіева въ Черниговъ, Вильну, Слуцкъ, Батуринъ, Новгородъ—Сѣверскій, проповѣдуя и утверждая православіе. Сынъ малороссійскаго сотника, обла-

---

[1]) Произнесено въ церкви холмской духовной семинаріи. Напечатана впервые въ «Холмско-Варшавск. Епарх. Вѣстникѣ 1887 г. № 1.

давшій богатыми талантами, онъ оставилъ мірскую жизнь и, принявъ монашество, при всемъ множествѣ своихъ ученыхъ и проповѣдническихъ трудовъ, охотно предался не менѣе труднымъ аскетическимъ подвигамъ. Строгій къ самому себѣ, онъ для своихъ современниковъ былъ яркимъ отблескомъ Того Добраго Пастыря, Который душу свою полагаетъ за овцы. Вотъ, братіе, съ этой стороны ревностнаго, неутомимо просвѣтительнаго служенія, характеръ Св. Димитрія долженъ служить намъ высокимъ примѣромъ во всѣхъ его чертахъ. И первою изъ нихъ—была его любовь къ народу, который онъ поучалъ, назидалъ и утѣшалъ своимъ словомъ. — А когда онъ призванъ былъ на высокое служеніе въ санѣ митрополита Ростовскаго, тогда подвиги его пастырской ревности обнаружились въ высшей еще степени. Съ мудростью и кротостью св. Димитрій несъ возложенное на него иго, неустанно забятясь о просвѣщеніи и спасеніи ввѣренной ему паствы. Здѣсь онъ встрѣтилъ невѣжественныхъ раскольниковъ и обратилъ на нихъ свое ревностное вниманіе и попеченіе, чтобы словами снисхожденія и любви привлекать ихъ въ лоно св. церкви. Плодами пастырской просвѣтительной дѣятельности св. Димитрія были его многочисленныя высоко назидательныя писанія, въ которыхъ высота евангельскихъ истинъ соединена съ простотою изложенія и приближена къ народному разумѣнію. Чтобы доставить своей паствѣ просвѣщенныхъ пастырей и наставниковъ, Св. Димитрій открылъ въ Ростовѣ при своемъ домѣ духовное училище, бывшее самою дорогою для его сердца святынею. Онъ часто посѣщалъ учениковъ, испытывалъ ихъ въ успѣхахъ и часто самъ принималъ на себя труды наставника. Онъ смотрѣлъ на учениковъ своего училища, какъ на удѣлъ Божій, принесенный въ жертву Господу.—Вотъ почему Св. Димитрій Ростовскій близокъ къ намъ, бр., вотъ почему этотъ любвеобильнѣйшій наставникъ народа русскаго долженъ мыслиться вами, какъ вѣрный образъ пастырскаго служенія и какъ живой укоръ для тѣхъ, кто отнесется къ этому служенію съ

небреженіемъ; о такихъ Святитель сказалъ бы: позна волъ стяжавшаго его, Израиль-же не позна Господа своего. Память о св. Димитріѣ должна быть жива въ каждой русской семинаріи, точно такъ-же, какъ въ Ростовскомъ училищѣ, гдѣ и нынѣ виситъ лампада на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Вспомните, бр., что и въ послѣдній день своей жизни онъ призвалъ къ себѣ своихъ учениковъ пѣвчихъ для пѣнія составленныхъ имъ самимъ духовныхъ пѣсней: „Іисусе Мой прелюбезный! Надежду Мою въ Бозѣ полагаю, Ты Мой Богъ Іисусе, Ты моя радость!“ Затѣмъ, отпустивъ своихъ пѣвцовъ, онъ уединился и преклонивъ колѣна, предалъ духъ свой Господу. Господь сторицею воздаетъ любящимъ Его, и вотъ, на мѣстѣ кончины Святителя въ теперешнемъ Ростовскомъ училищѣ виситъ неугасимая лампада уже не за упокой его души, но предъ его св. образомъ! Этотъ образъ, братіе, долженъ носить въ сердцѣ своемъ всякій семинаристъ русскій и мысленно взирать на него, исходя на воздѣлываніе той сорной нивы, надъ которой трудился Св. Димитрій. Вы будущіе продолжатели его дѣла, вы „сожители святымъ и присніи къ Богу“, всмотритесь въ черты жизни сего св. мужа! Помните, что онъ не изъ пустыни вышелъ, а былъ такимъ-же семинаристомъ, какъ каждый изъ васъ, вращался въ такомъ-же разсѣянномъ, мірскомъ обществѣ, но при всемъ томъ онъ умѣлъ такъ себя настроить, чтобы видѣть духовными очами возлюбленнаго ему Господа Іисуса, видѣть грѣхъ, разъѣдающій человѣчество, видѣть это, но не унывать—и не щадить себя, ради спасенія людей, всѣми своими силами, всѣми знаніями, всею жизнью. Подкрѣпленіе для своихъ нравственныхъ силъ онъ съ юныхъ лѣтъ находилъ въ житіяхъ святыхъ, собраніемъ и изданіемъ которыхъ онъ доставилъ всему русскому народу любимѣйшее чтеніе, а себѣ безсмертную славу. При этомъ чтеніи пусть подражаетъ ему всякій юный борецъ жизни! И такъ бр., „толикъ имуще облежащъ насъ облакъ свидѣтелей“, жизнь коихъ описана св. Димитріемъ, а въ

томъ числѣ и его самого,—„терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ“, — на подвигъ борьбы съ княземъ міра сего, на подвигъ насажденія святой вѣры и добродѣтели! Да останется неизгладимо въ сердцахъ и умахъ вашихъ свѣтлый образъ мудрой и любвеобильной пастырской дѣятельности Св. Димитрія. Пусть св. молитва его, нынѣ съ высоты небесъ призирающаго на тѣхъ, кто готовится продолжать дѣло его въ нашемъ отечествѣ, ниспошлетъ намъ благодатную помощь отъ Начальника вѣры и Совершителя Іисуса. Аминь.

СЛОВО

на день св. апостола Іоанна Богослова [1]).

Православные слушатели! Сегодняшній праздникъ въ честь св. апостола Іоанна Богослова считается по преимуществу семинарскимъ праздникомъ на Руси; потому что празднуемаго нынѣ св. апостола церковь Христова отличила наименованіемъ Богослова и онъ былъ и на всѣ времена останется образцомъ истинно-христіанскаго, православнаго богословія, которое составляетъ главнѣйшій предметъ семинарскаго образованія. Потому-то многія изъ церквей семинарскихъ посвящены сему св. апостолу; потому-то и мы совершаемъ нынѣ высокопоучительное торжество въ честь сего небеснаго покровителя нашей обители наукъ.

Чѣмъ-же именно поучительно для насъ настоящее торжество? Къ ясному отвѣту на этотъ вопросъ послужитъ разъясненіе другаго вопроса: почему именно Церковь Христова усвоила святому апостолу Іоанну отличительное наименованіе Богослова? — Въ Евангеліи замѣчено о немъ, какъ объ ученикѣ *котораго любилъ Іисусъ* (Іоан. 13, 23) преимущественно предъ другими учениками. Но любовь Христова отличается отъ обыкновенной любви человѣческой; она чужда

---

[1]) Произнесено въ церкви Холмской духовной семинаріи. Напечатано впервые въ «Холмско-Варшав. Епарх. Вѣстникѣ» 1887 г. № 6.

всякаго пристрастія; она любитъ столько, сколько предметъ того заслуживаетъ. Кто творитъ волю Отца Небеснаго, какъ сказалъ самъ Спаситель, тотъ Ему братъ и сестра и матерь (Матѳ. 12, 50.). Значитъ основаніе преимущественной любви Христовой къ апостолу Іоанну заключается въ собственной его любви къ Богу и посланному Имъ Іисусу Христу. Одушевленный сею святою любовію ученикъ Христовъ не отсталъ отъ своего возлюбленнаго Учителя и тогда, когда Онъ висѣлъ на крестѣ, когда всѣ другіе ученики Его разбѣжались отъ страха. Сему-то одушевленію святою любовію должно приписать ту глубину и высоту боговѣдѣнія, которыя усматриваются во всѣхъ писаніяхъ Св. Іоанна. Онъ писалъ такъ потому, что зналъ сердце Христа Спасителя, а зналъ это потому, что собственное сердце его исполнено было небеснаго чувства любви къ Господу. Любовь приблизила Іоанна ко Христу Спасителю. Любовь открыла ему тайны Божественнаго лица Христова и Его дѣяній: вѣчное бытіе, рожденіе отъ Отца и божественность Слова, соединеніе Его съ человѣчествомъ въ лицѣ Господа Іисуса, дѣйствительность присутствія тѣла и крови Богочеловѣка подъ видомъ хлѣба и вина, — эти тайны Божественнаго лица Христова никѣмъ не описаны съ такою ясностью, какъ святымъ Іоанномъ. И вотъ почему св. Церковь отличила сего апостола любви наименованіемъ Богослова.

Не тоже ли качество должно отличать и всякаго богослова и всякаго учащагося богословію? Можно знать истины вѣры однимъ умомъ и памятью; но какъ бѣдно и безплодно такое знаніе! Только святая любовь производитъ тѣсный и дѣйствительный союзъ человѣка съ Богомъ и Христомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—твердую вѣру и живое упованіе. По свидѣтельству самаго Христа Спасителя, на любви къ Богу и ближнимъ утверждаются законъ и пророки (Матѳ. 22, 40). Помните же, братіе, что вамъ посвятившимъ себя на изученіе закона, пророковъ и апостоловъ, — если это изученіе не утвердитъ васъ въ любви и не утвердится вашею любовью,—

помните, что вамъ придется дать строгій отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ, когда Праведный Судія всѣмъ чуждымъ любви къ Богу и ближнимъ скажетъ: „*Взалкахся и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене, странень бѣхъ и не введосте Мене, нагъ и не одѣясте Мене, боленъ и въ темницѣ и не посѣтисте Мене.... Идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его; понежебо не сотвористе единому братій моихъ меньшихъ, ни мнѣ сотвористе*“. Убоимся-же, братіе, этого страшнаго гласа, и посвятимъ всю свою жизнь, всѣ свои силы и труды на служеніе меньшей братіи Христовой, будемъ воспитывать въ себѣ искреннее къ ней сочувствіе, чтобы на пастырскомъ или, сначала, на учительскомъ поприщѣ свѣтить міру тою-же любовью, которою свѣтилъ празднуемый нынѣ покровитель нашей школы апостолъ Іоаннъ Богословъ. Если вы теперь—въ лѣтахъ юности воспитаете въ себѣ любовь къ людямъ, то и не нужно будетъ устрашать васъ грознымъ судомъ Божіимъ для возбужденія ревности; почему? а потому, отвѣчаетъ апостолъ Іоаннъ, что „*въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ*“. Эта любовь открыла-бы вамъ доступъ въ сердца всѣхъ окружающихъ васъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ достойно подготовила бы васъ къ великому служенію пастырскому; эта любовь, прибавлю еще, удобно привела бы васъ къ ближайшей цѣли вашего здѣсь воспитанія, т. е. къ изученію Божественнаго закона; ибо гдѣ любовь, тамъ и богопознаніе. Это не мои слова, это слова нашего св. учителя Іоанна. „*Возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потому-что любовь отъ Бога; и всякъ любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналь Бога; потому что Богъ есть любовь. Бога никто никогда не видѣлъ, Если мы любимъ другъ друга; то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ*“. Недаромъ же св. Церковь ему — апостолу любви усвоила имя Богослова. Вотъ значитъ въ чемъ тайна богословія — въ любви. Эта любовь возвышаетъ въ насъ

вѣру въ Бога, а послѣдняя снова возгрѣваетъ въ насъ любовь, и такимъ-то образомъ любовь и богопознаніе, укрѣпляя другъ друга взаимно, приготовятъ васъ къ высокимъ подвигамъ пастырскаго служенія, гдѣ любовь должна горѣть яркимъ свѣтильникомъ, гдѣ любовь къ людямъ во Христѣ свѣтитъ міру и согрѣваетъ всѣхъ вѣрующихъ. Вотъ почему, братіе, нашъ небесный покровитель, нашъ великій учитель любви, когда уже столѣтняя старость и недуги отняли у него ноги для хожденія въ церковь и замкнули его уста для продолжительныхъ поученій, велѣлъ приносить себя въ церковное собраніе и только взывалъ: дѣти, любите друга друга! А когда у него спросили, зачѣмъ онъ повторяетъ всегда одно и тоже, онъ отвѣчалъ: „это заповѣдь Господня; если ее исполните во всей широтѣ, то и весь законъ Христовъ будетъ исполненъ нами“. И къ намъ нынѣ повторяетъ онъ извѣстныя свои слова: „*возлюбленные, пишу вамъ не новую заповѣдь, но заповѣдь древнюю, которую вы имѣли отъ начала. А заповѣдь Божія та, чтобы вѣровали во І. Христа и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ*“; онъ зоветъ насъ идти со словомъ утѣшенія и участія ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, скорбящимъ, озлобленнымъ, унывающимъ, отчаявающимся и погибающимъ, чтобы всѣхъ оживлять любовію Христовою. Помните же, братія, что любовь открываетъ намъ тайны богословія, что самыя высокія истины боговѣдѣнія усвояются умомъ нашимъ только при чистотѣ сердца, какъ сказалъ Спаситель: „*чистіи сердцемъ Бога узрятъ*“. Не оставляйте же, братіе, готовиться къ предстоящему намъ служенію пастырскому въ духѣ вашего небеснаго покровителя, наставника люби и Богослова. Возгрѣвайте сердца свои любовью, дабы затѣмъ свѣтить міру боговѣдѣніемъ, какъ апостолъ Іоаннъ. Тогда не напрасно вы здѣсь учитесь, тогда вы будете въ правѣ сказать съ апостоломъ Іоанномъ: „*Мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ*. (Іоан. 1. 4, 16). Аминь.

СЛОВО

Къ студентамъ Петербургской Дух. Академіи [1]).

Когда благоустроенная семья соединяется въ родномъ домѣ на общемъ праздникѣ и наслаждается дружеской бесѣдой вокругъ обильной трапезы, и если въ это время лютая мятель завываетъ на дворѣ, и мерзлые хлопья снѣга стучатъ въ окна: то не обратится-ли мысль празднующихъ собесѣдниковъ отъ своего радостнаго торжества къ положенію тѣхъ, которые въ это время блуждаютъ на трескучемъ морозѣ въ полѣ по занесеннымъ дорогамъ, съ трудомъ или, а то и совершенно тщетно отыскивая пути, тщетно ожидая, что кто-либо выйдетъ изъ села избавить ихъ отъ совершенной погибели въ снѣжной пустынѣ?

Нынѣ братіе, Академія наша, собравшаяся въ нашъ родной храмъ праздновать годовой день своего рожденія, объединенная христіанскимъ просвѣщеніемъ и взаимною любовью, подобна той семьѣ, пирующей въ непогоду. Окинемъ-же и мы мысленнымъ взоромъ внѣшнюю намъ общественную жизнь, на полѣ которой свирѣпствуютъ всякія невзгоды. Въ этотъ день, когда общее торжество окрыляетъ духъ каждаго, отрѣшаетъ его отъ мелочныхъ своекорыстныхъ заботъ минуты и расширяетъ сердца наши взаимнымъ объединяющимъ ихъ сочувствіемъ, въ эти священныя минуты, когда мы готовимся заключить наше благодарственное богослуженіе:—подумаемъ

[1]) Произнесено въ церкви С.-Петер. Дух. Академіи въ день годичнаго акта 17 февраля 1888 г.

о разнаго рода путникахъ, погибающихъ въ духовномъ заблужденіи и холодѣ. Кто эти путники? О ихъ много, очень много! Это, вопервыхъ, ближайшее къ намъ по внѣшнему положенію учащееся юношество свѣтское, почти вовсе лишенное религіозно-нравственнаго руководства, блуждающее безплодно и нерѣдко безнадежно по распутіямъ разныхъ вѣчно смѣняющихся обманчивыхъ направленій мысли и жизни. Свѣтское юношество съ четырнадцати лѣтъ подпадающее развратy, съ шестнадцати лѣтъ скептицизму, съ двадцати лѣтъ практическому пессимизму въ смыслѣ подрыва вѣры въ общія правила честности и человѣколюбія. Это тѣ несчастные, которые, ища истины и тщетно стараясь ее найти, съ отчаянія бросаются въ крамольническія шайки и губятъ себя и другихъ, или, терзаясь отсутствіемъ вѣры и руководителей къ ней, рѣшаются покончить съ собственною жизнью. Это одни путники. Другіе—ихъ-же слѣпые вожди, различные общественные дѣятели—педагоги и публицисты, лишенные всякихъ твердыхъ принциповъ, аффективно вѣрующіе или не вѣря проповѣдующіе какія-либо фантастическія теоріи, имѣющія перевернуть міръ; а на самомъ дѣлѣ столь легковѣсная, что въ нихъ чрезъ нѣсколько лѣтъ разувѣряются и сами проповѣдники, послѣ чего и мѣняютъ одну теорію на другую, пока не доходятъ до безысходнаго пессимизма и вмѣстѣ съ послѣднимъ словомъ отрицательной европейской философіи объявляютъ жизнь безсмысленнымъ коловращеніемъ, проклинаютъ всѣ свои прежнія знамена и съ саркастическимъ мучительнымъ ожесточеніемъ сходятъ въ могилу, окружаемые недоумѣнною печалью своихъ умныхъ почитателей. Это второй родъ путниковъ жизни. Третій родъ—это тѣ руководители общества, которые, забывъ свои обязанности о самоотверженномъ служеніи государству, заковываютъ подчиненныя имъ области народной жизни въ рамки мертвой казенщины, обнимая свое сердце жаждой денегъ и отличій. Они не признаютъ себя блуждающими по сугробамъ, увѣрены, что идутъ по прямому пути, но на самомъ дѣлѣ удаляются отъ теплыхъ жилищъ, и влекутъ за

собою въ погибель все имъ подчиненное. Обращаемся къ религіозной жизни общества: вотъ одна его часть, соблазняемая событіями церковнаго формализма, отожествляетъ съ ними самое православіе, созидаетъ фантастическія духовныя церкви, не удовлетворяясь ими бросается отъ заблужденія къ заблужденію, пока не остановится на скептицизмѣ, на бѣшеномъ піэтизмѣ; вотъ другая часть, не видѣвшая ничего кромѣ церк. церемоніала, полагаетъ въ немъ всю религію, во имя ея отказываетъ въ любви и участіи всѣмъ мыслящимъ иначе, а потому и сама черствѣетъ сердцемъ и погрязаетъ въ страстяхъ. Обратимся мы къ народу: тамъ насъ встрѣтитъ фанатикъ раскольникъ съ пѣной у рта проклинающій Церковь, безумный хлыстъ, возсозидающій культъ Афродиты, упрямый штундистъ, высокомѣрно считающій свое тупое упорство за высшую духовную религію. А православные? вотъ они: вотъ цѣлыя деревни, погибающія въ позорной болѣзни, вотъ толпы молодыхъ и стариковъ, избивающія евреевъ по городамъ, вотъ и другіе, потерявшіе по фабрикамъ и трактирамъ все, что далъ имъ родной домъ. Но гдѣ перечислить всѣ главнѣйшіе виды блужданій общества и народа? имъ нѣтъ конца, нѣтъ числа! Уже не говоримъ о нашихъ единовѣрныхъ братіяхъ, о единокровныхъ нашихъ ренегатахъ истинной вѣры, не говоримъ объ иновѣрцахъ и инородцахъ, которые вѣдь тоже наши братья, которымъ „проповѣдывать евангеліе“ тоже повѣлѣлъ Господь.

Да разнообразны, печальны блужданія людей, велики ихъ житейскія скорби, тяжки ихъ пороки и преступленія. Собираясь здѣсь вокругъ свѣта Божественной истины, мы съ трудомъ можемъ проникнуть взоромъ въ ту мрачную тьму, въ тотъ духовный морозъ и гладъ, въ который брошены наши близкіе и дальные о Христѣ братья. Много причинъ этихъ бѣдствій, раздирающихъ міръ, много мечей проливаютъ кровь по лицу земли: посмотрите, сколько въ этой жизненной мятели заблудшихъ и замерзшихъ не потому, чтобы отвергали помощь провожатаго, но потому, только потому, что никто не

хотѣлъ имъ указать дороги. Не мы, но мірская литература показала, что въ самомъ ужасномъ нравств. состояніи можно встрѣтить высокія, благородныя души, искавшія свѣта, но неполучившія, а потому и погибшія. И въ страшныхъ подземельныхъ каторжныхъ шахтахъ, и въ мрачьыхъ тюрьмахъ, и въ притонахъ гибельнаго разврата и пьянства и на всѣхъ перекресткахъ жизни встрѣчаются эти блѣдныя измученныя лица съ вѣчнымъ вопросомъ на исхудаломъ лицѣ съ воспаленными отъ духовной и тѣлесной муки глазами, съ вопросомъ о томъ, да неужели-же никто ни добродѣтельный и ученый мужъ не выведетъ его на путь истинный? И тысячами погибаютъ они, тысячами замерзаютъ заведенные въ даль гудящею мятелью зимней ночи... О, бр., неужели могутъ, зная это, спокойно сидѣть въ горницѣ тѣ, кого Богъ держалъ въ эту ночь въ родномъ домѣ, не будутъ ли они виновны въ смерти тѣхъ, которые погибаютъ не по собственной злобѣ, а п., ч. никто ихъ не наставилъ изъ тѣхъ, кому заповѣдано учить людей. Каинъ, гдѣ братъ твой?—вопросъ, котораго слышаніе страшно, который не можетъ быть обращенъ къ каждому изъ насъ, но къ намъ въ цѣломъ какъ носителямъ разумѣнія истины, носителямъ (настоящимъ и будущимъ) даровъ благодати, этотъ роковой вопросъ имѣетъ свое отношеніе. Кровь брата твоего вопіетъ отъ земли на небо! кровь всѣхъ впадшихъ въ невѣріе по нашему небреженію и безучастной сухости, по неспособности раскрыть жизненную силу христіанства; кровь отпадшихъ по скудости церк. учительства въ разныя ереси, кровь идейныхъ самоубійцъ, кровь отчаявшихся искателей истины. Выйдемъ же изъ нашего теплаго покоя, со свѣтильникомъ вѣры, добродѣтели и просвѣщенія въ ненастную тьму заблужденій нашихъ братьевъ! выйдемъ изъ нашей внутренней замкнутости на распутія жизни, научимся созывать путниковъ понятною имъ рѣчью т. е. постараемся объ усвоеніи и приведеніи къ христ. идеалу всего того, чѣмъ живутъ наши братья. А для этого надо, во-первыхъ, понять внутреннюю жизнь простого народа, полюбить то, что ему дорого,

заговорить его мужицкою рѣчью и усвоить его искренность. Надо, вовторыхъ, изучать и понять всѣ тѣ духовныя нужды, которыя сказываются въ жизни общественной, усвоить способы воздѣйствованія на нихъ, съумѣть популяризировать нашу христ. науку, создать общественную и народную современную христ. литературу и беллетристику; дать руку общенія тѣмъ изъ членовъ мірскаго общества, которые вліяютъ на него въ благопріятномъ для христіанства смыслѣ, а главное: въ душѣ своей, въ своемъ отношеніи къ ближнимъ быть согрѣтымъ духомъ христіанской безкорыстной любви и сердечнаго участія къ спасенію каждаго. И если мы начнемъ собирать въ нашъ родной домъ вѣры и любви всѣхъ блуждающихъ во тьмѣ и холодѣ жизни, если хотя не сами увидимъ приведенными къ намъ всѣ господствующіе направленія, но изъ начатой дѣятельности будемъ имѣть возможность предчувствовать зорю того будущаго нѣкогда священнаго дня, когда и поклонники „духовнаго“ христіанства, и искатели свободы и равенства, и преклоняющіеся предъ разумомъ и наукой, и проповѣдники космополитизма, и поборники патріотизма: однимъ словомъ всѣ, кто живетъ не ради одного себялюбія, поймутъ, что все, что есть добраго въ ихъ идеалѣ, имѣется здѣсь у насъ въ источникахъ Божественной истины, и придутъ къ намъ, если говорю, будемъ дѣятельно приближать это время, мало по малу обнимая нашимъ свѣтомъ различные идеалы, или пути жизни: тогда, о какъ счастливо будемъ мы праздновать годовщины нашихъ разсадниковъ христіанскаго просвѣщенія, и съ какимъ твердымъ упованіемъ будемъ мы тогда всѣ силы свои посвящать на воспитаніе своего сознанія и своего сердца къ нашей великой цѣли, состоящей въ томъ, чтобы на всѣхъ добрыхъ въ этомъ мірѣ осуществились слова Христовы: *и будетъ едино стадо и единъ Пастырь.*

СЛОВО

Въ день Богоявленія Господня о томъ, какими средствами усовершенствуется общественная жизнь *). [1]).

Возлюбленные братья! Конечно вы ожидаете отъ меня, какъ отъ новаго пришлеца въ вашу академическую семью, ожидаете исповѣданія тѣхъ духовныхъ побужденій, коими я по долгу своего званія, намѣренъ привлекать васъ къ общему дружному и одушевленному служенію богословской наукѣ и пастырству, которые Московская Академія исполняетъ съ такою честью уже болѣе двухъ вѣковъ. — Конечно вы ожидаете, что такихъ побужденій я буду искать въ области, наиболѣе доступной для вашихъ молодыхъ и горячихъ сердецъ, въ области кипучей современности, въ послѣднихъ словахъ науки и общественной жизни.

Правда, въ наше время не было-бы недостатка въ подобныхъ побужденіяхъ, ибо при всей разшатанности современныхъ умовъ и упадкѣ нравовъ давно, а можетъ быть никогда въ жизни русскаго народа и общества не замѣчалось такого напряженнаго исканія правды, правды именно нрав-

---

*) Сказано Ректоромъ Московской Духовной Академіи, Архимандритомъ Антоніемъ при первомъ служеніи въ академической церкви 6-го января 1891 года.

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Московск. церковн. вѣдомости». 1892 г. № 1-й.

ственной и религіозной, какъ въ наше время. Жизнь сама сокрушила тѣхъ идоловъ, которымъ въ слѣпотѣ поверхностнаго полуобразованія поклонилось наше общество, а враждебныя Божественной нашей вѣрѣ теоріи матеріализма и позитивизма поддерживаются теперь только по старой памяти, только какъ показатели того, что многіе не въ силахъ найти въ современномъ быту слѣдовъ иной высшей жизни, основанной на откровеніи вѣчной и безусловной истины христіанства. Но съ какою томительной жаждой современные люди ищутъ и ожидаютъ доступнаго раскрытія этой истины, можно видѣть по тому быстрому и сильному, пожарамъ подобному вліянію на нихъ всякаго вновь появляющагося убѣжденнаго, хотя-бы и грубо заблуждающагося, учителя вѣры или жизни, —будь это сектантскій проповѣдникъ въ простомъ народѣ, будь это проповѣдникъ какихъ-либо нравственныхъ понятій въ обществѣ образованномъ. — Но конечно ложь не можетъ долго обманывать народную совѣсть, минутное удовлетвореніе ея оканчивается разочарованіемъ и вотъ по небосклону народной жизни или общественной письменности раздаются глухіе раскаты философіи отчаянія, приносятъ ужасныя вѣсти о самоубійствахъ отъ безвѣрія или точнѣе говоря — отъ тщетнаго исканія вѣры, отъ неумѣнія обрѣсти проповѣдуемую церковью благодатную жизнь, утоляющую духовную жажду.

Да, много и очень много можно бы говорить о томъ, что даже наиболѣе печальныя явленія современной жизни представляются, какъ ясныя доказательства для самыхъ невѣрующихъ, что жить безъ вѣры нельзя:—тѣмъ убѣдительнѣе онидолжны доказывать намъ, проповѣдникамъ благодати, что „*се нынѣ время благопріятно*“ (2 Кор. VI, 2) для призванія нашей школы.

Можно бы говорить вамъ, братіе, и о томъ, что современное исканіе Бога, являющееся плодомъ разувѣренія въ воздвигнутыхъ идолахъ безрелигіозной культуры, простирается далеко за предѣлы нашего отечества и проявляется съ особенною силою въ современномъ Вавилонѣ, въ распущенной

столицѣ мятежной Франціи, что тамъ все чаще и чаще слышатся вопли отчаянія о безбожныхъ устояхъ современнаго просвѣщенія и быта, что въ частности извѣстнѣйшій писатель Парижа, котораго съ жадностью переводятъ на всѣ языки Европы, ожидаетъ нравственнаго обновленія для цивилизованнаго міра ни откуда, какъ изъ Россіи, ни отъ кого другаго, какъ отъ нашихъ народныхъ писателей-патріотовъ, учащихъ презирать низменные интересы міра сего и исповѣдывать вѣру въ евангельскіе и апостольскіе завѣты, которые и названный писатель считаетъ въ то-же время свойствами нашего народнаго историческаго генія [1]). Конечно подобныя чаянія еще глухи и туманны, эти обращенные къ намъ взоры Россіи и Европы еще исполнены блужданій и попеченій житейскихъ, но если бы вникнуть въ дѣло поглубже, то легко можно былобы увидѣть, что дѣйствующимъ началомъ въ вѣкъ этихъ болѣзненныхъ блужданій жизни является та сторона человѣческаго духа, которая всегда была и будетъ лучшею почвою для насажденія Божественнаго слова, а именно *совѣсть*, пробудившаяся нынѣ съ такою силой.

И такъ раскрывать-ли мнѣ въ подробностяхъ эти раны общественной жизни, дающія надежду исцѣленія и безмолвно призывающія духовныхъ врачей къ самоотверженному труду апостольства? искать-ли для насъ побужденій къ такому труду чрезъ исповѣдываніе вамъ собственнаго, хотя непродолжительнаго, но довольно сложнаго опыта служенія Слову? Говорить-ли о томъ, что при всѣхъ скорбяхъ и тяжелыхъ ударахъ, наносящихся въ самое сердце служителю церкви, при постоянномъ его духовномъ распятіи и умираніи (Гал. II, 19. 1 Кор. XV, 30,) нѣтъ въ сей жизни высшей радости и утѣшенія, какъ служеніе Христу и проповѣдь Его ученія, что здѣсь и грѣшный человѣкъ, еще уязвляемый ангеломъ сатаны (2 Кор, XII, 7), бываетъ восхищаемъ въ рай христіанской любви и

---

[1]) Разумѣется Эдуардъ Родъ.

столь яснаго и сладостнаго ощущенія Божественной Промыслительной десницы, какое воспѣто въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, почему и рѣчь ея становится вполнѣ понятной обручникамъ Христовой Церкви?

Да, братія, душа моя готова бы излиться предъ вами, излить выношенное разумѣніе жизни внѣшней, а равно и свой малый внутренній опытъ, чтобы по мѣрѣ силъ и вамъ привить жажду той жизни, которую вливаетъ въ человѣка благодать священства,—и такого открытія своего упованія, конечно, вполнѣ естественно вамъ ожидать отъ меня, какъ новаго къ вамъ пришельца: но удержусь днесь отъ сего ради инаго Высшаго Пришельца, срѣтаемаго нынѣ, не нашею только духовною семьею, но всею Церковью. Буду-ли говорить о себѣ, когда нынѣ „*грядетъ крѣпшій мене, Ему же нѣсмь достоинъ преклонься разрѣшити ремень сапогъ Его*“. (Марк. 1, 7). Днесь изнемогаетъ всякое человѣческое слово, ибо открылось Слово Божіе, днесь-ли ограничить свою рѣчь явленіями минутной современности, когда открыта вѣчная истина? днесь-ли поднимать свой свѣточъ разумѣнія, когда открывается Свѣтъ предвѣчный, „*Просвѣщаяй и освѣщаяй всякаго человѣка грядущаго въ міръ?* (Іоан. I, 9). — Впрочемъ, бр., сей свѣтъ ничего добраго не затмѣваетъ собою, не угашаетъ и курящагося льна (Матѳ. XII, 20), но все хорошее привлекаетъ къ Себѣ (Іо. XII, 32), къ Нему приходитъ все, что отъ Отца, а грядущаго къ Себѣ Онъ не изгоняетъ вонъ (10. VI; 37). А потому не опасайтесь, чтобы, обращая свое слово къ явившему Себя днесь Господу, мы до конца оставили-бы ободреніе вашихъ юношескихъ надеждъ на плодотворное служеніе людямъ. Правда, явившійся на Іорданѣ Христосъ не открываетъ намъ тѣхъ внѣшнихъ средствъ, которыми нынѣ люди стараются овладѣть умами общества или народа: но Господь показалъ намъ нынѣ ту внутреннюю силу, которая одна можетъ насаждать жизнь. Слышите ли сегодняшнее исповѣданіе Церкви? разумѣете-ли въ какомъ смыслѣ насталъ нынѣ часъ, о которомъ сказалъ пророкъ: „*возвеселится пустыня и сухая*

земля, и возрадуется страна необитаемая и расцвѣтетъ какъ нарциссъ. Великолѣпно будетъ цвѣсти и радоваться; будетъ торжествовать и ликовать... Укрѣпите ослабѣвшія руки и утвердите колѣна дрожащія. Скажите робкимъ душею: будьте тверды, не бойтесь... Тогда откроются глаза слѣпыхъ и уши глухихъ отверзутся. Тогда храмой вскочитъ, какъ олень и языкъ нѣмаго будетъ пѣть!“ (Ис. XXXV, 1—7). Итакъ зачѣмъ намъ искать далеко средствъ для улучшенія жизни? вотъ эти средства принесены Христомъ! Смотрите, нынѣ открыта тайна дѣйствительнаго исправленія жизни благодатью, та тайна, которой тщетно добивались, и добиваются, и будутъ добиваться естественные друзья человѣчества. Не мудрѣе-ли всѣхъ былъ Соломонъ? не достигалъ-ли онъ всего, чего желала душа его (Экк. II, 10)? Но вотъ онъ ясно признаетъ тщету всѣхъ естественныхъ, человѣческихъ усилій измѣнить грѣховное и гибельное содержаніе жизни: преобразованія касаются только внѣшняго ея строя и внѣшнихъ порядковъ, по существу же неправда и беззаконіе (Экк. III, 16) будутъ всегда наполнять жизнь внѣ благодати: „*кривое нельзя сдѣлать прямымъ и чего нѣтъ, того нельзя считать*“ (I, 15).

Но вотъ мы слышимъ, что нынѣ исполнилось другое пророчество: кривизны выпрямились и неровныя пути сдѣлались гладкими (Ис. XII, 4). Чего не могло сдѣлать естество, то совершила благодать, чего тщетно искали люди, то открылъ явившійся Господь. Итакъ бр., благодатное начало перерожденія жизни, къ которому, конечно, стремятся и ваши молодые сердца, и котораго такъ жадно ищетъ современность, хотя и безуспѣшно, открыто Самимъ Господомъ: намъ остается только войти въ Его жизнь, только усвоить это таинственное средство. Въ чемъ-же содержаніе этой жизни? чѣмъ совершилъ Господь нашъ всеобщее обновленіе? чему радуется Церковь? —Тому-ли, что Онъ провозглашенъ съ неба Сыномъ Божіимъ? но такихъ свидѣтельствъ было нѣсколько еще до Крещенія. —Тому-ли, что Онъ открылъ людямъ чрезъ проповѣдь Пред-

течи? Но такія откровенія были и раньше: откровеніе Волховъ и Богопріимца. Церковь торжествуетъ и эти прославленія Спасителя на землѣ, но главное содержаніе ея торжества составляетъ то, что нынѣ Господь открылъ новое и невѣдомое естественному міру начало, которымъ Онъ дѣйствуетъ въ жизни: начало это есть *смиреніе*,—смиреніе и самоотреченіе, по которому „крещеніе пріемлетъ не вѣдый грѣха“ и Безгрѣшный Владыка, подклонивъ главу подъ руку раба, вмѣсто того, страшнымъ крещеніемъ опалить богомерзкихъ грѣшниковъ, Самъ становится среди нихъ, какъ-бы нуждающійся въ покаянномъ крещеніи, дабы призвать къ покаянію человѣка.

Естественныя усилія лучшихъ людей не могли и не могутъ внести міра въ родъ нашъ „*смѣшанный въ единомысліи зла*“ (Прем. X, 5), потому-что себялюбіе и гордость сопровождаютъ естественнаго человѣка всюду, даже въ самоотверженную смерть за ближнихъ, и никакія средства не могутъ его вырвать изъ гибельной борьбы за превосходство. Единственное средство вырваться изъ этихъ когтей грѣховнаго себялюбія и приносить дѣйствительное благо людямъ—это отрсченіе отъ своего превосходства, любовь и смиреніе нынѣ открытая Христомъ человѣческому роду. Убивая богопротивное себялюбіе, смиреніе насъ вводитъ въ благодатную жизнь, какъ сказано въ св. Писаніи: „*гордымъ Богъ противится, смиреннымъ-же даетъ благодать*“ (Іак. IV, 6). И какъ-бы ни мѣнялась жизнь, какъ-бы ни усложнялась культура, но только участіе въ благодатной жизни Христовой можетъ вносить въ нее дѣйствительное, а не кажущееся, улучшеніе. Разнообразятся внѣшнія проявленія служенія людямъ, но разумъ и совѣсть откроютъ тебѣ, что надо всякій разъ дѣлать, лишь-бы ты носилъ въ сердце твоемъ—благодать Христову, чрезъ духъ смиренія и самоотреченія. Въ нихъ и только въ нихъ то, чего тщетно ищутъ люди подъ названіемъ прогресса, гуманизма, альтруизма и др. словъ, которыя создаются ими именно теперь, когда совершенно утрачивается изъ жизни ихъ настоя-

щее содержаніе. О, братіе, примите-же не отъ меня, но отъ другаго, сегодняшняго Гостя Небесъ эту заповѣдь для построенія своихъ жизненныхъ предначертаній, и вмѣсто послѣдняго слова мірской культуры изъ шумной сѣверной столицы примите и меня съ этимъ глаголомъ благодати. Усмотримъ въ духовномъ значеніи сегодняшняго праздника Церкви указаніе Господне о томъ, какъ построять и жизнь нашей академической семьи, и вашу дальнѣйшую общественную дѣятельность. Отринемъ идоловъ естественнаго міра и возлюбимъ Новый Завѣтъ благодати! Возьмемъ Христово смиреніе, какъ неложный свѣточъ для нашего служенія Ему и людямъ и будемъ твердо вѣрить, что по мѣрѣ такого усвоенія Христовой жизни, — и никакимъ инымъ способомъ, — намъ суждено будетъ вносить всюду ту духовную радость, то духовное оживленіе, котораго тщетно добивается міръ и о которомъ нынѣ съ такою увѣренностью вѣщаетъ церковь. Чрезъ Христову благодать принесемъ мы людямъ „*радость и веселіе, а печаль и воздыханіе удалятся*“ (Ис. XXXV, 10). Аминь.

СЛОВО

На молебнѣ предъ началомъ ученія [1]).

„Обновленіе духа сердцамъ и просвѣщеніе внутреннимъ даруй“. (Кондакъ Обновленія Храма, 13-го Сентября).

Такова, братія, молитва Вселенской Церкви, воспѣваемая въ завтрашній день, когда для нѣкоторыхъ изъ васъ возобновится, а для нѣкоторыхъ впервые начнется высшее богословское ученіе въ академическихъ аудиторіяхъ. Церковь въ сей день молится объ обновленіи нашей добродѣтели и духовнаго вѣдѣнія, исходя изъ того неложнаго убѣжденія, что именно для этихъ двухъ высшихъ началъ нашей жизни, и притомъ только для нихъ, среди текучей измѣнчивости всего земнаго не должно быть дряхлости и тлѣнія, но постоянное обновленіе и жизнь. Для добродѣтели сія жизнь продолжается послѣ смерти на небѣ, ибо *любовь никогда не перестаетъ*,—но продолжается и на землѣ въ ея благотворномъ вліяніи на ближнихъ, на подобіе ростковъ умершаго сѣмени пшеничнаго (Іоан. XII, 24), а также и въ общеніи взаимной молитвы предъ Богомъ; *Богъ же нѣсть мертвыхъ, но живыхъ, вси бо Тому живи суть* (Лук. XX, 38).—Не умираетъ и зна-

[1]) Произнесено въ церкви Московской дух. Академіи 12 Сент. 1893 года, Въ первый разъ была напечана въ журналѣ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1893 г. Октябрь.

ніе, ибо хотя *испраздняется* (1 Кор. XIII, 8) въ будущей жизни, но передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, живетъ и обновляется здѣсь въ жизни церкви воинствующей.

Наглядное проявленіе этого постояннаго обновленія любви и духовнаго вѣдѣнія представляетъ собою настоящая наша общая молитва, когда его носительница и провозвѣстница, Духовная Академія, отпустивъ отъ себя на служеніе Церкви усовершенствованныхъ въ ученіи юныхъ трудниковъ духовнаго просвѣщенія, какъ бы молодой рой пчелъ изъ улья,— и давъ время отдыха учащимся, снова созвала послѣднихъ воедино и кромѣ того открываетъ свои двери для вновь пришедшаго и соединившагося для упражненія въ вѣдѣніи и благочестіи братства юношей, нынѣ сливающагося со всей духовной семьей нашей. Конечно радостная картина, радостная смѣна духовнаго сѣянія и собиранія духовныхъ плодовъ. Но для всѣхъ ли вполнѣ безпечальная? Увы, только для самыхъ юныхъ; помнимъ и мы, съ какимъ безмятежнымъ восторгомъ вступали мы первые въ священныя стѣны воспитавшей насъ Академіи: какъ яркіе цвѣты, насаженные вокругъ нея и красовавшіеся среди осенняго увяданія природы, такъ ликовали наши молодыя сердца и горѣли радостью лица между озабоченными и часто угрюмыми встрѣчавшимися на пути горожанами.

Но вотъ дальнѣйшіе годы, обогащавшіе насъ печальными опытами сей плачевной жизни, все болѣе и болѣе понуждали омрачаться сію радость при видѣ смѣняющихся поколѣній учащагося юношества и наконецъ настолько сраствори ли ее съ грустными воспоминаніями о многихъ напрасно погибшихъ жизняхъ и безплодно извратившихся сердцахъ, что нынѣ даже тѣ самыя времена года и тѣ картины природы, съ которыми совпадаютъ начало и конецъ учебнаго года, вмѣстѣ съ робкою надеждою, производятъ чувство щемящей тоски. Тому содѣйствуетъ и самый видъ весенней и осенней природы, одновременно показывающей намъ и жизнь, и смерть. Когда повѣетъ весеннимъ тепломъ и яркіе лучи

солнца начнутъ увеселять взоръ нашъ, то на ряду съ этимъ мы видимъ разрушительную смерть прекрасныхъ по виду глыбъ серебристаго снѣга и обнаженныя черныя вершины холмовъ съ гніющими остатками прошлогодней растительности и мутными потоками холодной и грязной воды. Приходитъ обильная плодами осень, но картина смерти и опустошенія снова отвлекаетъ взоръ нашъ отъ осеннихъ красотъ—созрѣвшихъ трудовъ земледѣльцевъ и садовниковъ.—Не должно бы быть этого печальнаго сочетанія въ жизни духа, въ жизни Духовной Академіи, но постоянное обновленіе сердецъ должно бы въ ней совершиться безъ всякаго омраченія смерти. Тѣмъ не менѣе мы видимъ другое; видимъ во многихъ и очень многихъ, сколь кратковременны оказываются тѣ благія намѣренія и добрыя стремленія, съ которыми они вошли сюда и вышли отсюда. Не тверда и неустойчива оказалась ихъ любовь, погасла жизнь духа, а потому и разумѣніе поблекло, творчество мысли остановилось, ибо оно невозможно безъ одушевленія нравственнаго, безъ живаго сочувствія добру, безъ сострадательной скорби о міровомъ злѣ.—Итакъ, далеко не всѣ, чтобы не сказать не многіе, обновляются духомъ, и торжествуютъ надъ измѣнчивостью своего земнаго положенія. Какой же выводъ, возлюбленные, изъ указаннаго явленія? О чемъ проповѣдуетъ оно, хотя безмолвно, но столь убѣдительно? Говоришь ли вамъ паки и паки о необходимости духовнаго бдѣнія надъ собою, о молитвѣ, о чтеніи Слова Божія и Отцевъ, о господствованіи надъ порывами страстей и всякаго раздраженія, какъ о необходимыхъ условіяхъ къ плодотворной дѣятельности пастырства, воспитанія и всякаго вида человѣколюбія, включая сюда и сознательное изученіе и разъясненіе другимъ истинъ вѣры и знанія?

Блаженъ, кто отъ юности понесъ спасительный яремъ духовной жизни, у кого не столько во внѣ, сколько во внутрь обращенъ духовный взоръ его. Для него сей день новой годины ученія есть день не скорби, но радости, день духовнаго обновленія, не упраздняющій и прежде собранныхъ сокро-

вищъ духа и знанія, такъ что къ нему вполнѣ примѣняются слова Христовы о томъ, что „*всякій книжникъ, наученный царству небесному, подобенъ хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое*“ (Матѳ. XIII, 52).—Но кто по собственному опыту не оцѣнилъ сей истины, для того малоубѣдительными представятся увѣщанія, столь неотразимыя для болѣе поживших въ на сей грѣшной землѣ и въ собственныхъ отступленіяхъ или паденіяхъ познавшихъ немощь естества человѣческаго, даже въ наиболѣе возвышенныхъ и облагороженныхъ его проявленіяхъ, если они не утверждены и не освящены подвигомъ духовной борьбы и молитвой.—Но если значеніе сей истины само по себѣ не всегда оказывается удобопріемлемымъ для юношества, которое рвется умомъ и сердцемъ во внѣшній, по видимому столь обольстительный, міръ, то въ наше время тому же самому научаетъ насъ и наблюденіе надъ этимъ внѣшнимъ міромъ, въ самыхъ новѣйшихъ, въ самыхъ современныхъ явленіяхъ его жизни въ послѣднихъ словахъ его мысли. Но во имя ложнаго знанія и науки отдѣляется нынѣ міръ отъ Церкви; смиреніе и воздержаніе перестали быть предметомъ его глумленія, а, напротивъ, признаются въ качествѣ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ достиженію донынѣ міромъ отвергавшагося, а нынѣ признаваемаго за единую достойную цѣль жизни—нравственнаго совершенства личности и общества. Правда, въ воззрѣнія и стремленія эти, повидимому столь сродныя Церкви, а на самомъ дѣлѣ ей весьма враждебныя, входитъ не мало скрытой лжи и обольщенія, но можемъ ли, братіе, равнодушно взирать на то, что великое множество людей искреннихъ и простодушныхъ изъ общества и народа, которое проникаясь этимъ краснорѣчивымъ и увлекательнымъ лжеученіемъ, отторгается отъ истинной вѣры и Церкви, какъ бы отъ началъ, чуждыхъ настоящей добродѣтели? Грустно было слышать, когда прежде нашу вѣру называли невѣжествомъ, а церковность невоспитанностью, но все-же далеко не такъ больно, какъ то, что у Православія хотятъ отрицать его святость, у Церкви—нрав-

ственно возрождающую силу ея руководства. Правда, дѣйствительность скоро обличаетъ нравственное безсиліе самовольныхъ толкователей евангельскихъ заповѣдей, слѣпыхъ руководителей къ невѣдомому имъ совершенству. Лишь только приступили они къ дѣятельному руководству другихъ къ добродѣтели, то оказалось, что они не пошли далѣе проведенія двухъ трехъ, давнымъ давно извѣданныхъ еще языческими мыслителями правилъ воздержанія и трудолюбія, но вовсе не оказались способными научить своихъ послѣдователей достойному отношенію къ разнымъ сторонамъ жизни: оградить ихъ отъ мучительства плоти, отъ раздраженія и взаимной ненависти, примирить со смертію близкихъ и своею собственною, охранить отъ гордости и унынія и согрѣть сердца ихъ любовію къ ближнимъ, дабы она была не на словахъ только и не въ холодныхъ дѣлахъ долга, но въ тепломъ чувствѣ, сродняющемъ людей въ одно братство. Неудивительно поэтому, что создаваемыя ими общества труда и воздержанія распадаются въ два три года и исполненные взаимной вражды, когда то столь пламенные и самоотверженные, члены этихъ обществъ оправдываютъ собою слова Христовы о томъ, что *всякое растеніе, которое не Отецъ Мой Небесный насадилъ, искоренится* (Мѳ. XV, 13).

Но тѣмъ не менѣе на насъ, на насъ, братіе, ляжетъ отвѣтъ за тѣ уловленныя лжецами души, которыя проявили столько готовности лишаться, трудиться и нести скорби для ложно проповѣданнаго имъ спасенія, что еслибъ имъ было благовременно раскрыто истинное спасеніе, они, можетъ быть, оказались бы въ числѣ лучшихъ людей, въ числѣ достойнѣйшихъ сыновъ Церкви, на подобіе прежняго гонителя, ставшаго первоверховнымъ Апостоломъ Господа. А теперь смотрите, сколько словесныхъ овецъ Христова стада разсѣялись по горамъ и дебрямъ заблужденій (Іезек. 34, 5—7), и—о горестное ослѣпленіе—предпочитаютъ въ исканіи совершенства минутныя затѣи изолгавшихся празднослововъ вѣчному живительному пути и всеисцѣляющему врачеству Церкви! Конечно, причина

тому не оскуденіе жизни въ самой Церкви, ибо оно невозможно по слову Божественнаго ея Зиждителя (Мѳ. XVI, 18), но священное и возрождающее содержаніе жизни церковной остается вдали отъ взоровъ увлекаемаго ложью общества; хранясь въ обычаяхъ благочестивыхъ приходовъ и семействъ, оно требуетъ теперь того, чтобы люди, одаренные вѣдѣніемъ, раскрывали его въ опредѣленныхъ и ясно выраженныхъ понятіяхъ, доступныхъ пытливымъ умамъ современности, показали бы неразрывную и ничѣмъ не замѣнимую связь церковности и совершенствованія въ добродѣтели, пользуясь для сего жизненнымъ проникновеніемъ во внутренній смыслъ Божественныхъ Писаній и Твореній Отеческихъ, изучая въ Исторіи Церкви и народовъ постоянную борьбу христіанина съ духомъ міра, изслѣдуя чрезъ изученіе богослуженія нашего истинный путь духовнаго возношенія человѣка къ Богу и совершенству, и наконецъ построяя правильные законы познанія и мысли чрезъ изученіе наукъ философскихъ. Не ясно ли теперь, что даже для теоретической борьбы съ современными заблужденіями, требующей раскрытія нравственнаго содержанія нашей вѣры и Церкви, необходимо и для самого изучающаго тѣснѣйшее сродство съ подвигомъ христіанской жизни, дабы не быть по отношенію къ богословскимъ наукамъ въ положеніи слѣпца, желающаго изучать живопись, или глухаго, силящагося усвоить музыкальныя познанія.—Научно богословскій трудъ, не сопровождавшійся соотвѣтственнымъ настроеніемъ изучавшаго и писавшаго, является для всѣхъ и не глубокимъ и не убѣдительнымъ и ужъ вовсе безсильнымъ для нравственнаго воздѣйствія на душу читателя или слушателя. Въ этомъ раскрывается смыслъ изреченія апостольскаго: *проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. II, 4). Дѣйственность нравственнаго вліянія даруется Богомъ, сообразно съ нравственнымъ содержаніемъ учителя независимо отъ его внѣшнихъ качествъ, какъ удѣльный вѣсъ различныхъ тѣлъ

измѣряется ихъ массою независимо отъ величины и внѣшняго вида.

Пудъ песку вѣситъ столько же, сколько пудъ золота, не больше и не меньше: подобно этому, если ты не стяжалъ себѣ должнаго количества любви и вѣры, то ни разнообразіе познаній, ни образованность, ни краснорѣчіе не покорятъ сердецъ твоихъ слушателей; на твою долю достанутся быть можетъ похвалы, извѣстность и внѣшнія отличія, но *пріобрѣсти брата* (Мѳ. 18, 15) ты не будешь въ силахъ.

Но если такъ, спросишь ты: то можетъ быть не нужна и наука? Нѣтъ, мы видимъ, что именно въ научномъ освѣщеніи нравственнаго содержанія вѣры нуждаются заблудшіе братья; наука и особенно наука духовная, если изучается на ряду съ духовнымъ совершенствованіемъ, облегчаетъ человѣку сіе послѣднее: не напрасно говорилъ Господь апостоламъ: *уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (Іоан. XV, 3), и некнижный подвижникъ путемъ многолѣтнихъ подвиговъ поста и бдѣнія освояется съ какой либо истинной вѣры, которую другой уразумѣваетъ чрезъ благоговѣйное изученіе отеческихъ писаній въ одно лѣто.

Итакъ да будетъ благословенна наука, образованность или знаніе жизни и краснорѣчіе! Пусть процвѣтаетъ и славится домъ сей, въ которомъ эти три средства духовной милости нашли себѣ столь долговременный пріютъ, но да не отдѣляются они отъ молитвы, послушанія, братолюбія и трезвеннаго цѣломудрія, безъ коихъ для нихъ нѣтъ ни произрастанія, ни жизни. Пусть процвѣтаетъ у насъ ученость, но пусть яркимъ пламенемъ горитъ и исполненная сострадательной любви ревность объ общемъ спасеніи, пусть не предается забвенію печаль объ отпадшихъ и колеблющихся, пусть подавляется всякій порывъ недружелюбія, неуступчиваго самомнѣнія и зависти, дабы общеніе наше другъ съ другомъ служило не къ расхищенію духовныхъ сокровищъ, но ко взаимному созиданію по слову Апостола: *другъ друга тяготы но-*

сите и тако исполните законъ Христовъ (Галат. 6, 2), и еще: *„кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію“* (Рим. 15, 2).

Послужитъ ли всѣмъ этимъ великимъ обязанностямъ нашимъ вновь наступившая учебная година или, напротивъ, еще далѣе отодвинутъ насъ наше небреженіе и грѣхи отъ предуставленнаго Господомъ назначенія. То знаетъ Онъ, Владыка временъ, у Котораго въ книгѣ записаны всѣ наши грядущія движенія и мысли (Пс. 138, 16), но мы въ умиленной молитвѣ вознесемъ сердца наши къ Богу о дарованіи „добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ“ дабы „прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати“. Какъ бы ни слабы были наши нравственныя силы, но если мы съ вѣрою просимъ этихъ и другихъ даровъ у Господа, то конечно не оставитъ насъ безъ плода Тотъ, Кто гору обѣщалъ сдвинуть по исполненной вѣры молитвѣ: велики житейскіе соблазны, но сильнѣе Божественная благодать.

При размышленіи о борьбѣ этихъ неравныхъ силъ въ жизни нашей духовной семьи,—вспоминается одно повѣствованіе, правда, мірскаго писателя, но исполненное высокаго состраданія къ людямъ. Одно дитя узнало отъ матери о заповѣдной рощѣ въ ихъ селѣ, въ которой условлено было не ловить пѣвчихъ птицъ для того, чтобы онѣ безпрепятственно увеселяли жителей; и вотъ дитя спрашиваетъ, нѣтъ-ли для людей такихъ безопасныхъ пріютовъ? Мать отвѣчаетъ отрицательно и прибавляетъ, что если бы были для людей такія рощи, свободныя отъ податей и рекрутчины, то всѣ крестьянки поспѣшили бы принести туда дѣтей своихъ.

Не о податяхъ вещественныхъ думаемъ мы, братіе, но о той горестной дани страстямъ и облѣненію духовному, о той постыдной для созданія Божія рабской службѣ діаволу, отъ которыхъ не ограждены почти нигдѣ бѣдные сыны Адама. Но чѣмъ горестнѣе это сравненіе, тѣмъ теплѣе и неустаннѣе да будетъ молитва о томъ, что бы не ради нашихъ достоинствъ, но ради блага Церкви Божіей, благодать Господня содѣлала

нашу Академію такимъ оплотомъ противъ искушеній житейскихъ, такою твердынею противъ нападеній невидимыхъ враговъ, чтобы и живущіе въ ней благополучно совершали духовное восхожденіе отъ силы въ силу, и даже учившіеся въ ней прежде и обуреваемые нынѣ треволненіями житейскими, оглядываясь на свою духовную матерь, при видѣ ея плодотворной жизни и дѣтельности почерпали себѣ бодрость и стойкость въ добрѣ и истинѣ. Аминь.

СЛОВО

на Покровъ Пресвятыя Богородицы *).

Съ какими мыслями и чувствами, возлюбленные, должны мы проводить сей священный день нашего храмоваго праздника? Конечно, прежде всего, съ тѣми, которыя приличествуютъ каждому христіанскому празднику, но, кромѣ того, и съ нѣкоторымъ особеннымъ настроеніемъ соотвѣтственно нарочитому значенію прихода академической церкви.

Когда Господь съ горы Синайской призывалъ народъ Свой оставить Египетское нечестіе и чрезъ исполненіе заповѣдей Его приближаться къ грядущему искупленію и возвращенію райскаго блаженства въ вѣчномъ единеніи съ міромъ небеснымъ: тогда Онъ повелѣлъ посвящать Себѣ седьмый день недѣли и нѣкоторые установленные дни года, чтобы хотя въ эти краткіе сроки, хотя отчасти переживать то святое настроеніе близости къ Богу, которое бываетъ доступно человѣку въ молитвѣ при освобожденіи отъ суеты дѣлъ, принижающихъ его духъ и прилѣпляющихъ его къ земной персти. Въ эти дни бѣдный осуетившійся народъ воспоминалъ то блаженное время, когда міръ сей, еще свободный отъ плачевныхъ послѣдствій его произвольнаго паденія, во всей своей богозданной красотѣ предстоялъ всевидящему

*) Произнесено въ 1894 г. въ церкви Московской духовной Академіи. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Богословскій Вѣстникъ» 1894 г. Ноябрь.

оку Творца своего, почившаго отъ дѣлъ творенія въ день седьмый и увидившаго *„вся елика сотвори, и се добра зѣло“* (Быт. 1, 31). Въ эти святые дни седьмые, когда богатые и бѣдные, рабы и свободные одинаково покоились отъ суеты дѣлъ своихъ и любовь Божія открывалась въ святыхъ дѣлахъ взаимнаго прощенія, благотворенія, гостепріимства и общихъ молитвъ, у людей прояснялась совѣсть и они, сравнивая дни посвященные Богу съ обычными днями нужды и взаимной борьбы за наживу, проникались самоукореніемъ и жаждой лучшей обѣщанной въ будущемъ жизни въ истинномъ и непрерывномъ субботствѣ, въ полной близости къ Господу, которую предвозвѣщалъ законъ и пророки.

Обѣщанія ихъ исполнились. Христова страсть и воскресеніе возвратили вѣрующихъ къ тѣснѣйшему общенію съ Господомъ, но путь къ сему общенію намъ указанъ въ подвигѣ и борьбѣ, въ крестоношеніи по образу Подвигоположника. Посему уже не суббота и новомѣсячіе, но Его спасительное воскресеніе и прочія чудотворныя дѣянія Его и Его святыхъ послѣдователей служатъ къ нашему духовному просвѣщенію, утѣшенію и ободренію. Святая Церковь въ умилительныхъ пѣснопѣніяхъ, молитвахъ и священнодѣйствіяхъ научаетъ насъ въ эти дни переноситься къ стопамъ Господа, жившаго на землѣ между людьми, къ дѣламъ и подвигамъ Его угодниковъ, побѣдившихъ міръ вѣрою и любовію и къ явленіямъ Пречистой Матери Его, защищавшимъ людей отъ погибели и паденій.

Добрые богомольные христіане издревле услаждали души свои этими священными воспоминаніями. Годичный кругъ былъ для нихъ какъ бы свѣтящимся церковнымъ небомъ, сіяющимъ звѣздами радостныхъ празднествъ. Не только въ эти священные дни отрѣшались они отъ заботъ земной жизни и молитвою очищались отъ своихъ прегрѣшеній, но и дни труда и будничныхъ занятій своихъ святили или воспоминаніями праздника прошедшаго или ожиданіемъ грядущаго, постоянно повторяя пріуроченныя къ нимъ молитвы и пѣсно-

нѣнія. Послѣднія для нихъ были, да и теперь остаются для истинно вѣрующихъ, какъ бы небеснымъ окликомъ, какъ бы постоянно повторяющимся призывомъ отрѣшаться отъ суеты страстей и грѣховнаго нечувствія и возноситься духомъ къ Богу и друзьямъ Его, къ святости евангельской жизни.

Особенное, исключительное значеніе имѣетъ для добраго христіанскаго братства праздникъ престольный. Это есть тезоименитый день той или иной мѣстной церкви, воинствующей подъ знаменемъ святаго угодника Божія или воспоминаемаго событія милости Божіей. Въ день праздника своего каждый приходъ торжествуетъ свое избранничество въ стадо Божіе не по заслугамъ своимъ, но единственно по милосердію Господню предназначенное; благодаритъ Создателя о дѣлахъ благодати Его, явленныхъ въ мимошедшемъ лѣтѣ приходской жизни и оказываетъ гостепріимную любовь ближнимъ своимъ, а бѣднымъ поставляетъ трапезы.

Теперь, возлюбленные, спросимъ, сами себя, проникнуты-ли мы, братіе святаго храма сего, тѣми возвышенными чувствами общенія съ Богомъ и небесами во дни торжествъ св. Церкви и наипаче въ престольный праздникъ нашего академическаго прихода, тѣми чувствами пламеннаго благодаренія и умиленной молитвы, которыми богатъ предстоящій здѣсь православный народъ нашъ, столь возлюбившій нашу церковь за тѣ немногія крупицы духовнаго хлѣба, которыя здѣсь подаются ему *отъ трапезы господей своихъ* (Мѳ. 15, 27), или напротивъ многіе изъ насъ съ тою-же безразсудною неблагодарностью отвергаются званія Божія, какъ нѣкогда неразумные іудеи и являются въ очахъ Христовыхъ столь-же скудными вѣрою въ сравненіи съ предстоящими здѣсь смиренными простецами, какъ тотъ-же Израиль въ сравненіи съ вѣрующей женой хананейской? Поистинѣ, воспоминая высокое назначеніе наше и нашу малодушную разсѣянность должно сказать то-же, что древній пророкъ отъ лица своего народа: „*Тебѣ Господи есть правда, намъ же стыдѣніе лица*“ (Дан. 9, 7).

А Между тѣмъ, какой высокій источникъ духовной радости открывался бы намъ въ день праздника нашего христіанскаго братства, еслибы мы стояли на высотѣ сего призванія—быть *свѣтомъ міру и солью земли!* ибо всѣмъ извѣстно, что русская церковь и богословская наука только въ четырехъ Академіяхъ почерпаетъ своихъ высшихъ служителей и на нихъ взираетъ, какъ на надежду своего процвѣтанія. Посему, когда совершается праздникъ Академіи и молитва Церкви сливаетъ во едино имена ея прежнихъ и нынѣшнихъ питомцевъ, не должно-ли имъ проникаться тѣми-же одушевленными славословіями, какъ нѣкогда братство Апостоловъ, собиравшихся во святой градъ на день Пятидесятницы? Но „*Тебѣ Господи есть правда, намъ же стыдѣніе лица*“. Ибо въ то время, какъ на сегодняшнемъ торжественномъ актѣ будетъ читаться отчетъ о внѣшней жизни Академіи, наши Ангелы Хранители предъ лицемъ долготерпѣнія Божія читаютъ невѣдомыя никому страницы, исписанныя отчетомъ о нашей внутренней жизни, объ ея постепенномъ очищеніи и одушевленіи или напротивъ—ожесточеніи и паденіи. Какихъ страницъ будетъ болѣе въ этихъ страшныхъ книгахъ?...

Впрочемъ не будемъ болѣе омрачать радости радующихся достойно, ни умножать печали унывающихъ, но спросимъ ихъ: на какую цѣну мѣняютъ послѣдніе сокровища служенія Христовой Церкви? какія блага міра сего удаляютъ ихъ сердца отъ одушевленной молитвы и общенія съ Господомъ? „Почто ты человѣче Меня оставилъ? говоритъ къ нимъ Христосъ: „почто Возлюбившаго тебя отвратился? Почто присталъ къ врагу Моему?. Вмѣсто любви платишь ненавистью, вмѣсто Меня любишь грѣхъ!.., Но что же ты нашелъ во Мнѣ достойное отвращенія?“ (Изъ Твор. святит. Тихона).

Всмотримся однако въ истинную цѣнность тѣхъ приманокъ, которыя овладѣваютъ легкомысленными юношами и увидимъ, сколь жестоко обманутыми оказываются всѣ по-

гнавшіеся за ними. Разумѣемъ здѣсь конечно не грубые пороки и страсти, не лѣнивую и вялую праздность, ибо такія печальныя явленія, если и встрѣчаются въ чьей либо жизни, то развѣ въ качествѣ ненавистныхъ паденій, сопровождаемыхъ разъѣдающимъ стыдомъ, тяжкими укорами совѣсти и сильнымъ противоборствомъ воли. Существуютъ болѣе тонкія обольщенія, удаляющія отъ Бога и Церкви юношей, не съумѣвшихъ проникнуть въ ихъ истинную сущность, тѣ обольщенія, при которыхъ неразумная юность покидаетъ свое призваніе въ ложной надеждѣ найти еще что-то лучшее, благороднѣйшее и полезнѣйшее, нежели служеніе вѣрѣ Христовой. Какъ ни странно такое нелѣпое стремленіе, но кто не встрѣчалъ его въ юномъ обществѣ? Куда же влекутъ они своихъ послѣдователей? Обыкновенно либо къ познанію, либо къ общественной дѣятельности.

Искусительный голосъ говоритъ питомцу духовной науки: сбрось съ себя путы богословія, гдѣ всѣ вопросы предрѣшены раньше твоего изслѣдованія, гдѣ нѣтъ мѣста для широкаго размаха мысли и свободнаго изслѣдованія дѣйствительности. Предоставь старикамъ рыться въ славянскихъ и греческихъ книгахъ, а ты ухватись за послѣднія слова мысли независимой; оставь длинныя богослуженія и уединенную молитву, изучай лучше видимую природу и тогда встанешь въ ряды передовыхъ людей, дающихъ себѣ сознательный отчетъ въ каждомъ усвоенномъ убѣжденіи.

Многіе прислушиваются къ сему искусительному голосу и не спрашиваютъ себя, не требуетъ ли тотъ самый разумъ, котораго одного хотятъ они слушать, чтобы прежде рѣшительнаго приговора надъ пренебрегаемой вѣрой и Церковью, вникнуть въ ея ученіе, оцѣнить тѣ доводы, коими она себя защищаетъ противъ отрицанія. Такъ неразумны оказываются эти жалкіе искатели разумности, такъ слѣпо довѣрчивы къ учителямъ отрицанія являются тѣ, которые отказались отъ разумной провѣрки церковнаго ученія! Не разумъ и не наука похищаютъ отъ Церкви жертвы невѣрія, а нетерпѣливая по-

гоня за произволомъ, то самое горделивое исканіе своеволія, которое вооружаетъ своихъ послѣдователей и противъ достойнѣйшихъ иногда родителей по плоти и противъ общей духовной матеріи нашей Церкви, лишь бы испытать свои силы помимо всякой посторонней помощи.

Какая участь ожидаетъ этихъ сыновъ противленія? Быть можетъ они въ самомъ дѣлѣ построятъ себѣ широкое, прочное и самостоятельное міровоззрѣніе, въ которомъ всякая истина найдетъ соотвѣтствующее мѣсто и всякая сторона жизни—разумное освѣщеніе? Быть можетъ широта всесторонней образованности не хуже св. вѣры облагородитъ ихъ поведеніе и направитъ внутреннюю жизнь духа къ человѣколюбію и чистотѣ? Увы, какъ далекими отъ такихъ успѣховъ оказываются погнавшіеся за ними измѣнники Церкви! Большинство ихъ, только слегка прикоснувшись перстами къ независимой наукѣ, бросаютъ и ее, отдавшись погонѣ за житейскими выгодами, и вспоминаютъ о самомъ существованіи какихъ либо наукъ только тогда, когда имъ понадобится оправдывать свое отступленіе отъ живаго общенія съ Церковью. Но обратимся къ тѣмъ, очень немногимъ хулителямъ послѣдней, которые до конца жизни остаются при книгахъ: и здѣсь мы не увидимъ ничего привлекательнаго. Въ лучшемъ случаѣ отступникъ духовной школы втягивается въ какую нибудь ученую или литературную партію съ опредѣленнымъ направленіемъ, болѣе или менѣе равнодушнымъ или враждебнымъ вѣрѣ, но конечно еще болѣе враждебнымъ тому разуму и безпристрастному, свободному изслѣдованію истины, за которымъ гнался неразумный юноша, заранѣе рѣшившій, что его можно найти вездѣ кромѣ Церкви. Теперь-же онъ предался своей односторонности и отупѣлъ настолько, что не можетъ даже и понять, до какой степени онъ плачевно обманутъ жизнью, обманутъ самъ собою! Зато посторонній наблюдатель ясно видитъ, что нѣтъ въ ученыхъ партіяхъ ни стройнаго міровоззрѣнія, ни широкой образованности, ни даже сознанія, чего ради стоятъ они за свое, кромѣ развѣ привычки, да

ожесточеннаго самолюбія и неосмысленнаго недоброжелательства къ вѣрѣ. Кто видалъ этихъ упорныхъ партизановъ разнообразныхъ ложно-ученыхъ партій, на всѣ запросы критики отвѣчающихъ бранью, или насмѣшкой, или грубымъ искаженіемъ и затѣмъ осмѣяніемъ истинъ Откровенія,—тотъ согласится, что истинная широта міровоззрѣнія, совершенно свободная отъ какой-либо нужды замалчивать или искажать дѣйствительность, возможна только для сознательно вѣрующаго христіанина. Онъ пойметъ тогда, почему философы христіанскіе съ такимъ величавымъ спокойствіемъ и полною невозмутимостью духа не только не стараются закрывать глазъ предъ твореніями своихъ противниковъ, но чѣмъ большее количество ихъ усвояютъ, тѣмъ сильнѣе одушевляются преданностью христіанскимъ убѣжденіямъ. Съ живою любознательностью выслушиваютъ они ученія отрицателей и отвѣчаютъ на нихъ, тогда какъ послѣдніе затыкаютъ уши, чтобы не слышать защитниковъ вѣры.

Итакъ, кто отвергается вѣры, ища разума и упорствуетъ въ своемъ противленіи, тотъ вмѣсто разума отдается въ руки безумія, т. е. тупого коснѣнія въ односторонней партіи, часто не переживающей своихъ злополучныхъ послѣдователей.

Но есть и другой искуситель слабыхъ душъ, тѣхъ именно, которыя, не имѣя собственной твердой воли, думаютъ найти ее въ одномъ непослушаніи. Они говорятъ: тяжко быть вѣрнымъ сыномъ Церкви. Она меня стѣсняетъ, сковываетъ все мое поведеніе многочисленными постановленіями своей дисциплины. Поступивъ въ ряды ея служителей, я окончательно порабощу ей весь свой бытъ: и въ одеждѣ, и въ пищѣ, и въ самыхъ движеніяхъ и словахъ,—все буду я обязанъ одного избѣгать, къ другому стремиться, никогда не выходя изъ подъ этого ига. „*Ибо все заповѣдь на заповѣдь, заповѣдь на заповѣдь, правило на правило*“ (Ис. 28, 10). А между тѣмъ тутъ же около меня жизнь бьетъ ключомъ въ своихъ разнородныхъ проявленіяхъ, изъ коихъ ко многимъ даже приблизиться не

дозволяютъ служителю Церкви. Выйду изъ подъ ея крылъ, оставлю храмъ, посты и говѣнія, поступлю на гражданскую службу и тамъ узнаю жизнь во всемъ ея широкомъ разнообразіи и свободѣ и буду безъ всякихъ условныхъ стѣсненій служить добру и развивать всѣ прирожденныя мнѣ способности и силы.

Послѣдуемъ и за этимъ искателемъ. Можетъ быть онъ достигъ сравнительно высокаго положенія въ государствѣ, быть можетъ обогатилъ себя и обезпечилъ своихъ дѣтей средствами. Но достигъ ли чего желалъ, освобождая себя отъ руководительнаго вліянія Церкви? достигъ ли свободы и полноты развитія личности? стяжалъ ли широкое вліяніе на общественную жизнь и много ли принесъ общей пользы? Увы, всѣ ожиданія обмануты. Вмѣсто ига благаго и легкаго бремени, вмѣсто условій церковнаго быта, проникнутаго одною разумною цѣлью постояннаго одухотворенія,—онъ наложилъ на себя узы свѣтскости, узы изолгавшагося бездушнаго и холодно-вѣжливаго европеизма, подгоняющаго всѣхъ людей подъ одну мѣрку такъ-называемаго интеллигента, не имѣющаго права, а затѣмъ уже и способности, ни съ кѣмъ и никогда подѣлиться своими искренними чувствами, противъ воли искусственно холоднаго даже съ своей женой и дѣтьми и такимъ образомъ всюду вносящаго духъ канцеляріи или гостиной, духъ мертвящій собою всякую жизнь и лишающій всякой радости искателей культурнаго наслажденія. Не широкое вліяніе на жизнь, но узкую стезю какого либо департамента они познали, да и въ частныхъ своихъ отношеніяхъ чувствуютъ себя одинокими. Да, не свободу нашли они, но рабство безчисленнымъ свѣтскимъ предразсудкамъ и суевѣріямъ. Что если-бъ хотя половину своихъ постоянныхъ безцѣльныхъ самоограниченій приложили бы эти люди къ образованію своей жизни по духу Церкви, къ подавленію гнѣва и чувственности, къ изученію слова Божія и добрымъ дѣламъ! Тутъ бы они нашли ту широту истинной духовной свободы и мощнаго вліянія на жизнь, каковыхъ достигали подвижники

истиннаго благочестія, какъ св. Златоустъ или Тихонъ Задонскій.

Но откроются ли когда нибудь очи, ослѣпленныя отъ дней юности? открываются скоро для того, чтобы познать свое заблужденіе, но рѣдко, рѣдко сохраняется у отпадшаго настолько нравственныхъ силъ, чтобы, увидѣвъ себя прилѣпившимся къ жестокимъ гражданамъ чуждой страны и ядущимъ пищу свиней, вспомнить объ оставленномъ отеческомъ богатствѣ и возставъ идти въ родной домъ съ покаянною исповѣдью.

А посему, возлюбленные братья, пока вы еще здѣсь подъ кровомъ небеснаго Отца и Матери Божіей, не отвергайтесь его ни ради служенія страстямъ, ни ради обольстительныхъ искушеній, подобныхъ тѣмъ, которыя мы обличили. Спросите прежде себя, не гораздо ли лучше найдете вы здѣсь въ Божественномъ ученіи и въ жизни Церкви все то доброе, чѣмъ хочетъ хвалиться обманчивая жизнь міра. Не бойтесь того скромнаго и какъ бы уединеннаго положенія, которое отведено дѣятелямъ Церкви въ этой видимой внѣшней жизни. „*Тотъ, Кто въ васъ, больше того, кто въ мірѣ*“ (1 Іо. 4, 4), и блестящая внѣшность послѣдняго, его шумная и разнообразная жизнь, столь прельстительно бросающаяся въ глаза, есть не иное что, какъ повапленный гробъ, исполненный костей и всякой нечистоты (Мѳ. 23, 27).

Напротивъ, наша жизнь въ пріискреннемъ единеніи съ Церковью необъятна по широтѣ и безконечна по времени. Въ живомъ чувствѣ, въ порывахъ вѣрующей молитвы и въ разумномъ усвоеніи Священнаго Писанія служитель и сынъ Церкви, хотя бы уединенный отъ другихъ по тѣлу, сознаетъ себя сожителемъ святыхъ и приснымъ Богу (Еф. 2, 19), сознаетъ себя служителемъ Его промысла, соработникомъ у Бога (1 Кор. 3, 9), исполненнымъ всякаго богатства духовнаго и сильнымъ, чтобы нести немощи безсильныхъ (Рим. 15. 1). Таково, братія, да будетъ ваше всегдашнее духовное настроеніе, чуждое зависти къ міру, но исполненное къ нему

христіанскаго состраданія. Если будете держаться сихъ завѣтовъ, то собираясь во святый храмъ въ день торжества нашего церковнаго братства, будете преисполняться того высокаго духовнаго настроенія, которое приличествуетъ избраннымъ служителямъ Христовымъ, представшимъ Ему въ общей молитвѣ другъ за друга. Тогда со всею очевидностью постигнете нашъ неразрывный союзъ съ небомъ и въ живомъ чувствѣ взаимной христіанской любви будете ощущать незримое присутствіе среди насъ Пастыреначальника — Христа, сказавшаго: *аминь глаголю вамъ, яко аще два отъ васъ совпщаета на земли о всякой вещи, еяже аще проситa, будетъ има отъ Отца моего, иже на небесѣхъ*“ (Матѳ. 18, 19). Тогда, если не чувственными очами, подобно святому Андрею, то очами умными узрите Матерь Божію, распростершую надъ нами днесь омофоръ свой, покрывающую насъ покровомъ своего заступленія и окружаемую сонмомъ всѣхъ святыхъ Ангеловъ и святыхъ человѣковъ, отъ небесныхъ круговъ молитвенно споспѣшествующихъ намъ въ великомъ и святѣйшемъ дѣлѣ—строеніи тѣла Христова. Въ сей вѣрѣ и въ семъ общеніи да укрѣпляетъ васъ Его всесильная благодать, всегда немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая. Аминь.

СЛОВО

на молебствіи предъ началомъ ученія [1]).

Святые отцы и учители Церкви называютъ нѣкоторые священные дни христіанскихъ праздниковъ *таинствами*. Такъ называлъ св. Григорій Богословъ день Богоявленія и день Рождества Христова, да и понынѣ такія наименованія прилагаются въ нашихъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ ко дню св. Пасхи и Пятидесятницы. Конечно, съ подобнымъ наименованіемъ соединялась та мысль, что въ эти дни, посвященные воспоминанію спасительныхъ событій искупленія, христіане чрезъ единодушное ихъ переживаніе, должны были испытывать благодатный подъемъ духовныхъ силъ, приближавшійся къ тѣмъ дарамъ возрожденія и озаренія, которые подаются намъ въ св. таинствахъ. И дѣйствительно, даже и въ нашъ маловѣрный вѣкъ, по крайней мѣрѣ въ ночь воскресенія Христова, христіане дѣлаются какъ-бы иными людьми, поистинѣ близкими къ Богу и далекими отъ грѣха.

Впрочемъ не только во дни торжествъ Церкви, не только въ общеніи съ братьями во Христѣ, но и въ тайникахъ своей внутренней личной жизни испытываетъ каждый человѣкъ часы такихъ озареній. Случается съ каждымъ, что вдругъ сотрясаетъ его благодатное прикосновеніе перства Божія и онъ

---

[1]) Сказано 4 сентября 1895 г. въ церкви Казанской Дух. Академіи. Въ первый разъ было напечатано въ журн. «Правосл. Собесѣдн.» 1885 г., октябрь.

подобно царю Саулу преображается въ иного человѣка, восторженно простираетъ къ небу свои длани и готовъ бываетъ въ порывѣ братской любви обнять вселенную. Потомъ правда онъ обыкновенно снова спускается въ низьменное служеніе своимъ житейскимъ нуждамъ или даже страстямъ и готовъ бываетъ горько смѣяться надъ священными порывами созерцанія и чувства, испытанными имъ во время таинственнаго соприкосновенія съ міромъ горнимъ. Но еслибъ онъ рѣшился на такое осмѣяніе, то поступилъ бы весьма неразумно, ибо въ обычномъ-то даже суетномъ настроеніи нашей жизни не безслѣдны и не безсильны бываютъ эти переживаемыя, хотя бы и нечасто и недолго, саященныя озаренія: напротивъ обыкновенно бываетъ такъ, что весь остатокъ добра въ житейскомъ человѣкѣ, вся его стойкость въ борьбѣ съ искушеніями, весь его страхъ предъ гнуснымъ преступленіемъ и все раскаяніе въ допущенныхъ паденіяхъ обусловливается единственно воспоминаніями о минутахъ сладостнаго, возвышеннаго общенія съ Богомъ и съ добромъ,—обусловливается опасеніемъ навсегда потерять способность къ переживанію такихъ чувствъ или даже желаніемъ снова поскорѣе возвратить ихъ себѣ. Въ минуты унынія человѣкъ жалуется на безсиліе этихъ воспоминаній, но что́ бы былъ онъ, если бы не имѣлъ и такого, часто единственнаго, побужденія къ добру и предостереженія отъ зла! Какъ въ извѣстномъ стихотвореніи нашего поэта скучныя пѣсни земли не могли плѣнить возвышенной души младенца, слышавшаго гимны небеснаго ангела, такъ не можетъ надолго плѣнить міръ и той души, которая бывала возвышаема къ благодатнымъ священнымъ озареніямъ, и кому неизвѣстны примѣры изъ собственной жизни, когда, при полномъ безсиліи всякихъ разсудочныхъ, отвлеченныхъ увѣщаній, одно какое-нибудь свѣтлое воспоминаніе о пережитыхъ святыхъ чувствахъ выводило его побѣдителемъ изъ мучительной нравственной борьбы или даже изъ глубокой пропасти нравственнаго паденія. Воистину не напрасно эти священныя минуты духовнаго озаренія называются у отцевъ *та-*

инствами, когда онѣ переживаются цѣлымъ обществомъ молящихся христіанъ.

Въ жизни нашего академическаго церковнаго братства названіе *таинства* въ указанномъ смыслѣ вполнѣ примѣнимо къ настоящему молитвенному собранію. Сегодня академія раждаетъ новый многочисленный приплодъ своихъ чадъ, сегодня начинается новое лѣто ея ученой, учебной и церковной жизни. Этотъ день, этотъ часъ молитвеннаго благословенія новаго лѣта ученія великъ и святъ. Каждый изъ насъ можетъ нынѣ испытывать все то, что испытываетъ благоговѣйный христіанинъ во дни великихъ праздниковъ Вселенской Церкви, когда благодать Божія, въ немъ дѣйствующая, со всею ясностію раскрываетъ ему его высокое призваніе, переноситъ его въ міръ духовный, міръ загробный, одушевляетъ его сердце чувствомъ живаго общенія съ Творцемъ и Искупителемъ и окрыляетъ волю горячимъ стремленіемъ къ духовному совершенству, къ служенію любви, къ побораніе страстей. Подобнымъ же образомъ и наше, молящееся здѣсь, академическое братство въ этомъ священномъ торжествѣ призывается къ тому, чтобы въ благодатномъ общеніи съ Господомъ начертать предъ своею совѣстью свое высокое предназначеніе на паствѣ овецъ Христовыхъ, чтобы воодушевиться чувствами апостольской ревности объ общемъ просвѣщеніи и спасеніи.

Конечно такія созерцанія и такія чувства нынѣ къ намъ вполнѣ близки, и мы вѣримъ, что и поколѣніе, нынѣ вновь прившедшее въ это святилище науки, приведено сюда не соображеніями выгоды житейской, не желаніемъ подняться одною ступенью выше на лѣстницѣ общественной жизни, но исканіемъ высшаго просвѣщенія духовнаго, осмысленнаго и полнаго христіанскаго міровоззрѣнія и живой способности къ мудрому и многоплодному пасенію стада Христова и богословскому учительству. Всѣ эти свѣтлыя, окрыляющія надежды раскрываются ихъ и нашему мысленному оку во всей своей духовной святой красотѣ и поистинѣ можемъ мы сказать: *„добро намъ есть здѣ бытии“*. Дѣйствительно въ такія свя-

щенныя минуты и умъ твой и чувство наполняется совершенно инымъ, новымъ содержаніемъ. Новыми очами взираешь ты „на волнующійся долъ“, и весь этотъ грѣшный суетный міръ представляется тебѣ, какъ нива Божія, надъ которой простерта Его промыслительная десница; окружающая жизнь представляется тебѣ побѣдною борьбою Сына Человѣческаго противъ князя міра сего: вотъ Онъ здѣсь и тамъ рукою пастырей Своихъ и Своихъ избранниковъ отъ одного отвращаетъ соблазнъ, другого погибающаго призвалъ къ покаянію, третьяго, обольстителя или лжеца, обличилъ и лишилъ силы. Не чрезъ страшныя явленія чудодѣйственной силы, но чрезъ насъ грѣшныхъ Его служителей, которыхъ называетъ своими *соработниками* (1 Кор. III, 9), продолжаетъ совершать Господь Свое домостроительное дѣло. Святая Церковь есть огранъ Его спасительнаго воздѣйствія, побѣдоносное орудіе Его борьбы. Чрезъ ея служителей и чрезъ ея святыя учрежденія въ нашъ грѣшный міръ широкою волною разливается свѣтъ отъ горняго престола Божія, свѣтъ истины и вѣдѣнія, свѣтъ любви, покаянія и примиренія. И вотъ однимъ изъ многихъ проводниковъ такого свѣта являются и наши академіи. Не разумѣютъ сего тѣ, которые поверхностно смотрятъ на жизнь, забываемъ объ этомъ часто и мы сами, когда погружаемся въ служеніе суетѣ и чрезъ то проникаемся духомъ сомнѣнія и недоброжелательства, но когда согласная общая молитва въ знаменательные дни академической жизни отрѣшаетъ насъ отъ нуждъ житейскихъ и соединяетъ въ святомъ храмѣ, тогда незримой голосъ говоритъ тебѣ, что „*мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято*“ (I. Нав. V, 15); онъ тогда научаетъ тебя смотрѣть на академію, не просто какъ на учебное заведеніе, снабжающее своихъ питомцевъ правами преподавать семинарскіе учебники или пѣть всенощныя и паннихиды, но—какъ на священное духовнопросвѣтительное братство, дающее тебѣ разумѣніе вещей божественныхъ и человѣческихъ, вводящее тебя въ таинственное служеніе высшей истинѣ, ея познанію, ея раскрытію, ея проповѣданію и ея молитвенному призыва-

нію. Не одинъ только разумъ, не одно созерцаніе просвѣщается въ насъ въ эти священныя минуты, но и чувство, и воля. Ближніе твои, мимо которыхъ ты проходишь въ обычное время съ безучастнымъ взоромъ, нынѣ мыслятся тебѣ, какъ дорогіе братья, возбуждающіе живое соралованіе или состраданіе: весь міръ обнять хотѣлось бы въ подобныя минуты таинственнаго пробужденія духа. И прохожій магометанинъ пробуждаетъ въ насъ живую жалость о его заблужденіи, и чувашинъ, поклоняющійся грубымъ вымысламъ суевѣрія, возжигаетъ нашу ревность о его просвѣщеніи, и образованный невѣжда, глумящійся надъ непонятными ему истинами вѣры, и тѣмъ болѣе чистый еще духомъ юноша, томящійся сомнѣніемъ, и бѣдная оскорбленная мать, съ воплемъ поднимающая къ небу свои исхудалыя руки, и близкій къ отчаянію мрачный преступникъ, закованный въ кандалы, и невинная радость веселящихся дѣтей, и умиленная молитва благочестивый старушки—все это встрѣчаетъ родственный откликъ въ нашей душѣ, ко всѣмъ тогда простираемъ мы братскія объятія и сердце намъ свидѣтельствуетъ о томъ, что благодать Божія незримыми нитями прикрѣпляетъ къ нему вселенную и ко всѣмъ готовъ бываешь воскликнуть, какъ Павелъ коринѳянамъ: *„уста наши отверсты къ вамъ,—сердце наше расширено; вамъ не тѣсно въ насъ* (I Кор. VI, II).

О сколь блаженны мы были, еслибъ подобное святое настроеніе всегда царило въ душѣ нашей, какъ у св. ап. Павла! Но вотъ выйдемъ мы изъ св. храма, вступимъ въ обычные житейскія бесѣды, и терніе суеты житейской быстро начинаетъ заглушать ростки духовнаго сѣмени.

Конечно это очень печально, но не слѣдуетъ изъ этого печальнаго явленія дѣлать тѣхъ крайнихъ выводовъ, которые нашептываетъ намъ искуситель, духъ уныній, говорящій такъ: тебѣ ли, жалкій мечтатель, идти по стопамъ великихъ людей, когда твое одушевленіе оканчивается тотчасъ же по возвращеніи къ дѣламъ. Отвѣчай сему духу, возлюбленный братъ, какъ нашъ покровитель Михаилъ Архангелъ: *„да запретитъ*

тебѣ Господь“ (Іуд. 9). Если не безслѣдно и не безсильно воздѣйствіе минутъ таинственнаго одушевленія на жизнь даже частнаго человѣка, какъ мы видѣли: то тѣмъ глубже и значительнѣе оно отражается на дѣятелѣ церкви, который самою жизнью своею постоянно привлекается къ міру горнему и потому всегда можетъ возстановлять и въ памяти, и въ чувствѣ благодатныя прикосновенія перста Божія къ его сердцу, если только будетъ того желать и о томъ пещися.—А какимъ образомъ о семъ слѣдуетъ пещися, на сіе и отвѣтимъ въ заключеніе нашего слова.

Во-первыхъ должно не выпускать изъ памяти своей всѣхъ лучшихъ, возвышающихъ настроеній, когда либо пережитыхъ личною и тѣмъ болѣе общею жизнью. „*Берегись и тщательно храни душу твою, чтобы не позабыть тебѣ тѣхъ дѣлъ, которыя видѣли глаза твои и чтобы они не выходили изъ сердца твоего во всѣ дни жизни твоей... о томъ днѣ, когда ты стоялъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ*“ (Втор. IV, 9, 10),—о томъ днѣ, въ который Господь призвалъ тебя въ число первенцевъ своихъ. Охранять по силѣ возможности живость сострадательнаго ко всѣмъ христіанскаго *чувства* возможно чрезъ то, чтобы не помрачать его развратомъ, не закрывать его въ ложномъ стыдѣ, въ тайникахъ лишь собственной жизни, но съ готовностью дѣлиться имъ съ друзьями, дабы не подвергнуться угрозѣ противъ того, „*иже постыдится Мене и словесъ Моихъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ*“. Охранять *созерцаніе* Божественнаго промысла возможно чрезъ то, чтобы не закрывать глазъ своихъ предъ всѣмъ добрымъ, христіанскимъ, что происходитъ и творится вокругъ насъ въ семъ духовномъ вертоградѣ, но съ дружелюбнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ взирать на представляющіеся намъ труды по наукѣ, и по миссіонерству, и по всѣмъ отраслямъ жизни академической, дабы убѣждаться, что духъ Божій не престаетъ жить среди насъ грѣшныхъ. Правда, современной юности мало свойственно подобное направленіе вниманія: осужденіе и критика болѣе для нея привлекательна,

но горько ошибется тотъ, кто въ послѣднемъ усмотрѣлъ бы средства къ саморазвитію и мудрости. Чтобы осуждать и издѣваться, никогда не потребуется большой мудрости и мысль такого наблюдателя жизни не будетъ обогащаться. Гораздо труднѣе, но зато и плодотворнѣе, путь того философа, который умѣетъ находить доброе въ окружающей жизни и слѣдить за его развитіемъ и послѣдствіями. Не только будетъ онъ обогащаться опытомъ, но и самое добро при посредствѣ его сочувственнаго вниманія будетъ расти около него и укрѣпляться. Въ отношеніи ли нашемъ къ личности ближняго или къ цѣлому обществу, къ школѣ, все доброе умножается въ зависимости отъ подобнаго сочувственнаго къ нему вниманія. Въ Писаніи сказано: *если подуешь на искру, она разгорится, а если плюнешь на нее, угаснетъ: то и другое выходитъ изъ устъ твоихъ* (Сир. XXVIII, 14). Такъ вокругъ насъ растетъ зло, а доброе умаляется и скрывается,—или же наоборотъ — въ зависимости отъ того, сорадуемся ли мы всему, доброму, сердечному или удаляемъ его отъ себя холодностью и насмѣшливостью. Вотъ почему одни и тѣже люди, одно и тоже общество одному кажутся, и на самомъ дѣлѣ бываютъ, добрыми и содержательными, а для другого ничтожными и пустыми. Кто умѣетъ и желаетъ вызывать все доброе въ окружающей себя жизни, тотъ всегда будетъ сознавать предъ собою дѣйствующую руку Промысла и силу благодати Божіей и никогда не заглохнетъ въ тинѣ страстей и омраченія, но будетъ переходить все къ высшимъ и высшимъ созерцаніямъ. Взгляните на прошедшее разныхъ академій, и вы увидите, что съ одной стороны академіямъ дано много великихъ и святыхъ дѣятелей, а съ другой и то не скроется отъ васъ, что присущій современному обществу духъ недоброжелательнаго недовѣрія не хотѣлъ признавать даже права на сочувствіе и въ тѣхъ дѣятеляхъ, которыхъ мы теперь прославляемъ, какъ нравственныхъ героевъ, каковы Макарій Алтайскій, Иннокентій Пенскій и святитель Тихонъ Задонскій. Въ прошедшемъ нашей Казанской Академіи было столько высокаго, чистаго, досто-

подражательнаго: смотри на жизнь ея въ настоящемъ внимательно и неукорительно, и увидишь, что и понынѣ чрезъ ученую и бытовую жизнь академій нашихъ, хотя и не чуждой многихъ несовершенствъ, совершается великое, священное таинство сознательной вѣры, духовной ревности, миссіонерскихъ подвиговъ. Не въ темныя стороны академической жизни устремляй свое укоряющее вниманіе для извиненія себя въ собственномъ равнодушіи и паденіяхъ, но къ сей лучшей сторонѣ жизни духовной матери твоей прилѣпляйся, ее старайся умножить сердечнымъ сочувствіемъ и посильнымъ сотрудничествомъ, дабы и собственная душа твоя чрезъ это соприкосновеніе охраняла духъ чистоты и духъ любви, избѣгая паденій себялюбія и чувственности,—и дабы на самой твоей и на жизни академіи исполнялось слово Господне: „*царство небесное подобно зерну горчичному, которое человѣкъ взялъ и посѣялъ на полѣ своемъ, которое хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ, и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его*“ (Матѳ. XIII, 31. 32). Аминь.

СЛОВО

къ окончившимъ курсъ слушателямъ миссіонерскихъ курсовъ (произнесено послѣ благодарственнаго молебна въ академической церкви 7 апрѣля 1896 г.) [1]).

Привѣтствую васъ, любезные ученики Божественной истины, съ окончаніемъ вашихъ учебныхъ трудовъ. Скромная участь предстоитъ вамъ, скромное положеніе занимали вы и въ академіи. И нынѣ, когда оканчивающіе курсъ ея студенты могутъ мечтать о предстоящихъ имъ въ будущемъ генеральскихъ чинахъ или святительскомъ санѣ, о богато убранныхъ домахъ или ученой славѣ,—ваше скромное положеніе въ большинствѣ случаевъ будетъ почти неизмѣннымъ въ продолженіи всей трудовой и многоболѣзной жизни вашей. Но да не входитъ духъ уныніе въ сердца ваши. Иной судъ человѣческій, а иной судъ Божій. Въ очахъ Божіихъ высоко не то положеніе людей, которымъ они тщеславятся на землѣ: предъ Нимъ, какъ воспѣваетъ церковь, въ равномъ достоинствѣ вкупѣ предстоятъ всѣ званія и кійждо отъ дѣлъ своихъ похвалится или постыдится. Господь возвышаетъ, приближаетъ къ Себѣ и даже удостоиваетъ называть Своими друзьями не тѣхъ, которыхъ возвышаютъ люди, но, насаждая на землѣ Свое благодатное царство, укрѣпляетъ въ немъ и обогащаетъ дарами Своими тѣхъ, которые полагаютъ радость своего бытія имен-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ «Извѣстяхъ по Казанской Епархіи» 1896 г.

но въ служеніи Его славѣ, а не своему собственному благополучію.

Человѣческій взоръ не легко проникаетъ во внутренній строй и въ возрастающую жизнь сего царства и его истинныхъ слугъ, но священная исторія научаетъ насъ именно той отрадной для васъ истинѣ, что самые великіе его дѣлатели начинали путь свой съ уничиженія предъ своими соперниками, отверженными Богомъ. Такъ ни одному изъ родоначальниковъ народа своего Господь не далъ въ первенцы того, кого они желали. Не Измаилъ, а осмѣиваемый имъ Исаакъ былъ возвеличенъ Богомъ; не Исавъ, но бѣжавшій отъ него въ четырнадцатилѣтнюю работу Іаковъ. не Рувимъ, но Іуда, желавшій пострадать за братьевъ, и Іосифъ проданный въ рабство. Вспоминать-ли исторію Фареса и Зары, или Ефрема и Манассіи, Анны и Фенаны, или избраніе Саула? Можно указать и на смиреннаго Давида, предпочтеннаго шести братьямъ, и послѣ изгнанія и преслѣдованія возвышеннаго надъ возгордившимся Сауломъ. Великъ былъ и Соломонъ, благословенный Богомъ, тотъ Соломонъ, надъ которымъ пытался вознестись братъ его Адонія.

Обратитесь къ исторіи новозавѣтной. Вотъ предъ нами юноша Савлъ, которому улыбалось покойное и почетное положеніе богатаго раввина, но онъ, повинуясь небесному голосу, добровольно смѣняетъ земное счастіе на путь крестный и покидаетъ прежнюю жизнь свою для того, чтобы пріобщиться къ тѣмъ десяткамъ странствующихъ по свѣту рыбаковъ галилейскихъ, которыхъ всѣ съ посмѣяніемъ изгоняли изъ одного города въ другой, и лишь нѣсколько бѣдныхъ домовъ на городскихъ окраинахъ принимали съ любовію, какъ Божественныхъ посланниковъ. А между тѣмъ этихъ двѣнадцати уничиженныхъ странниковъ не стоилъ весь міръ и ни одна власть на землѣ не могла сравниться съ тою, которой носители были они. И вотъ нынѣ и до скончанія вѣковъ возсѣдаютъ они на двѣнадцати не земныхъ, но небесныхъ престолахъ и судятъ колѣнамъ израилевымъ. Посмотримъ на жизнь совре-

менную: кто является наиболѣе многочаднымъ отцомъ духовнымъ во дни наши, какъ не смиренный оптинскій отшельникъ, десятки лѣтъ пролежавшій въ недугѣ своемъ на одрѣ и собравшій къ себѣ тысячи людей, а ко гробу своему десятки тысячъ, или приходскій священникъ незамѣтнаго пригорода, за свои духовные дары ублажаемый чуть-ли не цѣлой вселенной еще при жизни? Кто знаетъ, быть можетъ среди васъ предстоитъ кто-либо, подобный тому юному смиренному священнику Веніаминову, который впослѣдствіи былъ по справедливости названъ апостоломъ Восточной Сибири и Америки.

Такъ Господь возвышаетъ тѣхъ, кто посвящаетъ жизнь свою спасенію ближнихъ и его славѣ.

Правда, всякій вѣрующій согласится съ тѣмъ, что не человѣческую, а Божію славу должно считать высшимъ благомъ жизни, хотя-бы она и достигалась чрезъ умаленіе и уничиженіе. Однако должно помнить, что не всякое уничиженіе ведетъ къ ней, ибо если послѣднее соединено съ завистью, со взглядомъ на себя, какъ на невинную жертву, или если бываетъ послѣдствіемъ пороковъ и простутковъ: въ такомъ случаѣ, „*аще и пострадеши кто, не вѣнчается* (2 Тим. 2, 5).

Вѣнчается отъ Господа и любезенъ бываетъ въ Его очахъ только тотъ, кто умѣетъ крестъ свой нести съ терпѣніемъ, кто цѣлуетъ узы своего уничиженія, кто подобно Соломону проситъ у Господа не богатства, ни славы, ни погибели враговъ, но мудрости и другихъ качествъ, необходимыхъ для служенія славѣ Его. Тотъ бываетъ любезенъ Богу, кто, принимая жизненныя скорби, утѣшается ими и говоритъ себѣ: „еще мало терплю я по грѣхамъ моимъ“, кто приноситъ Богу не жалобы на скромный свой жребій, но сердце смиренное и сокрушенное скорбью о своемъ недостоинствѣ, печалью о своихъ грѣхахъ, служащихъ ему помѣхой къ успѣшнѣйшему проповѣданію.

Вознесется по слову Христову только *смиряяй себе*, на всякомъ житейскомъ поприщѣ вообще, а въ частности только

ему будетъ отверзта дверь въ сердца обращаемыхъ. Поистинѣ только проходящій подвигъ смиренія и вообще подвигъ жизни духовной, только онъ можетъ освобождать свое сердце отъ той естественной холодности къ чужимъ, полудикимъ народамъ, при которой невозможно воздѣйствіе на сердца, и отъ которой не можетъ освободить человѣка никакое образованіе. Только смиренная душа способна любить всѣхъ, только смиренное сердце можетъ отверзаться предъ всякимъ созданіемъ Божіимъ, и быть ему роднымъ и близкимъ при всей отдаленности его по быту и нарѣчію. А если отъ избытка такого сердца уста глаголютъ евангельское слово, смотрите, какую силу получаетъ проповѣдь. Въ проповѣдникѣ, послушно несущемъ крестъ своего служенія и исполненномъ сознанія своего недостоинства, для непросвѣщенныхъ варваровъ сіяетъ образъ Христа, Котораго онъ имъ проповѣдуетъ, тотъ всепобѣждающій образъ, предъ коимъ разрушается средостѣніе градежа, предъ коимъ падаютъ и уничтожаются во прахъ всѣ преграды, враждебно раздѣлившія между собою родъ человѣческій, предъ коимъ никто не можетъ отстаивать своихъ преимуществъ и заблужденій, но каждый находитъ въ душѣ своей сознаніе виновности и жажду обновленія.

Сей образъ Христовъ да начертывается въ сердцахъ вашихъ, возлюбленные; въ охраненіи его полагайте успѣхъ своей жизни; поступающій такъ „*сего ради наслѣдитъ многихъ и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти*“ (Ис. 53. 12). Онъ воззоветъ къ жизни и пріобрѣтетъ себѣ отъ языкъ чуждихъ многочисленное дружеское братство и исполнится на немъ глаголъ Христовъ: „*Аминь глаголю вамъ, никтоже есть, иже оставилъ есть домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, Мене ради, и Евангелія ради; аще не пріиметъ сторицею нынѣ во время сіе, домовъ, и братій, и сестръ, и отцы и матере, и чадъ, и селъ, по изгнаніи и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный*“. (Марк. X, 29 и 30). Аминь.

СЛОВО

о духовныхъ дарахъ юности [1].

Итакъ, опять начался учебный годъ и снова совершилась *первая обѣдня!* Событіе, значительное въ жизни насъ, учащихъ, и высоко-знаменательное въ жизни вновь поступившихъ къ намъ студентовъ, немаловажное и для старшихъ, продолжающихъ свое учебное поприще. Въ эти дни академія празднуетъ ежегодно новую весну своей жизни, обновляется и торжествуетъ вопреки окружающимъ картинамъ ветшающей осенней природы. А какъ сильно заставляютъ эти дни биться тѣ сердца, которыя всецѣло посвятили себя академической службѣ. Воспоминанія и ожиданія, надежды и опасенія,— всѣ эти разнообразныя чувства переполняютъ такое сердце и овладѣваютъ мыслями. Разнообразіе и полнота нашей внутренней жизни въ эти торжественные дни такъ велики, что, кажется, не было бы конца рѣчамъ и изліяніямъ, если бы мы попытались сказать все, что чувствуемъ. А потому вмѣсто того, чтобы выбирать изъ сокровищницы собственной души предметъ для нашего перваго общенія въ бесѣдѣ, выслушаемъ Иного, Говорящаго къ намъ сегодня, Того, во Чье имя собрала насъ къ себѣ духовная академія: *Человѣкъ нѣкій насади виноградъ и вдастъ и дѣлателемъ и отыде* (Мѳ. 21, 33).

Итакъ, братіе, первая ваша мысль при вступленіи въ званіе питомца высшаго духовнаго училища должна касаться

---

[1] Произнесено 5 сентября 1899 г. въ церкви Казанск. дух. Академіи за литургіей. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Правосл. Собесѣдникъ» 1899 г. октябрь.

не своего собственнаго благополучія, а того виноградника, который поручается Хозяиномъ служителямъ Слова. Мы нанялись на Его работу; Онъ спроситъ отъ насъ плодовъ *во времена своя* и, если мы окажемся дѣлателями нерадивыми, то *злыхъ злѣ погубитъ насъ, а виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ*. Объ этомъ то, братіе, наше первое слово, о томъ, что вступивъ въ эти стѣны, ни вы, ни ваша жизнь, не принадлежите больше себѣ, но должны работать и существовать для великаго дѣла Божія.

Впрочемъ, такого-ли напоминанія ожидаютъ юноши, добившіеся вожделѣннаго званія *студента* послѣ десятилѣтнихъ подневольныхъ трудовъ и поднадзорной жизни, юноши, которые съ мыслію о студенчествѣ, объ академіи, о городѣ Казани, быть можетъ, соединяли представленіе только о свободѣ, объ удовольствіяхъ, о смѣломъ и критическомъ отношеніи къ преданіямъ старины. И вѣроятно нѣкоторые изъ такихъ юношей думаютъ теперь про себя: „ты встрѣчаешь насъ словомъ о подвигѣ, о нашемъ духовномъ призваніи. Что должно разумѣть подъ этими словами, какъ не стѣсненность, уединеніе, сидѣніе надъ скучными старинными книгами, а то пожалуй, и еще посты да поклоны? Всего этого довольно мы видѣли въ семинаріи и училищѣ; пусть же намъ дадутъ хотя эти четыре года для того, чтобы отдаться законнымъ требованіямъ юности. Можетъ быть, въ свое время мы сами придемъ съ унылыми и постными лицами къ алтарямъ и остатокъ жизни нашей посвятимъ духовнымъ подвигамъ. Но теперь не отнимай отъ насъ нашей молодости, дай намъ побыть юношами, свѣтскими юношами, между суровой семинаріей и нелегкою службой, и не омрачай наше вступленіе въ академію напоминаніями о нашей отвѣтственности, о нашей всецѣлой принадлежности церкви и духовнымъ нуждамъ народа. Конечно, эти напоминанія правдивы и требованія эти законны; но развѣ незаконны и неестественны и тѣ сверщенно иного рода влеченія молодого сердца, которыми оно такъ быстро напол-

няется, вырвавшись изъ долгаго затвора къ относительной свободѣ студенческой жизни?“...

Итакъ, любезный юноша, ты боишься подвиговъ, страшишься лишеній и стѣсненій? Но вѣдь я тебѣ еще не говорилъ о нихъ; а если бы и началъ говорить, то не указывалъ бы на нихъ какъ на цѣль жизни, а лишь какъ на средство къ достиженію цѣлей святыхъ, высокихъ и усладительныхъ. Ты призываешься къ духовному возрожденію общества и народа. Посмотри же на тѣхъ, которыя призываются Богомъ и природой къ рожденію плотскому и по сравненію съ ними устыдись своего малодушія. Представь себѣ женщину, освободившуюся отъ дѣвичьей неволи и надзора родителей и ставшею супругою богатаго вельможи. Предъ нею раскрывается свѣтская жизнь и свобода, но она готовится быть матерью. Что же? если она достойна имени человѣка, то ея мысли и чувства всецѣло устремлены къ ея дитяти. Совершенно равнодушная къ обольщеніямъ свѣта, она не печалится о томъ, что взамѣнъ пировъ, баловъ и толпы поклонниковъ ей приходится превращаться въ кормилицу, сидѣть надъ пеленками и дрожать за каждый часъ благополучія своего ребенка, быть можетъ больнаго и уродливаго. Всѣ эти лишенія ей замѣняетъ радостное сознаніе, что она отдаетъ жизнь любимому существу, что она живетъ не для себя, а для другого.—А вамъ, возлюбленные, вамъ, ученикамъ высшаго вѣдѣнія божественной и спасительной для всѣхъ Истины, вручается нынѣ не физическая жизнь одного малаго дитяти, а духовное питаніе, духовное охраненіе, духовная жизнь общества, народа и народовъ. При такой высокой увлекательной задачѣ останется-ли мѣсто себялюбію, самосожалѣнію, лѣности, чувственности? Впрочемъ, конечно не эти низкія чувства навѣяли на тебя сомнѣніе при слышаніи моего слова. Конечно, ты сожалѣлъ тогда о болѣе возвышенныхъ дарахъ юныхъ лѣтъ: объ увлеченіяхъ мысли, о веселой дружбѣ юности, о свободномъ ознакомленіи съ общественной жизнью.—Не спорю, эти дары прекрасны, но знай, что путь Христовъ ничего истинно-пре-

краснаго и возвышеннаго не исключаетъ изъ себя, не воспрещаетъ своему послѣдователю. *Все, еже дастъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ*, сказалъ Спаситель, и только одно скверное и низкое несродно ученикамъ Его. Итакъ, не думай, что мы хотимъ отнять отъ тебя лучшіе дары юности: напротивъ мы предложимъ тебѣ пользоваться ими въ лучшемъ смыслѣ, чѣмъ это обыкновенно случается, дабы тѣмъ *большій* плодъ ты могъ приносить Хозяину винограда.

Что такое юность, въ ея отношеніи къ духовной жизни? Сколько намъ приходилось наблюдать надъ людьми, мы усмотрѣли три возраста, когда Господь удѣляетъ особенно обильные дары душѣ человѣческой, совершаетъ какъ бы ея обновленіе. Это, прежде всего, годы младенчества, которые ублажалъ Спаситель нашъ, сказавъ: *таковыхъ есть царствіе Божіе*. Въ это время человѣкъ опознаетъ впервые свои высокія свойства, отличающіе его отъ міра животныхъ; въ это время впервые просыпаются въ немъ въ богосозданной чистотѣ и красотѣ присущія нашему духу любовь, состраданіе, правдивость. Вторичное обновленіе жизни душевной бываетъ въ ваши годы, точнѣе—въ вашемъ нынѣшнемъ положеніи, когда душа человѣка, освобождаясь отъ первоначальнаго семейнаго или школьнаго руководства, вступаетъ въ жизнь болѣе или менѣе самостоятельнымъ дѣятелемъ, вступаетъ въ нее какъ бы вторично. Души возвышенныя созерцаютъ въ то время прекрасный міръ Божій, представляютъ себѣ возможность святой, идеальной жизни и дѣятельности на землѣ, неудержимо влекутся къ подвигамъ любви и самоотверженія... Есть еще третье обновленіе духа и ума человѣческаго, наступающее для временныхъ отступниковъ отъ своего высокаго призванія, загрязнившихъ, но не утратившихъ окончательно Божественный образъ. Это обновленіе наступаетъ тогда, когда вызываемое болѣзнями или житейскими неудачами созерцаніе грядущей кончины заставляетъ ихъ стряхнуть съ своей души обольщенія чувственности и гордости, тѣ обольщенія, на которыя они смѣнили святую и чистую поэзію юныхъ лѣтъ.

Это то возрожденіе благоразумія и покаянія, которое переживали лучшіе изъ нашихъ свѣтскихъ дѣятелей и писателей, заблуждавшіеся въ юности, но къ старости возвращавшіеся на путь истины. Да не лишитъ васъ Господъ, любезные слушатели, хотя бы этого покаяннаго возрожденія; но оно лишено той цѣлостности и силы, которыми бываютъ богаты до могилы послѣдователи Христовы, отъ юности подъявшіе Его благій яремъ. Вотъ почему сказалъ еще древній пророкъ: *Блаженъ мужъ, егда возметъ яремъ въ юности своей* (Плачъ. 3, 27).

Да, эти люди блаженны, потому что они обогатили свой духъ и свою дѣятельность тѣми незамѣнимыми и никогда не повторяющимися дарами юности, которыми Богъ украшаетъ этотъ возрастъ, которыми всякій юноша могъ-бы, если бы желалъ, побѣждать свойственныя возрасту искушенія чувственности и самолюбія.—Итакъ, опредѣлимъ же наконецъ точнѣе, въ чемъ заключаются эти дары и какъ должно пользоваться ими для служенія Богу и своему духовному совершенству. Душа юноши обладаетъ избыткомъ сочувствія, потребностью любить. Предоставленная естественному теченію испорченной жизни, любовь эта обыкновенно превращается или въ порочную страсть или въ безцѣльную мечтательную влюбчивость, разрѣшающуюся затѣмъ горькими разочарованіями. Но если душа, исполненная избыткомъ сочувствія, охвачена ревностію о правдѣ Божіей, тогда она съ любовію обращается къ подобнымъ себѣ избранникамъ Божественнаго Промысла и здѣсь, въ горячей товарищеской дружбѣ, въ живомъ обмѣнѣ мыслей и внутренняго содержанія, обрѣтаетъ неизмѣримо болѣе цѣнный источникъ радости и жизненной полноты, нежели та душа, которая предается любви половой. Эти товарищескія бесѣды объ общихъ цѣляхъ жизни, эти взаимныя одушевленныя обсужденія предметовъ философскихъ и нравственныхъ заставляютъ забывать о пищѣ и отдыхѣ и настолько расширяютъ сердце и наполняютъ духъ, что окрашиваютъ въ сознаніи такого студента его казенную и для внѣшняго зрителя скучную обстановку ореоломъ высшей красоты и поэзіи,

чѣмъ любой роскошный дворецъ или прекрасный садъ. О, конечно, этого не могутъ понять искатели чувственныхъ наслажденій, но этому учитъ сама жизнь. Спросите у людей пожилыхъ: какія воспоминанія юности могутъ заставить ихъ молодѣть душею, рѣшиться на какой либо подвигъ, воздержаться отъ безчестнаго поступка? Конечно, только эти воспоминанія о студенческой дружбѣ, о возвышенныхъ планахъ общественной дѣятельности, о задушевныхъ,—быть можетъ, наивныхъ,—но по истинѣ святыхъ бесѣдахъ въ сумеркахъ или ночью по академическимъ корридорамъ, по аллеямъ академическаго сада. И если у подобныхъ людей бываютъ иныя воспоминанія о столь обольстительныхъ для неразумнаго юноши романахъ и романическихъ побѣдахъ, то они для зрѣлаго человѣка тягостны и постыдны, какъ отозвался о нихъ нашъ народный поэтъ:

„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
Но какъ вино, печаль минувшихъ дней
Для сердца моего, чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй“.

Сколь блаженнымъ считалъ бы себя подобный мыслитель, если бы въ замѣнъ этихъ тягостныхъ воспоминаній онъ обогатилъ бы свою душу воспоминаніями о цѣломудренной юношеской дружбѣ? Какъ много пріобрѣло бы дѣло Божіе, строеніе церкви Христовой, если бы строители ея отъ юности одушевлялись дружескимъ общеніемъ, дружескимъ единеніемъ въ познаніи и взаимномъ разъясненіи истины Божіей, въ дружномъ посвященіи своей жизни служенію Христову. Еще болѣе отъ этого выиграла бы и сама юность ваша. Ибо если она услаждается безпочвенными несбыточными мечтаніями въ области мірской, то въ области духовной жизни, гдѣ все искренно желаемое является дѣйствительно существующимъ, по слову Христову, гдѣ нѣтъ печальной разности между поэтическимъ идеаломъ и реальною прозой, гдѣ между двумя и тремя собранными во имя Господне бываетъ Самъ Христосъ,—

эта юность бываетъ поистинѣ однимъ сплошнымъ праздникомъ, чуждымъ праздности, но за то и свободнымъ отъ тѣхъ мучительныхъ терзаній совѣсти, отъ того безнадежнаго унынія и ранней старости, что суждено бываетъ всѣмъ искателямъ чувственныхъ наслажденій.

На сей разъ довольно сказано о первомъ свойствѣ юныхъ лѣтъ. Другое свойство, не менѣе соблазнительное для юношей, избирающихъ ложный путь жизни, но не менѣе благодѣтельное для любителей истины, заключается въ одушевленной любознательности и въ напряженномъ исканіи цѣльнаго, разумнаго воззрѣнія на жизнь и на міръ, свойственномъ молодымъ годамъ. Избави Богъ, чтобы мы останавливали васъ въ этой любознательности, въ этомъ исканіи. Правда, у многихъ оно разрѣшалось во временное охлажденіе къ вѣрѣ, а у питомцевъ свѣтской школы — даже въ невѣріе. Но это не потому, чтобы наша Божественная истина боялась свѣта, боялась разумнаго изслѣдованія, разумной провѣрки. Нѣтъ, это бываетъ лишь въ тѣхъ печальныхъ, хотя, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ случаяхъ, когда развращенное сердце или самолюбивая своевольная настроенность заранѣе были направлены къ тому, чтобы отыскать поводы къ успокоенію своей совѣсти, къ освобожденію себя отъ всякаго нравственнаго долга. Нѣтъ, если любознательность учащагося юноши чиста и искренна, если она не закрываетъ глазъ отъ внутренняго голоса совѣсти, отъ указаній нравственнаго чувства, то молодая смѣлость и независимость мысли является для нашего учащагося богослова не препятствіемъ, а, напротивъ, преимуществомъ, котораго часто лишается изслѣдователь пожилой, если онъ не прилагалъ особенныхъ заботъ къ тому, чтобы хранить свою мысль въ чистотѣ и непредубежденности. Дѣйствительно, какъ часто пожилые люди подвергаются въ своихъ сужденіяхъ односторонностямъ, обусловливаемымъ или прежними ошибками мысли, въ которыхъ не хотятъ признаться, или личною враждою или дружбою съ представителями того или другого направленія въ наукѣ, или просто умственною лѣностью, не желающею из-

мѣнить установившимся, хотя и завѣдомо ложнымъ, отъ Запада заимствованнымъ, пріемамъ. Отъ этого свободна мысль молодая, мысль пробуждающаяся. Оставаясь сдержанною и скромною, она однако можетъ всегда найти въ предметѣ новыя незамѣченныя стороны, обнаружить укоренившіяся, для всѣхъ привычныя, ошибки.

Но, быть можетъ, кто изъ васъ сказалъ бы: справедливы слова твои относительно всякой науки, но не богословской. Какую работу для самостоятельной мысли можешь обѣщать ты намъ въ этой области, въ которой все уже рѣшено, гдѣ приходится только запоминать то, что преподается намъ въ общепринятыхъ системахъ, да развѣ прибавлять къ нимъ какія нибудь историческія дополнительныя справки?..

Къ сожалѣнію, эти безумные глаголы часто слышатся въ нашихъ академіяхъ. А я, напротивъ, утверждаю, что нѣтъ такой науки, которая-бы въ настоящее время такъ сильно нуждалась въ самостоятельныхъ творческихъ умахъ, какъ наука богословская. Кто слѣдитъ за нашими духовными журналами, тотъ знаетъ, какъ нынѣ все чаще и чаще раздаются голоса о необходимости основательной переработки нашихъ богословскихъ методовъ, объ освобожденіи ихъ отъ заимствованія инославныхъ и ненаучныхъ образцовъ, — о томъ, какъ сильно вліяніе латинства на нашу догматическую систему и протестанства на наше богословское нравоученіе и на истолкованіе св. Писанія. Знаютъ просвѣщенные люди и о томъ, какъ настойчивы требованія людей невѣрующихъ и сектантовъ, чтобы богословіе раскрыло *нравственную цѣнность* нашихъ догматическихъ вѣрованій и нашихъ каноническихъ и церковно-обрядовыхъ установленій, — чтобы наука наша раскрыла связь между символомъ вѣры и проповѣдью Христа на горѣ,—чтобы она показала не только законность и истинность, но и *святость* всего того, во что мы вѣримъ и какимъ строемъ духовной жизни мы управляемся. Задача высокая, одушевляющая, но въ то же время и въ высшей степени трудная и академическою наукою почти не початая. — Итакъ, не

воображай, что твоя умственная энергія, твое желаніе работать самостоятельно, твоя надежда сказать какое-нибудь новое слово не найдутъ достойнаго примѣненія въ нашей богословской наукѣ. Допустимъ, что ты выдающійся талантъ, способный къ сильной критикѣ и могущественному творчеству; въ такомъ случаѣ академія тебѣ очень рада, дай Богъ тебѣ быть вчетверо, въ десять разъ талантливѣе, но современная задача нашей науки столь серьезна и столь трудна, что и двадцати такимъ талантамъ, какъ твой, едва-едва подъ силу будетъ отвѣтить на вышеуказанныя требованія современной богословской мысли.

А знаешь-ли ты, какое значеніе имѣетъ въ настоящее время богословская истина для жизни? Значеніе неизмѣримо бо́льшее, чѣмъ въ прежнія времена нашей, по крайней мѣрѣ отечественной, церковной жизни. Лѣтъ триста тому назадъ и болѣе богословскій изслѣдователь работалъ для небольшого кружка подобныхъ себѣ начетчиковъ, а для народнаго множества, даже для духовныхъ нуждъ высшаго общества, его творенія были роскошью, хотя конечно небезполезною, но все же такой, безъ которой могла обойтись духовная жизнь тогдашняго времени. Это потому, что въ то время общественная совѣсть и послушаніе церкви охранялись главнымъ образомъ дѣятельнымъ подвигомъ духовныхъ вождей, тѣхъ героевъ христіанства, которые въ самой жизни своей воплощали и выражали красоту и истину Откровенія, которые могли говорить съ божественнымъ Павломъ: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу*, или въ другомъ мѣстѣ: *имже научистеся и пріясте, и слышасте и видѣсте во Мнѣ, сія творите и Богъ мира будетъ съ вами* (Филипп. 4 9).

Наше время скудно такими живыми свѣтильниками и привлекающая сила христіанства въ настоящее время, по крайней мѣрѣ для общества русскаго и европейскаго, сосредоточивается въ истинности, разумности, святости и красотѣ *христіанскаго ученія*. А потому и дѣло христіанскаго пастыря по отношенію къ маловѣрующему и невѣрующему обществу

есть дѣло богослова—учителя. И тотъ богословъ, который съумѣетъ разъяснить нравственное содержаніе христіанскихъ вѣрованій и установленій и показать тщетность и обманчивость нравственныхъ устоевъ отрицательной мысли, бываетъ великъ и любезенъ для современнаго общества въ бо́льшей степени, чѣмъ всякій дѣятель на поприщѣ свѣтскомъ.

Доселѣ мы говорили о естественной, человѣческой сторонѣ вашего призванія и о тѣхъ дарахъ, которые можетъ принести ему ваша юность. Но „*аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи*“ и никакой даръ природы не можетъ быть достаточенъ для того, чтобы совершить дѣло Божіе съ успѣхомъ, если къ сему не присоединится вспомоществующая благодатъ. Природные дары могутъ совершить лишь благіе порывы, могутъ блеснуть одною-другою свѣтлою мыслію, но создать нѣчто цѣлое, съ терпѣніемъ и любовію разработать ученое предпріятіе, или же въ области практической провести юношескую мечту въ жизнь, или усовершить нѣжную товарищескую дружбу до степени братолюбія христіанскаго, до степени долготерпѣливой любви учителя къ ученикамъ или пастыря къ пасомымъ—всѣ подобные, рѣдко наблюдаемые въ жизни, подвиги воли и мысли доступны лишь для того, кто работаетъ не одинъ, не отъ себя, а съ помощью Божественной благодати. Только такой работникъ можетъ сказать съ апостоломъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10).

Благодать дается по молитвѣ. Благопріятна-ли бываетъ юность для сего подвига? Да, и если бы вы не пожелали повѣрить въ этомъ мнѣ, то я сошлюсь вамъ на неоднократно слышанныя мною слова покойнаго святителя нашего, Архіепископа Владиміра, любившаго просить молитвъ у юношей и говаривавшаго такъ: „юному легче вознести духъ свой къ Богу въ чистой молитвѣ, нежели человѣку пожилому, ибо душа юноши не въ такой степени подавлена еще мірскимъ, какъ у человѣка старѣющагося, если онъ отъ юности не прилежалъ къ молитвѣ“. Цѣните же братіе, и это, быть можетъ, самое

драгоцѣнное преимущество неразвращенной юности. И тогда только вы пребудете юношами въ лучшемъ смыслѣ этого слова, когда будете молитвою ограждать себя отъ другихъ противоположныхъ свойствъ юнаго возраста, отъ того распутства, цинизма, упрямаго своеволія, которые быстро разрушаютъ все истинно юношеское въ сердцахъ ихъ носителей и дѣлаютъ ихъ рано износившимися рабами обыденности, чуждыми нѣжныхъ чувствъ молодого сердца и живой юношеской любознательности, каковыми къ сожалѣнію въ настоящее время являются столь многіе изъ свѣтскихъ студентовъ, чтобы не сказать, большинство ихъ. Лѣтъ 40—50 тому назадъ, когда еще общественная жизнь руководилась христіанскими понятіями, всякій студентъ являлся непремѣнно идеалистомъ, одушевленнымъ труженикомъ просвѣщенія и человѣкомъ разносторонне образованнымъ. Въ настоящее время, поддаваясь всякому минутному влеченію своихъ похотей, наше свѣтское учащееся юношество если и одушевляется научными и общественными стремленіями, то очень не надолго, обыкновенно на какія-нибудь полтора года или и того меньше. Правда, оно охотно продолжаетъ пренебрегать религіозными преданіями, усвоенными изъ школьныхъ учебниковъ и даже, якобы во имя науки, отрицаетъ догматы. Но за этимъ отрицаніемъ таится даже не теоретическое недоразумѣніе или предубѣжденіе, а просто нравственная тупость и разсѣянность житейская, боязливо отвертывающаяся отъ всякаго пробужденія совѣсти. И вотъ, благодаря этой разсѣянности, тупости и развращенности, которыя бываютъ плодомъ юности безрелигіозной, чуждой нравственнаго подвига, свѣтскіе молодые люди вступаютъ въ жизнь не только людьми нравственно-безсильными, но и вовсе непросвѣщенными, необразованными. Напротивъ, какой прекрасный типъ создавали и создаютъ наши академіи изъ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, питомцевъ своихъ, которые воспользовались дарами юности для своего нравственнаго совершенства, для служенія Богу и Церкви. Не будемъ указывать на тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ теперь, а вспомнимъ еще

разъ недавно умершаго и памятнаго старшимъ изъ васъ Архіепископа Владиміра, который, идя вышеуказаннымъ путемъ со временъ своего студенчества, не только съ пользою послужилъ для Бога и меньшей братіи, но и сохранилъ всѣ свойства юной души до глубокой старости. И я знаю, что съ этимъ наблюденіемъ согласятся всѣ тѣ изъ моихъ слушателей, которые видѣли его.

Итакъ, друзья мои, когда святое Слово Божіе или наше грѣшное человѣческое слово будетъ вновь и вновь напоминать вамъ о томъ, что отнынѣ вы принадлежите не себѣ, но Богу и Церкви, то да не сжимается сердце ваше унынiемъ и грѣховною жалостью къ себѣ и къ своей юности, да не обращается взоръ вашъ съ завистью къ тѣмъ юношамъ, которые свободны отъ подобныхъ обязательствъ и проводятъ дни въ праздномъ веселіи: тамъ нѣтъ юности, тамъ внутренняя смерть и преждевременная старость. А насъ Господь призвалъ „*къ наслѣдству нетлѣнному, чистому, неувядаемому*“ (1 (Петр. 1, 4), поручилъ намъ воздѣлывать свой виноградникъ и ожидаетъ отъ насъ воздаянія плодовъ „*во времена своя*“. Аминь

В) Слова на постриженіе въ монашество.

СЛОВО

при постриженіи студентовъ Московской Духовной Академіи— свящ. Іоанна Грекова (Василія) и Николая Борисоглѣбскаго (Григорія) [1]).

Возлюбленные братіе!

Итакъ совершилось! Произнесенъ священный обѣтъ; отринутъ міръ съ его преходящею похотью (1 Іоан. 2, 17), отринутъ духовный Египетъ плотской жизни, пройдено Чермное море рѣшимостью умереть для міра: предъ вами теперь только Господь, ведущій васъ Своимъ закономъ въ обѣтованную землю спасенія. Вы воспѣваете, какъ Израиль, торжественную пѣснь побѣды и въ сердцахъ вашихъ слышатся одни глаголы Божественной воли, какъ нѣкогда при Синаѣ. И неправда ли, какъ живительны, какъ могучи эти слова Его воли: „*Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене*“! Сколь жалкими и пустыми вамъ теперь представляются всѣ эти „*иные боги*“ жизни, какъ унизительно и гнусно египетское рабство грѣху, какъ презрѣнно, какъ суетно всякое иное стремленіе, всякое иное намѣреніе, кромѣ исполненія божественной воли, какъ постыдна самая возможность вожделѣть міра, вожделѣть котловъ египетскихъ!

Такъ просвѣщается человѣческій духъ чрезъ „*обѣщаніе Богу доброй совѣсти*“ (1 Петр. 3, 21), такъ возносится онъ

---

[1]) Первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церк. Вѣдомости» 1891 г. № 10.

къ Господу въ минуту исповѣданной рѣшимости презрѣть ради Него міръ.... А можетъ быть онъ возносится еще выше? Можетъ быть проникаетъ въ любовь Христову еще глубже? Можетъ быть не забываетъ въ Немъ всего міра, но снова обрѣтаетъ его искупленнымъ и освященнымъ въ Христѣ, обрѣтаетъ Христа, не отдѣльнаго отъ міра, но объемлющаго міръ и спасающаго міръ, обрѣтаетъ Христа, все оглавляющаго Собою, подъявшаго на Себя наши немощи и понесшаго наши болѣзни (Матѳ. 8, 17)? Быть можетъ вашъ духъ, отринувъ мирской грѣхъ и возненавидѣвъ его прелесть, съ высотъ духовнаго созерцанія, сквозь лучи любви Божественной, взираетъ на міръ не съ презрѣніемъ, но съ состраданіемъ, не съ негодованіемъ о его отрѣшенности отъ Бога, но съ великою ревностью о томъ, чтобы всѣмъ, всему міру удѣлить частицу того небеснаго свѣта общенія съ Господомъ, который нынѣ озарилъ ваши сердца.

Да, блаженны эти мгновенія, братіе, и да будутъ они вамъ памятны всю жизнь и во всякой скорби воспоминайте, какъ Израиль: „*о томъ днѣ, когда ты стоялъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ... и говорилъ Господь къ вамъ... и объявилъ Онъ вамъ завѣтъ Свой, который Онъ велѣлъ исполнять вамъ*“ (Втор. 4, 10—13). Великъ сей день сознательнаго обрученія съ Богомъ, сознательной смерти міру: поистинѣ онъ подобенъ богообщенію при Хоривѣ!—Однако и того нельзя скрыть отъ васъ, братіе возлюбленные, что какъ отъ Хорива еще далеко до Земли Обѣтованной, такъ великъ и труденъ путь отъ обѣщанія до полнаго осуществленія правилъ духовной жизни. Прославили іудеи Бога въ пустынѣ и поругались фараону и Египту, а потомъ въ малодушномъ воплѣ выражали свое сожалѣніе о потерѣ рабской жизни, о котлахъ и мясахъ египетскихъ.—Быстро и рѣшительно Апостолы „*оставили все и послѣдовали за Христомъ*“ (Матѳ. 19, 27), но какъ медленно уразумѣвали они Его законъ, съ какимъ трудомъ сердца ихъ отрѣшались отъ міра, какъ единодушно покинули они своего Учителя при приближеніи смертнаго страха! О, братіе, и

васъ не минуютъ искушенія міра: то, что въ сей священный для васъ вечеръ вамъ представляется пустымъ и жалкимъ, въ день испытанія будетъ манить васъ; сладостные глаголы евангельскихъ обѣтованій могутъ быть заглушаемы на время иными звуками грѣховной жизни; Масса и Мерива не минетъ васъ и укушенія ядовитыхъ змѣй будутъ грозить вамъ. Что же вы противопоставите искушеніямъ? Чѣмъ побѣдите бѣса гордыни, чѣмъ отгоните духа унынія? куда убѣжите отъ разсѣянія мірскаго, отъ соблазновъ лѣни, чувственности или раздражительности? Указывать-ли вамъ на спасительное врачество молитвы, на силу поста, на пристань богомыслія и безмолвія, на мечъ изученія слова Божія и отеческихъ писаній? Да, безъ этихъ родовъ духовнаго врачеванія, конечно, невозможно спастись, и горе тому монаху, который бы вздумалъ обойтись безъ нихъ, который не въ нихъ полагаетъ существеннѣйшее содержаніе своей жизни, онъ будетъ монахомъ только по внѣшнему своему обличію, а духовная жизнь скоро покинетъ его. Итакъ названные подвиги необходимы для сохраненія и развитія духовной жизни. Но, увы, будутъ-ли они въ вашей власти настолько, насколько это потребуется? Тѣ роды послушаній, которые ожидаютъ васъ, не будутъ-ли васъ держать среди людей, и людей мірскихъ, большую часть вашихъ дней?

Итакъ нельзя-ли на самомъ этомъ послушаніи найти еще какого либо спасительнаго средства для постояннаго побѣдоноснаго торжества надъ духомъ міра сего и оставаясь среди міра за послушаніе, быть не отъ міра, какъ ученики Христовы (Іоан. 17, 15—16)?

Есть, возлюбленные братіе, одна сила, которая, усваиваясь нами при обращеніи въ мірѣ, въ то-же время возноситъ насъ къ Богу: эта сила есть любовь. Пребывая въ любви, вы тѣмъ самымъ пребудете въ Богѣ (1 Іоан. 4, 16), сохраняя любовь вы среди міра будете далеки отъ всего мірскаго: отъ зависти, отъ превозношенія, отъ гордости, отъ безчинства, отъ раздраженія, неправды, злорадства и недовѣрія (1 Кор.

13, 5—7), но будете всегда сохранять высокое сознаніе богообщенія. Пребывая въ любви, вы останетесь истинными монахами среди міра, и наоборотъ—въ уединенной пустынѣ духовными гражданами вселенскаго царствія Божія. Монахъ есть тотъ—говоритъ блаженный Нилъ Синайскій—кто, удаляясь отъ всѣхъ, со всѣми живетъ въ единеніи и въ каждомъ человѣкѣ видитъ самого себя. Любовь есть та царственная добродѣтель, для развитія которой удобны и шумный рынокъ, и уединенная келья, и послушаніе, заставляющее обращаться среди даже злыхъ людей, и молитвенное общеніе съ міромъ небеснымъ. Встрѣчая порокъ, любовь проникается состраданіемъ и учительною ревностью, а входя въ общеніе со святыней—она веселится и торжествуетъ. О, братіе, держитесь любви! Съ нею не страшны искушенія, ея паче всего трепещетъ діаволъ, ее выше всего похваляетъ Христосъ. Если сохраните любовь, то въ васъ сохранится высокое настроеніе настоящаго дня, духовный Синай всегда останется предъ вами. Любовью довелъ Моисей народъ до земли обѣтованной, умоливъ ею праведно разгнѣваннаго Владыку: любовію и вы пройдете земное поприще среди міра невредимы отъ міра, какъ Израиль прошелъ Іорданъ, не омочивъ ногъ своихъ. Божіимъ свѣтомъ Твоимъ, Блаже, утреннюющихъ Ти души любовію озари. Аминь.

СЛОВО

при постриженіи студента Московской Духовной Академіи—діакона Павла Сосновскаго (Діонисія). [1]).

Возлюбленный братъ—священноинокъ!

Ты исповѣдалъ предъ Богомъ и церковью рѣшимость оставить міръ и стремиться къ сокровищамъ одной духовной жизни.—Господь призываетъ насъ къ ней различными путями. Иному отъ юности Онъ возлагаетъ восторженное преклоненіе предъ христіанскими совершенствами и готовность пожертвовать ради нихъ благами міра; другихъ, какъ и тебя, самою жизнью научаетъ уразумѣть скоропреходящее значеніе этихъ благъ, неожиданно отнимая ихъ отъ человѣка, лишая его дорогой семьи или имущества, или общественнаго положенія. Тотъ и другой путь есть дѣло промыслительной благодати; наше-же дѣло спѣшить къ исполненію ея предначертаній, довершать тотъ подвигъ, коему начало она предуказуетъ. Для тебя, возлюбленный братъ, Господь уже исполнилъ половину подвига, тяжкими лишеніями отвративъ твое сердце отъ любви къ міру. Это охлажденіе къ міру есть одна необходимая сторона духовной жизни, такъ трудно усваиваемая людьми молодыми, не знающими горестей житейскихъ. Прославляй же Все-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церков. Вѣдомости». 1892 г. № 27.

вышняго, какъ Іовъ, что Онъ Самъ исполнилъ часть твоего подвига, который другими достигается лишь продолжительной борьбой. Теперь тебѣ предлежитъ усваивать другую сторону благодатной жизни,—ея положительное содержаніе, т. е. тѣ евагельскія или духовныя добродѣтели, изъ которыхъ оно слагается, которымъ въ твоей душѣ Господь очистилъ теперь свободное мѣсто, заполняемое любовью къ міру у всѣхъ, не испытавшихъ обманчивости его утѣшеній. Наполни же твою монашескую жизнь плодами духа, которые суть: *любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22). О томъ, какъ пріобрѣтать ихъ, тебя научатъ святые учители монашеской жизни временъ древнѣйшихъ и лучшихъ: одно только предостереженіе пріими въ сей священный часъ въ виду тѣхъ жизненныхъ обстоятельствъ, въ которыя ты будешь поставленъ. Замѣтилъ ли ты, что всѣ, исчисленные Апостоломъ, плоды духа произрастаютъ не во внѣшней, а во внутренней жизни, касаются не дѣлъ внѣшнихъ, а сокровеннѣйшихъ настроеній души? А если такъ, то, провѣряя свою жизнь и совѣсть, остерегайся удовлетворяться тою оцѣнкой, какую дадутъ ей окружающіе тебя люди. Правда, если оцѣнка эта будетъ укорительная, то со смиреніемъ и готовностію старайся исправить свои недостатки; но если она будетъ похвальная, то смотри, не полагайся на нее: иначе встрѣтишь въ этомъ неодолимое преткновеніе на пути къ совершенству. Возможно, что ты будешь окруженъ любовью учениковъ, похвалами начальниковъ, будешь получать все высшія и высшія полномочія по управленію различными отраслями жизни церковной: но смотри, не успокоивай совѣсти твоей на похвалахъ и успѣхахъ, спрашивай чрезъ слово Божіе и самоуглубленіе—отзывовъ иного Судіи, Который зритъ не на лица, а на сердце (1 Цар. 16, 7), Который одинъ будетъ судить тебя, не спрашиваясь ни у кого не слушая никакихъ человѣческихъ похвалъ, одобреній или почестей.—Если будешь изслѣдовать себя не по рѣчамъ людей, но чрезъ постоянное испытаніе своей собственной совѣсти, мысленно возносясь предъ

судъ Господа, то путь твоей духовной жизни благонадеженъ. Однако знай и то, что нелегко бываетъ остаться вѣрнымъ сему спасительному правилу—жить *по внутреннему человѣку* (Римл. 7, 22)—при совершенно противоположномъ направленіи современнаго человѣчества, полагающаго всѣ цѣли своей дѣятельности въ успѣхахъ внѣшнихъ, при стремительномъ соревнованіи каждаго другъ передъ другомъ отличаться въ глазахъ властей, при общемъ непониманіи истинной цѣли жизни, при насмѣшливомъ недовѣріи ко всякому духовному внутреннему дѣланію. Легковѣсны и скоропреходящи эти внѣшніе успѣхи, непостоянна и пуста искусственно привлеченная любовь толпы, ненасытима и мучительна богопротивная жажда почестей: но увы,—общее увлеченіе этой *суетой и томленіемъ духа* становится столь-же опаснымъ для любителя духовной жизни, какъ для богоизбраннаго народа израильскаго въ Вавилонѣ—общеніе съ язычниками, покланявшимися суетѣ идольской. Посему и къ твоей жизни, любезный братъ, будутъ приложимы слова посланія Іереміи, коими онъ напутствовалъ переселенцевъ. *Вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ, и золотыхъ, и деревянныхъ, носимыхъ на плечахъ, внушающихъ страхъ язычникамъ. Берегитесь же, чтобы и вамъ не сдѣлаться подобными иноплеменникамъ и чтобы страхъ предъ ними не овладѣлъ и вами. Видя толпу спереди и сзади ихъ покланяющеюся предъ ними, скажите въ умѣ: Тебѣ должно поклоняться, Владыко! Ибо ангелъ Мой съ вами, и онъ защитникъ душъ вашихъ* (ст. 4—6). Итакъ, среди многошумной обольстительной жизни внѣшней да созрѣваетъ въ тебѣ та незримая внутренняя жизнь, сокровище которой останется извѣстнымъ только тебѣ одному, какъ тому мудрому купцу евангельскому, узнавшему о сокрытой подъ землей жемчужинѣ и не пожалѣвшему ради нея всего имѣнія. Самъ Господь да дастъ тебѣ, *по богатству славы Своей, крѣпко утвердиться во внутреннемъ человѣкѣ, вѣрою вселиться Христу* въ сердце твое (Ефес. 3, 16). Животъ твой будетъ сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ (Колосс. 3, 3), а міръ будетъ покланяться

лести. Но если ты не соблазнишься его примѣромъ, то легко увидишь, что не только ты самъ въ своей учительской и пастырской дѣятельности будешь приносить лишь столько плодовъ и истинной, а не кажущейся, пользы, сколько будетъ въ тебѣ самомъ силъ духовныхъ: но убѣдишься и въ томъ, что и всѣ люди, бѣгающіе за призраками текущей минуты, на самомъ дѣлѣ получаютъ истинное удовлетвореніе лишь въ исполненіи требованій совѣсти, почему и находятся въ постоянномъ смятеніи, не умѣя исполнять этихъ требованій. И не всегда они находятся въ духовномъ ослѣпленіи страстей и міра. Всякій изъ нихъ переживаетъ часы просвѣтлѣнія. Не часто ихъ посѣщаютъ эти благословенные часы и дни, но ими ознаменовываются важнѣйшіе переломы въ ихъ жизни личной и семейной, а въ особенности приближеніе столь страшной для нихъ смерти. И вотъ въ такіе часы, какъ горько они оплакиваютъ свою безсмысленную жизненную суету! Съ какимъ довѣрчивымъ благоговѣніемъ готовы они бываютъ броситься къ ногамъ всякаго, имѣющаго въ себѣ начала жизни духовной! Какимъ раболѣпнымъ поклоненіемъ желаютъ они вознаградить его за прежнее пренебреженіе! Какъ понятною тогда станетъ и тебѣ истинность избраннаго тобою пути! Однако и здѣсь берегись искушеній: берегись горделиваго превозношенія; не скажи въ сердцѣ твоемъ: а вотъ они пришли ко мнѣ и поклонились, но съ любовію и прощеніемъ принявъ кающихся какъ Іосифъ своихъ братьевъ, вознеси свой умъ къ престолу Сердцевѣдца и воспой Ему хвалебно-благодарственную пѣснь за то, что Онъ не по твоимъ заслугамъ, но по дару тунѣ дарованной благодати, возвалъ тебя, одного изъ немногихъ, *въ чудный Свой свѣтъ* (1 Петр. 2, 10), и съ любовію и смиреніемъ свѣти этимъ свѣтомъ дольнему міру. Аминь.

СЛОВО

при постриженіи въ монашество студента Московской Дух. Академіи Данилова (Стефана [1]).

Новый путь жизни воспринялъ ты, о брате, воспринялъ и новое имя. Церковь обручила тебя Христу и соединила тебя новымъ союзомъ со святымъ первомучеником Его архидіаконом Стефаномъ. Союзъ сей долженъ заключаться и въ томъ между прочимъ, чтобы ты подражалъ добродѣтелямъ сего святаго апостола. Великъ былъ святой Стефанъ въ своей вѣрѣ, которою *„совершалъ великія чудеса и знаменія въ народѣ“*; славенъ былъ онъ въ своей надеждѣ, которая не покидала его, окруженнаго цѣлымъ синедріономъ христо-ненавистныхъ, и открыла ему славу Божію на небѣ; еще изумительнѣе была его святая любовь, научившая его молиться за своихъ мучителей-убійцъ. Въ вѣрѣ конечно твердъ и ты, припадающій ко святому жертвеннику и къ святой дружинѣ сей; дай Богъ тебѣ и всѣмъ намъ еще болѣе усовершенствоваться *„отъ вѣры въ вѣру“* (Римл. 1, 17), но въ сей день, когда ты, пріявшій всеоружіе Божіе, исходишь на подвигъ духовной брани (Ефес. 6, 12. 13), подобаетъ тебѣ главное вниманіе устремить на усвоеніе святой надежды, которою прославился блаженный Стефанъ въ день своего преставленія, ибо надежда есть не иное что, какъ сосредоточеніе своей вѣры во всегдашнюю

---

[1]) Произнесена въ церкви Моск. Дух. Академіи въ Январѣ 1892 года. Печатается впервые.

всѣмъ помощь Божію на исходахъ собственной борьбы съ грѣхомъ, міромъ и діаволомъ. Подвижничество и монашество есть по преимуществу подвигъ надежды, ибо оно не дозволяетъ человѣку остановиться на настоящемъ, но велитъ повторять слова св. Павла: „*стремлюсь, не достигну-ли и я, какъ достигъ меня Іисусъ Христосъ. Братіе, я не почитаю себя достигшимъ, а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ*“ (Фил. 3, 12—14). Повидимому для вѣрующаго въ Божественное вседержительство и промышленіе не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, при добромъ желаніи собственнаго сердца, и помощь Божія никогда не оставитъ его въ борьбѣ съ искушеніями и не покинетъ ни въ какихъ обстоятельствахъ, пока не возведетъ къ небесному царству. Мы слышали сейчасъ въ чинѣ постриженія слова Божія, сказанныя чрезъ пророка: *еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего, аще же и забудетъ ихъ жена, но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь*“ (Ис. 49, 15). Но какъ ни несомнѣнны слова сіи, какъ ни ясно убѣждаетъ насъ разумъ въ томъ, что Господь между ищущими Его никого не отлучаетъ отъ Своего непобѣдимаго заступленія, но всетаки людей вѣрующихъ много, а людей, полагающихся на Божіе попеченіе мало, хотя послѣднее по свидѣтельству разума и по нарочитымъ обѣтованіямъ Господнимъ не отдѣлимо отъ первой. Отсюда видимъ, что много погрѣшаютъ тѣ, которые считаютъ разумъ врагомъ благочестія: не разумъ его врагъ, но неразуміе;—видимъ и то, что ненапрасно надежда почитается въ христіанскомъ ученіи особою добродѣтелью, о стяжаніи которой должно прилагать особенное усердіе, дабы сказать съ Апостоломъ: „*хвалимся надеждою славы Божіей*“ (Римл. 5, 2). Трудись-же и ты, брате, надъ стяжаніемъ сего дара, дабы никогда его не лишаться. Смотри, даже одинъ изъ лучшихъ учениковъ Христовыхъ, видѣвшій Его, идущаго по водамъ, поколебался въ надеждѣ на Его помощь и началъ тонуть; примѣчай и то, что самому пламенному Апостолу

вѣры Господь явился снова и снова, чтобы поддерживать въ немъ надежду на побѣду истины. Блаженны всѣ уповающіе на Господа (Пс. 2, 16), но горе тѣмъ, которые чужды сего упованія. Отступая отъ надежды на Бога, но не теряя чувства самосохраненія, душа человѣка начинаетъ полагаться на начала земныя, на богатство, на высокое положеніе въ обществѣ, на здоровье, на почетъ отъ людей. Всѣ эти приманки становятся ея упованіемъ вмѣсто Бога (Іовъ 31, 24—29) и коснѣя въ этомъ грѣховномъ настроеніи, человѣкъ удаляется отъ Господа все больше и больше.—Впрочемъ, если онъ и не поддается упованіямъ земнымъ, но въ тоже время не будетъ сохранять упованія на Господа, на помощь Его для своей духовной брани, то не будетъ ему пользы ни отъ подвиговъ, ни отъ лишеній, ибо если все сіе будетъ твориться увѣренностью въ собственныхъ силахъ, то не послужитъ на пользу, ибо подобный самонадѣянный подвижникъ не избѣгнетъ того, чтобы умерщвляя однѣ страсти, оживлять другую злѣйшую страсть гордыни. Еслиже подвижникъ избѣгнетъ и сей пропасти самопаденія, но не позаботится о храненіи истинной надежды, то будетъ малодушенъ и боязливъ, неспособенъ ни къ борьбѣ, ни къ перенесенію скорбей. Какъ-же научиться намъ немощнымъ во всѣхъ обстояніяхъ жизни сохранять сознаніе той простой истины, что если Господь всегда добру помогаетъ, то не дастъ и намъ искуситься паче, нежели можемъ (1 Кор. 10, 13)?

Для отвѣта на сей вопросъ должно изслѣдовать, что именно становится преградой между вѣрой и надеждой; между нашимъ вѣрующимъ разумомъ и чувствомъ, постоянно теряющимъ надежду? Чѣмъ затемняется въ сердцѣ нашемъ свѣтъ вѣры, лишь только приходится намъ примѣнить ее къ помощи Божіей въ нашей духовной брани? Затемняется онъ житейскимъ разсѣяніемъ и страстями, по причинѣ которыхъ душа наша наполняется такимъ мракомъ, что при всей вѣрѣ въ милосердіе Божіе человѣкъ начинаетъ сомнѣваться въ своей къ нему доступности.

Но это сомнѣніе, выразившееся въ недобромъ присловіи: до Бога высоко,—не есть голосъ истины, ни здраваго разума; оно исходитъ изъ смятенной грѣхами и разсѣянной души, какъ выраженіе ея общаго одебелѣнія и лѣности. Такія состоянія должно и можно препобѣждать, во-первыхъ, сосредоточеннымъ размышленіемъ, а во-вторыхъ, непрестаннымъ призываніемъ имени Божія: размышленіе напомнитъ унывающему, что Господь и лютѣйшихъ грѣшниковъ призывалъ къ покаянію, а непрестанное призываніе имени Божія наполнитъ смятенную душу свѣтлыми образами Спасителя нашего и изгонитъ плѣняющіе ее помыслы.

И еслибъ подвижникъ жилъ такъ, чтобы всегда хранить ясность созерцанія и не отступать умомъ своимъ отъ существа Божія, то не удалялся бы отъ надежды, а еслибъ не удалялся отъ надежды, то не останавливался бы ни предъ какимъ подвигомъ и самопожертвованіемъ. Жизнь монашеская такъ именно и для того именно и устроена ея подвигоположниками, чтобы содѣйствовать слабому человѣку въ этомъ духовномъ трезвѣніи,—молитвѣ и изученіи закона Божія. Почему и ты, возлюбленный братъ, когда приступишь къ исполненію правилъ монашескихъ съ обычнымъ тебѣ усердіемъ, отыскивай въ нихъ тотъ духъ, которымъ всѣ они проникнуты, и ты увидишь, что духъ монашеской жизни, есть духъ христіанской надежды, поддерживаемый постояннымъ очищеніемъ сердца и заключающійся въ томъ, чтобы хранить увѣренность въ неотступной помощи Божіей духовнымъ борцамъ, на всякій часъ отдающимъ исходъ дѣлъ своихъ на волю Божію и не пекущихся „*для души вашей, что вамъ пѣть и что пить и для тѣла вашего, во что одѣться*“ (Матѳ. 6, 25).

Въ томъ и цѣль монашескихъ лишеній и терпѣнія, чтобы хранить и утверждать надежду по слову Апостола: „*скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе; упованіе же не посрамитъ.*“ (Рим. 5, 4. 5).

Такое блаженное упованіе будетъ тебя содержать въ постоянной близости къ Господу, а при сей близости любовь

Божія изольется въ твое сердце Духомъ Святымъ (ст. 6), дабы ты, подобно своему новому покровителю, усовершаясь отъ силы въ силу, могъ свѣтить міру сочетаніемъ всѣхъ трехъ высшихъ добродѣтелей и простиралъ бы свою любовь до такой высоты, чтобы съ любовію молиться за своихъ враговъ подобно св. Стефану. Аминь.

СЛОВО

при постриженіи вольнослушателей Московской Духовной Академіи М. Ѳ. Алексѣева и В. М. Машкина [1]).

Возлюбленные братіе, новоначальные иноки! Въ особенныхъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ совершилось ваше постриженіе. Обыкновенно высшая степень монашескаго званія дается для болѣе уединеннаго и много молитвеннаго подвига, а для васъ она соединяется съ оставленіемъ обителей и водвореніемъ среди общества, по преимуществу мірского. Въ свое время вы добровольно оставили общество и міръ, водворившись въ строгихъ и уединенныхъ обителяхъ для поста и молитвы; но вотъ самый подвигъ монашескаго послушанія старцамъ вызываетъ васъ изъ пустыни въ міръ, а монашеское постриженіе опредѣляетъ къ такому образу жизни, который не дастъ вамъ возможности исполнить и половину молитвеннаго правила и подвиговъ поста, принятыхъ вами въ званіи монастырскихъ послушниковъ. При всей необычности вашего положенія, вы должны его принять съ полнымъ спокойствіемъ и твердымъ упованіемъ, ибо не своя воля привела васъ сюда,

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церк. Вѣдомости» 1892 г. № 43. Новопостриженные наречены Михей и Серапіонъ.

по промышленіе Божіе, о которомъ сказано: *въ книгѣ Твоей записаны всѣ дни, для меня назначенные, когда ни одного изъ нихъ еще небыло* (Псал. 138, 16). Тѣмъ не менѣе соблазны и грѣхъ ожидаютъ человѣка на всякомъ пути, и поэтому всякій путь жизни долженъ проходиться *опасно* (Ефес. 5, 15), дабы идущій по немъ поѣобщился *дѣломъ неплоднымъ тьмы.*

Отъ какихъ же соблазновъ предостерегать васъ, братіе, на семъ необычномъ и для васъ самихъ неожиданномъ послушаніи, понуждающемъ васъ, принявъ монашество, учиться среди мірянъ и впослѣдствіи учить ихъ? говорить ли объ искусительномъ вліяніи можетъ быть предстоящаго вамъ начальствованія? Предостерегать-ли отъ омірщенія, отъ забвенія святыхъ обителей, отъ роскоши и разсѣянія, отъ честолюбія и славолюбія, отъ постепенно совершающагося иногда полнаго сліянія съ окружающею васъ школьною, а потомъ быть можетъ начальственною обстановкой, отъ монашества только по имени и по одеждѣ? Конечно, да оградитъ васъ Господь отъ подобнаго рода соблазновъ и паденій, но думается, что не такіе соблазны болѣе всего грозятъ вамъ. Вы знали міръ и раньше; вы добровольно покинули его и сказали съ Псалмопѣвцевъ: *изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ* (Псал. 83, 11). Теперь вновь міръ около васъ по плоти, но конечно духъ вашъ, привитавшій въ обителяхъ, знаменитыхъ святою жизнью своихъ насельниковъ, не только не забудетъ жизни монастырской, но по вторичномъ сравненіи того безмятежнаго мирнаго житія у Бога и святыхъ старцевъ съ грѣховною лживою и себялюбивою жизнь міра, сугубо возлюбитъ уединеніе монастырское, а душа ваша, какъ олень на источники водные, будетъ стремиться туда, вдаль, въ уединеніе, въ тѣсныя и низкія кельи, окруженныя толстыми стѣнами, но освобождающія духъ отъ узъ безцѣльныхъ заботъ и грѣшныхъ скорбей міра.

Да, не столько опасаюсь для васъ любви къ міру, сколько слишкомъ неумолимаго его осужденія, ибо если судитъ вамъ

Богъ извѣдать скорби служенія пастырскаго, если, иначе говоря, повелитъ вамъ пить отъ той чаши, которую Онъ пилъ, то сколько разъ изнемогая подъ крестомъ Его, вы позавидуете, хотя и въ высокомъ положеніи, послѣднему послушнику, подметающему дворы монастырскіе. Какъ вожделѣнна вамъ покажется знакомая уже по опыту жизнь въ обители, жизнь простая, смиренная и чуждая лукавства, исполненная благословеннаго и радостетворнаго, спокойнаго труда, увеселяемая молитвою и пѣніями богодуховныхъ пѣсней, возносящая умъ горѣ чрезъ чтеніе слова Божія и твореній отеческихъ, ободряющая душу надеждою на „уготованная отъ Господа благая“, столь ясно представляющіяся сознанію при видѣ святыхъ старцевъ, живущихъ тѣломъ только на землѣ, а духомъ на небѣ.

Иначе въ мірѣ, хотя бы и на служеніи Церкви: въ мірѣ, въ этомъ сплетеніи грѣховъ, жестокости, лжи и плотоугодія, не разъ придется вамъ желать смерти, но не столько въ качествѣ радостнаго стремленія отъ хорошаго къ лучшему, сколько въ качествѣ упокоенія отъ тѣснящихъ сердце мукъ, неизбѣжно предстоящихъ борцу за Церковь и духовному отцу. Придется видѣть побѣждающее зло, придется терпѣть колебаніе въ принятомъ послушаніи; явится опасность возненавидѣть людей и себя самого. Вотъ отъ сихъ-то искушеній ограждайте себя, братіе, мыслью о томъ, что чѣмъ тяжелѣе послушаніе, тѣмъ по существу и спасительнѣе, тѣмъ рѣшительнѣе оно очищаетъ духъ. Тогда мало по малу вы возлюбите самыя свои скорби, проникнетесь благоснисходительною любовью къ ближнимъ, удалите отъ себя горделивый помыслъ о своемъ нравственномъ превосходствѣ и, обогатившись такими духовными дарами, возвратите въ свою душу, среди волнъ житейскаго моря, тотъ блаженный покой, ради котораго такъ дорога обитель. Тогда этотъ же покой будетъ разливаться вокругъ васъ на окружающихъ, какъ мягкій свѣтъ лампады, и согрѣвать сердца людей вѣрою, надеждою

и любовію. Напротивъ, если не по послушанію, а въ порывѣ собственнаго нетерпѣливаго увлеченія снова оставите предстоящее вамъ служеніе и устремитесь въ обитель, то внесете туда съ собою мірскія страсти и не найдете покоя душѣ. Если же за послушаніе Христово постараетесь въ міръ вносить обитель мира, то въ свое время исполнятся на васъ слова Господни: *обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Аминь.

СЛОВО

при постриженіи студента Московской Духовной Академіи Николая Безсонова (Никона) [1]).

Возлюбленный братъ Никонъ!

Нынѣ осуществленно твое желаніе: ты отрекся отъ мірской жизни; ты покинулъ ее, несмотря на то, что она тебѣ улыбалась и одарила тебя всѣми условіями для пользованія ея благами и преуспѣянія на содержащихся въ ней поприщахъ. Конечно, въ этотъ священный для тебя часъ ты далекъ отъ минутнаго даже сожалѣнія объ отринутыхъ утѣхахъ міра; воспоминаніе о нихъ не только не представляется тебѣ искусительнымъ, но, напротивъ, проникаетъ твою душу сугубымъ отвращеніемъ къ земнымъ удовольствіямъ и самою горячею готовностію терпѣть злострадания и уничиженія, посты и лишенія жизни монашеской. Тебя манятъ не блага міра, а *уготованная благая* подвижникамъ вѣры и терпѣнія, таинственные дары Божественной благодати и сладость богооткровенныхъ глаголовъ и священныхъ пѣснопѣній. Но не слишкомъ полагайся, возлюбленный братъ, на такое настроеніе: *добрыя дѣла трудомъ стяжеваются и скорбми одѣваются*, и тотъ высокій порывъ духовнаго восторга, котораго Господь сподобляетъ пришедшихъ къ нему съ покаяніемъ и вѣрой, есть порывъ самъ по себѣ довольно кратковременный,

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости» 1892 г. № 50.

и горе новоначальному иноку, если онъ, положившись на свидѣтельство восторженной души своей въ день постриженія, ослабѣетъ въ бдительности надъ своими помыслами и начнетъ почитать себя далекимъ отъ грѣховныхъ паденій. Отвергнутыя, какъ казалось, навсегда мірскія утѣхи сперва минутными мимолетными помыслами, на подобіе легкихъ уколовъ быстро пролетающихъ стрѣлъ, начинаютъ тревожить душу легковѣрнаго подвижника, а исполненная любви и довѣрія преданность своему призванію и вѣра въ обѣтованія Божія, какъ бы скоро пробѣгающими тѣнями въ чистотѣ дѣлъ и мыслей сперва братій, отцевъ его духовной семьи, а затѣмъ дается мѣсто и постоянному осужденію кого-либо или всѣхъ ихъ и охлажденію новыхъ святыхъ привязанностей. Если разрастается эта духовная рана, то усиленіе болѣзни сказывается ослабленіемъ въ молитвенномъ дѣланіи; вмѣсто радости духовной молитва становится трудно исполнимымъ долгомъ, а затѣмъ и самый долгъ исполняется не столько по ревности, сколько по гордости, и такъ продолжается постепенное паденіе, постепенное удаленіе подвижника отъ Бога и братій о Господѣ. Да сохранитъ Онъ насъ отъ сего во вѣки.

Но есть и другой путь для новоначальныхъ, котораго да сподобитъ тебя Всевышній. Идущій по сему пути подвижникъ взираетъ на духовный восторгъ первыхъ дней монашества, какъ на даръ Божественной благодати, не утѣшаетъ себя тѣмъ, что рѣшился покинуть міръ съ его грѣховными прелестями и достигъ разумѣнія радостей благодатныхъ: но, напротивъ, тѣмъ болѣе уразумѣваетъ послѣднія, тѣмъ сокрушеннѣе кается о временахъ невѣдѣнія и паденій, тѣмъ горче себя укоряетъ, зачѣмъ давно, давно не вырвался изъ объятій грѣха. Продолжая свою духовную жизнь, такой монахъ съ трепетною тщательностью печется о сохраненіи духовнаго дара—общенія съ Богомъ и святыми Его, и не злое, а доброе отыскиваетъ въ братіи, дабы назидаться всякою малою даже крупицею содержащейся въ нихъ благодатной жизни. Приключающіяся печали онъ принимаетъ съ радостью, какъ

лучшіе уроки для духовнаго преуспѣянія, и считая себя хуже всѣхъ, съ тѣмъ искреннѣйшимъ ликованіемъ славитъ милость Господа, не презирающаго и не оставляющаго грѣшнѣйшихъ людей. На какой путь станешъ ты, братъ мой?

Премудрый говоритъ: *„если подуешь на искру, она разгорится, а если плюнешь на нее, угаснетъ: то и другое выходитъ изъ устъ твоихъ“* (Сир. 28, 14). Такъ и стать на путь правый и удержаться на немъ, или же, напротивъ, удалиться на путь погибельный—въ твоей власти нынѣ. Памятуй это, возлюбленный братъ, памятуй, что не будетъ уже для тебя другаго, столь блаженнаго дня, когда бы вновь открылся тебѣ совершенно свободный выборъ между истинною дорогою и заблужденіемъ. А наипаче *поминай послѣдняя твоя*; представь себѣ день отчета и суда, и помысли о томъ, какимъ взоромъ оглядываются на день постриженія судимые въ жизни загробной иноки. Какъ благословляютъ его тѣ, которымъ опредѣляется вѣчное блаженство въ Богѣ со святыми! Но, конечно, и они жалѣютъ въ день суда, что еще больше не приложили ревности къ духовному бодрствованію надъ собою, не освободились отъ своихъ, хотя и маловажныхъ, грѣховъ и паденій. Жалѣютъ о семъ и осужденные, но жалѣютъ въ безплодномъ плачѣ и скрежетѣ зубовъ, со стономъ проклиная день своего легкомысленно-пренебрежительнаго отношенія къ дару Божію, къ тому сѣмени жизни духовной, которое влагается искренно отрекшемуся отъ міра и прилѣпившемуся ко Господу.

Начертывая постоянно въ умѣ своемъ эти образы жизни загробной, научись, братъ мой, цѣнить величіе и важность дня сего и не пренебрегай даже малѣйшимъ впечатлѣніемъ внутренней жизни, дабы не уклониться съ праваго пути, но о всякомъ состояніи души твоей спрашивай нелицемѣрно свою совѣсть и старцевъ, чисто-ли оно отъ грѣха, и если нѣтъ, спѣши очищать его покаяніемъ и подвигами. Тогда мирно и спокойно потечетъ твоя жизнь ко взысканію грядущаго (Евр. 13, 14), и если твоя душа не всегда будетъ ис-

полнена снѣдающей любви и радостнаго восторга, то все же ты обрящешь для нея тотъ всегдашній внутренній покой, который Господь обѣщаетъ труждающимся во имя Его (Матѳ. 11, 29). Правда, придетъ время, когда судитъ Богъ и на такомъ пути испытать скорби жгучія, быть можетъ, обливаться кровавымъ потомъ, какъ бы участвуя въ страданіяхъ и бореніи Божественнаго Подвижника въ саду Геѳсиманскомъ (Филип. 3, 10): но сіе настанетъ только тогда, когда ты поистинѣ сдѣлаешься „Богу споспѣшникъ“ (1. Кор. 3, 9), когда будешь носить въ сердцѣ своемъ души многихъ, соединившись съ ними узами благодати священства, ставъ духовнымъ отцемъ многихъ. Но тогда, чѣмъ тяжелѣе будетъ скорбь о косности и грѣховномъ легкомысліи, тѣмъ лучшимъ доказательствомъ твоей духовной зрѣлости она послужитъ. Тогда ты будешь уже духовный старецъ, и хотя труднѣйшимъ представится подвигъ жизни твоей, но и силъ дастся тебѣ больше, и ясность духовнаго вѣдѣнія умножится. Господь благоволилъ устроить такъ, что лишь „*многими скорбями надлежитъ намъ войти въ Царствіе Божіе*“ (Дѣян. 14, 22), не потому, чтобы Онъ мало *любилъ* насъ, но потому, что мы-то, по самой природѣ своей зараженные гордыней, лишь скорбями и постояннымъ познаніемъ въ нихъ своей немощи освобождаемся отъ грѣховнаго самовосхваленія.

Итакъ, возлюбленный братъ, въ скорбяхъ благодари, за миръ и внутреній покой славословь, за помыслами души твоей слѣди, какъ за татемъ, и въ согрѣшеніяхъ не медли каяться. Симъ тѣснымъ путемъ войдешь въ жизнь вѣчную, которой да сподобитъ Господь „всѣхъ насъ. Аминь“.

СЛОВО

При постриженіи студента Московской Дух. Академіи Владиміра Никольскаго (Андроника) [1]).

Взирая на тебя, возлюбленный братъ, въ свѣтломъ настроеніи одушевленной вѣры представшимъ Христу съ очищенною покаяніемъ совѣстью, вспоминаемъ мы подобный же день въ нашей жизни... Благословенъ тотъ инокъ, который, подобно Божественному Павлу, можетъ сказать: *забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ* (Фил. 3, 13). Для такого инока воспоминанія постриженія не исполнены укоровъ совѣсти, но полны единственно благодарности ко Господу, открывшему ему сей путь къ вышнему знанію Божію. Правда, и такой блаженный подвижникъ, какъ монахъ, всю жизнь свою проходитъ путемъ покаянія, но его покаяніе радостотворно, оно является не столько скорбнымъ плачемъ о совершенныхъ грѣхахъ, сколько исполняется сладкими слезами о недостигнутомъ еще, но постепенно достигаемомъ высшемъ совершенствѣ. Знай же, возлюбленный братъ, что, по увѣренію отцевъ, существуетъ такой путь жизни монашеской, на которомъ испытываемое тобою нынѣ высокое наслажденіе о духовномъ родствѣ съ Господомъ и объ освобожденіи отъ узъ міра оказывается лишь слабымъ прообразомъ высшихъ и святѣйшихъ наслажденій, прообразомъ иного, лучшаго единенія со Христомъ, основывающагося не на чувствѣ только, но на подвигахъ исполненія заповѣдей Его, какъ Онъ Самъ непреложно обѣтовалъ въ Своей прощаль-

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церк. Вѣдомости» 1893 г. № 34.

ной бесѣдѣ къ Апостоламъ (Іоан. 15, 10). Сія мысль да даруетъ тебѣ бодрость въ терпѣніи скорбей, въ борьбѣ съ духомъ уныпія, въ обузданіи страстныхъ порывовъ.

Но знай и то, братъ мой, что немногіе идутъ симъ путемъ; знай, что есть иной путь,—путь, ве ко спасенію ведущій, и однако извѣданный нами гораздо болѣе, чѣмъ первый. Вотъ съ этого то пути, обращая взоръ свой къ новопостриженному, исполненному духовной радости брату, инокъ охватывается горячимъ, но, увы, невыполнимымъ желаніемъ стать на его мѣсто, начать снова длинный рядъ дней, мѣсяцевъ и годовъ своего иноческаго шествія. О, съ какою тщательностью, думаетъ онъ, я избѣгалъ бы тѣхъ соблазновъ, которымъ предавался съ такимъ безумнымъ легкомысліемъ, не подозрѣвая тогда, къ какому печальному нравственному безсилію они меня приведутъ; какъ дорожилъ бы, какъ боязливо охранялъ бы я себѣ даръ божественной благодати, который мнѣ столь безпечно предалъ на разграбленіе невидимымъ врагамъ; мудрости научили меня мои несчастія, но невозвратимое и неудержимое время лишаетъ меня возможности приложить во всей мѣрѣ мудрость сію къ осуществленію въ жизни моей.—Но если допущенныя по неопытности ошибки создаютъ позднюю мудрость нерадивому монаху, подобно тому, какъ адская казнь дала ее жестокосердому богачу (Лук. 16, 27 — 30), то да будетъ она плодотворна по крайней мѣрѣ для другихъ, вступающихъ на путь совершенства, научая ихъ, „яже подобаетъ творити и ихъ же отчаяватися“.

Итакъ, выслушай, каковъ бываетъ обычный пріемъ искусителя, желающаго похитить у инока сѣмя духовной жизни. Зная его на первыхъ дняхъ вооруженнаго божественною ревностью, онъ оставляетъ его покойнымъ, какъ Авессаломъ отца своего Давида. Но чуть только станетъ ослабѣвать онъ въ молитвѣ или бдѣніи надъ собою, врагъ показываетъ ему монаховъ съ виду нерадивыхъ, ведущихъ какъ бы предосудительную жизнь. Если новоначальный, и не произнеся слова

осужденія, презрительнымъ, уличающимъ чувствомъ отзовется на нихъ въ душѣ своей, то уже и этимъ отворяетъ въ ней дверь врагу, ибо отселѣ не далеко и до тайныхъ словъ, исполненныхъ грѣховной горечи: *нѣсмь якоже прочіи человѣцы* (Лук. 18, 11). Пусть подъ прочими онъ разумѣетъ пока только явныхъ злодѣевъ, но превозношеніе сіе уже лишило его той сострадательной любви къ нимъ, которая нѣкогда оправдала грѣшницу въ домѣ Симона (Лук. 7, 47); повторяясь-же неоднократно, сіе превозношеніе скоро и уста его откроетъ на осужденіе другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на оправданіе себя. Ибо скоро послѣ сего откроется ослабленіе прежняго усердія въ молитвѣ и добрыхъ дѣлахъ, а гибельный ядъ осужденія, обильно изливавшійся изъ устъ человѣка, уже лишилъ его способности искать въ себѣ самомъ причинъ для укоренія себя-же, такъ-что мало по малу и явно совершенный грѣхъ, вмѣсто того, чтобы пробудить его спящую совѣсть, подобно алектору Петрову, наоборотъ— увы—усыпляетъ ее, научая гибкую мысль нашу ухищряться въ пріисканіи хотя и нелѣпыхъ, но все-же усладительныхъ для горделиваго грѣшника оправданій. Потемненная совѣсть, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе снисходитъ къ паденіямъ, а вкравшійся змѣй гордыни возрастаетъ до такой наглости, что уже не паденія только, но и самую страсть, которой началъ служить его плѣнникъ, старается оправдать, какъ нѣчто простительное, и при всемъ томъ еще со злѣйшимъ ожесточеніемъ бичуетъ прочіе пороки и подверженныхъ имъ братій, дабы преградить къ ослѣпленному грѣшнику путь исполненнаго покаянныхъ слезъ смиренія. Кончается-ли этимъ недугомъ его властительное мучительство? Увы, нѣтъ! Все расширяя область прикасающихся сраженному подвижнику пороковъ, — ибо чѣмъ онъ теперь будетъ противостоять имъ?—врагъ и здѣсь не только не даетъ ему возможности открыть глаза на свое опасное положеніе, но стремится довести его до такого безумія, чтобы питать и удовлетворять свое горделивое превозношеніе мыслью объ об-

ладаніи какою либо хотя одною добродѣтелью, а всѣхъ ближнихъ осуждать за неимѣніе послѣдней или за невполнѣ совершенное обладаніе ею, нисколько въ то-же время не стыдясь ихъ превосходства предъ собою въ прочихъ добродѣтеляхъ, но понуждая почитать послѣднія или обманомъ, или суетою. До такого языческаго или, лучше скажу, звѣрскаго безумія доходитъ нерадящій о душѣ своей человѣкъ; но какого страха долженъ исполниться и ты, избранникъ Божій, при мысли о томъ, что къ подобному-же ужасному концу приводитъ діаволъ и неразумнаго монаха, въ самой духовной ревности послѣдняго почерпая силу для своихъ первыхъ нападеній. Только то оружіе, коимъ низложилъ врага предивный во святыхъ Макарій, т. е. спасительное смиреніе и постоянное осужденіе себя, а не другихъ, можетъ избавить и тебя, возлюбленный братъ, отъ дѣлъ зависти Еввинаго обольстителя. Имѣя потупленныя очи, бія себя въ перси при воспоминаніи о содѣянныхъ грѣхахъ, противостань злому искусителю. Почитай себя стоящимъ надъ пропастью, или висящимъ надъ нею на протянутомъ сверху вервіи и громко взывающимъ о помощи къ Совершителю нашего спасенія. Дни духовныхъ восторговъ и часы сладостныхъ созерцаній пусть не отдаляютъ отъ тебя мысли о предстоящей опасности; пусть не ввергаютъ тебя въ послѣдующіе часы и дни въ самоувѣренную безпечность, но, напротивъ, да снабжаютъ они тебя силою къ новымъ подвигамъ, какъ Давида дни промедленія возставшаго на него сына. Пусть и эти первые дни, какъ нѣкогда мудрый Хусій, ослабятъ врага совершенно, укрѣпивъ тебя дарами божественной благодати и наипаче благодати смиренія, дабы эти священные дары, раздаваемые затѣмъ Богомъ чрезъ труды твои многимъ и многимъ, никогда не надмевали тебя, но лишь преисполняли сердце твое любовью къ людямъ и прославленіемъ Искупителя, дабы не по названію только, но и на дѣлѣ являлся ты носителемъ образа ангеловъ, всегда сослужащихъ спасенію людей и воспѣвающихъ во вѣки Творца. Аминь.

СЛОВО

при постриженіи магистранта Московской Духовной Академіи Василія Мещерскаго (Евдокима) [1]).

Возлюбленный братъ о Господѣ! Ты слышалъ сейчасъ оглашеніе святой Церкви о свойствахъ того жизненнаго пути, который избранъ тобою; слышалъ ты, что это путь скорбей, лишеній и огорченій всякаго рода. Но ты съ непостыднымъ упованіемъ исповѣдывалъ радостную готовность принять сей крестъ на рамена твои, и въ настоящій день желаешь мысленно говорить съ Апостоломъ: для „*Христа Іисуса Господа моего, для Него я отъ всего отказался, и все почитаю за соръ, чтобы пріобрѣсть Христа*“ (Филип. 3. 8, 9). Понятна твоя готовность въ день сей, ибо совѣсть твоя, просвѣтленная рѣшимостію посвятить себя Богу и очищенная таинствомъ покаянія, уже осуществляетъ въ себѣ отчасти обѣтованіе Христово: „*блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ*“ (Матѳ. 5, 8). Воспользуйся же, возлюбленный братъ, этимъ просвѣтленіемъ очей сердечныхъ, чтобы устремить ихъ на дальнѣйшій путь твой, на сей путь скорбей, и заранѣе опредѣлить свое къ нимъ отношеніе.

Троякаго рода бываютъ скорби иноческой жизни: есть скорби побѣдныя, спасительныя, есть и скорби грѣховныя. Перваго рода скорби или страданія являются, какъ необходимое послѣд-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церк. Вѣдомости» 1894 г. № 32.

ствіе или просто обнаруженіе того внутренняго измѣненія, въ коемъ заключается подвигъ совершенства духовнаго или благодатнаго обновленія. Тлѣетъ при семъ обновленіи нашъ ветхій человѣкъ, какъ истлѣваетъ одна форма жизни любого животнаго при переходѣ его въ другую; тлѣніе есть страданіе, да и самое страданіе то не есть-ли именно замѣна одного жизненнаго содержанія другимъ, потеря или лишеніе одного и внѣдреніе другаго? Блаженно это страданіе, когда ветхое и злое замѣняется благодатнымъ, добрымъ. Переносить его такъ же легко, какъ побѣдителямъ—залѣчивать небольшія раны отъ безсильныхъ плѣненныхъ враговъ: это раны—напоминаніе о побѣдѣ, онѣ хотя и причиняютъ страданія, но самыя страданія являются постояннымъ источникомъ радости, почему и говорятъ Апостолы: „*всяку радость имѣйте, братіе мои, егда во искушенія впадете различна*“ (Іаков. 1, 2): „*еюже бо любитъ Господь наказуетъ, біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ*“ (Евр. 12, 6). Дай Богъ, чтобы именно такія скорби на своемъ жизненномъ пути встрѣчалъ ты и всѣ мы, молившіеся о спасеніи твоемъ, монахи и міряне: это страданія распинаемыхъ похотей, подавляемой гордости, воспринятыхъ постовъ и добровольныхъ лишеній.

Но бываютъ и иныя скорби, и, къ сожалѣнію, чаще, чѣмъ тѣ, блаженныя страданія. Разумѣю скорби грѣховныя, куда относится то неудовлетворенное, тягостное и безпокойное или исполненное унынія настроеніе, которое испытываютъ всѣ коснѣющіе въ похотяхъ грѣшники, но съ особенною остротой—нерадивые служители Бога, нарушители данныхъ Ему обѣтовъ добродѣтельнаго житія, пребывающіе въ лѣности или ожесточеніи и утрачивающіе вѣру во всесильную благодать Божію, чуждые упованія, не ищущіе покаянія. Отъ сихъ скорбей да сохранитъ Господь тебя и всѣхъ насъ, ибо то скорбь не побѣды, но пораженія, скорбь удаленія отъ Бога, скорбь, лишенная всякаго утѣшенія и даже не ищущая его.

Впрочемъ, есть еще третья скорбь, по остротѣ и горечи своей подобная сей второй, но уже не грѣховная; это тоже

скорбь удаленія отъ Бога, но испытываемая не за себя самого, а за другія, врученныя подвижнику души. Разумѣю скорбь пастыря, тѣ муки духовнаго рожденія, коими мучился божественный Павелъ, мучился, доколѣ не изобразится въ нихъ Христосъ (Гал. 4, 19). Сію пастырскую скорбь о погибели душъ освятилъ въ Себѣ Самомъ и Господь нашъ, Который объ Израилѣ говоритъ: *цѣлый день Я простиралъ руки Мои къ народу непослушному и упорному* (Римл. 10, 21). Чѣмъ глубже эта скорбь, чѣмъ мучительнѣе и горче воздыханія о другихъ, тѣмъ угоднѣе Богу, тѣмъ чистительнѣе для воздыхающаго, тѣмъ спасительнѣе для тѣхъ, за кого возносятся воздыханія, ибо сказано: *смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ* (2 Кор. 4, 12), т. е. въ пасомыхъ. Въ несеніи сей скорби да укрѣпитъ и да умудритъ тебя Господь и да утѣшаетъ радостями духовнаго многочадія, по реченному: *возвеселися неплоды нерождающая, возмяси и возопій нечревоболѣвшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа* (Ис. 54, 1).

Повидимому, весьма разнородны эти три рода скорбей и конечно легко было бы опознаться въ нихъ, еслибы онѣ входили въ душу подвижника раздѣльно. Но такое правильное, чуждое смутности развитіе духа, если и было возможно, то развѣ въ условіяхъ первоначальной жизни христіанскаго монашества, когда новопостриженный надолго освобождался отъ всякаго попеченія о чемъ бы то ни было, кромѣ своей души, да и она-то вручалась опытному старцу, возводившему ее на путь правый, всегда наблюдавшему за всѣми ея уклоненіями и раскрывавшему юному подвижнику его духовное содержаніе. При тогдашнемъ обиліи отцовъ духовныхъ, пасеніе другихъ вручалось имъ не прежде, чѣмъ въ собственной душѣ инока водворялась ясность и чистота помысловъ и постоянное зрѣніе иного міра.—Не то будетъ съ тобою: тебѣ предстоитъ попеченіе о наученіи другихъ почти съ первыхъ дней иноческой жизни. Здѣсь то вотъ и предлежитъ постоянная гибельная опасность—злое принять за доброе, и чрезъ то утрачивать

драгоцѣнный даръ разсужденія. А между тѣмъ, какъ часто случается, что не утвердившійся въ управленіи собственною душою своею пастырь или дѣятель принимаетъ движеніе грѣховныхъ помысловъ унынія или гнѣва за ту священную пастырскую скорбь, внушеніямъ которой онъ хочетъ повиноваться! Будучи въ уединеніи, онъ ищетъ общественной дѣятельности, какъ бы изъ—за братолюбія, но на самомъ дѣлѣ поддаваясь искушеніямъ разсѣянія или даже властолюбія; а наскучившись трудностію пасенія душъ, убѣждаетъ себя въ необходимости отшельничества, на самомъ дѣлѣ служа духу нетерпѣнія и утрачивая любовь къ наслѣдію Христову. И въ такое самообольщенное и смятенное состояніе духа легко впадаетъ инокъ-пастырь, часто лишенный возможности углубляться въ состояніе собственнаго духа. Посему проси Самого Господа, чтобы Онъ купно съ тобою творилъ или за тебя благопоспѣшно исполнялъ сіе важное дѣло: *искуси мя, Боже, и увѣждь сердце мое*; *истяжи мя и разумѣй стези моя*; *и виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ* (Псал. 138. 23, 24). Сію молитву повторяй при всякомъ начинаніи твоемъ, не полагаясь на собственный разумъ, ибо смотри, при какихъ высокихъ подвигахъ служенія проповѣдническаго служитель Божій можетъ подвергаться и грѣховнымъ скорбямъ. *Благовѣстихъ правду Твою въ церкви великіи*, говоритъ псалмопѣвецъ, *не скрыхъ милость Твою и истину Твою отъ сонма многа*, и однако прибавляетъ: *яко одержаша мя злая, имъ же нѣсть числа: постигоша мя беззаконія моя, и не возмогохъ зрѣти* (Псал. 39, 10. 11. 13). Помни и о томъ, что великій угодникъ Божій, святитель Тихонъ, сей ближайшій и наилучшій образецъ для ученаго монашества, учитель всего народа русскаго, подвергался однако опасности такого пагубнаго смѣшенія, и лишь благость Божія чрезъ напоминаніе одного простеца удержала его отъ ошибки принять помыслъ высокоумствованія за помыслъ братолюбія.

Какъ же научиться сему мудрому различенію намъ-то немощнымъ и малоопытнымъ, особенно въ тѣ, для всякаго инока-пастыря неизбѣжные дни глубокихъ, мучительныхъ и сложныхъ печалей, когда тройственная скорбь нетолько исполняетъ горечью сердце и утробу, но и покушается совершенно затмить умственный взоръ, такъ что и небо какъ бы скрывается, и земля уходитъ изъ подъ ногъ унывающаго подвижника. Грѣховная печаль его нѣсколько отдалила отъ Бога, молитва его оскудѣваетъ и ноющее сердце говоритъ ему, что онъ забытъ и оставленъ.

Это безотрадное настроеніе, возлюбленный братъ, весьма напоминаетъ то, что испытывали жены мироносицы предъ событіемъ, о которомъ мы слышали въ евангеліи, прочитанномъ на нынѣшнемъ священнослуженіи. Подобно добрымъ инокамъ, онѣ все оставили для Христа, забыли дома свои и родню, и нѣкоторыя изъ нихъ—высокое положеніе, а другія—веселую, исполненную грѣховныхъ наслажденій жизнь. Конечно, всѣ эти лишенія давали себя чувствовать и во время земной жизни Господа; къ нимъ присоединялись постоянно новыя скорби и недоумѣнія при видѣ враждебной холодности іудеевъ къ проповѣди ихъ Учителя и Его униженной отчужденности вмѣсто ожидаемой славы и воцаренія надъ Израилемъ. Однако, какъ ни многократно повторялись эти огорченія, но пока Господь былъ съ ними и слухъ ихъ оглашался Его очистительными сладчайшими глаголами, онѣ имѣли постоянный источникъ исцѣленія своимъ печалямъ. Когда-же настали ужасные дни преданія, осужденія, страстей, распятія и смерти, вотъ здѣсь скорбь ихъ превысила всякую мѣру, поколебалась ихъ вѣра, отлетѣла надежда. Совершенно убитыя приходятъ онѣ ко гробу воздать почившему послѣдній долгъ, яко человѣку. Все теряютъ онѣ, чѣмъ жили раньше, во что вѣровали, чего надѣялись; не потеряли только любви и самоотверженія, и эта любовь въ очахъ Христовыхъ сдѣлала ихъ достойными принять благую вѣсть о воскресеніи. Души ихъ были погружены во тьму скорбей, но внезапный свѣтъ осія-

ваетъ ихъ, ангелъ, сѣдящій на гробѣ, возвѣщаетъ имъ вѣщую радость, и вотъ Самъ воскресшій Господь привѣтствуетъ ихъ глаголомъ устъ Своихъ и дозволяетъ имъ прикоснуться къ пречистымъ стопамъ Своимъ.

Такая же радость, возлюбленный, не отъ человѣка и не отъ человѣческихъ усилій, но единственно, какъ даръ благодати божественной, дается ослабѣвающему духовному воину, если онъ не устранитъ изъ своего сердца исканія Христа, если не потеряетъ самоотверженнаго желанія любить Его. Говорю, конечно, не о живомъ чувствѣ любви, которое невозможно искусственно возбудить въ себѣ въ эти тяжкіе дни испытанія и унынія, но о томъ, чтобы, вопервыхъ, удалять отъ сердца своего враждебный ропотъ, удалять самооправданіе и требовательность, и говорить самому себѣ такъ: хотя и тяжко мнѣ, но вѣдь не для радостей пошелъ я по пути сему; я отрекся отъ всякаго земнаго счастья и исповѣдалъ готовность искать только Христа. Если чувствую теперь Его удаленіе, значитъ, я самъ виновенъ предъ Нимъ, хотя и не могу понять, въ чемъ именно. Мнѣ представляется, что скорби несу я ради Него, но если онѣ такъ мятежны, то много и моей собственной вины въ претерпѣваемыхъ внутреннихъ напастяхъ, ибо неложно сказалъ Апостолъ: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете* (1 Кор. 10, 13).

Сказавъ себѣ сіи слова, вспоминай и о нынѣшнемъ блаженномъ днѣ, когда сердце твое совершенно отрѣшалось отъ всего мірского и устремлялось единственно къ любви Христовой.—Тогда вдругъ разсѣется окружавшій тебя духовный мракъ. Господь, принявъ жертву твоей покорности и самоосужденія, возсіяетъ въ сердцѣ твоемъ свѣтъ Своего благодатнаго присутствія, какъ иногда мироносицамъ при гробѣ. Внезапно освѣтитъ тебя лучъ разумѣнія, и смятенный внутренній міръ твой предстанетъ тебѣ во всей ясности. Увидишь ты сразу, въ чемъ ты самъ погрѣшилъ и что терпѣлъ Христа ради, какой несъ крестъ и какими собственными

отступленіями усугублялъ его тяжесть. Какъ-бы на двѣ половины расколется твое внутреннее настроеніе, и слезы покаянія, обильно исторгаемыя изъ очей твоихъ, омоютъ и вынесутъ вонъ изъ твоей духовной храмины всѣ тѣ помыслы ожесточенія, или гордости, или чувственности, которые прежде незримо въ ней гнѣздились. Быстро удалится тогда давившее тебя раньше уныніе и не съ ропотомъ, а съ благодарностію поднимешь ты снова крестъ твоего служенія и будешь лобызать тѣ черныя одежды, которыя тебя съ нимъ соединили. Твое сердце, освободившись отъ печали міра сего, сохранитъ только печаль, яже по Бозѣ. Тихій, непоколебимый миръ внутренній снизойдетъ въ твою душу, и ты такъ проникнешься сознаніемъ присутствія Христова, что не осмѣлишься очей твоихъ поднять отъ земли, какъ бы страшась увидѣть Его предстоящаго. Тогда благословишь ты скорби свои и лишенія, тогда поймешь, сколь неотступно Его любвеобильное попеченіе о душѣ твоей, и мысленно будешь творить то, что сказано о святыхъ женахъ: *онѣ же ястѣся за ногѣ Его, и поклонистѣся Ему* (Матѳ. 28, 9). Аминь.

СЛОВО

При постриженіи въ монашество [1]).

Привѣтствую васъ, возлюбленные братія, съ принятіемъ ангельскаго образа. Сегодня вы не только предъ лицемъ насъ—грѣшныхъ, но предъ лицемъ Самого Господа и святыхъ Его дали торжественный обѣтъ—быть вѣрными иноческому званію и неуклонно идти тѣмъ путемъ, какимъ шли и достигли царствія небеснаго воспоминавшіеся нынѣ святые угодники—святые Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, преподобный Сергій Радонежскій и подобные имъ иноки-подвижники. Великій и трудный подвигъ предстоитъ вамъ отнынѣ: какъ вы сами слышали сегодня, Господь будетъ судить васъ и воздастъ вамъ не по тому, что вы обѣщали, но по тому, какъ вы исполнили обѣщанное.

Правда, въ настоящія минуты вы съ радостнымъ упованіемъ и съ легкимъ сердцемъ взираете на путь сей. Облеченные во вся оружія Божія, вы вмѣняете въ соръ всѣ прелести міра; всѣ приманки его кажутся вамъ нынѣ жалкими, ничтожными. Отрѣшеніе отъ всего земного и успокоеніе сердца своего въ Богѣ—вотъ что является вожделѣнной цѣлью жизни нашей въ день сей. Но, други мои, ненадолго оставлено вамъ

---

[1]) Слово это сказано при постриженіи въ монашество студентовъ Казанской духовной академіи 4 курса священника Никодима Троицкаго и 2-го курса Валентина Лебедева 16 ноября на всенощномъ бдѣніи. Новопостриженнымъ дали имена первому Наоанаилъ, второму—Варсанофій. Въ первый разъ напечатано было въ журналѣ «Церк. Вѣдомостей» 1896 г. № 49.

будетъ такое благодушное настроеніе. Недолго вы будете нести только подвигъ иноческаго послушанія и вести борьбу съ своими только личными искушеніями для спасенія душъ своихъ. Скоро по выходѣ изъ стѣнъ сихъ на васъ возложатъ иной подвигъ,—поручатъ вамъ духовное руководительство надъ другими и попеченіе о спасеніи душъ многихъ; будете вы трудиться, какъ пастыри, какъ учители и пастыри пастырей. Это—путь, которымъ шли наши великіе святители—святый Димитрій Ростовскій, святый Митрофанъ, Иннокентій, Тихонъ, новопрославленный святитель Черниговскій Ѳеодосій; подвигъ великій и святой, но чрезвычайно трудный для тѣхъ, которые хотятъ непритворно понести его. Скорбямъ и искушеніямъ тутъ больше мѣста, чѣмъ въ подвигѣ иноковъ, живущихъ въ удаленіи отъ міра и заботящихся о своемъ только спасеніи.

Еще не освоитесь вы съ духовною бранью въ себѣ самихъ,—а васъ уже заставятъ помогать другимъ въ этой борьбѣ. Не спрашивая о томъ, расположены ли вы къ этому въ тотъ или иной часъ, прямо будутъ требовать отъ васъ духовной помощи. Быть можетъ, въ собственной душѣ твоей будетъ происходить цѣлая буря искушеній и помысловъ,—а къ тебѣ придетъ сокрушенный духомъ грѣшникъ, чтобы разрѣшить, чтобы успокоить мятущійся духъ свой. Или когда сердце твое ноетъ и стонетъ подъ тяжестью какой-нибудь скорби или уныніе, позовутъ тебя въ большой храмъ проповѣдывать народу слово Божіе. Или вотъ помыслы чувственные, либо тщеславные начнутъ усиленно толкаться въ душу твою,—а тебя требуютъ совершать Божественную службу, исповѣдывать грѣшниковъ, назидать учениковъ. Часто будешь ты исповѣдывать Господу въ сокрушенномъ сердцѣ недоумѣніе о путяхъ Его Промысла и говорить: „*Печаль пріятъ мя отъ грѣшникъ, оставляющихъ законъ Твой* (Пс. CXVIII, 53),—будешь ужасаться, *яко путь нечестивыхъ спѣется* (Іер. XII, 1),—а въ то же время будешь обязанъ утѣшать христіанскую душу ученика при подобномъ же сомнѣніи. Вотъ когда, возлюбленные, предстоитъ вамъ самое опасное искушеніе —измѣнить своимъ

священнымъ обѣтамъ преданности волѣ Божіей, цѣломудрія, послушанія и смиренія. Когда столкнется въ одно и то же время борьба внутренняя съ внѣшней заботой или скорбью, тогда діаволъ нашептываетъ изнемогающей душѣ монаха: „Поступись своими обѣтами только на этотъ разъ, чтобы не изнемочь въ борьбѣ до полнаго безсилія; только одинъ разъ сдѣлай уступку страстному помыслу, или честолюбивымъ мечтамъ и стремленіямъ, или гнѣву и раздраженію на подчиненныхъ; отступись отъ борьбы на мгновеніе, отдохни—и снова примешься за духовное дѣланіе". Не вѣрьте ему никогда! Не думайте, возлюбленные братія, что такая уступка грѣху можетъ успокоить и обезопасить васъ; напротивъ, ею-то и воспользуется врагъ, чтобы поставить васъ въ мучительное состояніе духовной раздвоенности, не дающей душѣ покоя ни при добромъ, ни при грѣховномъ ея состояніи. Такъ человѣкъ, подвергшійся простудной лихорадкѣ, потерявшій естественную теплоту въ тѣлѣ своемъ, ни въ холодѣ, ни въ теплѣ не знаетъ покоя плоти своей: его бросаетъ то въ жаръ, то въ ознобъ. Подобное бываетъ и съ падшимъ борцомъ духовнымъ. Укореняющаяся страсть съ сугубой силой мучитъ его въ подвигѣ, душа ослабляется безнадежностью; а при новомъ возвращеніи ко грѣху его терзаетъ оскорбленная совѣсть.

Изъ этой мучительной раздвоенности возможны только два исхода. Одинъ—отъ котораго да защититъ Господь всѣхъ насъ, здѣсь стоящихъ—и монаховъ и мірянъ,—состоитъ въ томъ, чтобы совершенно заглушить въ себѣ совѣсть, всецѣло отдавшись порочнымъ страстямъ; другой исходъ—въ томъ, чтобы возгорѣться ненавистью къ страсти своей, призывая на помощь всесильную благодать Божію,—вооружиться на врага до полнаго его истребленія, сказать съ псалмопѣвцомъ: „*Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются*" (Пс. 17, 38).

Если же вы будете изнемогать въ этой борьбѣ, когда вамъ будетъ особенно тяжело,—тогда вспоминайте настоящій великій и блаженный для васъ день, когда вы съ очищенными

душами, съ пламенною ревностью по Богѣ и съ твердою рѣшимостью вести жизнь богоугодную припали къ святому жертвеннику и дружинѣ сей; вспоминайте, какіе великіе и страшные обѣты дали вы въ этотъ день, и какую радость духовную переживали вы, принявъ образъ ангельскій.

Однако, не всегда и это средство будетъ достаточно. Придутъ дни тяжкіе, будутъ *„отвнѣ нападенія, и изнутри страхи“* (2 Кор. 7, 5). Тогда познаетъ всякій подвижникъ ничтожество силъ человѣческихъ, шаткость нашей естественной добродѣтели,—познаетъ, что спасаемся мы единою благодатію Божіей и въ жизни духовной бываемъ подобны Петру, тонущему посреди моря и спасаемому единою десницею Христовой. Тогда возопійте къ Нему изъ глубины сердца, исповѣдая Ему свою немощь,—и вдругъ начнутъ спадать съ васъ оковы страстей и скорбей, или войдетъ въ души ваши неустрашимая бодрость въ борьбѣ съ ними. Вотъ почему подвигъ спасенія, подвигъ монашества есть собственно подвигъ смиренія и покаянія.

Истину сію уразумѣваетъ всякій инокъ, искусившійся въ борьбѣ духовной. Но блаженъ тотъ инокъ, который вступаетъ на путь своего дѣланія съ глубокимъ, яснымъ сознаніемъ сей истины. Это убѣжденіе въ своей немощи и въ силѣ благодати есть лучшее средство къ облегченію иноческаго подвига. Имъ были крѣпки и велики названные иноки—пастыри, умѣвшіе въ такомъ чудномъ единствѣ сочетать оба эти подвига. Были въ ихъ власти сокровища земныя, но они считали себя лишь приставниками къ распредѣленію ихъ нуждающимся; были у нихъ пространныя хоромы, но онѣ служили имъ не упокоеніемъ, а безмолвнымъ увѣщаніемъ къ сугубому вниманію о душѣ своей; было у нихъ много подвластныхъ и возможность безнаказанно величаться надъ ними, но они почитали себя слугами всѣхъ, такъ что умножающаяся власть была для нихъ умножающимся рабствомъ предъ многими. Души ихъ горѣли ревностію о спасеніи всѣхъ, а изнемогающая въ болѣзняхъ плоть удручала ихъ страданіями,—но смотрите, ка-

кой мирный, радостный взоръ обращали они на міръ сей, какъ любили людей, какъ сочувственно откликались на ихъ запросы. „Если Ты низвергнешь меня во адъ“,—говорилъ одинъ изъ нихъ къ Богу,—„то я и тамъ не престану воспѣвать Твою славу“. Такова сила смиренія, сила вѣры въ благодать Божію. Этою силою да облекутъ васъ, братія, новыя одежды ваши и общая наша съ вами молитва. Да даруетъ Господь, чтобы вы пребыли вѣрными до смерти иноческому званію, добрѣ скончали теченіе подвига земнаго,—чтобы послѣ того вы удостоились припасть уже не къ церковному жертвеннику, а къ небесному престолу Царя славы, и приступить не къ этой дружинѣ подобныхъ вамъ кающихся братій, а къ небесному воинству святыхъ ангеловъ, радующихся о единомъ грѣшницѣ кающемся. Аминь.

СЛОВО

при постриженіи студентовъ Казанской Духовной Академіи, священниковъ,—Михаила Павлова (Макарія) и Павла Раевскаго (Θеодосія). [1])

„Возлюбленные братья священноиноки Макарій и Θеодосій.

Сегодня вы приступили работать Господу, отринувъ жизнь мірскую. Не въ первый разъ въ вашей жизни посвящаете вы себя на служеніе Богу. Окончивъ семинарскую школу, вы рѣшились воспринять жребій служенія пастырскаго, предпочитая его всякому мірскому званію. Но Господу не угодно было оставить васъ на этомъ поприщѣ служенія Ему, и Онъ неожиданно для васъ вызвалъ васъ на другое.

Явленіе это не единственное въ исторіи Божественнаго домостроительства нашего спасенія: напротивъ, едва ли не съ первыхъ страницъ священной исторіи встрѣчаемся мы съ такими обнаруженіями воли Божіей, когда Господь служителей Своихъ, начиная еще съ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, удерживалъ отъ избраннаго ими способа служить Ему, и властно, иногда даже какъ бы сурово, привлекалъ ихъ къ инымъ подвигамъ, для нихъ нежелательнымъ, даже мучительнымъ. Такъ, Авраама, Исаака, Іакова и Іосифа десница Божествен-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости». 1897 г. № 13.

ная перебрасывала изъ одной страны въ другую, отъ одного народа къ другому, то возводила на высоту общественной жизни, то низвергала на дно ея, даже до темницы и изгнанничества; то умножала число присныхъ ихъ и домочадцевъ, то разлучала ихъ съ ними, а отъ одного изъ нихъ даже потребовала принесенія въ жертву единороднаго сына.

Блаженъ тотъ служитель Божій, который во всѣхъ испытаніяхъ, коимъ онъ подвергается, сохраняетъ твердую вѣру въ то, что Господь не по иному какому-либо побужденію, какъ только по любви къ нему сокрушаетъ его скорбями и лишеніями, преграждая ему путь даже къ тѣмъ намѣреніямъ жизни его, коими онъ желалъ служить тому же Небесному Владыкѣ. Блаженъ онъ, если пойметъ, что подобное препятствіе нужно было единственно для того, чтобы доброе намѣреніе его сердца очищалось отъ примѣси себялюбія и гордости, неизбѣжно привходящей во всѣ дѣянія ветхаго человѣка, —если съ покорностью перемѣнитъ онъ, согласно указанію Божію, прежній жребій жизни своей на новый, хотя бы онъ не сходился съ первоначальнымъ его желаніемъ. Такъ поступили и вы, возлюбленные братья, когда съ покорностью претерпѣвъ отъ Бога разрушеніе семейнаго очага своего, пошли туда, гдѣ, согласно, хотя съ недавнимъ, но мудрымъ преданіемъ Церкви, усмотрѣли вы свое новое призваніе. Вы отдали себя вновь руководству церковной школы, а нынѣ исповѣдали окончательную готовность посвятить жизнь свою исключительно Богу и Церкви. Иная участь постигаетъ тѣхъ, которые въ посылаемыхъ испытаніяхъ и несчастіяхъ не умѣютъ или не хотятъ проразумѣвать голоса того же любящаго и благоснисходительнаго Господа. Они ожесточаются, впадаютъ въ ропотъ, уныніе и отвергаются въ своемъ озлобленіи отъ всякаго служенія Богу. Таковы тѣ, поистинѣ несчастные священнослужители, которые, претерпѣвъ разрушеніе семейнаго счастія, погрязаютъ въ порокахъ и, наконецъ, отвергаются самаго священнаго сана, съ которымъ ихъ связало Божественное таинство и клятвенное обѣщаніе. Малыя дѣти разумнѣе

ихъ, ибо и эти послѣднія умѣютъ въ строгомъ выговорѣ любящаго родителя усматривать его ласкающій взоръ, уразумѣвать его огорченную любовь. Господь же, нашъ небесный Отецъ, любитъ насъ больше, чѣмъ земные родители, ибо вы только что слышали слово Его: *аще и жена забудетъ исчадіе свое, азъ же не забуду тебѣ.* Извѣстно вамъ и другое Его слово: *его же любитъ Господь наказуетъ, біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ.*

Итакъ, Онъ, премилосердый Господь нашъ, сокрушивъ васъ скорбями лишеній, нынѣ принимаетъ васъ въ новое пріискреннѣйшее общеніе съ Собою, освобожденныхъ отъ всякихъ земныхъ узъ званіемъ монашества.

Въ чинѣ постриженія вы называетесь припадающими къ Богу и къ святѣй дружинѣ сей. Объ этихъ-то послѣднихъ словахъ и должно размыслить вамъ ради совершеннѣйшаго уразумѣнія предстоящаго вамъ духовнаго дѣланія. Принимая монашество, вы вводитесь въ великое братство, которое въ продолженіе полуторыхъ тысячъ лѣтъ представляло собою лучшій цвѣтъ нивы Христовой святой Церкви; тѣсное единеніе съ этимъ братствомъ, съ его преданіемъ, съ его бытомъ должно быть предметомъ вашихъ всегдашнихъ искреннѣйшихъ стремленій.

Правда, то послушаніе, къ которому призываетесь вы, будетъ существенно разниться отъ обыкновенныхъ монастырскихъ подвиговъ, и внѣшнія условія жизни такъ называемаго ученаго монашества по необходимости различны отъ жизни монаховъ общежительныхъ или пустынныхъ отшельниковъ. Въ виду сего нѣкоторые неразумные люди находили-бы болѣе подходящимъ, чтобы общество ученыхъ монаховъ и по названію своему, и по своимъ нравственнымъ обязанностямъ, и по обѣтамъ, и даже по самому чину постриженія было бы выдѣлено изъ общаго монашескаго званія. Но вамъ да даруетъ Господь мыслить о семъ совершенно противоположнымъ образомъ и всегда держаться того убѣжденія, что нравственная сила ваша, т. е. ревность о славѣ Божіей, чистота жизни, одуше-

вленное самоотверженіе и стойкость въ исполненіи пастырскаго долга, будетъ всецѣло зависѣть отъ того, насколько глубоко и ясно будете вы сознавать себя прежде всего и паче всего *монахами,* насколько будете всегда имѣть готовность отрѣшиться отъ всякихъ высокихъ іерархическихъ полномочій и возвратиться въ среду людей, пекущихся единственно о чистотѣ души своей предъ Богомъ. Знайте, что нелегкій путь служенія предстоитъ вамъ; напротивъ, постоянная борьба съ собственною косностію и грѣховными страстями, а также съ жестоковыйностію порученныхъ вашему пастырскому попеченію душъ, со лжебратіею и вообще съ грѣховными устоями жизни будетъ одолѣвать васъ. Чтобы противопоставить этой окружающей васъ борьбѣ, суетѣ и скорби нѣкое иное внутреннее богатство, должно прежде всего сознавать себя стоящимъ на твердой, вѣками укрѣпленной почвѣ, нужно мыслить себя членомъ многочисленнаго, побѣдоноснаго братства, и такую почву, такое братство представляетъ собою монашество монастырское. Не смотрите на то, что оно не богато ученостію, что многіе сыны его страдаютъ отъ грѣхопаденій; оно за то богато еще глубокою, непоколебимою вѣрою и тою всецѣлою преданностію промыслительной волѣ Божіей, по пути которой вамъ еще много, много нужно усовершаться, хотя вы и вступили на путь сей такъ рѣшительно, покорившись безропотно призывающему васъ указанію Божію.

Но дальнѣшія испытанія по своей многочисленности и неожиданности будутъ еще можетъ быть гораздо труднѣе, такъ что постоянно преодолѣвать житейскую злобу и ложь бываетъ въ состояніи тотъ монахъ-дѣятель, который не со страхомъ и ужасомъ, но съ любовію и упованіемъ помышляетъ о высокихъ бѣлыхъ монастырскихъ стѣнахъ, о денно-нощномъ славословіи въ нихъ Господа, о славянскихъ, *паче же кожаныхъ* книгахъ и о смиренныхъ насельникахъ святыхъ обителей, не мудрыхъ въ наученіи книжномъ и общественномъ, но премудрыхъ въ своей дѣтской вѣрѣ и мужественномъ презрѣніи къ міру.

Впрочемъ, не только въ жизненныхъ несчастіяхъ, но и при сравнительно спокойномъ теченіи вашей дѣятельности, лишь въ общеніи съ этими обитателями монастырей научитесь вы тому главнѣйшему условію терпѣливаго несенія жизненнаго креста, о коемъ мы упомянули въ началѣ слова. Условіе это заключается въ томъ, чтобы во всемъ происходящемъ съ нами считать виновникомъ не людей и не случайныя совпаденія житейскихъ обстоятельствъ, какъ обыкновенно разсуждаютъ люди мірскіе, но нашего Господа и Вседержителя, ибо безъ воли Его и волосъ не спадетъ съ головы нашей и малая птица, цѣнящаяся менѣе пѣнязя, не падетъ на землю. И если въ общеніи съ препростою братіею усвоите вы эту монашескую мудрость, то и ни въ какомъ жизненномъ крушеніи, ни въ оклеветаніи, ни въ лишеніи, ни въ разлученіи не приблизится къ вамъ самый страшный грѣхъ—ропотъ и отчаяніе; ни даже, чего сохрани Богъ, если попуститъ Господь вамъ повергнуться въ тяжкое паденіе грѣховное, не испытаете вы опасности отъ духа унынія и безнадежности, но съ сугубою ревностію возстанете вы къ покаянію и исправленію; ибо въ томъ оправдываются слова опытныхъ старцевъ: „монаховъ много грѣшниковъ, но не многіе изъ нихъ погибаютъ“, что они преемственно другъ отъ друга въ продолженіи пятнадцати вѣковъ сохраняютъ святую увѣренность въ водительствѣ Богомъ ихъ жизнію. Воспринять въ сердцѣ своемъ эту то увѣренность съ перваго дня вашего постриженія желаетъ вамъ окружающая васъ нынѣ монашеская дружина и съ этимъ молитвеннымъ благожеланіемъ вручаетъ васъ незримому руководству святыхъ угодниковъ Макарія и Ѳеодосія, имена которыхъ вы воспріяли“.

Г) Слова и рѣчи надгробныя.

СЛОВО

въ день годовщины смерти доцента С.-Петербургской Дух. Академіи Александра Александровича Приселкова [1]).

Прежде чѣмъ окончить наше молитвенное поминовеніе усопшаго во Христѣ брата нашего и сочлена академической семьи,—это поминовеніе, которое вѣроятно будетъ послѣднимъ возстановленіемъ нравственнаго облика почившаго предъ лицомъ всей Академіи,—всмотримся, братіе, въ значеніе самого событія. Въ жизни большинства изъ насъ предстоящая панихида о человѣкѣ, котораго учащіеся не видѣли, о которомъ вѣроятно и слышали то мало является не болѣе, какъ отвлеченнымъ, хотя конечно и уважаемымъ долгомъ, причемъ мысль большинства развѣ лишь скользнетъ по картинѣ безвременно оборвавшейся жизни. „*Нѣсть память прежнихъ*“, говоритъ Экклезіастъ: „*и послѣднимъ бывшимъ не будетъ память ихъ съ будущими напослѣдокъ*“. Но посмотримъ на это поминовеніе съ точки зрѣнія самой оборвавшейся жизни. Вотъ ученый, проникнутый свѣтлымъ желаніемъ возстановленія православнаго святоотеческаго богословствованія, идеалами одушевленія церковной школы огнемъ просвѣтительной ревности, жилъ, трудился, видѣлъ, какъ трудно эти идеалы осуществлять, какъ лишь малые обрывочки своихъ предначертаній приходится развивать и вводить въ жизнь, какъ лишь не многія единицы между

---

[1]) Произнесено 27 Ноября 1888 г. въ церкви С.-Петербургской Дух. Академіи.—Печатается впервые.

слушателями проникаются желательнымъ содержаніемъ, видѣлъ всю принижающую миніатюрность наличной жизни и однако вѣрилъ въ свой идеалъ, и въ глубинѣ своего духа, невѣдомо отъ всѣхъ восхищался имъ до энтузіазма, продолжая привѣтствовать его, лежа на одрѣ смерти; наконецъ умеръ.— Многое скрытое въ жизни добро, исповѣдается надъ его гробомъ, теплая молитва всей Академіи возносится къ престолу Божію: тѣло опускается въ землю, молящіеся расходятся по своимъ дѣламъ но вотъ обыденная жизнь опять вступаетъ въ свои права, воспоминанія тускнѣютъ и наконецъ, промерцавъ послѣдній разъ въ день годовщины смерти, обрекаются на едва ли не окончательное постепенное исчезновеніе. Во-что, во что разрѣшились всѣ неосуществленные идеалы? что дастъ отвѣтъ на высшіе запросы оконченной земной жизни? тѣ запросы, тѣ идеалы, которыхъ покойный, по своей непреодолимой застѣнчивости не могъ ни проповѣдывать, ни даже многимъ исповѣдывать, но которые только и любилъ въ своей уединенной не веселой жизни, любилъ горячо и чести? Поищемъ бр. на это отвѣта, ибо поставленный вопросъ не чуждъ каждому изъ насъ, ибо это есть вопросъ можно сказать личной жизни почти каждаго питомца духовной школы. Дѣйствительно, наша школа даетъ идеалы самые высокіе, конечные цѣли жизни—самыя святыя,—а житейская дѣйствительность говоритъ о томъ, что они не только рѣдко достигаются, но даже рѣдко обнаруживаются въ человѣкѣ, и слѣдовательно рѣдко могутъ доставлять ему ту высшую небесную радость, которую мы испытываемъ при высшемъ духовномъ общеніи съ учениками и вообще съ ближними! Много носитъ въ себѣ каждый изъ насъ самыхъ святыхъ, самыхъ свѣтлыхъ стремленій, чувствъ, мыслей, много собираетъ познаній, чтобы чрезъ нихъ осуществлять высшія чаянія жизни, какъ-то не терпѣливо смотритъ онъ въ будущее въ надеждѣ приложить впослѣдствіи свое духовное содержаніе къ живой дѣйствительности: но увы время это не наступаетъ, будущее остается будущимъ, неутомимая жизнь идетъ заведеннымъ порядкомъ, пока смерть и

гробъ не уносятъ насъ съ нашими идеалами въ другой міръ. И вотъ нынѣ, оглядываясь всѣ вмѣстѣ можетъ быть въ послѣдній разъ на такую по мірскому сказать—неконченную, но оборванную жизнь, спросимъ бр.: кто-же и что-же увѣнчаетъ въ покойномъ его благія стремленія? Не намъ, конечно, не намъ отвѣчать на эти слова отчаяннымъ пессимизмомъ современныхъ ученій; мы конечно знаемъ слова Христовы: „*все, еже дастъ Ми Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ*“; мы знаемъ, что есть иной міръ, въ которомъ бѣдный въ сей жизни Лазарь возлежитъ на лонѣ Авраама; мы знаемъ, что блаженны алчущіи и плачущіи нынѣ, ибо они насытятся и возсмѣются.—Но неужели только для той загробной жизни Господь вложилъ въ нашъ духъ тотъ горячій восторгъ предъ всѣмъ святымъ и добрымъ, то увлекающее стремленіе бороться съ грѣхомъ сего міра, вносить въ него свѣтъ Евангелія, свѣтъ истины и любви, тѣ вообще упованія, которыя мы умѣемъ такъ горячо любить и такъ мало проводить въ дѣйствительную жизнь? „*Не мертвіи восхвалятъ Тя*“, говоритъ Писаніе: „*ниже сходящіи въ адъ, но мы живіи*“. Когда-же, когда наступитъ то время, чтобы идеализмъ и христ. энтузіазмъ у насъ оставались не въ сердце только, но и въ дѣятельности, въ проповѣди, въ преподаваніи, въ пастырствѣ вообще? Конечно, много для сего нужно условій, и конечно прежде всего не разсудочнаго только саморазвитія, а нравственнаго, борьба съ самимъ собою, христіанственное отношеніе къ жизни, насъ окружающей, и прочее: но объ этомъ мы не будемъ на сей разъ говорить, а ради памяти почившаго толкователя отцевъ Церкви укажемъ на одну принципіальную ошибку нашего общественнаго служенія. Въ качествѣ одной изъ главнѣйшихъ задачъ святоотеческой науки усопшій представлялъ ту мысль, что самое христіанство въ полнотѣ можетъ быть усвоено лишь тогда, если мы чрезъ изученіе Отцевъ Церкви и учителей вѣры поймемъ, какъ оно было усвоено *жизнью*, потому что жизнь христіанская въ нихъ-то и нашла свое выраженіе. Отцы Церкви въ своихъ твореніяхъ не столько разсуждали и до-

казывали, сколько прямо *жили*. Христіанство не есть доктрина, ни исторія: оно есть жизнь, есть прежде всего *построеніе личности*, оно поэтому и не находитъ своего всесторонняго и полнаго выраженія въ системѣ, въ наукѣ, но именно въ *преданіи*, въ живыхъ примѣрахъ личнаго переживанія его небесныхъ истинъ. А потому, какъ для истиннаго уразумѣнія христіанства, такъ особенно для пріобрѣтенія способности просвѣщать чрезъ него ближнихъ, или что то-же осуществлять въ жизни свои завѣтные идеалы, мы братія, не должны запрятывать отъ всѣхъ свою личную религіозную жизнь, не должны въ проповѣди и учительствѣ представлять собою ходячую книгу, но прежде всего являть своего внутренняго человѣка и отыскивать его въ ближнемъ, ибо „образъ вѣчнаго бытія Своего", Господь положилъ не въ отвлеченныхъ идеяхъ, но именно въ человѣкѣ, чрезъ человѣковъ, чрезъ ихъ личную жизнь вводилъ Онъ въ міръ истины откровенія и Человѣкомъ, личностью Богочеловѣка искупилъ насъ отъ вѣчной смерти. Поэтому, пока христіанскіе идеалы не расходились съ жизнью и наукой, но въ нихъ-то и выражались, когда свѣтъ этихъ идеаловъ не ставился какъ нынѣ подъ сосудъ только внутренней, отъ всѣхъ укрываемой жизни,—но на свѣщникъ общественнаго учительства,—т. е. во время Отцевъ Церкви: то мы находимъ въ ихъ твореніяхъ не резонированія, не внѣшнее доказываніе, но именно раскрытіе, исповѣданіе внутренней жизни, видимъ человѣка, говорящаго къ человѣку, видимъ истинный прекрасный образъ Божій; мы тамъ легко понимаемъ силу вліянія подобнымъ путемъ на жизнь и ближнихъ и блѣдность предъ ними современной отвлеченной проповѣди, учительства и общественной дѣятельности, гдѣ дѣйствуютъ лишь идеи, законы и понятія, а не люди, которымъ и дано однако ученіе истины. Да будетъ позволено, братіе, въ заключеніе подвердить гибельность современной духовной замкнутости или запрятыванія нашей внутренней жизни и происходящей отсюда неспособности осуществлять наши академическіе священные идеалы, подтвердить свѣжими, но болѣзненно отзывающимися ка душѣ

прошлогодними воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ жизни почившаго. Его всегдашняя застѣнчивость, усиленная неопредѣленными условіями его служебнаго положенія, была причиной тому, что онъ не могъ облегчить своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій чрезъ признаніе своимъ друзьямъ, но тщательно отъ всѣхъ скрывалъ свой недугъ, а мы, неумѣя найти путь къ его откровенности, узнали о его болѣзни можно сказать за три дня до его смерти и единственнымъ утѣшеніемъ для его души могли предложить лишь надгробную молитву и слезы. Пусть-же, братіе, вторымъ посмертнымъ утѣшеніемъ этой прекрасной христіанской души явится наше общее стремленіе воспроизводить въ научномъ и пастырскомъ дѣланіи образъ мышленія и жизни дорогихъ усопшему Отцевъ Церкви, заключающееся въ томъ, чтобы получить способность не прятать своего внутренняго человѣка, но открытой душой встрѣчать душу нашего ближняго и образъ Бога, положенный въ ней. Тогда мы будемъ имѣть богатую почву для приложенія нашихъ нравственныхъ идеаловъ, тогда жизнь и идеалъ не будутъ исключать другъ друга, тогда мы будемъ въ каждый моментъ своего земнаго бытія испытывать радость духовнаго общенія съ ближними и съ Богомъ, не будемъ знать мучительнаго внутренняго раздвоенія и не со страхомъ, но со свѣтлой надеждой будемъ ожидать перехода въ лучшій міръ, котораго и да удостоитъ Господь душу, прекрасную, свѣтлую душу усопшаго раба своего Александра. Аминь.

Извлеченіе изъ церковнаго слова надъ тѣмъ же усопшимъ [1])

„Не только — говорилъ проповѣдникъ — земныя, своекорыстныя и внѣшнія стремленія человѣческой воли оказываются суетными и скоропреходящими, но нерѣдко Господь не судитъ осуществляться въ этой жизни и инымъ, высшимъ намѣреніямъ нашего духа, намѣреніямъ не себялюбивымъ но святымъ, влекущимся къ славѣ Господней. Такъ совершилось и съ намѣреніями того, чей безвременный гробъ соединилъ насъ сегодня такъ неожиданно въ нашемъ св. храмѣ. Да, земная жизнь почившаго прекратилась, когда онъ только началъ осуществлять свое святое намѣреніе — знакомить русское общество со столь драгоцѣнными для христіанъ древнѣйшими писаніями отцевъ новозавѣтной церкви, прекратилась, когда онъ, окончивъ столь удручавшій его трудъ, получилъ возможность вновь возвратиться на каѳедру святоотеческой письменности, такъ что тотъ самый день, въ который былъ назначенъ его диспутъ, открывавшій ему путь къ преподаванію, былъ и послѣднимъ днемъ его труженической, уединенной жизни.

И нынѣ академія, вмѣсто того, чтобы вновь съ любовью и сочувствіемъ встрѣтить его, какъ своего усерднаго работника, принимаетъ его безжизненное тѣло, чтобы воздать ему „послѣднее цѣлованіе“. Она оплакиваетъ его, какъ

---

[1]) Въ такомъ видѣ напечатано было въ «Церк. Вѣстникѣ» 1887 г., № 49. Въ полности не сохранилось.

талантливаго преподавателя священной науки, какъ великаго знатока древнѣйшей христіанской письменности и новѣйшей ея критики; оплакиваетъ его, не только какъ ученую силу, но и какъ своего дорогого члена, поддерживавшаго внутреннее, нравственное единство академическаго сóюза своею горячею любовью къ академіи, столь горячею и беззавѣтною, что она, при всей застѣнчивости почившаго, ключемъ била въ его рѣчи, въ его сердечно-ласковомъ отношеніи ко всѣмъ сынамъ академіи, а въ минуты одушевленія и откровенности обнаруживалась въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ.

Но особенно незамѣнимо дорого было бы продолженіе дѣятельности почившаго профессора въ текущіе годы умственной жизни русскаго общества съ той стороны, съ которой онъ опредѣлялъ значеніе своей науки и въ частности перваго періода христіанской литературы, бывшаго всегда предметомъ его особеннаго вниманія. Одною изъ задачъ изученія твореній мужей апостольскихъ почившій ставилъ: „жизненное уясненіе божественнаго ученія“, уразумѣть которое достодолжнымъ образомъ онъ считалъ возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда мы будемъ знать, какъ оно отразилось въ сознаніи тѣхъ избранниковъ Божіихъ, которые, будучи непосредственными слушателями священныхъ писателей, не сознаніемъ только, но всею душою восприняли слова спасенія и проводили ихъ не только въ области мысли, но и всей своей жизни, приближая ее къ начертанному намъ въ ученіи Христовомъ пути совершенства.

Почившій умѣлъ раскрывать въ своихъ чтеніяхъ ту живую связь, которая существуетъ между евангельскими истинами и церковною жизнью первыхъ вѣковъ, умѣлъ представить ученіе отцевъ церкви, какъ генезисъ единой, неповрежденной евангельской идеи.

Вотъ эта сторона его преподаванія имѣетъ громадное значеніе въ наше время для двухъ теченій духовной жизни русскаго общества и народа, для тѣхъ двухъ ея направленій, которыя желаютъ раздѣлять духъ евангельскихъ заповѣ-

дей отъ церковнаго преданія, разумѣя подъ послѣднимъ не образное воспроизведеніе той же евангельской истины, но рядъ извѣстныхъ отвлеченныхъ таинственныхъ формулъ и выполненіе извѣстныхъ богослужебныхъ священнодѣйствій. Ничего общаго не находятъ представители того и другого направленія между словами Христовыми и современною церковностью и поэтому одни отвергаютъ одно, другіе — другое. Тѣ, которые признаютъ церковное ученіе искаженіемъ евангельскаго и стараются объяснить послѣднее внѣ всякой связи съ первымъ, эти якобы возстановители вѣры пріобрѣтаютъ вліяніе на умы, не только опираясь на непроходимое невѣжество свѣтскаго общества въ богословскихъ вопросахъ, не только своею грошевою ученостью и безсодержательною притязательностью, но еще болѣе благодаря тому, что ихъ противники, забывшіе нравственный смыслъ, проникающій всю нашу церковность, дѣйствительно лишили послѣднюю въ глазахъ людей поверхностныхъ той высокой духовности, того чистаго одушевленія, которое должно быть присуще обнаруженіямъ божественной вѣры. Да, враги церкви уже не во имя безвѣрія и безнравственности поднимаютъ свое знамя противъ невѣсты Христовой, но силятся представить ея ученіе, ея жизнь, какъ нѣчто, несравненно низшее въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ ихъ собственныя заблужденія. Не менѣе опасны для вѣры и тѣ, которые, пренебрегая „духомъ животворящимъ“, хотятъ обосноваться на одной внѣшности церковныхъ догматовъ и обрядовъ, и представляютъ Христову религію не какъ единый принципъ, единую истину „на потребу“, но какъ рядъ ничѣмъ несвязанныхъ внѣшнихъ отправленій, столь же внѣшнимъ образомъ обусловливающихъ будто бы спасеніе душъ нашихъ. Съ этими-то двумя современными бѣдствіями слѣдовало бороться оружіемъ покойнаго, которое онъ сложилъ такъ безвременно“.

СЛОВО

При погребеніи О. Ѳ. Миллера [1]).

«Зряще мя нынѣ безгласна и бездыханна, восплачите, братіе и други».

Безгласнымъ встрѣчаемъ мы, братіе, того, кого привыкли встрѣчать гласящимъ во всѣхъ лучшихъ собраніяхъ русскихъ людей. Донынѣ мы, сбираясь вмѣстѣ, не знали случая, чтобы Орестъ Ѳеодоровичъ не утѣшилъ насъ вдохновенною рѣчью, а теперь, когда мы собрались именно ради него, уста его замкнуты предъ нами и замкнуты навсегда.

О чемъ же будемъ мы говорить предъ гробомъ твоимъ, умолкнувшій учитель, если не о твоемъ ученіи, о тѣхъ отличительныхъ его чертахъ, которыми ты выдѣлялся изъ ряда товарищей по оружію? Пусть же это надгробное напоминаніе о твоей дѣятельности явится для насъ вмѣсто твоей прощальной рѣчи къ ученикамъ и почитателямъ. Ты вѣренъ былъ до смерти тому слову, съ котораго началъ свою общественную дѣятельность измлада и вотъ на этой-то вѣрности твоей жизни прежде всего должны мы остановить свое вниманіе.

Конечно, всякій общественный ораторъ, профессоръ и публицистъ вѣритъ въ то ученіе, котораго является представителемъ, и говоритъ обществу о томъ, въ чемъ самъ убѣжденъ, такъ что убѣжденность есть свойство большинства ру-

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Славян. Извѣстія» 1889 г. № 24.

ководителей общественной мысли. Но насколько велика разница между подобною убѣжденностью и тою, которую имѣлъ почившій, на это указываетъ намъ тотъ фактъ, что едва-ли только не Орестъ Ѳеодоровичъ съ немногими другими могъ не подчинять своихъ убѣжденій вліянію исторической минуты и небоязненно и непоколебимо пронести свое знамя чрезъ три послѣднихъ десятилѣтія, изъ которыхъ каждое воздвигало своихъ божествъ, свои литературныя моды, увлекая вслѣдъ за ними и мысль руководителей общества, которая, такимъ образомъ, думая управлять жизнью, на самомъ дѣлѣ рабски ей подчиняется. Дѣйствительно, кто не знаетъ характера литературы шестидесятыхъ годовъ? Какъ смѣло тогда сыпались обличенія противъ существующихъ обычаевъ; какъ настойчиво люди призывались къ служенію интересамъ меньшей братіи; могло казаться, что мысль стала совершенно выше жизни и поведетъ ее путемъ науки къ истинѣ. Но еще тогда же лучшіе люди, и между ними Орестъ Ѳеодоровичъ, дерзновенно указывали обществу на то, что современное направленіе есть плодъ не одного только знанія и человѣколюбія, но и матеріализма житейскаго, что оно совершенно упустило изъ виду самые важнѣйшіе запросы жизни, запросы религіозные и нравственные, что нашъ народъ, о которомъ, повидимому, всего болѣе заботились современники, никогда не удовлетворится вещественнымъ благополучіемъ, но алчетъ хлѣба духовнаго, жаждетъ истины религіозной. Именно въ это неблагопріятное время выступилъ Орестъ Ѳеодоровичъ съ ученымъ трудомъ о древнихъ религіозно-бытовыхъ поэтическихъ идеалахъ нашего народа и непостыдно исповѣдывалъ ихъ высшее, чѣмъ экономическія реформы, значеніе. Въ средѣ, самой враждебной для такихъ идей, онъ не стыдился открыто признавать себя послѣдователемъ забытыхъ обществомъ христіанскихъ вѣрованій народа и, подобно Никодиму, призывалъ книжниковъ къ безпристрастію, но, конечно, подобно тому-же Никодиму и слугамъ архіерейскимъ, получалъ отвѣтъ: и ты не изъ Галлилеи-ли? увѣровалъ-ли въ Него кто изъ книжниковъ или изъ фа-

рисеевъ? но этотъ народъ невѣжда, проклятъ онъ. Орестъ Ѳеодоровичъ, однако, остался твердъ въ своей вѣрѣ, а поколебались самоувѣренные отрицатели, поколебались тогда, когда увидѣли, что вдохновленная ими молодежь съ одной стороны уподобляется прежнему чиновничеству и сама уже становится темой для обличительной литературы,—съ другой стороны, желая оставаться вѣрною внушеннымъ ей правиламъ, разрѣшаетъ свои планы о народномъ благоденствіи въ устройство преступныхъ шаекъ, въ крамолу, въ рядъ нечеловѣческихъ преступленій. Но приходитъ конецъ и этому движенію. Восточная война вдохновила всѣхъ патріотизмомъ настолько, что ему поддались самые дотолѣ холодные космополиты и общество объединяется въ пламенной любви къ отечеству и престолу. Но, увы, время показало съ достаточною убѣдительностью, насколько и это направленіе литературы и жизни было случайно и поверхностно. Когда послѣ окончанія войны одинъ лучшій русскій человѣкъ началъ издавать въ Москвѣ печатный органъ, имѣвшій цѣлью разъяснять и поддерживать то направленіе, что овладѣло было всѣми въ періодъ войны, то таже литература обрушилась на него съ грязными ругательствами и подлогами и чернила его, какъ только могла. И опять-же не иной кто, какъ Орестъ Ѳеодоровичъ Миллеръ одинъ изъ немногихъ остался вѣренъ своему направленію религіозному и патріотическому. Съ самоотверженіемъ христіанина и русскаго человѣка взялъ онъ на себя неблагодарную роль не защитника только, но прямо ученика этого оклеветываемаго московскаго литератора и призывалъ юношество проникнуться его ученіемъ и заботиться о бытовомъ сближеніи съ простымъ народомъ во имя христіанской правды и пользы отечества. Въ эти года исторія съ такими неопровержимыми доказательствами подтвердила гибельность противорелигіознаго и противонароднаго направленія науки и общества, что оно ко времени смерти московскаго учителя хотя поздно, но единодушно прославило его память и исповѣдало правоту его ученія. Но этотъ поворотъ повлекъ насъ такъ далеко, что мы признали

единомысленнымъ усопшему другое литературное направленіе въ Москвѣ, въ коемъ, правда, хотя давалось мѣсто и религіи, и народности, но гдѣ начала эти являлись служебными для начала государственнаго объединенія. И вотъ опять не кто иной, но Орестъ Ѳеодоровичъ, не возражая противъ этого направленія по существу, однако, считалъ долгомъ предостерегать общество, что одно дѣло—царство Божіе, царство небесное, а другое—царство земное, которое отъ міра, что первое имѣетъ цѣль въ себѣ самомъ и не должно приниматься, какъ служебное для втораго.

Итакъ, лишь слово Ореста Ѳеодоровича оставалось вѣрнымъ себѣ среди измѣнчивости прочихъ литературныхъ направленій, и эта вѣрность обусловливается вѣрностью того премірнаго Слова, Которое не бываетъ да и нѣтъ, но всегда—да. Не время и не мѣсто говорить здѣсь о томъ, что̀ переносить приходилось усопшему за свою вѣрность и чего лишаться, остановимся на той мысли, что только слово христіанской религіи есть слово неизмѣнное, что лишь тѣ убѣжденія могутъ торжествовать надъ интересами минуты, которыя основаны на истинахъ Евангелія, что только христіанинъ можетъ не преклоняться предъ Ваалами сего міра, предъ Ваалами моды и минутныхъ увлеченій, но оставаться всегда и всюду тѣмъ же. Второю отличительною чертою ученія усопшаго профессора является та жизненная проникновенность своими вѣрованіями, которая придавала идеальную окраску не только всѣмъ его рѣчамъ, но и всѣмъ поступкамъ. Правда, большинство литераторовъ не относится къ своимъ теоріямъ совершенно внѣшнимъ образомъ, а старается слѣдовать имъ и въ дѣятельности; но въ Орестѣ Ѳеодоровичѣ Миллерѣ положительно не различалась жизнь отъ ученія. Онъ равно былъ учителемъ и на каѳедрѣ общественнаго зала, и въ университетской аудиторіи, и дома, и въ церкви, и на улицѣ. Говорилъ ли онъ, или молчалъ, всякій могъ заранѣе знать, какъ отнесется Орестъ Ѳеодоровичъ къ каждому проявленію общественной или личной жизни, что онъ похвалитъ, что осудитъ,

чему порадуется и о чемъ будетъ грустить. Онъ былъ учителемъ жизни въ общественныхъ рѣчахъ и лекціяхъ, но былъ имъ и въ уединенной бесѣдѣ со студентомъ, пришедшимъ къ нему облегчить душу, былъ имъ и въ дѣлахъ помощи нуждающемуся юношеству, когда не только раздавалъ свои послѣднія деньги, но и закладывать свое платье, чтобы достать ихъ для неимущихъ. Онъ былъ учителемъ, когда въ качествѣ чтеца на клиросѣ давалъ собою образецъ любви къ Церкви, когда въ бесѣдахъ и въ жизни отстаивалъ подвигъ дѣвства передъ легкомысленными собесѣдниками. Для него не существовало разницы между теоріей и практикой; онъ не хотѣлъ признать, какъ большинство, двѣ противоположныя стороны жизни—чистовую и черновую, и только въ первой быть представителемъ просвѣщенія, а во второй—себялюбія; онъ зналъ, что христіанскія истины, имъ проповѣдуемыя, не суть теорія, но „духъ и жизнь“ (Іоан. 6, 63), а потому и ученіе его стало его жизнью. Говорить ли здѣсь о томъ, что только то ученіе, которое служитъ выраженіемъ жизни, можетъ вліять на самую жизнь? Конечно, ни мысли, ни самое имя Миллера не гремѣли въ газетахъ и книгахъ, какъ мысли и имена людей, ловящихъ интересъ минуты; конечно, онъ, не гоняясь за моднымъ научнымъ аппаратомъ, не могъ внушать своими лекціями такого преклоненія предъ ихъ ученостью, какъ другіе: но кто изъ этихъ другихъ имѣетъ основаніе надѣяться, что слова его пойдутъ далѣе словъ же, далѣе печатныхъ и устныхъ разговоровъ, что они повліяютъ на ж и з н ь, побудятъ юношей къ самоотверженному подвигу или удержать отъ грязнаго паденія? За то могъ надѣяться и зналъ Орестъ Миллеръ, что не разъ и не два воспоминаніе о немъ давало силы тому или иному изъ его слушателей или слушательницъ, можетъ быть, гдѣ нибудь въ далекой глуши возстать за правду и человѣколюбіе, удержать свои руки отъ жестокости или взятки, по одному лишь напоминанію о томъ, что тамъ, въ Петербургѣ, есть старый профессоръ, который скажетъ, что это худо, что надо быть милостивымъ и честнымъ.

Итакъ, вѣрность себѣ, свобода отъ давленій исторической минуты, затѣмъ жизненность и дѣйственность на жизнь— вотъ тѣ свойства, которыми отличается дѣятельность усопшаго, которыя сообщались ей отъ жизни христіанской, служившей всегда руководительницей для мыслей и словъ и дѣлъ почившаго. Эта-же христіанская жизнь, какъ жизнь, торжествующая надъ ограниченіями мѣста и времени, сообщаетъ и своему послѣдователю ту вѣчность, то продолженіе жизни, которая торжествуетъ надъ смертью плоти, какъ сказалъ Господь: „аминь, аминь, глаголю вамъ, яко слушаяй словесе Моего и вѣруяй въ Пославшаго Мя имать животъ вѣчный".

Дѣствительно, чему и умирать въ немъ? Умираетъ богатство, умираетъ знатность, умираетъ семья. Но ни богатства, ни знатности, ни семьи не имѣлъ усопшій: отъ всего этого онъ отказался ради служенія ближнимъ. Что-же онъ имѣлъ?— Имѣлъ благоговѣніе предъ Богомъ, любовь ко Христу, любовь къ людямъ, попеченіе о ихъ спасеніи, ревность о добродѣтели, но для этихъ чувствъ нѣтъ смерти, ибо они выше времени. Одно тѣло его разрушится, а то содержаніе жизни, какое онъ имѣлъ, не умираетъ, но вмѣстѣ съ душой его восходитъ на небо. Да, не умираетъ духъ Ореста Ѳеодоровича, онъ нынѣ живой между нами, какъ живъ Господь, имъ возлюбленный. Не о его смерти должны мы печалиться, не о его жизни спрашивать, но спрашивать о самихъ себѣ: мы, живые, стоящіе предъ лежащимъ мертвымъ тѣломъ его, мы живы-ли на самомъ дѣлѣ? Ты, предстоящее здѣсь юношество, надежда Россіи, ты живешь-ли? ты имѣешь-ли въ себѣ дыханіе жизни? ты знаешь-ли и любишь-ли то, что не исчерпывается интересомъ минуты? ты можешь-ли жить, а не говорить только началами правды, человѣколюбія и вѣры? ты проникаешься-ли ими настолько, чтобы потомъ насаждать ихъ въ народѣ, о служеніи которому ты любишь говорить? Если да, если духъ Ореста Ѳеодоровича. скажу лучше—Духъ Христа,—который онъ передавалъ тебѣ, дѣйствительно въ тебя вселяется, то и жизнь усопшаго, кромѣ своего вѣчнаго цар-

ствованія на небѣ, продолжится и здѣсь на землѣ. Тогда будетъ онъ жить въ тѣхъ русскихъ дѣятеляхъ, которые, по памяти о немъ, возвысятся надъ жизнью стихій и моды и дѣятельно самою жизнью начнутъ служить народному просвѣщенію, которые перестанутъ быть опричниками русскаго народа, не будутъ въ его священныхъ собраніяхъ, подобно ворамъ, жаться къ стѣнкѣ и стыдиться осѣнить себя крестомъ Христа и исповѣдать Его имя, какъ это теперь дѣлается у насъ: но будутъ съ христіанскимъ народомъ едино и соединятъ въ себѣ его евангельскую вѣру съ началами научнаго просвѣщенія и, такимъ образомъ, поведутъ Россію къ совершенствованію, къ истинѣ и добродѣтели. Тогда возрадуется духъ усопшаго страдальца сего міра и получитъ въ этой радости заслуженный вѣнецъ отъ Страдальца Божественнаго, во имя Котораго онъ жилъ на землѣ. Аминь.

СЛОВО

въ годовщину со дня кончины профессора А. Е. Свѣтилина [1]).

„О томъ, что мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами". Этими словами апостолъ даетъ руководящее начало для духовнаго родства поколѣній, состоящаго въ томъ, чтобы каждое изъ нихъ, каждое общество жило не своими только, ему присущими идеями и идеалами, но дѣлилось бы ими со своими младшими братіями. Такъ и мы, бывшіе ученики нынѣ поминаемаго учителя, призвавъ васъ, братіе, къ общей молитвѣ за него, считаемъ поэтому своимъ долгомъ подѣлиться тою идеей, которую мы извлекли изъ его многоученыхъ и высокополезныхъ чтеній, подѣлиться съ вами и тѣми чувствами, которыми наполнены теперь наши души, чтобы и васъ духовно породнить съ усопшимъ, котораго вы сами не слыхали, а лишь видѣли бездыханнымъ во гробѣ, младшіе же изъ васъ и не видѣли вовсе.

Онъ преподавалъ двѣ великія науки, изъ которыхъ одна занимается самыми законами познанія и называется наукой наукъ, а другая преслѣдуетъ важнѣйшую задачу познанія, изслѣдуетъ духовный составъ самого познающаго. Но важность этихъ наукъ для нашей церковно-просвѣтительной цѣли жизни станетъ еще яснѣе, когда мы вникнемъ въ условія развитія

---

[1]) Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ» 1888 г. № 41.

богословскихъ знаній. Въ средніе вѣка задачу богословія поставляли въ томъ, чтобы прилагать къ богооткровеннымъ истинамъ отвлекающую способность разсудка и составить изъ нихъ систему отвлеченныхъ формулъ. Эту-то систему считали высшимъ выраженіемъ христіанства и ее-то прививали людямъ въ проповѣди и въ учебникахъ. Не будемъ говорить о печальныхъ плодахъ этого схоластическаго богословія на западѣ, гдѣ оно соединилось съ римскимъ деспотизмомъ, но вспомнимъ, насколько оно у насъ въ Россіи отдалило общество отъ интересовъ уже не одной науки богословской, но и самой вѣры, самой жизни христіанской,—за выраженіе которой оно себя выдавало. Мертвая формальная логика считалась чуть не прямымъ откровеніемъ божественнаго разума и великія истины евангельской любви замуровывались въ каменныя стѣны схоластики.

Но всякому незаконному притязанію бываетъ свой конецъ: на томъ же западѣ критика обратилась и на самую логику и люди стали убѣждаться путемъ самоизслѣдованія, что законы логики не съ неба сваливаются въ наше сознаніе, но развиваются изъ болѣе основныхъ душевныхъ силъ человѣка. Это былъ великій шагъ мысли въ отношеніи истины, въ высшей степени благопріятный для интересовъ вѣры. Этотъ шагъ вмѣстѣ съ другими сдѣлалъ и покойный профессоръ, какъ точный послѣдователь опытной, а не формальной, логики, выводившій ея законы изъ психологіи. Но этимъ не ограничивалась его ученая мысль: она указывала и то положительное начало духовной жизни, изъ котораго возникаютъ законы и пріемы нашего мышленія и познанія; это начало указано въ волѣ. Въ ней-то стало быть должно искать основного, высшаго начала жизни и познанія, ее-то развивать и регулировать долженъ искатель истины, въ ея направленіяхъ опредѣлить заповѣди откровенія. Да, братіе, эта истина, извлекается изъ свѣтской, повидимому, науки, только эта истина, отрѣшающая мысль отъ формальной безсодержательной схоластики, можетъ дать намъ жизненное начало въ богослов-

скихъ изслѣдованіяхъ, сохранить въ немъ высоту христіанскихъ обѣтованій, не высушать ихъ, не мертвить, но перелагать ихъ на языкъ науки во всей ихъ животворной силѣ, и идти съ ними въ самый центръ общественной жизни, привлекать къ нимъ всѣхъ, ищущихъ свѣта. Перейдемъ ли мы съ этой истиной къ современнымъ потребностямъ религіозной жизни: мы поймемъ, что тѣ два сильныхъ, но зловѣщихъ ея теченія, которыми съ двухъ противоположныхъ сторонъ обуревается церковь, не въ доводахъ и опроверженіяхъ логики нуждаются, а въ иномъ психологическомъ знаніи. Одно изъ этихъ теченій обрушивается на церковь съ требованіями непосредственной нравственной жизненности, упрекая насъ въ забвеніи Христовыхъ заповѣдей ради внѣшнихъ якобы установленій; другое напротивъ, противопоставляетъ церкви инославную систему внѣшняго іерархическаго устройства и упрекаетъ насъ въ расплывчатой чувствительности и забвеніи богодарованной іерархамъ власти. Тщетно богословская наука отвѣчаетъ на эти нападки документальнымъ указаніемъ историческихъ погрѣшностей въ самыхъ нападкахъ: эти бурныя теченія обрываютъ отъ твердыни церковной часть за частью и уносятъ ихъ въ своихъ мутныхъ волнахъ. У нихъ сильна не логика, за нихъ не документы исторіи, а умѣніе удовлетворить тому, что по ученію покойнаго идетъ раньше и выше логики, что ее создаетъ, удовлетворить потребностямъ душъ, которыя рвутся къ живому ученію, которыя требуютъ отъ религіозныхъ дѣятелей „явленія силы и духа“, требуютъ не формулъ, а прямого питанія для жизни, осмысленія своей ежедневной дѣятельности, требуютъ осязательнаго проявленія царства Божія на землѣ, требуютъ не доводовъ, а прямого показанія высоты христіанства: „покажи мнѣ вѣру отъ дѣлъ твоихъ“. Да, воля идетъ впереди мысли, волю слѣдуетъ побуждать волею, жизнь надо исправлять жизнью, бурнымъ стремленіямъ современныхъ зловѣщихъ теченій религіозной жизни надо противопоставить съ соотвѣтствующей силой напряже-

ніе истиннаго церковнаго одушевленія, его-то вносить въ дѣятельность нашу и симъ дѣйствовать.

Широко и многоплодно приложеніе психологической идеи покойнаго къ пастырству, но еще ближе ея отношеніе къ богословской наукѣ. Если логика есть только отвлеченіе отъ нашего душевнаго содержанія, а не предваряющее его начало, то ясно, что и богословіе, или ученое опредѣленіе христіанскихъ истинъ, должно быть не предвареніемъ религіознаго настроенія души, но лишь возведеніемъ ея въ область понятій. Тогда станетъ ясно, что для разсужденія объ откровеніи, о возрожденіи, о благодати, о вѣчной жизни, нужно прежде всего имѣть въ своей душѣ соотвѣтственные этимъ словамъ факты, нужно въ самой дѣйствительности, въ самой жизни возрождаться отъ грѣха, испытывать чрезъ борьбу съ ними и молитву—дѣйствіе благодати, нужно имѣть въ своемъ сердцѣ Христа, чтобы о немъ говорить въ наукѣ, нужно не отрѣшать свою мысль отъ имѣющагося религіознаго содержанія духа, но изъ него-то и почерпать ученый матеріалъ при систематизаціи и экзегетикѣ, какъ это дѣлали тѣ русскіе христіанскіе мыслители, которые, не будучи спеціалистами въ богословіи, достигли, однако, не только несравненно большей распространенности своихъ сочиненій даже въ свѣтскомъ обществѣ, но и создали цѣлыя направленія въ мысли, цѣлыя школы въ жизни. Итакъ не только въ дѣятельномъ служеніи Богу, но и въ научномъ познаніи Его закона оправдывается ученіе нашего покойнаго наставника о томъ, что психологія идетъ впереди логики, содержаніе впереди формы.

Передавая нынѣ намъ, братіе, эту извлеченную изъ его чтеній идею, это оставленное академіи его завѣщаніе, призывая васъ именемъ этой плодотворной научной истины присоединиться къ нашей молитвѣ за усопшаго, понятно къ чему еще другому мы будемъ призывать васъ. Къ тому, чтобы приготовляя себя къ служенію христіанскаго пастырства и христіанской науки, мы позаботились о пріобрѣтеніи главнѣйшаго условія того и другого рода дѣятельности. Это условіе—

есть *христіанственность души*, освобожденіе ея отъ предубѣжденій житейскаго себялюбія, чтобы въ душахъ нашихъ по апостолу разсвѣталъ день и утренняя звѣзда восходила въ сердцахъ нашихъ, ибо только ходящій днемъ, по слову Спасителя, не спотыкается, ибо видитъ свѣтъ міра сего. Имѣя этотъ свѣтъ, мы, проповѣдуя христіанскія истины въ жизни и наукѣ, будемъ имѣть дѣло не съ пустыми словами, но съ жизненною дѣйствительностью не лицемѣрами въ жизни, не схоластами въ наукѣ явимся мы предъ людьми, но въ томъ и другомъ случаѣ достойными послѣдователями того реальнаго направленія, котораго держался покойный профессоръ; тогда наша молитва о дарованіи ему нетлѣннаго вѣнца будетъ выражаема у насъ не словами только и чувствами, но и христіанскимъ дѣланіемъ.

СЛОВО

при погребеніи профессора В. Д. Кудрявцева [1]).

„Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними“ (Апок. 14, 13).

Блаженъ ты, усопшій учитель нашъ, учитель Академіи, предлежащій бездыханно среди насъ! Блаженъ ты, ибо дѣла твои таковы, что пойдутъ вслѣдъ за тобою, въ міръ загробный. Дѣйствительно, чему и умирать въ тебѣ?—Есть смерть для горделиваго самопревозношенія и исканія суетной славы. Но совершенно чуждъ былъ ты того и другаго грѣха и не гордость, но *смиреніе предшествовало твоей „славѣ“* (Притч. 18, 12).—Есть смерть для чувственныхъ страстей, для служенія чреву; есть тяжкая смерть и грозный судъ для ненависти, зависти и обидъ, но чистъ былъ твой духъ и твоя жизнь отъ подобныхъ паденій. Посвятивъ твою жизнь служенію премудрости Божіей, ты могъ бы по всей справедливости опредѣлить сущность твоего жезненнаго содержанія словами Писанія: *„премудрость и знаніе есть страхъ предъ Господомъ, и благоугожденіе Ему—вѣра и кротость“* (Сир. 1, 27). Твоя благочестивая премудрость была *„древо жизни для тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ её* (Пр. 3, 18,) потому-что она всегда возносилась къ Богу и могла сказать Ему

---

[1]) Произнесено въ церкви Московской Дух. академіи. 6 декабря 1891 г. первый разъ было напечатано въ Богосл. Вѣстникѣ 1892 г., январь.

вмѣстѣ съ Соломономъ: *„знать Тебя есть полная праведность и признавать власть Твою—корень безсмертія“* (Прем. 15, 3); а такъ какъ *„на пути правды жизнь и на стезѣ ея нѣтъ смерти“* (Пр. 12, 28): то мы уповаемъ, что твое *„желаніе премудрости возводитъ къ царству“* (Прем. 6, 20), что, иначе говоря, для тебя смерти нѣтъ, праведный старецъ, что, умирая о Господѣ, ты блаженъ.

Блаженъ ты! но почему-же мы грустимъ и плачемъ? Блаженъ ты, но почему мы всѣ говоримъ: жаль Виктора Дмитріевича? Неужели потому, что не можемъ отрѣшиться отъ взгляда на твое преставленіе лишь какъ на тѣлесную муку и разрушеніе плоти? неужели потому, что мы знали тебя лишь по тѣлесной жизни? Конечно нѣтъ! Напротивъ, ты будучи во плоти, настолько жилъ не плотью, а духомъ, что всѣ встрѣчавшіеся съ тобою, читавшіе въ твоемъ ясномъ любвеобильномъ взорѣ содержаніе души твоей, — какъ бы не замѣчали на тебѣ твоей плоти. И конечно эта плоть, предлежащая намъ во гробѣ и присужденная нынѣ къ истлѣнію, всего меньше должна удручать насъ скорбью и жалостью. Нѣтъ, не о тебѣ жалѣемъ мы, чистый, христіанскій духъ, отлетающій отъ насъ; жалѣемъ мы о себѣ самихъ, о томъ, что остаемся вдали отъ твоего воспитывающаго, очищающаго и умудряющаго вліяніе и примѣра. Жалѣемъ еще болѣе о томъ, что примѣняя къ себѣ ту участь, которая нынѣ тебя постигла, мы, увы, не находимъ въ себѣ того богатства дѣлъ, идущихъ вслѣдъ за умирающими о Господѣ, и потому страшимся, чтобы день нашего посѣщенія не оказался для насъ днемъ казни.—Тихо жилъ ты между нами и разливалъ свой тихій свѣтъ любви и вѣры; тихо и неожиданно покинулъ ты насъ, какъ бы выйдя отъ насъ въ другую комнату и спокойно предлежа нынѣ во гробѣ, заставляешь насъ еще разъ вглядѣться въ собственную душу. Являя намъ на смертномъ ложѣ свой внутренній и внѣшній обликъ, исполненный мира и покоя, ты какъ бы повторяешь намъ слова Спасителя: *„не плачьте обо мнѣ, но плачьте о себѣ самихъ... Ибо если*

съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ, то съ сухимъ что будетъ?“ (Лук. 23, 28. 31). Итакъ, да не возмутятъ твоего желаннаго покоя наши скорбныя слезы! Скорбь наша—о себѣ самихъ, тебя же мы съ надеждою называемъ блаженнымъ, ибо взирая на дѣла твои и на твое ученіе, составлявшее содержаніе твоего духа, дерзаемъ думать, что это ученіе, было именно то *„ученіе мудраго“*, которое есть, *„источникъ жизни, удаляющій отъ сѣтей смерти“* (Притч. 13, 15).

Всмотримся-же, братіе, въ смыслъ этой вѣчной мудрости, которая сроднившись съ духомъ, вложеннымъ въ смертное тѣло, еще на землѣ пріобщаемъ этотъ духъ къ вѣчности и съ такимъ миромъ отпускаемъ тѣло въ объятія смерти!.. Поистинѣ, усопшій учитель нашъ, сей смиреннѣйшій христіанинъ-мудрецъ, еще на землѣ жилъ въ вѣчности, а не во времени. Ярче всего такое пареніе его въ предѣлахъ вѣчности проявлялось въ отношеніяхъ усопшаго къ своимъ ученымъ трудамъ и къ ихъ оцѣнкѣ обществомъ.—Когда я занимался философіей, то случалось неразъ, что тщетно проискавъ точнаго и яснаго опредѣленія какой-либо истины умозрѣнія у современныхъ и прежнихъ знаменитостей западнаго міра, я совершенно неожиданно находилъ вполнѣ удовлетворяющій отвѣтъ въ твореніяхъ усопшаго наставника;—отвѣтъ твердый, величественный въ своей скромности и простотѣ, но съ такою неотразимою ясностью раскрывающій читателю свойства человѣческаго духа и законы его познанію и жизни, что авторъ его могъ бы съ полнымъ правомъ говорить: *„всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего“* (Іо. 18, 37). Тогда-то, бывало, я изумлялся, почему-же такъ мало извѣстны людямъ эти отвѣты, эти разрѣшенія философскихъ споровъ, изъ коихъ нѣкоторымъ былъ бы положенъ конецъ, еслибъ творенія Виктора Дмитріевича были распространены шире. Какъ, бывало, я негодовалъ на равнодушіе къ нимъ нашихъ соотечественниковъ! съ какою горечью говорилъ всѣмъ, что они достойнѣе извѣстности, чѣмъ знакомые всей Европѣ труды современныхъ германскихъ мыслетелей, и что та-же Германія, увидѣвъ ихъ

на своемъ нарѣчіи, конечно поспѣшила бы ихъ прославить по достоянію, а всѣ образованныя страны Европы перевели бы ихъ на свои нарѣчія, послѣ чего и русское общество удѣлило-бы трудамъ почившаго несравненно болѣе вниманія, чѣмъ нынѣ, когда они почти не идутъ далѣе сферы духовныхъ. Какъ возмущало меня продолжавшееся и послѣ обнародованія трудовъ усопшаго слѣпое самопревозношеніе совершенно разбитыхъ имъ системъ позитивизма и полуматеріализма въ русской печати, нагло провозглашавшихъ себя послѣдними словами науки! Тогда мнѣ казалось, что нашъ усопшій наставникъ, при видѣ такого неодолимаго упорства лжи, долженъ бы постоянно носить въ себѣ чувство непримиримаго негодованія на людей, на міръ, на жизнь. Но вотъ чрезъ нѣсколько лѣтъ я увидѣлъ тебя философъ—христіанинъ! увидѣлъ спокойнаго, мирнаго, любящаго, снисходящаго. Ни тѣни ожесточенія, ни звука жалобы на превозношеніе слѣпаго невѣжества подъ личиной науки! Впрочемъ далекъ ты остался и отъ равнодушія къ раскрытію истины. Твое перо продолжало до самой смерти начертывать новыя и новыя ея обоснованія и разъясненія: *тобой руководило убѣжденіе, что истина сама собою побѣждаетъ.* Въ этомъ-то жизненномъ убѣжденіи ты показалъ, что духъ твой живетъ не временнымъ, но вѣчнымъ. Потому-то и встрѣчалъ ты спокойно общественное вліяніе твоихъ философскихъ противниковъ, сильныхъ однимъ упорствомъ въ невѣжествѣ,— что ты смотрѣлъ на дѣло истолкованія истины, какъ на дѣло въ себѣ самомъ заключающее жизнь и побѣду. Такъ понимать своеж изненное призваніе могутъ только истинно вѣрующіе христіане, знающіе, что истинное ученіе подобно зерну горчичному, *„которое хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ-что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его“* (Матѳ. 13, 32).

О братіе, да будутъ-же наши умы, наши души этимъ деревомъ, выростающимъ надъ умершимъ по тѣлу и полагающимся нынѣ въ землю зерномъ истинной философіи! Какъ завидна участь того ума, того духа, которому почти нечего

терять при смерти тѣлесной, котораго духовная жизнь, причастившаяся познанію и раскрытію вѣчной истины, — даже на землѣ пріобщается вѣчности, даже на землѣ-же имѣетъ прочную продолжаемость послѣ смерти чрезъ вліяніе на другихъ! Конечно не многимъ изъ насъ суждено быть самостоятельными мыслителями—философами: но всѣ мы, учившіеся по твореньямъ усопшаго наставника, имѣемъ возможность ясно, сознательно и неотразимо-убѣдительно усвоить истину, истинную мудрость и распространять между людьми сознательную убѣжденность въ бытіи и свойствахъ главнаго предмета ея изученія—Господа Бога. Если не будемъ поступать такъ, то будемъ виновны предъ Господомъ и предъ почившимъ почти такъ-же, какъ тѣ писатели отрицательнаго направленія, которое не хотѣли знать его трудовъ. Послѣдніе виноваты въ намѣренномъ коснѣніи въ невѣріи, но предосудительна была бы въ ученикахъ философа-христіанина, призванныхъ къ дѣлу христіанскаго просвѣщенія, предосудительна была-бы въ нихъ и косность въ вѣрѣ слѣпой, содержимой лишь по обычаю, по привычкѣ, когда предъ ними всѣ средства, чтобы обосновать вѣру сознательно и затѣмъ передавать сознанію ближнихъ.

Но да не будетъ такъ! Не намъ конечно, усопшій другъ и учитель, не намъ, свидѣтелямъ твоего славнаго исхода, отрекаться отъ пріобщенія къ познанію вѣчной истины чрезъ твои творенія! Мы будемъ изучать ихъ, будемъ сознательно проникаться истиною Божіей и, проникаясь ею, будемъ еще на землѣ по твоимъ стезямъ вступать въ вѣчную жизнь, дабы не съ скорбію и не со страхомъ взирать на отходящихъ въ вѣчный покой, но съ надеждою, съ молитвою и съ воспоминаніемъ словъ Христовыхъ, столь справедливо примѣнимыхъ къ тебѣ, усопшій наставникъ и другъ,—тѣхъ словъ, которыя сказалъ Господь при подобной-же разлукѣ съ близкимъ сердцу человѣкомъ: „*Азъ есмь воскресеніе и живот*ъ: *вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ; и всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки*“. (Іо. 11, 26). Аминь.

Рѣчь

у гроба въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго Леонтія, митрополита Московскаго и Коломенскаго [1])

Погребальныя молитвословія убѣждаютъ насъ въ непрестающей никогда силѣ той духовной любви, которая связываетъ между собою сыновъ царствія Божія, а между архипастыремъ и его паствой бываетъ крѣпка настолько, что, по справедливости, уподобляется взаимной любви жениха и невѣсты. Посему, казалось бы, всѣ мы, сыны Церкви Московской, должны были взирать на кончину земной жизни усопшаго владыки безъ того тяжелаго чувства ужасной таинственности разлуки, которая тѣмъ не менѣе испытывается нами по всей силѣ. Томительное чувство это, прежде всего показываетъ намъ, что усопшій не былъ намъ чуждъ по духу. Но вѣдь если наше единеніе и общеніе съ нимъ дѣйствительно существуетъ, то это было общеніе не въ дѣлахъ мірскихъ, не въ брашнѣ и питіи или временныхъ предпріятіяхъ внѣшней жизни, но прежде всего общеніе въ молитвѣ, въ слушаніи отъ него слова Божія и въ исполненіи предначертаній изъ жизни церковной. Откуда же тяжелая,

---

[1]) Произнесена въ Успенскомъ соборѣ Свято-Троицкія Сергіевы лавры, въ день погребенія владыки, на литургіи, послѣ причастнаго стиха. Въ первый разъ была напечатана въ журналѣ «Церковн. Вѣдомости» 1893 г. № 33.

тупая боль разлуки, если вѣчное насъ соединяетъ? Источникъ нашей скорби довольно понятенъ. Мы томимся при видѣ гроба нашего святителя мыслью о чемъ-то невыясненномъ, о чемъ-то имъ недоговоренномъ; думается, что большинство скорбящихъ о разлукѣ съ нимъ сходятся въ желаніи услышать его исповѣдь, хотя бы на одинъ часъ проникнуть во внутреннее содержаніе его духа и затѣмъ уже спокойно отпустить его въ вѣчность. Не о томъ наша томительная тоска, возлюбленный архипастырь, что ты не успѣлъ ознаменовать свое краткое пребываніе съ нами множествомъ внѣшнихъ мѣропріятій и новыхъ учрежденій. Что значить могли бы они для того дѣла духовнаго возрожденія паствы, которое совершается прежде всего въ самой душѣ, во внутренней жизни архипастыря, въ отличіе отъ жизни учрежденій мірскихъ и временныхъ, гдѣ исчисленіе внѣшнихъ заслугъ дѣятеля можетъ быть и имѣетъ какое либо значеніе. Напротивъ, въ томъ таинственномъ единеніи совѣстей человѣческихъ, къ которому сводится содержаніе жизни церковной, безконечно большую нравственную пользу могутъ получить люди, когда предъ ними откроется внутреннее святилище души пастыря, скорбящаго и плачущаго о нашихъ несовершенствахъ, неустанно въ горячей мольбѣ повергающагося предъ Господомъ и словомъ евангельскаго назиданія умоляющаго насъ покаяться, возлюбить Господа и другъ друга и хранить въ чистотѣ свое христіанское званіе. Такъ, раскрытый предъ вѣками и народами всеобъемлющій духъ божественнаго Павла или одна покаянная скорбь Маріи Египетской, приближая ихъ вмѣстѣ съ прочимъ сонмомъ святыхъ угодниковъ къ нашей жизни, является для христіанина источникомъ нравственныхъ силъ, преимущественно предъ воспоминаніями о внѣшнихъ заслугахъ не только недавнихъ дѣятелей общественныхъ, но даже родныхъ или товарищей каждаго. Духъ владыки Леонтія не успѣлъ раскрыться во всей полнотѣ предъ паствой Московскою и въ этомъ причины нашей теперешней тяжелой скорби. Но если мало по-

зналъ нашъ духъ усопшаго, братіе, то не его мы можемъ винить въ этомъ. Господу угодно было, чтобы не во всей полнотѣ владыка Леонтій могъ *преподать вамъ нѣкое дарованіе духовное къ утвержденію вашему*, какъ стремился это сдѣлать Апостолъ. собираясь видѣть римскую церковь. И при всемъ томъ не вполнѣ обездоленными оставилъ насъ Господь, ибо знавшіе усопшаго близко, внимательно слѣдившіе за обнаруженіями внутренней жизни владыки, теперь при его гробѣ могутъ несомнительно указать братьямъ главнѣйшія и лучшія упованія жизни, которыя днесь онъ завѣщаетъ намъ воздѣлывать и которымъ онъ былъ настолько постоянно и твердо преданъ, что даже и по кончинѣ его живы предъ нами, знавшими его, эти стремленія его сильнаго духа. По истинѣ онъ могъ бы сказать съ апостоломъ Петромъ: *буду стараться, чтобъ и послѣ моего отшествія всегда приводили это на память*.

Какія же это упованія? Владыка, прежде всего, никогда не удовлетворялся наблюденіемъ за исполненіемъ внѣшняго закона; онъ разумѣлъ, что одна служебная исправность не можетъ обезпечить плодотворной жизни Церкви. Онъ искалъ въ людяхъ собственной, безкорыстной преданности какимъ-либо высокимъ цѣлямъ, и съ какою радостью онъ встрѣчалъ ее и пользовался ею для нуждъ Церкви! Съ готовностію телъ онъ на встрѣчу ученымъ, духовно-просвѣтительнымъ, благотворительнымъ предпріятіямъ и съ великою любовью и даже благодарностью спѣшилъ со своею властною помощью, гдѣ чуялъ своимъ вѣщимъ сердцемъ біеніе жизни и безкорыстнаго одушевленія и нелицемѣрнаго труда. Хорошо сознавая, что новозавѣтная Церковь, не ослабляя, а напротивъ, еще возвышая строгость постановленій, ветхозавѣтныхъ, все-таки сильна не столько запрещеніями, сколько благословеніями на все доброе въ людяхъ, освящая и усовершая сіе благодатію, владыка не былъ только начальникомъ духовнаго вѣдомства, начальникомъ надъ духовенствомъ, но старался всегда быть духовнымъ вождемъ и свѣточемъ всей своей паствѣ, съ любовью поддерживающимъ всякій ростокъ добра

даже въ тѣхъ отрасляхъ разныхъ жизней семейныхъ и общественныхъ, къ которымъ не имѣлъ обязательныхъ отношеній. Много есть обществъ, семействъ и людей, для которыхъ его кончина скорбная, по немощи нашей плотскаго неразумія, не будетъ, однако, кончиной ихъ духовнаго общенія съ нимъ. Но особенно любвеобильно былъ открытъ его духъ одобряющій и подвизающій въ такой средѣ, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить столь же отзывчивую воспріимчивость, которою самъ отличался. Такой средой съ давнихъ лѣтъ для него было учащееся юношество, а въ Церкви Московской—братство его обители Сергіевой. Приходилось намъ встрѣчать уже давно состарѣвшихся, согбенныхъ скорбями и нуждой сельскихъ пастырей, въ жизни которыхъ чуть не единственною свѣтлою и путеводною звѣздой было какое-либо слово или дѣло отеческаго участія владыки Леонтія; семинаристы, студенты, послушники лавры, питомицы женскихъ училищъ,—вотъ та очень скромная, но очень благодарная духовная нива, на которой выростаетъ сторицей плодъ его духовнаго дѣла. Въ ихъ обществѣ усопшій проводилъ лучшіе и полезнѣйшіе часы своей жизни и не столько самое содержаніе его рѣчей, сколько чутко усвоенное дѣтьми разумѣніе сей безкорыстной любви и свѣтлой надежды архипастыря пробуждало могучій откликъ вѣры и святыхъ пастырскихъ стремленій въ юныхъ душахъ, которыя и явились дорогимъ, хотя и очень позднимъ плодомъ его духовнаго дѣланія, плодомъ, который онъ и самъ могъ рѣдко видѣть, согласно Христову предупрежденію: *инъ есть сѣяй и инъ есть жняй.* Не внѣшніе порядки жизни стремился преобразовывать и упорядочивать усопшій, но любовью и дѣловою помощью вызывать и поддерживать въ людяхъ все лучшее, на что они способны. Этотъ завѣтъ онъ передаетъ намъ и по кончинѣ, оставляя за собою въ жизни Церкви Московской немного особыхъ учрежденій, но много пробужденныхъ къ духовной жизни молодыхъ сердецъ. Онъ научаетъ насъ не пренебрегать ни въ другихъ, ни въ себѣ

самихъ тѣми хотя бы немпогими дарами Божіими, которые удѣлены каждому, но, воздѣлывая ихъ, совершать свое спасеніе. Исполняя сей завѣтъ, мы возлюбимъ гораздо сильнѣе христіанскую добродѣтель, чѣмъ взирая на нее, какъ только на рядъ ограниченій нашей воли. Многогрѣшный Закхей потщился послушать добраго голоса своего сердца, чтобъ узрѣть чуднаго Учителя любви, и что же? сей малый подвигъ приводитъ его къ полному покаянію и обновленію.

И вотъ если мы, по завѣту почившаго каждый будемъ поступать по сему примѣру, то, спася собственныя души, сложимъ для святителя вѣнецъ правды не менѣе цѣнный для души его, чѣмъ наши за нее молитвы, и тогда оправдаются другія слова Христовы: *Ищущій получаетъ награду и собираетъ плодъ въ жизнь вѣчную*; *такъ что и сѣющій и жнущій вмѣстѣ радоваться будутъ.*

СЛОВО

при поминовеніи дѣятелей Братства Пр. Сергія [1]).

Прежде чѣмъ окончить молитвенное поминовеніе по дорогимъ намъ покойникамъ, подѣлимся тѣми чувствами и мыслями, которыя въ сей торжественно-печальный часъ въ большей или меньшей степени раздѣляются всѣми нами.

Утѣшительно бываетъ для насъ принимать участіе въ тѣхъ молитвенныхъ священнодѣйствіяхъ, которыми дорогая всѣмъ намъ академія освящаетъ различныя отрасли своей жизни, соединяясь въ стѣнахъ сего святаго храма, какъ тѣсно сплоченное духовное братство. Утѣшительно и нынѣшнее собраніе, когда къ нашему братству присоединяются отцы и братіе, учившіеся въ Академіи прежде, но по прежнему сохраняющіе къ ней сыновнюю любовь. Но какъ все на землѣ несовершенно, такъ и наше сердечное утѣшеніе взаимной любви и вѣры омрачается мыслью о разлукѣ и смерти, которая и собрала насъ нынѣ въ этотъ святой храмъ. Нѣтъ между нами тѣхъ, кого такъ любила Академія, нѣтъ многихъ и изъ тѣхъ, коимъ Господь вложилъ мысль объ учрежденіи благословеннаго Сергіевскаго Братства. Каждый годъ умножается число поминаемыхъ,

---

[1]) Произнесено на панихидѣ 4 мая 1893 г. въ церкви Московской Дух. Академіи. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Богосл. Вѣстникѣ» 1893 г. Августъ.

каждый годъ къ нимъ прибавляется по нѣсколько поминавшихъ ихъ, молившихся за нихъ. Нынѣшній годъ особенно скорбный въ этомъ отношеніи: среди прочихъ дорогихъ покойниковъ нашихъ молитвъ проситъ и самъ незабвенный предсѣдатель Братства, всегда подававшій всѣмъ столь назидательный примѣръ смиренной и пламенной молитвы. Такъ онъ былъ дорогъ для насъ, что мы, глубоко потрясенные его кончиною, съ печалью разстались и съ днями его молитвеннаго поминовенія, находя отраду въ этомъ духовномъ общеніи съ почившимъ. Правда, высшая ступень духовной жизни не знаетъ скорби объ умершихъ, не боится смерти, остерегаясь только грѣха: но намъ, связаннымъ узами житейскихъ попеченій, для полноты общенія съ любимыми людьми, хотѣлось бы видѣть ихъ лица и слышать ихъ голосъ. Когда же неизбѣжная смерть отрываетъ изъ нашего Братства и изъ Академіи лучшихъ дѣятелей, то не только исполняетъ скорбію сердца наши, но и самихъ насъ устрашаетъ угрозами предстоящаго всѣмъ намъ тлѣнія и даже лишаетъ одушевленной преданности общему дѣлу, по мысли о скоро преходящемъ теченіи жизни.

Но, возлюбленные отцы и братіе, не поддадимся до конца „печали міра сего“ (2 Кор. 7, 10) и отъ самой смерти, предстоящей нынѣ нашему мысленному взору, научимся, какъ бороться съ нею, какъ бороться со страхомъ смерти и скорбью безвозвратной разлуки.

Любовь и молитва—вотъ два начала жизни, для которыхъ смерть не страшна, для которыхъ ея не существуетъ. Живы въ сердцахъ нашихъ тѣ, которые своею любовью заставляли полюбить себя, которыхъ любовь сильна въ нашихъ воспоминаніяхъ настолько, что при каждомъ обращеніи къ нимъ духовные образы этихъ людей вновь пробуждаютъ души наши къ высокимъ настроеніямъ, побуждаютъ насъ къ истинной жизни духовной, умягчаютъ сердца, возвышаютъ голосъ совѣсти. О такихъ людяхъ и молитва

наша теплѣе и усерднѣе, такъ что на ихъ оправдываются евангельскія слова о томъ, какъ много грѣховъ прощается любящему много; ибо молитва вѣры и любви очищаетъ грѣхи усопшихъ. Но неужели тѣ изъ умершихъ, въ коихъ было меньше любви, остаются безъ всякой надежды? О нѣтъ! Другое начало, созидающее вѣчную жизнь, всегда торжествуя надъ смертью, не оставляетъ безъ плода рабовъ неключимыхъ. Начало это есть молитва, которая всегда будетъ возноситься отъ грѣшной земли къ небу, какъ умилостивительной θиміамъ, ибо доколѣ пребываетъ Вселенская Церковь, не оскудѣютъ въ ней и такіе Христолюбцы, которые найдутъ въ своихъ сердцахъ довольно сострадательной любви, чтобы облечь въ нее всякое произносимое въ поминаніяхъ имя, независимо отъ заслугъ усопшаго, и вознести о немъ молитву не устами только, но отъ полноты вѣрующаго сердца. Такъ въ грѣховной тьмѣ жизни земнородныхъ во вѣки сохранится свѣтлый лучъ молитвы, пробуждающій къ жизни все, на что онъ устремляется. Любовь вызываетъ молитву, и молитва питаетъ собою любовь, рождаетъ жизнь и оба эти начала—любовь и молитва торжествуютъ - надъ смертью. Вооружимся - же, возлюбленные отцы и братіе, противъ скорби смерти любовію и молитвой; не противъ смерти тѣлесной только, но и противъ двухъ еще другихъ родовъ смерти, о которыхъ нашему молитвенному собранію особенно благовременно подумать нынѣ.

Тѣлесная смерть близкихъ горька намъ, потому - что она есть разлука съ ними по плоти, въ значительной степени лишающая возможности насъ слабыхъ и маловѣрныхъ сохранять и духовное общеніе съ близкими, взаимно назидая другъ друга (1 Сол. 5, 11), обмѣниваясь внѣшними обнаруженіями любви. Но вѣдь почти такое-же значеніе имѣетъ и другое неизбѣжное зло жизни, называемое разлукой. А разлука предстоитъ намъ чрезъ нѣсколько недѣль: Академію покидаетъ ея старшій курсъ и со многими изъ покидаю-

щихъ насъ мы не увидимся никогда. Окончатся для нихъ навсегда часы молитвенныхъ и ученыхъ собраній, часы дружескихъ бесѣдъ, искренняго обмѣна чувствъ и мыслей. Всему этому прекраснѣйшему содержанію общей жизни приближается неизбѣжный конецъ—какъ бы смерть. Только взаимная любовь и молитва другъ за друга могутъ торжествовать надъ нею, могутъ не на словахъ только, не въ пышныхъ фразахъ, но „дѣломъ и истиною“ (1 Іо. 3, 18) сохранить невидимое общеніе душъ, охранять въ разлукѣ то содержаніе жизни, какое вливала въ нихъ Академія. Охранять его нужно и для того въ особенности, чтобы спасти насъ отъ другой смерти, смерти лютѣйшей, смерти страшной и неумолимой, которой грозная коса виситъ надъ каждымъ изъ сыновъ Адама, то съ особенною лютостью заносится надъ вступающими въ жизнь питомцами школы, носителями юношескихъ, высокихъ, но не подкрѣпленныхъ опытомъ, стремленій и надеждъ. Разумѣю смерть нравственную; разумѣю отверженіе высшаго Божественнаго знанія и то постепенное, но безвозвратное погруженіе души въ самолюбивую и чувственную тину плотской жизни, отъ котораго избавить насъ можетъ опять лишь любовь и молитва. Увы, сколь немногіе питомцы всякихъ школъ сохраняютъ въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи хотя нѣкоторыя, сколько нибудь существенныя, черты высшей жизни! сколь многіе, напротивъ, всю жизнь свою посвящаютъ исключительно грѣховному себялюбію, совершенно забывая обо всемъ томъ, что было дорого въ юные годы. Скрывать-ли отъ себя ту печальную участь друзей, оставляющихъ нынѣ нашу Академію, что во взорахъ и на лицахъ многихъ изъ нихъ Ангелъ Хранитель скоро-скоро не отыщетъ слѣдовъ нравственнаго и религіознаго одушевленія, но *дряхлуя и стеня* будетъ находить печати страстей и душевнаго одебелѣнія. О злая смерть души! о печальный жребій нашъ, жребій изгнанниковъ рая! Ни богословская ученость, ни общественное высокое призваніе ничто не можетъ отвратить твоей по-

ражающей десницы! Но и здѣсь сострадательная любовь и пламенная молитва отгоняетъ искусителя отъ слабой души. Разумѣете-ли вы, юные братіе, незамѣнимую для васъ силу этихъ надежныхъ кормчихъ при опасномъ исхожденіи въ открытое житейское море, воздвизаемое напастей бурею? Къ сожалѣнію, едвали разумѣете, ибо разумѣніе это дается обыкновенно горькимъ опытомъ, убѣждающимъ человѣка въ его нравственномъ безсиліи и ничтожествѣ, тѣмъ опытомъ, который даетъ себя чувствовать въ жизни самостоятельной. Да, конечно, вниманіе многихъ изъ васъ, при вступленіи въ жизнь, обращено не на себя, духовный взоръ вашъ не видитъ ужаснаго облика страшной душевной смерти, витающей надъ человѣкомъ; другія картины привлекаютъ быть можетъ ваши умы и сердца — шумъ общественной жизни, водоворотъ борьбы различныхъ направленій, послѣднее слово журнальнаго и книжнаго рынка, — всѣ тѣ области жизни, гдѣ раздаются громкія слова и замѣтно сильное, хотя бы и минутное возбужденіе. Но возлюбленные мои: тамъ-то и видно преимущественное царство смерти, тамъ всякому возстающему началу полагается быстрый конецъ, тамъ бытіе нетвердое, вѣчно исчезающее, вѣчно смѣняющееся другимъ и по большей части безсодержательное.

Не молю, да возьмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни“ (Іо. 17, 15); вступайте въ сей жизненный водоворотъ, боритесь, гдѣ и противъ кого нужно, но знайте, что только тѣ изъ васъ внесутъ туда добро и свѣтъ, чье жизненное содержаніе не будетъ исчерпываться, какъ у большинства людей свѣтскихъ, шумными интересами текущей минуты, борьбы партій и разныхъ послѣднихъ словъ, — но будетъ почерпать источники жизненнаго обновленія въ мірѣ внутреннемъ и въ Богѣ. Разумѣю тѣхъ, кто будетъ заботиться о своемъ внутреннемъ человѣкѣ, кто будетъ возгрѣвать въ себѣ любовь и молитву. Только тотъ будетъ въ Вавилонѣ какъ Даніилъ, въ столицѣ какъ Златоустъ, въ Египтѣ какъ Моусей, и какъ Павелъ въ

Ефесѣ и въ Римѣ. Безъ любви и молитвы нѣтъ жизни; любовь и молитва нужны не для неба только, но для того, чтобы и землю дѣлать землею Господней, чтобы и другимъ приносить благо, а не зло подъ видомъ блага. И если нынѣ ваши неотягченныя еще горькимъ опытомъ сердца не могутъ принять печальныхъ предвѣщаній нелицемѣрной любви, то вспомните о сихъ прощальныхъ словахъ во дни паденій, во дни разочарованій и унынія, которыми такъ богата наша жизнь. Вспоминайте тогда молодые годы сравнительной чистоты и искренней дружбы, вспоминайте наши молитвенныя собранія и эти сугубо священныя панихиды. Вспоминайте усопшихъ наставниковъ нашихъ, умѣвшихъ любить и молиться, и того незабвеннаго нашего недавняго покойника, который любилъ такъ глубоко и молился такъ пламенно и постоянно. Въ семъ намѣреніи заключимъ сегодняшнее наше поминовеніе близкихъ нашему сердцу усопшихъ и вознесемъ къ престолу Всевышняго послѣднее молитвенное возглашеніе о нихъ съ любовью и надеждой. Аминь.

СЛОВО

при погребеніи Преосвященнѣйшаго Епископа Михаила (22 авг. 1898 г.) [1]).

Аминь, аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ. Іоан. 12, 23).

Сіи слова Христовы исполнились, братіе, на умершемъ и нынѣ предлежащемъ намъ покойномъ Епископѣ Михаилѣ. Умерши, онъ не прибылъ единымъ, но собралъ около своего бездыханнаго тѣла *многія люди* и сотворилъ чрезъ нихъ плодъ молитвы и любви. Ибо это народное множество, которое впродолженіи трехъ дней и трехъ ночей приближалось къ его гробу, не было водимо празднымъ любопытствомъ, но исполнилось духомъ сокрушенія, просвѣщалось размышленіемъ о собственной тлѣнности, одухотворялось благоговѣйнымъ сочувствіемъ къ отшедшему страдальцу, освящалось усердной молитвой о спасеніи души его. Тѣмъ утѣшительнѣе и удивительнѣе представляется намъ это зрѣлище скорбной молитвы, что усопшій не былъ и не могъ быть давнимъ другомъ своего народа, а скорѣе долженъ быть названъ пришельцемъ среди него, ибо за полтора года своего

---

[1]) Сказ. на литургіи, во время причастнаго, въ Симферопольскомъ каѳ. Соборѣ. Въ первый разъ было напечатано въ «Таврич. Епарх. Вѣдомостяхъ» 1898 г. № 18.

духовнаго правленія сею паствою онъ двѣ трети этого малаго срока провелъ на одрѣ своей болѣзни и смерти.— Чѣмъ же объяснить это народное ему состраданіе, эти колѣнопреклоненія, воздыханія, и слезы христіанъ всѣхъ возрастовъ и сословій? Едва ли сами богомольцы сумѣютъ объяснить происхожденіе охватившаго ихъ чувства, но вышеприведенныя слова Евангелія объяснятъ все это для тѣхъ, кто зналъ духъ усопшаго.

То былъ духъ великій, духъ апостольскій, который распростирался далеко за предѣлы своей личной жизни, и въ стремительномъ порывѣ любви и состраданія желалъ всѣхъ людей, всю вселенную охватить собою и, очищая всѣхъ молитвеннымъ пламенемъ, вознести ко Христу. По истинѣ Преосвященный Михаилъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые едва замѣчаютъ окружающую ихъ внѣшнюю дѣйствительность жизни, и обращаясь среди нея, исполняя дѣла своего званія, на самомъ дѣлѣ бываютъ заняты всегда одною мыслью, однимъ чувствомъ,—скорбью за грѣшный міръ, пламеннымъ желаніемъ общаго спасенія и блага, которые желаютъ „всѣмъ быти вся, да всяко нѣкія спасутъ“. Это тѣ избранные сосуды, что вмѣстѣ съ Христомъ могли бы сказать: *огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. 12, 59). Это тѣ, которые, скорбя о человѣческихъ порокахъ и неправдѣ и нестроеніяхъ церковныхъ, взываютъ въ сердцѣ своемъ: *жалость дому Твоему снѣде мя* (Іоан. 2, 17) и потому могутъ повторять о себѣ слова Божественнаго Павла: *свидѣтельствуюсь совѣстью моею, что я всякій день умираю* (Кор. 15. 31).

Такой духъ, братіе, когда онъ отдѣляется въ страданіяхъ своихъ отъ тѣла, вызываетъ, чрезъ содѣйствіе благодати Божіей, сочувственный откликъ, таинственный подъемъ въ душахъ, отзывчивыхъ на все доброе, и творитъ тотъ *плодъ*, который видится нами въ вашемъ усердіи къ памяти почившаго.

Чтобы утвердить въ васъ это благое дарованіе, скажемъ нѣсколько словъ о его подвигахъ и упованіяхъ, и тогда узнаете вы, что преставившійся Архипастырь вашъ поистинѣ достоинъ любви отъ своей церкви.

Онъ былъ избранный сосудъ, сказали мы: и это вѣрно, потому что сосудъ сей соединялъ и мудрость, и чистоту, и великую силу вѣры, и полное самоотверженіе.

Такъ, самая вѣра его и рѣшимость служить Богу не были плодомъ невѣдѣнія, или привычки, или подражанія. Напротивъ, исполняя слово апостола: *вся испытующе, добрая держите* (Θессал. 5, 21), онъ зналъ, подобно Моисею, всю премудрость міра, и, можно сказать, не было такого лжеучителя, котораго бы онъ не изучилъ и не опровергъ, не было въ Европѣ такой книги, съ силой направленной противъ Христова ученія, которая бы оставалась ему неизвѣстной. Его вѣра была сознательная, сильная противъ невѣрія. Его отреченіе отъ міра—основаннымъ на глубокомъ пониманіи жизни міра, жизни русской и иностранной.

Обладая блестящими дарованіями и силой слова, и вліяніемъ на окружающихъ, онъ могъ бы преуспѣвать въ жизни мірской, но всѣ свои преимущества онъ вмѣстѣ съ Апостоломъ почелъ за соръ и, подобно купцу евангельскому, не промѣнялъ на сокровище царства Божія или лучше—подобно Іустѣ Варсавѣ,—все достояніе своего духа сложилъ къ подножію Христа и Церкви, посвятивъ себя на служеніе имъ въ скромномъ образѣ *монаха*.

Такое рѣшеніе христіанина, всегда угодное Богу, было особенно цѣнно для Св. Церкви въ то время, когда его предпринялъ почившій въ качествѣ лучшаго студента старшаго курса въ Петербургской академіи, въ которой уже 17 лѣтъ никто не принималъ на себя такого подвига, и юношество, призванное на служеніе Церкви, въ большинствѣ своемъ стремилось служить міру, легкомысленно утверждая, будто подобное мірское настроеніе болѣе полезно людямъ. Рѣшеніе уважаемаго всѣми, лучшаго и безспорно разумнѣй-

шаго товарища поколебало многосотенную толпу студентовъ академіи и академій. Оно восхитило и укрѣпило ближайшихъ друзей его, стремившихся къ тому же подвигу, расположило къ нему и другихъ юношей, прежде не думавшихъ о немъ, да и тѣ товарищи покойнаго, которые имѣли намѣреніе служить Церкви въ качествѣ пастырей семейныхъ или даже не имѣли и такого намѣренія, крѣпко задумались и снова много разъ задумывались надъ жизнью, когда лучшій изъ нихъ избралъ жизнь самоотреченія и отрицанія міра.

Они, а также и слѣдующія поколѣнія питомцевъ академіи, возвращались къ мысли о превосходствѣ небеснаго жребія надъ земнымъ, когда взирали на дальнѣйшую жизнь и дѣятельность о. Михаила въ качествѣ наставника и инспектора академіи. Они съ удивленіемъ замѣчали, что заключившись въ монашескую келлію, ихъ молодой наставникъ не утратилъ широты и безпристрастія мысли, не сталъ человѣкомъ партіи, что по прежнему онъ шелъ туда, куда влекла его познаваемая истина, такъ что во время одного, не отъ него зависѣвшаго, смущенія, онъ было совсѣмъ рѣшился оставить свои почетныя полномочія профессора и удалиться навсегда въ монастырское уединеніе, пока настойчивый призывъ блаженнаго епископа Ѳеофана и знаменитаго іеросхимонаха Амвросія не призвали его назадъ къ ученой и просвѣтительной дѣятельности. Возвратившись къ учебному дѣлу, съ сугубымъ дерзновеніемъ началъ онъ вѣщать слова истины—и какъ было отрадно видѣть, что слово его собирало къ нему огромное число одушевленныхъ слушателей, изъ которыхъ многіе незадолго до начала его учебнаго курса только смѣялись и надъ монашествомъ, и надъ самымъ богословіемъ!..

Но вотъ усилился недугъ его ранней юности, обнаружилась та гибельная чахотка, которая нынѣ заключила его во гробъ, и молодой архимандритъ Михаилъ принужденъ оставить академію послѣ четырехъ быстрыхъ лѣтъ своего служенія въ ней и затѣмъ цѣлыхъ пять лѣтъ проводить

въ покоѣ на югѣ въ званіи посольскаго настоятеля въ далекихъ Аѳинахъ. Однако, *„ни широта, ни долгота не могли отлучить отъ любви Христовой“*, и отъ любви къ нему его друзей, его товарищей и учениковъ, искавшихъ въ немъ нравственной опоры и утѣшенія. Многочисленныя письма съ духовною исповѣдью потекли со всѣхъ концевъ широкой Руси въ далекія Аѳины, а нѣкоторые друзья самолично поѣхали туда, чтобы находить укрѣпленіе у слабаго тѣломъ, но сильнаго духомъ руководителя, учителя, брата и друга, какъ нѣкогда древніе христіане у Максима Исповѣдника или Ѳеодора Студита.

Тотъ же подвигъ руководства товарищами и учениками несъ усопшій въ Полтавѣ и въ Тавридѣ, даже до послѣднихъ дней своей жизни. Нынѣ оборвалась нить этой жизни, и разбиты скорбью сердца многихъ его послѣдователей,— нынѣ церковныхъ учителей, пастырей и архипастырей, отъ которыхъ слышали о добродѣтели почившаго ученики ихъ и ученики учениковъ ихъ. Эти сердца незримо здѣсь, въ этомъ храмѣ, бьются съ болью, но и съ упованіемъ около его гроба.

Знай же, Таврическая паства, какое сокровище заключено въ земныя нѣдра подъ твоимъ соборнымъ храмомъ! Эта могила вводитъ тебя въ духовное общеніе съ предстоятелями многихъ церквей Россійскихъ и Восточныхъ, которые бы за счастье почли помолиться и поплакать у этого гроба. И мы знаемъ, что многіе нарочно пріѣдутъ сюда помолиться за усопшаго, которыхъ путь не лежалъ бы на сію окраину отечества, которые бы никогда и не взглянули на Крымъ и Симферополь, если бы тамъ не былъ погребенъ Преосвященный Михаилъ.

Онъ не могъ назидать въ предсмертные годы свою новую паству постоянною проповѣдью, и взамѣнъ того даровалъ ей для постояннаго назиданія свою могилу и память о своей праведной кончинѣ.

Онъ умиралъ, какъ святой подвижникъ, которому *„смерть пріобрѣтеніе“*, ибо давно былъ *„желаніе имый раз-*

рѣшитися и со Христомъ быти“. Онъ улыбался среди мучительныхъ страданій; онъ пріобщался съ радостью Св. Тайнъ, ежедневно обновляя духъ свой этимъ блаженнымъ общеніемъ со Христомъ. Задыхаясь, за нѣсколько минутъ до смерти, онъ шепталъ друзьямъ своимъ свой послѣдній завѣтъ о самоотверженномъ служеніи Апостольской Церкви. Не смерть его сразила, но онъ побѣдилъ ее, и мы, ея ближайшіе свидѣтели, можемъ восклицать при воспоминаніи о ней: „никто же да убоится смерти, свободи бо насъ Спасова смерть“.

Служители Божіи! Взирайте на кончину сего праведнаго жительства и подражайте вѣрѣ Святителя! Паства! не поддавайся малодушному страху смерти маловѣрующей современности. Духъ Божій, укрѣпившій умершаго при смерти его и въ жизни его! не покидай и насъ, взирающихъ на удаленіе его въ лучшій міръ, если не сугубо, какъ во Елисея послѣ Иліи, хотя по мѣрности нашей. Аминь.

Въ день памяти Достоевскаго [1]).

Семь лѣтъ тому назадъ послѣдніе дни перваго годоваго мѣсяца потрясли до самой глубины души наше столичное и отчасти провинціальное общество, а учащуюся молодость по-преимуществу. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что умеръ Достоевскій, то каждый непосредственно почуялъ въ своемъ горько опечаленномъ сердцѣ, что умершій былъ для него гораздо ближе, чѣмъ онъ предполагалъ прежде. Всѣ весьма многочисленныя и разнообразныя сужденія, картины и вопросы, которыя онъ встрѣтилъ въ трудахъ почившаго, въ этотъ горестный день слились въ нѣчто цѣлое, въ нѣкую единую истину великую для сознанія и притомъ самоочевидную. Евангеліе, вѣчная жизнь, самоотверженіе и любовь— вотъ тѣ идеи, которыя вмѣстѣ со смертію своего провозвѣстника, какъ-то особенно ярко начертались сами собой на сердцахъ, ясно возвѣщая о своемъ безсмертіи, о своей продолжительности въ сознаніи того, кто носилъ и исповѣдывалъ ихъ, о безсмертіи своего проповѣдника.

Въ тѣ, воистину, священные дни стали вѣрующими христіанами многіе изъ всегдашнихъ отрицателей: многочисленная толпа студентовъ, курсистокъ, юнкеровъ, гимназистовъ и др. учащихся пѣли: „Святый Боже“, тогда еще не освященное обычаемъ; пѣли и тѣ, которые никогда не молились прежде; подобные же люди были между читавшими надъ гробомъ псалтирь, не прекращавшими чтенія даже ночью. Смерть такого человѣка какъ-то вдругъ раскрыла имъ глаза и воз-

[1]) Эта статья должна бы быть помѣщена въ 3-мъ томѣ, но не вошла она туда потому, что получена была уже послѣ напечатанія этого тома, когда оставался ненапечатаннымъ одинъ только 1-й томъ, куда она и помѣщена наряду съ словами во дни поминовенія усопшихъ. Въ первый разъ была напечатана въ «Русскомъ Дѣлѣ». Январь. 1888 г.

звала къ жизни для Бога. Произошло нѣчто подобное Галгоѳѣ: воскресли мертвые духомъ, били себя въ перси отступники, исповѣдуя божественное достоинство дотолѣ отвергаемаго ими Христа, о Которомъ училъ умершій... Да, эпитафія съ заглавія „Братьевъ Карамазовыхъ", перенесенная на памятникъ Достоевскаго, въ день смерти его осуществилась явно. *„Истинно, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно упавши въ землю не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода"*. И мы тогда видѣли и свидѣтельствуемъ, что не стадное увлеченіе толпы, но ясное пробужденіе совѣсти отражалось на лицахъ, они плакали и молились.

Объяснить эти явленія, скажемъ, эти событія, по существу, значитъ — покушаться на самую характеристику писателя. Обратимъ вниманіе только на главную причину, по которой эта смерть была для каждаго чѣмъ-то своимъ, какимъ-то переворотомъ во внутренней жизни.

Достоевскій—геній, христіанинъ, славянофилъ, народникъ, психологъ, философъ,—все это такъ; но этими свойствами обладали и другіе писатели; почему-же только онъ такъ близокъ душѣ каждаго человѣка, не лишеннаго идеаловъ? Къ счастію, мы имѣемъ его собственное опредѣленіе сущности его генія: вотъ оно: „при полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человѣка... я изображаю всѣ глубины души человѣческой"... (Т. I, стр. 373).

Каждый человѣкъ, при всемъ разнообразіи характеровъ и положеній, имѣетъ образъ Божій, который облекшись въ свойства его индивидуальной природы, долженъ создать индивидуальный, но въ тоже время и идеальный характеръ. Однако, осуществленіе этого идеала, или накопленіе и уничтоженіе его зависитъ отъ самаго человѣка. Достоевскій прозрѣвалъ въ каждомъ этотъ его идеальный образъ и умѣлъ полюбить его; это, такъ называемая, „любовь человѣка въ Богѣ", любовь христіанская въ отличіе отъ мірской, которая относится, къ наличному состоянію человѣческаго духа. По-

слѣдняя выражается въ простомъ стремленіи къ любимому существу, а первая—въ стремленіи возсоздать въ немъ его идеалъ; она есть любовь воспитывающая.

Эта-то любовь не только научила Достоевскаго найти искру добра во всякомъ заблуждающемся, во всякомъ злодѣѣ: но она возвышала его анализъ надъ твореніями даже тѣхъ талантовъ европейской и американской литературы, которые поставили себѣ цѣлью описывать святыя чувства въ самыхъ безсердечныхъ типахъ. Дѣло въ томъ, что Достоевскій при такомъ (конечно уже, само-по себѣ великомъ) проникновеніи начертывалъ, кромѣ того, путь, по которому это присущее всякому доброе начало можетъ развиваться все сильнѣе и сильнѣе до борьбы съ подавившими было его страстями, до побѣды надъ ними, до полнаго отожествленія съ собою всего человѣка. Но что еще замѣчательнѣе, это реализмъ Достоевскаго при такихъ высокихъ идеалахъ: онъ не игнорировалъ злой воли человѣка, злой дѣйствительности. Всѣ его романы, особенно три послѣдніе, постоянно рисуютъ намъ, какъ на каждой ступени развитія каждаго характера представляется путь къ усиленію этого добраго начала, въ какой образъ оно стремится вылиться, и какъ затѣмъ человѣкъ снова извращаетъ его, снова отворачивается отъ истины и добра, и какъ, наконецъ, даже здѣсь, въ его самомъ низкомъ паденіи, опять не потухаетъ еще искра присущаго ему добра, освѣщающая ему путь возстановленія. Какого-бы изъ героевъ этихъ трехъ романовъ вы не взяли, какую бы сцену ни открыли, вездѣ встрѣтите ту же идею, тѣ же двѣ проведенныя дороги—къ спасенію въ человѣкѣ образа Божія, и къ уничтоженію.

Съ этою идеей Достоевскій прошелъ по всѣмъ слоямъ общества: по монастырямъ и церквамъ, по университетамъ и низшимъ школамъ, по гостиннамъ и гуляньямъ, по ученымъ кабинетамъ и судамъ, по улицамъ и больницамъ, по кабакамъ и блудилищамъ, наконецъ по тюрьмамъ и каторжнымъ шахтамъ.

Указывая вездѣ доброе въ людяхъ, показывая этихъ людей на самомъ процессѣ развитія ихъ нравственнаго возрожденія, Достоевскій какъ бы противъ воли заставляетъ читателя полюбить человѣка, полюбить всякаго ближняго этою христіанскою любовью, прозрѣвая во внутреннюю сокровищницу его души.

Но среди многихъ своихъ разнородныхъ типовъ, разнородныхъ и по внутреннему характеру, и по положеніямъ и условіямъ жизни, Достоевскій съ особенною любовію и геніальнымъ умѣніемъ рисовалъ различныя разновидности типа русскаго интеллигента идеалиста — искателя правды. Подобными типами наполнены „Бѣсы“, три такихъ типа найдете въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, цѣлые романы, какъ: „Подростокъ“, „Преступленіе и Наказаніе“ и „Братья Карамазовы“ вращаются на главномъ героѣ подобнаго типа, окруженномъ такими-же второстепенными героями. Въ этомъ отношеніи Достоевскій стоитъ во главѣ цѣлаго ряда писателей, начиная отъ Пушкина. Писатели эти, единодушно сознающіеся въ неудачномъ исходѣ идеаловъ своихъ героевъ, пытаются отвѣтить на вопросъ: чего же именно не доставало имъ для осуществленія своихъ великихъ жизненныхъ задачъ? Вопросъ этотъ они разрѣшаютъ различно. Пушкину Достоевскій усвоиваетъ то разрѣшеніе, что наши идеалисты должны отказаться отъ дѣланной, свѣтско-чиновной жизни, съ ея предразсудками, и слиться вмѣстѣ со своими филантропическими идеями съ жизнью народною, съ ея христіанскими стремленіями. Достигнуть такого освобожденія отъ своей мучительной, безцѣльной и коверканной сутолоки и слиться съ искреннимъ бытомъ народа возможно при отрѣшеніи отъ эгоизма, такъ глубоко хотя и незамѣтно въѣвшагося въ міровые идеалы искателей истины. Они не умѣли этого сдѣлать, а потому и выйти изъ засасывающей ихъ тины страстей они оказались неспособны, даже при внѣшнемъ присоединеніи къ простолюдинамъ; они и туда внесли свое зло и несчастіе, и были отвергнуты народомъ.

„Оставь насъ, гордый человѣкъ!
„Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
„Мы не караемъ, не казнимъ,
„Но жить съ убійцей не хотимъ".

Дикій цыганъ обличаетъ образованнаго либерала; ему объясняетъ: „ты для себя лишь ищешь воли".

Такъ то растолковалъ Достоевскій Пушкина и поклонился его генію, какъ *народному*, какъ провидцу истинной задачи Россіи, состоящей въ томъ, чтобы чрезъ единеніе обществъ съ народомъ воплотить христіанство въ жизнь. Раскрыть это воплощеніе въ реальныхъ картинахъ взялся Достоевскій. Онъ изобразилъ до послѣдней мелочи всѣ данныя, съ которыми идеалисты общества идутъ къ народу, представивъ самую точную топографію ихъ внутренняго міра. Какъ въ зеркалѣ, видятъ они себя въ его романахъ, и кто со смиреніемъ, а кто и скрежетомъ зубовъ долженъ бываетъ сознаться, что въ его идеалъ вошло много грязи, много личнаго раздраженія, зависти и разнузданности, что всѣ эти его внутренніе звѣри въ значительной степени опредѣлили и частнѣйшія формы его идеаловъ и заставили отвратиться отъ многаго святого; что не жизнь слѣдуетъ обвинять въ неудачахъ, не невѣжество людей, а собственное нравственное безсиліе, собственные пороки.

Достоевскій не останавливается на чистомъ анализѣ факта: онъ показываетъ, что, очистивъ идеалъ и себя самого отъ грязи, мы останемся не при чемъ иномъ, какъ при идеалѣ Христіанскомъ, что послѣдній не исключаетъ собою, но обнимаетъ и усовершенствуетъ все, что только есть добраго въ мысли и чувствѣ человѣка, по слову Спасителя: „все еже дастъ Мнѣ Отецъ, ко *Мнѣ* пріидетъ".

Такъ, Раскольниковъ, очистивъ свою совѣсть отъ прежнихъ заблужденій ея, тѣмъ самымъ пріобрѣлъ и новую вѣру: не гордецомъ, но смиреннымъ христіаниномъ является онъ въ ссылкѣ. — И насколько тѣ „горды" искатели свободы и правды, которые не поборолн прежде всего себя самихъ,

насколько всѣ эти Ставрогины, Верховенскіе, Раскольниковы и старшіе Карамазовы оказываются въ будничной жизни еще злѣйшими бичами своихъ ближнихъ, чѣмъ тѣ „старые“ противъ которыхъ они ратовали: настолько идеалисты христіане находятъ возможность вложить свою лепту добра и такимъ образомъ осмысливать будничную сѣренькую жизнь. Имъ свѣтитъ образъ Христа и вѣра въ Церковь, или православіе, которое тѣмъ и велико въ глазахъ Достоевскаго, что оно при помощи народныхъ обычаевъ, вноситъ „великую идею“ о Богѣ, о св. Духѣ, о вселенскомъ союзѣ людей во всякую область жизни, въ каждый ея шагъ, напоминаетъ намъ всюду о Богѣ, живущемъ во взаимной любви всѣхъ вѣрующихъ безъ различія состояній и народностей. Вотъ почему гнетущая людей, но неизбѣжная для „гордецовъ“ пошлость житейская освѣщается божественнымъ свѣтомъ, лишь только они „внутреннимъ образомъ“ принимаютъ Евангельское ученіе. Покаявшійся Раскольниковъ, Шатовъ, а особенно о. Зосима и Алеша со свѣтлымъ взоромъ любуются на каждую Божью тварь, на всѣ добрыя явленія человѣческаго быта; вездѣ они видятъ десницу Божію, всякому горю удѣляютъ нѣжное участіе; всякому, даже злѣйшему паденію—слово вразумленія. Для нихъ нѣтъ опасности разочарованій: они въ каждомъ несчастіи, какъ и во всемъ мірѣ вещей, усмотрятъ духовными очами любовь Творца, по слову другого поэта:

„Меня во мракѣ и пыли
Земли влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова.
И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ видимъ міръ незримый,
И внемлетъ ухо съ этихъ поръ,
Что для другихъ неуловимо.
И съ гордой выси я сошелъ
Проникнутъ весь ея лучами
И на волнующійся долъ

Взираю новыми очами...
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,
Что всё, рожденное отъ Слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ Нему вернуться жаждетъ снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало".

Но вѣдь выразить этотъ принципъ въ фантастическомъ апофеозѣ легко, легко его опредѣлить путемъ общихъ понятій христіанской морали. Незабвенная и незамѣнимая заслуга Достоевскаго—въ реализаціи этого принципа посредствомъ картинъ житейской дѣйствительности. Онъ въ тысячѣ реальнѣйшихъ картинъ показалъ, какъ возможно его прилагать къ современному холодно-эгоистическому быту, обладая только живою вѣрою и дѣйствительною любовію къ каждому человѣку, (а не къ человѣчеству вообще при равнодушномъ отношеніи къ окружающимъ). Въ этомъ состоитъ смыслъ типа Алеши Карамазова, который и передъ старцами-монахами, и въ средѣ малыхъ школьниковъ, между развратнѣйшими родичами и въ обществѣ изнѣженныхъ барынь, и въ трактирѣ, и у блудницы, вездѣ, словомъ, является непосредственнымъ утѣшителемъ, примирителемъ, учителемъ, провозвѣстникомъ царствія Божія.

Показать намъ фактически-детально жизненное значеніе христіанства и народничества, вывести ихъ изъ области науки, публицистики и поэзіи въ повседневномъ бытѣ,—вотъ чѣмъ заставилъ слѣдовать за собою Достоевскій извѣрившуюся во всякую теорію интеллигенцію.

Этого, вѣроятно, способа и ожидали тѣ великіе мужи русской исторіи XIX вѣка, послѣдователемъ которыхъ и объявилъ себя Достоевскій. Разумѣю славянофиловъ. Они скорбѣли о косности своихъ слушателей и читателей, и молили Бога о болѣе убѣдительномъ для общества проповѣдникѣ.

Молилъ Тебя въ часъ полуночи
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міру глашалъ онъ далеко
Глаголами правды своей.
Молилъ тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать людямъ и уши, и сердце
Для слышанья рѣчи святой.

Пророкъ этотъ открылся въ лицѣ Достоевскаго. Онъ раскрылъ предъ нами нашу совѣсть, какъ на картинѣ; онъ училъ насъ прежде всякихъ теорій слушать голосъ своей совѣсти, освобождать себя отъ рабства страстямъ, не въ правовыхъ понятіяхъ, не въ политической экономіи, а прежде всего въ душѣ своей уничтожить разницу между мужикомъ и бариномъ,—а затѣмъ уже смотрѣть, какое міровоззрѣніе оправдывается подобными принципами братства, и уразумѣть то міровоззрѣніе, міровоззрѣніе Евангелія. „Смирись, гордый человѣкъ!“ взывалъ онъ вслухъ цѣлой Россіи на Пушкинскомъ юбилеѣ. „Смирись, праздный человѣкъ!“ Не изъ внѣшняго порядка вещей, а изъ сердца твоего вырви эгоизмъ, развратъ и злобу,—и тогда приходи „поработать на родную ниву“... Проснулась общественная совѣсть, проснулась предъ гробомъ пророка: даже лица человѣческія просвѣтлѣли въ тѣ дни, но увы—не надолго.

Гдѣ теперь всѣ тѣ, которые при выносѣ его тѣла воспѣвали Св. Троицу устами, давно привыкшими только къ кощунству и глумленію? Гдѣ тѣ, которые будучи народниками-патріотами и прежде, здѣсь уже прямо воззѣщали еди-

неніе съ Церковью, внесеніе въ жизнь ея истины? Гдѣ тѣ, которые при гробѣ его обѣщались навсегда оставить „интеллигентный развратъ“ и трудиться самоотверженно для народа?

Взгляните на современное состояніе общества. Тогда мы вооружались противъ безбожныхъ отступниковъ отъ народно-церковной жизни, противъ ложныхъ дешевыхъ либераловъ въ чиновничьихъ мундирахъ, потерявшихъ все дорогое для народа, якобы во имя прогресса, а на самомъ дѣлѣ лишь по своему непроходимому невѣжеству въ области религіи и морали. Теперь приходится видѣть тупую ложь и лицемѣріе, проникшими и въ правый лагерь. Приходится встрѣчать каждую минуту явленія, гдѣ уже не либеральными фразами изъ журналовъ прикрывается холодный карьеризмъ и презрѣніе къ меньшей братіи, но увы—священными словами Божественнаго писанія и святыми обычаями Церкви. И насколько поклоненіе Христу Его бичевателей гнуснѣе и преступнѣе самыхъ бичеваній, настолько же эта низкая эксплуатація вѣры гибельнѣе для нея, чѣмъ прежнее безцеремонное ея попираніе...

Достоевскій всѣ надежды обновленія возлагалъ на молодежь, на ея готовность къ самоотверженному подвигу (ч. I стр. 81); можетъ быть его молодежь не вся измѣнила, и мы знаемъ о нѣсколькихъ работникахъ, трудящихся по угламъ Россіи во имя его завѣтовъ надъ просвѣщеніемъ народа. Но въ наше печальное время гораздо чаще замѣчается такая продажность молодежи, такой житейскій практицизмъ, такая легкая ассимиляція чиновническимъ понятіямъ, которой просто удивляться надо, какъ психологическому феномену. Отсюда ясно, что въ либеральномъ настроеніи учащихся умовъ личный эгоизмъ—„исканіе воли для себя только“ имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ у „прежнихъ“. Одно и тоже расширеніе своего себялюбиваго „я“, выражавшееся въ студенческіе годы въ пренебреженіи къ законамъ, въ молодомъ чиновникѣ естественно не

перерождается, а лишь видоизмѣняется въ деепотизмъ и наглое чванство.

Этотъ „практическій нигилизмъ“, царящій даже и въ тѣхъ обществахъ, гдѣ нечистыя уста не стыдятся постоянно произносить имя Христово, конечно, всего гибельнѣе отразится на „малыхъ сихъ“, на народѣ и на учащемся юношествѣ.

Но всего плачевнѣе появленіе подобной дѣйствительности послѣ такого высокаго подъема русскаго духа. Многое, очень многое изъ проповѣди Аксакова и Достоевскаго было принято общественнымъ мнѣніемъ; студенчество единодушно увлекалось ученикомъ послѣдняго, Соловьевымъ, котораго широкій умъ мирилъ лучшее въ идеалахъ своихъ противниковъ съ христіанскими началами. Мы ждали близкаго времени дружнаго объединенія общества въ христіанствѣ и народности; а между тѣмъ теперь все разъединено, раздроблено на куски; всѣ мосты между берегами сожжены, всѣ связующія нити перерѣзаны, и естественно, современные обличители не ограничиваются осужденіемъ людей, а осыпаютъ хулами и священнѣйшія правила.

Но унывать ли слѣдуетъ отсюда? Можетъ быть чрезъ бѣды жизни намъ яснѣе опредѣлится ея истинный путь? Вотъ если вѣришь въ свѣтъ Евангелія, спустись-ка съ нимъ въ эту тьму, а для этого не въ желаніяхъ и идеалахъ, а на самомъ дѣлѣ просвѣти свою собственную внутреннюю жизнь настолько, чтобы не потеряться въ этой тьмѣ, но освѣтить и ее.

Если когда, то именно теперь этому практическому нигилизму нужно противопоставить жизненную вѣру и любовь, самоотверженное участіе въ судьбѣ брата и широту христіанскихъ понятій.

Явятся ли такіе служители истины? Выберутся-ли исканія нашего юношества на путь служенія Христу и Церкви? Или нашему студенчеству и впредь

суждено носить обманчивую маску духовной жизни на нѣсколько школьныхъ годовъ, чтобы затѣмъ обнаружить подъ нею мертвый скелетъ житейскаго себялюбія и духовнаго безсилія? Свидѣтельствуетъ-ли убранство смоковницы о сокрытыхъ подъ нимъ зрѣющихъ плодахъ, или ея красивыя листья прикрываютъ лишь ея безплодную наготу?

СЛОВО

Предъ паннихидой о Пушкинѣ [1]).

Сегодня въ разныхъ концахъ нашего отечества представители русской литературы и русскаго гражданства говорятъ о нашемъ великомъ народномъ поэтѣ—Пушкинѣ. Что скажетъ о немъ служитель церкви для духовнаго назиданія? Отвѣтъ на такой вопросъ не трудно почерпнуть изъ общественнаго настроенія сегодняшняго дня. Смотрите—имя Пушкина привлекло сюда русскихъ людей самыхъ разнообразныхъ положеній и возрастовъ: и старцы и юноши, и мужчины и женщины, и военные и гражданскіе чины, и вельможи и скромные орожане, —считаютъ для себя дорогимъ и близкимъ имя покойнаго поэта. Всѣ литературные, философскіе и политическіе лагери стараются привлечь къ себѣ имя Пушкина. Съ какою настойчивостью представители различныхъ ученій стараются найти въ его сочиненіяхъ, или по крайней мѣрѣ въ его частныхъ письмахъ, какую нибудь, хотя маленькую, оговорку въ ихъ пользу. Имъ кажется, что ихъ убѣжденія, научныя или общественныя, сдѣлаются какъ бы правдивѣе, убѣдительнѣе, если Пушкинъ хотя бы косвенно и случайно подтвердилъ ихъ. Гдѣ искать тому объясненія? Если бы мы были нѣмцами или англичанами, то вполнѣ правильное объясненіе

---

[1]) Сказано за литургіей въ Церкви Казанскаго Университета. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Правосл. Собесѣдникъ» 1899 г. Іюнь.

заключалось бы конечно въ ссылкѣ на народную гордость, на мысль о Пушкинѣ, какъ о виновникѣ народной славы. Но мы—русскіе, и свободны отъ такого ослѣпленія собою. Если мы кого горячо любимъ всѣ вмѣстѣ, всѣмъ народомъ, то для объясненія этого нужно искать причинъ внутреннихъ, нравственныхъ. Спросимъ же мы свое русское сердце, что оно чувствуетъ при чтеніи безсмертныхъ твореній нашего поэта? Думаю, что съ нами согласятся всѣ, если мы скажемъ, что стихъ Пушкина заставляетъ сердце наше расширяться, сладостно трепетать и воспроизводить въ нашей памяти и въ нашемъ чувствѣ все доброе, все возвышенное, когда либо пережитое нами. Бываетъ такъ, что въ минуты душевнаго утомленія и апатіи какой нибудь отрывокъ изъ Пушкина вдругъ поднимаетъ въ нашей душѣ самыя сложныя, самыя возвышенныя волненія. Такое дѣйствіе можно сравнить съ тѣмъ, когда большая и косная масса музыкальнаго органа вдругъ приводится въ движеніе чрезъ мощное прикосновеніе къ его ручкѣ; несложно и быстро вращательное дѣйствіе ручки, а вдругъ чудная сложная мелодія издается мертвою машиной.

Великій Достоевскій объясняетъ любовь русскаго народа къ Пушкину тѣмъ, что онъ вмѣщалъ въ себѣ въ степени высшаго совершенства ту широту русской души, изъ которой эта послѣдняя можетъ перевоплощаться въ умы и сердца всѣхъ народностей, обнимать собою лучшія стремленія всякой культуры и вмѣщать ихъ въ единствѣ нашего народнаго и христіанскаго идеала. Опредѣленіе Пушкинской поэзіи вполнѣ справедливое; но оно недостаточно, чтобы объяснить близость Пушкина ко всякому русскому сердцу, хотя бы и совершенно чуждому международныхъ интересовъ. Перевоплощеніе Пушкинскаго генія не ограничивалось своимъ международнымъ значеніемъ. Онъ могъ перевоплощаться въ самыя разнообразныя, иногда въ самыя исключительныя, настроенія всякаго вообще человѣка, любого общественнаго положенія и исторической эпохи. Читая драмматическія и лирическія творенія Пушкина, сколь часто каждый изъ насъ узнаетъ въ нихъ свои

собственныя душевныя настроенія, свои колебанія, свои чаянія. Исключительное свойство художественнаго таланта Пушкина, столь глубоко захватывающаго всю внутреннюю жизнь своего читателя, заключается именно въ томъ, что онъ описываетъ различныя состоянія души человѣческой, не какъ внѣшній наблюдатель, мѣтко схватывающій оригинальныя и характерныя проявленія жизни и духа человѣческаго: нѣтъ—Пушкинъ описываетъ своихъ героевъ какъ бы извнутри ихъ, раскрываетъ ихъ внутреннюю жизнь такъ, какъ ее опознаетъ самъ описываемый типъ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ превосходитъ другихъ геніальныхъ писателей, напр. Шиллера и даже Шекспира, у которыхъ большинство героевъ являются сплошнымъ воплощеніемъ одной какой нибудь страсти и потому внушаютъ читателю ужасъ и отвращеніе. Совсѣмъ не такъ у Пушкина: здѣсь мы видимъ живого цѣльнаго человѣка, хотя и подвергнутаго какой нибудь страсти, а иногда и подавленнаго ею, но всетаки въ ней не исчерпывающагося, желающаго съ нею бороться и во всякомъ случаѣ испытывающаго тяжкія мученія совѣсти. Вотъ почему всѣ его герои, какъ бы они ни были порочны, возбуждаютъ въ читателѣ не презрѣніе, а *состраданіе*. Таковы его—Скупой Рыцарь, и Анжело, и Борисъ Годуновъ, и его счастливый соперникъ Дмитрій Самозванецъ. Таковъ же и его Евгеній Онѣгинъ, самолюбивый и праздный человѣкъ, но все же преслѣдуемый своею совѣстію, постоянно напоминающей ему объ убитомъ другѣ. Такъ самое описаніе страстей человѣческихъ въ поэзіи Пушкина есть торжество совѣсти.

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,

Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется серце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ....
И радъ бѣжать, да некуда.... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста! [1])

Понятно теперь, почему намъ жалко всѣхъ его героевъ, почему намъ кажется, что хотя они и впали въ тяжкія преступленія, но они могли бы быть лучшими, и что мы сами чрезвычайно похожи на того или другого изъ нихъ. Подобное вліяніе своей поэзіи на умы и сердца человѣческіе Пушкинъ предвидѣлъ, и не ошибемся мы, если къ этому именно предчувствію поэта отнесемъ его дерзновенныя слова, которыя онъ произнесъ на закатѣ своей литературной дѣятельности:

„И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя въ немъ лирой возбуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ“.

Но пріостановимся въ раскрытіи нравственнаго значенія Пушкина для русскаго человѣка: намъ уже слышатся возраженія—могъ-ли имѣть такое вліяніе Пушкинъ, этотъ легкомысленный, буйный юноша, не только себя самого, но иногда и свою лиру отдававшій на служеніе безпутству? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ безпристрастно, ибо тогда еще лучше поймемъ значеніе переживаемаго событія. Вліяніе Пушкина не есть прямое воздѣйствіе высоконравственной личности, но воздѣйствіе его литературнаго генія. Не по своей волѣ, не вслѣдствіе нравственныхъ усилій получилъ онъ исключительную способность совершенно перевоплощаться въ настроеніе каж-

[1]) III, 17.—Цитаты приведены по изданію сочиненій Пушкина Общества пособія русскимъ литераторамъ. Спб. 1899.

даго человѣка и открывать въ немъ правду жизни читателю и самому себѣ: все это было свойствомъ его природы, даромъ Божіимъ. Пушкинъ былъ великимъ поэтомъ, но великимъ человѣкомъ мы его назвали бы лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ эту способность глубокаго сострадания людямъ и эту мысль о царственномъ значеніи совѣсти въ душѣ нашей съумѣлъ бы воплотить не только въ своей поэзіи, но и во всѣхъ поступкахъ своей жизни. Онъ этого не сдѣлалъ и постоянно отступалъ отъ требованій своей совѣсти, воспитанный въ ложныхъ взглядахъ нашей высшей школы и нашего образованнаго общества и подверженный съ дѣтства вліянію людей развратныхъ. Свѣтлыя идеи своей поэзіи онъ почерпалъ въ изученіи жизни народной и въ самомъ своемъ поэтическомъ вдохновеніи; ими онъ старался поборать свои грѣховныя страсти и надѣялся, что онъ достигнетъ возрожденія души своей въ той ея первоначальной чистотѣ и свѣтлости, какими она была одарена отъ Творца. Эту надежду онъ выразилъ въ извѣстномъ стихотвореніи, описывающемъ, какъ невѣжественный маляръ исказилъ своими самовольными рисунками прекрасную картину древности. Но вотъ неумѣлая работа исказителя стирается временемъ и фреска первоначальнаго художника-генія возстаетъ во всей своей красотѣ.

—„Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней [1]).

Какъ человѣкъ, Пушкинъ былъ конечно такимъ-же бѣднымъ грѣшникомъ, какъ и большинство людей его круга, но все же онъ былъ грѣшникъ борющійся, постоянно кающійся въ своихъ паденіяхъ. Лучшія его лирическія стихотворенія— это тѣ, въ которыхъ онъ оплакиваетъ такія паденія, и тѣ, которыми онъ выражалъ свое разочарованіе въ ложныхъ устояхъ тогдашней общественной жизни, его воспитавшей и затмевав-

[1]) Возрожденіе. (т. I, стр. 208).

шей въ немъ правила христіанства еще въ дѣтскіе годы. Есть одно, мало замѣченное критиками, стихотвореніе, въ которомъ Пушкинъ описываетъ тѣ два, царящія въ нашей общественной жизни грѣховныя начала, что служили причиной его первоначальнаго отступленія отъ дѣтской чистоты и отъ дѣтской вѣры. Это—демонъ гордыни и демонъ разврата.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много—
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало,
И очи, свѣтлыя, какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственныхъ порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ—отрада.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный [1]).

Болѣе подробно онъ раскрываетъ то же служеніе этимъ двумъ бѣсамъ въ лицѣ Евгенія Онѣгина. Забывъ свой нравственный долгъ, какъ христіанина и гражданина, этотъ герой Пушкина усердно служилъ двумъ названнымъ бѣсамъ, гоняясь за житейскими наслажденіями; но неизгладимый изъ сердца, хотя и смутно сознаваемый, укоръ совѣсти постоянно отравлялъ его жизнь какимъ-то неопредѣленнымъ стремленіемъ найти другія условія быта. И вотъ онъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, подобно Каину тщетно ищетъ покоя своей душѣ.

Наши патріоты, во главѣ съ великимъ Достоевскимъ, видятъ причину печалей Пушкинскихъ героевъ въ ихъ отрѣшенности отъ народной жизни. Они правы, но условно. Пушкинъ дѣйствительно находилъ нравственную опору противъ ложныхъ устоевъ общественной жизни въ русскомъ народѣ и въ русскомъ историческомъ прошломъ; но онъ цѣнилъ то и другое не потому, что это наше родное, свое, а потому, что русская до-Петровская жизнь и жизнь народная современная были именно вполнѣ согласны съ тѣмъ чистымъ и строгимъ обликомъ прекрасной учительницы, отъ которой отступилъ онъ для служенія двумъ демонамъ. Такого служенія была чужда наша прежняя церковно-народная культура, продолжающая и понынѣ жить въ нашей деревнѣ. Пушкинъ былъ народникъ, но прежде всего онъ былъ моралистъ, и народникомъ сдѣлался потому, что былъ моралистомъ. Мысль эта для многихъ покажется невѣроятной, но смотрите, гдѣ Пушкинъ былъ болѣе великимъ поэтомъ, какъ не въ исповѣданіи своихъ разочарованій, своего раскаянія.

---

[1]) Школа. II. 115.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду придетъ-ли мой конецъ? [1])

Я дружбу зналъ, и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтреные годы;
И вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселій и свободы.....

И свѣтъ, и дружбу, и любовь
Въ ихъ наготѣ отнынѣ вижу,—
Но все прошло! остыла въ сердцѣ кровь,
Ужасный опытъ ненавижу... [2]).

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:

---

[1]) Элегіи. Т. I, стр. 238. [2]) Т. I, стр 236.

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

*
* *

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды [1]).

Достойно вниманія то, какъ высоко онъ цѣнилъ тѣ, даже небольшія добрыя вліянія, на которыя можно было ему опираться въ минуты нравственной борьбы, сколь отвѣтственнымъ предъ ними онъ себя считалъ, когда оказывался имъ невѣренъ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ нашъ священный

Вхожу съ поникшей главою!
Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель —
До капли источивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,

Главой поникъ и зарыдалъ!
Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ

[1]) Воспоминаніе II, 37;

За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословеный,
Воображалъ сіи сады! [1])

Прочтите его стихотвореніе въ дни годовщинъ лицея, его признанія въ постоянной мысли о смерти („Брожу-ли я вдоль улицѣ шумныхъ"), его стихи къ Филарету, или „Подраженіе Джону Буньяну", и вы поймете, что только ложное воспоминаніе, ложная жизнь ввела въ служеніе страстямъ эту чистую душу, предназначенную не для нихъ, не для условныхъ цѣлей жизни, но для чистой добродѣтели.

Вотъ почему изъ всѣхъ христіанскихъ молитвъ ему болѣе всѣхъ нравилась та, въ которой христіаниномъ испрашивается полнота добродѣтелей.

Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
„Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да брать мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи" [2]).

О томъ, какъ Пушкинъ цѣнилъ въ частности добродѣтель цѣломудрія, свидѣтельствуютъ слѣдующіе стихи изъ Бориса Годунова:

---

[1]) Воспоминаніе въ Царскомъ селѣ. II, 75.
[2]) Молитва II, 188.

Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ [1]).

За эту чистоту и смиреніе онъ возлюбилъ русскую древность и русскую деревню

. . . Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ,
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище....
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынѣче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей [2])...

.....Я здѣсь отъ суетныхъ оковъ освобожденъ,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ [3]).

Чванство не оставляетъ общественной жизни даже и на кладбищахъ: кладбище городское и кладбище сельское въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина являются выразителями различной внутренней настроенности горожанъ и поселянъ.

---

[1]) «Годуновъ», т. III, стр. 70,

[2]) «Онѣгинъ», т. III-й стр. 403. [3]) Деревня.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу—
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ,
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи,
Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи,
Надъ ними надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ,
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ:
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами отъ столбовъ отвинченныя урны,
Могли склизкія, зіяющія тутъ,
Которыя жильцевъ къ себѣ на утро ждутъ—
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня унынie находитъ,
Хоть плюнуть, да бѣжать.

Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
Намѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя [1])....

Изъ городовъ только Москва сохраняетъ духъ русской непосредственности и внутренней свободы, которыми была богата Русь древняя. Съ этой стороны и воспѣваетъ ее неоднократно Пушкинъ

[1]) Кладбище. II. 188.

И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылый,
Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ [1]);

Итакъ, народныя и историческія симпатіи Пушкина зависѣли отъ его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, а не обратно;—и этимъ именно должно объяснять, что переходя на почву народную и сдѣлавшись поклонникомъ деревни, Пушкинъ не сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицателемъ науки и культуры, подобно многимъ позднѣйшимъ писателямъ. Негодуя на невѣжество своихъ современниковъ въ отечественной исторіи, которую, по его словамъ, Карамзинъ открылъ русскому обществу, какъ Колумбъ Америку,—сочувственно привѣтствуя первыхъ славянофиловъ (Кирѣевскаго), Пушкинъ однако не боялся заимствованія научныхъ свѣдѣній отъ Запада, какъ онъ писалъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ о воспитаніи.

Весьма поучителенъ такой разумный, искренній и правдивый способъ выработки своихъ убѣжденій нашего поэта, освобождавшій его отъ всякихъ увлеченій, отъ всякой партійности, отъ тогдашняго придворнаго космополитизма и мистицизма, отъ декабристовъ и отъ аракчеевщины, и открывшій ему путь къ самой немодной въ то время православной вѣрѣ, которую даже въ богослужебныхъ книгахъ недозволено было называть православной, а только грекороссійской. Поучительно это внутреннее саморазвитіе Пушкина для нашего юношества, для нашего общества, потому что нашъ Пушкинъ, падавшій, боровшійся и каявшійся, до сихъ поръ остается микрокосмомъ русскаго общества, такъ же, какъ онъ, воспитаннаго въ поклоненіи тѣмъ двумъ демонамъ внѣ церкви и народа, и такъ же, какъ онъ, постоянно слышащаго въ укоръ своихъ страстей и своей праздности неумолкающій призывъ, призывъ, исходящій отъ своей совѣсти, отъ окружающихъ

[1]) Москва, т. II, стр. 87.

насъ остатковъ христіанской культуры, и наконецъ отъ нашей прекрасной пушкинской и послѣ-пушкинской литературы. Къ этой лучшей жизни, которой цѣль есть добродѣтель и нравственная свобода, призываетъ теперешнюю грѣшную Русь та святая Русь, которую началъ открывать ей великій поэтъ,— какъ орелъ свободный звалъ за собою плѣннаго орла.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой,
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюётъ подъ окномъ.

Клюётъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „давай улетимъ!“

„Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскія края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ, да я!“ [1])...

Да, къ нравственной свободѣ, къ духовному совершенству тяготѣлъ духъ нашего поэта и вовсе не понимаютъ его тѣ, которые хотятъ наложить на его имя ярлыкъ какой-либо политической доктрины, взывать отъ его имени къ какимъ-либо политическимъ предпріятіямъ. Внѣшній административный строй жизни, тотъ правовой порядокъ, который туманитъ головы многихъ нашихъ современниковъ, былъ чуждъ Пушкинскихъ стремленій. Какъ публицистъ онъ не могъ не замѣчать и этой видимой стороны жизни, но она интересовала его только съ нравственной точки зрѣнія. Вотъ почему одни и тѣ же политическія знамена видѣли его то подъ собою, то противъ себя. То поклонникъ дворянскихъ привиллегій, то огненный обличитель барскаго деспотизма и крѣпостнаго права (Стихотвореніе „Деревня“); то пламенный защитникъ самодержавія

[1]) Узникъ. т. I. стр. 273—274.

и непримиримый врагъ политическихъ переворотовъ (Заключительная глава „Капитанской дочки"),—то озлобленный насмѣшникъ надъ строгой цензурой, готовый даже роптать, что родился въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ свободнаго слова (Письма къ женѣ):—Пушкинъ не въ политическомъ строѣ жизни полагалъ свое призваніе, какъ русскаго общественнаго дѣятеля, онъ находилъ въ общественной жизни сферу высшаго блага; зависящаго исключительно отъ богатства внутренняго содержанія дѣятеля.

„Не для житейскаго волненья,
Но для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ".

Есть другое стихотвореніе, въ которомъ Пушкинъ уже вполнѣ опредѣленно указываетъ на второстепенное значеніе правового порядка и на первостепенное значеніе нравственнаго начала.

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ—свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова!
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно?....
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права! [1])

[1]) II, 187.

Блаженна была-бы Россія, если бы юношество и общество и въ этомъ отношеніи согласились съ Пушкинымъ и посвящали свой умъ и свои силы не на ту борьбу политическихъ идей, партій и мечтаній, которыми исчерпывается жизнь западнаго міра, выродившагося изъ бездушной культуры правоваго Рима. Пусть призванные на то правительственные чины и профессора юридическихъ наукъ знаютъ эту область. Но русскому генію суждено вносить въ жизнь иныя высшія начала, тѣ „сладкіе звуки и молитвы“, для которыхъ былъ рожденъ Пушкинъ. Объ этомъ согласно говорятъ всѣ наши народные поэты, раскрывавшіе въ своихъ твореніяхъ не правовые, но нравственные устои жизни. Таковы: Лермонтовъ, Гоголь, Достоевскій, Толстые, Гончаровъ, и даже тѣ, которые силились волноваться политикой и какъ бы противъ собственной воли разсуждали о добродѣтели и о вѣчной истинѣ. Таковы были: Некрасовъ, Тургеневъ и даже Герценъ. Не напрасно наши теперешніе политическіе друзья французы въ лицѣ лучшихъ знатоковъ русской жизни (Леруа-Болье и Де-Вогюе) замѣчаютъ, что русскіе глубоко и искренно интересуются только моралью и религіей, хотя и любятъ говорить объ экономіи и правѣ.

Но вѣдь это значитъ отказаться отъ всякой общественности? погрузиться въ личный аскетизмъ?—Неправда! Область нравственнаго совершенства, хотя и связывается на первыхъ порахъ съ сосредоточенностью и уединеніемъ, но затѣмъ широкою волной свободнаго вліянія вливается въ общественную жизнь, въ общественные нравы, что весьма плохо удается началу правовому.

Есть сила болѣе устойчивая, чѣмъ правовой порядокъ, сила могучая и вѣковая, которая созидается лишь нравственнымъ вліяніемъ личности. Эту силу мало знаетъ современная жизнь и мало понимаетъ современная наука. Сила эта называется бытомъ, бытомъ общественнымъ, бытомъ народнымъ, бытомъ историческимъ. Вотъ, работать для этой силы призываетъ насъ поэзія Пушкина и его послѣдователей, и этой

работѣ не препятствуетъ никакой правовой порядокъ. Напротивъ, всѣ правительства всѣхъ странъ заботятся о томъ, чтобы понять бытъ своей страны, охранять, ограждать его, такъ что и самое законодательство бываетъ по отношенію къ быту силою служебной. Наука, литература, благотворительность, школьное просвѣщеніе, а въ особенности христіанская убѣжденность и одушевленное православіе—вотъ тѣ посредства, чрезъ которыя истинный общественный дѣятель, истинный любитель народа сообщаетъ нравственныя силы своего духа общественному быту. Понявшіе эту истину избранники, теоретики или практики, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, Достоевскій или Рачинскій, проходятъ по полю жизни побѣдоносной свѣтлой стезей. Напротивъ, послѣдователи знаменъ политическихъ, партизаны правовыхъ порядковъ почти всегда въ зрѣломъ возрастѣ отступали отъ ложныхъ увлеченій молодости, да и пока служили этимъ послѣднимъ, то ихъ призывы были скорѣе истерическимъ крикомъ человѣка, желающаго заглушить свою собственную внутреннюю раздвоенность, и казались тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ менѣе могли ихъ понять и оцѣнить призываемые, такъ что горячее увлеченіе подобными идеями было свойственно лишь самой незрѣлой молодежи.

Мы сказали, что все русское общество отобразилось въ личности Пушкина. Пушкинъ понялъ, въ чемъ ложь и въ чемъ истина для него самого и для Россіи. Понялъ, но далеко не всегда и не во всемъ слѣдовалъ своимъ убѣжденіямъ: напротивъ, весьма часто вновь возвращался къ служенію страстямъ и предразсудкамъ и закончилъ свою жизнь ужаснымъ преступленіемъ поединка, который самъ называлъ нелѣпымъ заблужденіемъ слѣпого и грѣховнаго самолюбія. Подвергнувшись этому заблужденію, онъ совершенно освободился отъ него предъ кончиной, умиралъ добрымъ христіаниномъ, въ искреннемъ покаяніи и, надѣемся, былъ принятъ въ небесное царство, куда первымъ вошелъ раскаявшійся разбойникъ.

Что ожидаетъ нашу Русь, отразившуюся въ жизни поэта? Ей также открыты пути истины: исторія, литература и современный опытъ вѣщаютъ ей о томъ нравственномъ предназначеніи ея, которое понялъ для себя Пушкинъ, но она отступаетъ отъ него снова и снова, обнаруживая гораздо болѣе сильную раздвоенность, чѣмъ ея любимый поэтъ. Ужели ее ожидаетъ когда-либо такое же неразумное самоистребленіе, которое постигло нашего несчастнаго народнаго генія?

Это извѣстно только Богу... Но не напрасно на сегодняшней литургіи читалось грозное евангельское слово: „*дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете*“. Эти слова Господь привелъ въ заключеніе другого грознаго предостереженія: „*Еще мало время свѣтъ въ васъ есть, ходите, дондеже свѣтъ имате, да тма васъ не имѣетъ и ходяй во тмѣ не вѣсть, камо идетъ*“. Нынѣ сынамъ нашего общества, хотя и равнодушнаго къ свѣту вѣчной истины, не трудно бываетъ покаянное обращеніе къ нему, потому что какъ бы кто ни отвращалъ своихъ очей и ушей отъ христіанской жизни и духовнаго совершенства, но остатки ея еще довольно крѣпко живутъ въ общественныхъ нравахъ; звукъ великопостнаго колокола и донынѣ просится въ русское сердце, братскій привѣтъ пасхальнаго цѣлованія еще не упраздняется среди насъ, разочарованный грѣшникъ еще не забылъ о существованіи дороги въ храмъ и борющаяся со страстію душа еще знаетъ о существованіи Священной Книги—Новаго Завѣта. Но не суждено ли и этимъ остаткамъ христіанства и нравственной силы нашихъ предковъ постепенно исчезать среди нашего равнодушія и нравственнаго облѣненія? Конечно, христіанская вѣра и христіанская церковь пребудутъ во вѣки, но не обособятся ли онѣ отъ русскаго общества въ отдѣльную совершенно жизнь и тогда для общества „*пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати*“? Нѣтъ, горячая любовь нашего общества къ русской поэзіи, проповѣдующей ему христіанское возрожденіе, ручается, думаемъ, за то, что оно

не дастъ отлетѣть отъ насъ христіанскому духу,—и когда противорѣчіе между ложными устоями нашей жизни и тѣми свѣтлыми завѣтами евангельской вѣры обострится настолько, что придется волей-неволей выбирать оно изъ двухъ, тогда русскій человѣкъ многократно отрицавшійся отъ Христа, какъ измѣнившій но покаявшійся снова ученикъ, воскликнетъ: „*Ей, Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя*“.

Д) Слова юношескія [1]).

СЛОВО

въ годовщину послѣ сибирской язвы [2]).

Православные христіане! Въ эти дни прошлымъ лѣтомъ Господь посѣтилъ насъ сибирскою язвою. Лошади и коровы пропадали у богатыхъ и бѣдныхъ; мущины не знали, какъ они справятся съ уборкой сѣна и хлѣба, а женщинамъ нечѣмъ было поить и кормить дѣтей. Въ такой бѣдѣ мы прибѣгали съ молитвой къ Господу Богу, служили молебны и каялись во грѣхахъ. Всѣмъ приходилось тяжко, а хуже всего—матерямъ младенцевъ: ихъ дѣти чахли безъ молока и конечно не одного и не двухъ прибралъ Господъ въ царствіе небесное. За что-же наказалъ насъ милосердый Господь? Охъ, братіе христіане, не намъ спрашивать объ этомъ: столько грѣховъ за каждымъ человѣкомъ, что всѣ мы достойны казни Божіей. Но за что-же страдали ни въ чемъ неповинные младенцы? За наши грѣхи бр. хр., а наипаче за тотъ общій всѣмъ намъ грѣхъ, что у насъ не похристіански обходятся съ младенцами. Когда Господь нашъ І. Христосъ былъ на землѣ во образѣ человѣческомъ, то не разъ ласкалъ и благословлялъ младенцевъ и велѣлъ намъ быть такими-же безвинными и чистыми душею, какъ они. Тѣмъ-же людямъ, которые научаютъ младенцевъ худому, Спаситель сказалъ грозное, страшное слово: „*Кто*

---

[1]) Три слова, помѣщаемыя въ этомъ отдѣлѣ, произнесены авторомъ въ бытность его студентомъ С.-Петербургской дух. Академіи.

[2]) Произнесено лѣтомъ 1883 года въ сельской церкви на родинѣ автора.—Печатается впервые.

соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше бы было, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею его и потопили во глубинѣ морской (Мо. 18. 6.). Вотъ какой казни заслуживаютъ соблазнители дѣтей! Какъ ни тяжко, а надо признаться, что многіе изъ насъ виноваты въ такомъ грѣхѣ. Многіе отцы и матери ожесточаютъ невинное серце младенца и своею напрасною гнѣвливостью отнимаютъ отъ него высочайшую добродѣтель-кротость. Многіе отцы и матери не останавливаютъ дѣтей на нехорошемъ дѣлѣ и не позаботятся научить ихъ гнушаться всякаго зла и творить добро. Иные не стыдятся говорить при дѣтяхъ зазорныя рѣчи, браниться срамными словами, хвастаться своимъ распутствомъ, какъ будто чѣмъ-то хорошимъ. Многіе отцы при дѣтяхъ приходятъ домой пьяные, колотятъ безъ вины своихъ женъ и самихъ дѣтей. Иногда впрочемъ большіе и скажутъ дѣтямъ, что то хорошо а то худо, да тутъ-же и дѣлаютъ худое. А чаще случается, что никто не хочетъ научить ихъ добру, никто не объяснитъ даже, какъ надо и въ Бога-то вѣрить, за то многіе научатъ, какъ пить водку, какъ браниться непристойными словами, научатъ и такому, о чемъ и говорить-то грѣшно. Бѣдныя дѣти! За что это имъ такъ дѣлаютъ? кому они безвинныя досадили? Кто за нихъ заступится кромѣ Господа и Его Пречистой Матери? Если-бы не самъ Господь наставлялъ ихъ на доброе, то какими-бы злодѣями они выросли, видя столько худаго въ младенчествѣ! Какъ оправдаются предъ Богомъ и тѣ, которые худымъ примѣромъ своимъ развращаютъ души дѣтей? Вотъ какой страшный грѣхъ лежитъ на насъ, христіане, такой грѣхъ, за который мало въ морѣ утопить, какъ говорилъ І. Христосъ. Отцы и матери! Вамъ тяжело было, когда дѣти ваши плакали мучась безъ молока и каши; ужели вамъ не тяжко видѣть, какъ мало по малу портятся ихъ невинныя души отъ вашего жестокосердія? Вамъ тяжко было, что не могли утомить ихъ голода, ужели вамъ легко своимъ худымъ примѣромъ отнять отъ нихъ и чистоту души, и можетъ быть даже ихъ вѣчное спасеніе. Вы знаете, великимъ грѣхомъ

считается въ Св. Писаніи убить человѣка, но еще грѣшнѣе убить въ человѣкѣ непорочность его души, еще грѣшнѣе лишить его не этой краткой и тяжкой жизни, а лишить вѣчнаго наслажденія въ царствіи небесномъ. Еще ли намъ спрашивать, за что Господь караетъ насъ моромъ, за что отнимаетъ у насъ дѣтей! Если мы прошлымъ лѣтомъ такъ усердно молились Богу объ избавленіи отъ сибирской язвы, то не подобаетъ-ли намъ молиться Ему всегда и вездѣ объ избавленіи отъ страшной язвы грѣха, отъ которой погибаютъ не кони и коровы, а души наши и души дѣтей, соблазняющихся нашимъ примѣромъ? Будемъ же непрестанно молиться Богу днемъ и ночью, въ полѣ и дома, чтобы Онъ „*омылъ насъ отъ беззаконій нашихъ и очистилъ насъ отъ грѣховъ нашихъ*“ (Пс. 50). Будемъ заботиться о томъ, чтобы учить дѣтей своихъ добру и вѣрѣ въ Бога, а также отъучать ихъ отъ всего худаго. Будемъ обходится съ ними ласково, какъ съ друзьями Христовыми, чтобы не прогнѣвать ихъ великаго Заступника Господа Іисуса. А наипаче должно стараться не возмущать чистыхъ душъ младенческихъ жестокостью и бранью, чтобы не озлобить незлобивыхъ. Если воспитаете дѣтей вашихъ и сдѣлаете ихъ праведными и добрыми людьми, то и они будутъ покоить васъ въ старости, ходить за вами въ болѣзняхъ и замолятъ ваши грѣхи, когда вы умрете. Тогда люди будутъ благочестивѣе, и Господь не будетъ карать общими бѣдами и всѣ будутъ жить покойно и счастливо „*во всякомъ благочестіи и чистотѣ*“ (Тим. I. 2, 2). Вотъ насколько важно научать дѣтей добру, ибо не даромъ сказалъ І. Христосъ: „*кто пріиметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ*“. Видите, какую милость заслуживаютъ предъ Богомъ всѣ благодѣтели дѣтей: они въ дѣтяхъ своихъ принимаютъ самого Христа Спасителя, Который да спасетъ, да сохранитъ, да помилуетъ своихъ младенцевъ отъ всякаго зла и да поможетъ вамъ воспитать ихъ во славу Своего имени. Аминь.

СЛОВО

на Богоявленіе [1])

Сегодня, братіе, мы празднуемъ Крещеніе Господа нашего І. Христа отъ руки Іоанна Крестителя въ рѣкѣ Іорданѣ. Въ то время, когда І. Христосъ возрасталъ въ своей семьѣ, и былъ еще неизвѣстенъ людямъ, въ одной дикой пустынѣ спасался Іоаннъ Креститель. И вотъ Духъ Св. послалъ его къ людямъ проповѣдывать пришествіе въ міръ Сына Божія, І. Христа. Іоаннъ Креститель сталъ собирать народъ у рѣки Іордана и говорилъ имъ: покайтесь во грѣхахъ вашихъ: скоро придетъ обѣщанный Богомъ Спаситель нашъ и вотъ я пришелъ уготовать Ему путь, чтобы вы достойны были принять Его. И тѣхъ, кто истинно каялся во всѣхъ своихъ грѣхахъ, Іоаннъ крестилъ во Іорданѣ. Вдругъ онъ видитъ, что самъ І. Христосъ приходитъ къ нему и проситъ отъ него крещенія. Мнѣ-ли крестить тебя? говоритъ Іоаннъ: я недостоинъ развязать ремни твоей обуви и какъ Ты просишь отъ меня крещенія?—Но Господь І. Христосъ сказалъ: оставь, намъ слѣдуетъ исполнить всякую правду—и крестился безгрѣшный Сынъ Божій отъ человѣка Іоанна. Ему не въ чемъ было каяться, п. ч. Онъ не сдѣлалъ никакой неправды, не было за нимъ ни малѣйшаго грѣха, но Онъ принялъ крещеніе отъ своего слуги, чтобы научить каждаго изъ насъ не возноситься, не думать о своихъ добродѣтеляхъ, не гордиться, но замѣчать только свои грѣхи и постоянно каяться въ нихъ

[1]) Произнесено въ сельской церкви на родинѣ автора въ 1885 г.

передъ Богомъ и смирять себя передъ людьми. А рѣдко такъ дѣлаемъ мы бр.. Грѣховъ своихъ мы не видимъ, а если и видимъ, то скрываемъ про себя. И если кто изъ ближнихъ укажетъ намъ, что вотъ не хорошо ты дѣлаешь, то вмѣсто того, чтобы сказать ему спасибо и постараться исправить свою вину, мы только сердимся на него, отпираемся и начинаемъ съ нимъ ссору и значитъ, не только не исправляемся, но къ старому грѣху прибавляемъ новыхъ три: гордость, гнѣвъ и ложь. Тяжко грѣшимъ мы такъ противъ Господа нашего І. Христа, п. ч. Онъ и ни однаго грѣха не сдѣлалъ, а принялъ очистительное крещеніе.—А вотъ, если человѣкъ сдѣлаетъ доброе дѣло, то онъ гордится и хвастаетъ направо и налѣво и требуетъ себѣ почета, не хочетъ сравнять себя съ тѣмъ, кого считаетъ хуже себя, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кто въ чемъ виноватъ, а того не подумаетъ, что онъ самъ своею гордостью грѣшнѣе всякаго грѣшника, п. ч. за гордость Богъ казнилъ лукаваго и низвергъ его во адъ. Всякій гордецъ не слуга Христовъ, п. ч. Христосъ Спаситель, будучи Сыномъ Божіимъ, покорился своему слугѣ Іоанну и принялъ крещеніе отъ человѣка, котораго Онъ самъ сотворилъ изъ праха земного. И самъ І. Христосъ всего тягчае осуждалъ человѣческую гордость, а всего выше прославлялъ смиреніе: блаженны нищіе духомъ, говорилъ Онъ: яко ваше есть царствіе Божіе. Чтобы научить людей смиренію, Господь сказалъ притчу о мытарѣ и фарисеѣ, которую будутъ читать въ слѣдующее воскресенье за обѣдней. Пришло два человѣка въ храмъ молиться: фарисей, который гордился своими добродѣтелями, и мытарь, собиравшій подати съ народа. Сталъ фарисей на молитву и говоритъ Богу: Господи, благодарю Тебя, что я не такой, какъ другіе люди, не грабитель, не распутникъ и не обидчикъ какъ вотъ этотъ мытарь; я и пощусь, и милостыню подаю, и то дѣлаю, и другое. А мытарь сталъ сзади, упалъ на колѣни и смѣлъ даже глазъ поднять, а только и вздыхалъ взывалъ со слезами: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“. И конечно, прибавилъ Спаситель: этотъ смиренный грѣшникъ вышелъ изъ храма

болѣе угоднымъ Богу, чѣмъ гордый фарисей. Вотъ бр., еще примѣръ, какой тяжкій передъ Богомъ грѣхъ—гордость—и какъ нужно смиреніе для спасенія души. И намъ-ли бр. возноситься своими добродѣтелями, которыхъ такъ мало въ сравненіи съ грѣхами, какъ зерно въ снопахъ въ сравненіи съ соломой! Ты вотъ гордишься тѣмъ, что не пьешь вина, а о томъ и думать не хочешь, что ты или завистливъ, или сплетникъ, или жестокъ сердцемъ, или обманщикъ и пр. И если Господь нашъ І. Христосъ, придя въ міръ во всей своей чистотѣ и святости началъ съ того, что смирился передъ человѣкомъ и какъ грѣшникъ принялъ крещеніе, то намъ-ли грѣшнымъ не смиряться и не каяться горько предъ Богомъ, что мы, спасенные отъ грѣха смертью Его Сына, всетаки опять ежечасно впадаемъ въ грѣхи и огорчаемъ Его св. любовь къ намъ, п. ч. Господь всѣмъ людямъ хочетъ спастись и если мы грѣшимъ, то вновь Его распинаемъ на крестѣ и вновь Его мучаемъ. Намъ-ли не припадать къ его образу и не взывать съ мытаремъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“! И вмѣсто-то этого мы даже и сознать не хотимъ своихъ грѣховъ и только гнѣваемся, когда намъ ихъ указываютъ, да еще смотримъ, какъ бы быть у людей въ почетѣ и возноситься надъ тѣмъ человѣкомъ, кого считаемъ хуже себя. Тяжко осуждалъ І. Христосъ такихъ людей: горе вамъ, безумные, говорилъ онъ, что вы все добро дѣлаете на показъ, чтобы васъ хвалили и почитали. Это похвала вамъ и послѣдняя награда, а Богъ, Который все видитъ, только осудитъ васъ за эти дѣла, п. ч. вы творите добро не ради спасенія, а ради похвальбы. И думается, вѣдь вотъ иной и умный человѣкъ, а не хочетъ подумать о своихъ грѣхахъ, а похвала за его добро ему кажется слаще меду. Неужели-же онъ не понимаетъ, что доброе дѣло—богомольность-ли или милость, только тогда и угодно Богу, когда его дѣлать по сердцу ради спасенія, а если дѣлаешь его на показъ, то ты служишь не Богу, а собственной гордости, хуже которой нѣтъ грѣха. А если иной человѣкъ понимаетъ это, зачѣмъ-же онъ дѣлаетъ такъ глупо?

Всему виной бр., то, что мы все гонимся за земнымъ благополучіемъ, за богатствомъ, да за почетомъ, а о душѣ своей не думаемъ и знаемъ, что добро надо творить ради спасенія, да ужъ и почетъ-то отъ людей кажется такъ сладкимъ, что человѣкъ готовъ промѣнять на него свое спасеніе. Вотъ эта-то погоня за земнымъ счастьемъ мѣшаетъ человѣку смириться и потакаетъ его гордости. Однако нѣтъ безумія хуже, чѣмъ погоня за земнымъ счастьемъ, потому что счастья этого никогда не поймаешь: все будетъ тебѣ казаться мало, все будетъ больше хотѣться. Какъ пьяница не кончитъ никогда своего питья, а все будетъ хотѣться выпивать почаще, такъ и тому, кто гонится за земнымъ богатствомъ или почетомъ, все больше и больше хочется и никогда ему не будетъ довольно. Вотъ ты всю весну и лѣто трудился надъ полемъ, накопилъ запасъ и радъ, а вѣдь съ будущей весны опять тебѣ также трудиться и опять проѣшь все, а если и наживешь и будешь въ чести, то захочешь еще нажиться и опять трудись, забывая обо всемъ и опять не хватитъ для твоей жадности. Будетъ проходить годъ за годомъ, будешь ты старѣть и сѣдѣть и все думать: вотъ еще мнѣ того и того добиться и тогда будетъ довольно, а добьешься этого, захочешь другого, а тутъ и подойдетъ смерть и придется тебѣ идти на судъ Божій, и ничего ты не сдѣлалъ ради спасенія, а все ради земнаго богатства почета и счастья, а самъ и спасеніе свое погубилъ, и счастья не добился. Премудрый Соломонъ за то и сказалъ про человѣческое счастье: все это суета суетъ, суета и крушеніе духа. Встанетъ солнце на востокѣ и закатится на западѣ и взойдетъ снова и снова закатится и не знаетъ, чего оно восходитъ и заходитъ—такъ и человѣкъ, заботящійся о счастьѣ. Подымется вѣтеръ съ полудня и уйдетъ на страну полночную и не знаешь, куда онъ дѣлся; такъ человѣкъ бросается какъ вѣтеръ за счастьемъ и погибнетъ какъ вѣтеръ безъ пользы.—Не за тѣмъ мы живемъ на землѣ бр. христіане, чтобы гоняться за богатствомъ и честью, а затѣмъ, чтобы дѣлать по Божьему и улучать вѣчное спасеніе. И если мы по-

знаемъ суету мірской жизни, познаемъ, что добраго въ насъ очень мало, а грѣховъ много, что только милосердый Господь Богъ можетъ отпустить намъ наши грѣхи и дать намъ помощь къ улученію спасенія, то первое, что намъ слѣдуетъ сдѣлать, это притечь къ Господу Богу съ покаяніемъ и взывать, какъ тотъ мытарь: Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному! Но мало каяться предъ Богомъ, надо и на будущее время исправить свою жизнь. Такъ и дѣлали тѣ, которые съ покаяніемъ приходили ко Іоанну креститься. Они всѣ спрашивали у него: что ты велишь намъ дѣлать? А онъ отвѣчалъ: кто имѣетъ двѣ рубашки, отдай одну неимущему, исполняйте свое дѣло честно, никого не обижайте, не клевещите, не пересуживайте и будьте довольны тѣмъ, что получаете. А І. Христосъ, давшій примѣръ своею жизнью, всѣмъ намъ говорилъ: Господь поставилъ Меня благовѣстить нищимъ и послалъ Меня утѣшать сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ отпущеніе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благопріятно. Вотъ бр. началось на дняхъ новое лѣто, постараемся-же по мѣрѣ силъ сдѣлать его благопріятнымъ и поступать по примѣру Господа, т. е. быть смиренными, не возноситься, не гнаться за земнымъ счастьемъ и подражать по мѣрѣ силъ человѣческихъ Христу Богу въ томъ, на что Онъ былъ поставленъ Отцемъ Своимъ: т. е. всѣмъ помогать, всѣхъ утѣшать, всѣхъ любить. Пройдетъ еще много лѣтъ, когда трудно будетъ жить между людьми всѣмъ христолюбцамъ, но придетъ послѣднее лѣто, послѣдній день и снова явится на землю І. Христосъ—не для того, чтобы Его осудили на смерть, но чтобы судить людей. И соберетъ Онъ всѣхъ людей и поставитъ одесную себя всѣхъ праведниковъ, всѣхъ тѣхъ, кто дѣлалъ добро и терпѣлъ за него зло на землѣ и скажетъ: пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе. Аминь.

СЛОВО

въ день юбилейной памяти св. равноап. Меѳодія [1]).

Сегодняшній день бр. есть день торжества всего православнаго міра, потому-что виновникъ этого торжества—св. Меѳодій сослужилъ великую службу всей Церкви, пріобщивъ къ ней своими апостольскими трудами тѣ народы, которымъ выпала участь впродолженіи многихъ вѣковъ стоять во главѣ церковной жизни. Имя свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ праздникъ должны быть дороги и близки всякому православному человѣку, обществу и народу, особенно-же народу славянскому; но какой народъ или общество въ свою очередь стоятъ ближе другихъ къ св. братьямъ? Какой народъ или общество можетъ назвать сегодняшній праздникъ своимъ по преимуществу? Прежде всего не тѣ страны, гдѣ учили, трудились и въ трудахъ скончались равноапостольные наши просвѣтители, не Моравія, ни Паннонія, ни Римъ, какъ должно бы повидимому казаться; потому что такіе дѣятели, какъ Кириллъ и Меѳодій, принадлежатъ не мѣсту, ни ни времени, ни народу, но идеѣ; имъ родны и близки не земляки или соотечественники, а тѣ, кто остался вѣренъ ихъ ученію, кто остался вѣренъ ихъ православію, стоять въ которомъ до послѣдняго издыханія завѣщалъ своимъ ученикамъ въ сегодняшній день тысячу лѣтъ тому назадъ св. Меѳодій

---

[1]) Произнесено 6 Апрѣля 1885 г. въ церкви С.-Петербургской Дух. Академіи.—Печатается впервые.

на своемъ смертномъ одрѣ. Поэтому въ тысячелѣтній юбилей этого дня всѣ народы славянскіе какъ бы призываются къ отчету въ своемъ православіи—оно сохранилось, увы, немногими изъ нихъ и эти-то немногіе только и могутъ сегоднешній день считать днемъ своей радости, только они близки къ св. Меѳодію, хотя-бы не онъ лично обратилъ ко Христу ихъ предковъ.—Но бр., если св. дѣятелямъ винограда Господня дорого и близко не мѣсто и не извѣстное государство, а то дѣло, которому они посвятили жизнь, то конечно нѣтъ на землѣ учрежденія болѣе имъ роднаго, какъ тѣ разсадники учителей православія, тѣ питомники дѣятелей истинно-народнаго просвѣщенія, во главѣ которыхъ стоятъ прежде всего православныя духовныя академіи. Св. Кириллъ и Меѳодій были для славянъ именно тѣмъ, чѣмъ должны быть для нихъ теперь духовныя академіи, т. е. примѣромъ христіанской жизни, воспитателями пастырей, уяснителями Божественнаго ученія и подателями свѣта знаній научныхъ. А если такъ, то сегоднешній праздникъ, дорогой и свѣтлый для всякаго христіанина, тѣмъ свѣтлѣе и радостнѣе долженъ праздноваться у насъ въ Духовной Академіи, потому что онъ есть нашъ академическій праздникъ, онъ есть юбилей первыхъ ректоровъ славянской Духовной Академіи. Но такъ какъ всякій христіанскій праздникъ имѣетъ цѣлью не что иное, какъ назиданіе и воспитаніе вѣрныхъ въ вѣрѣ и любви Христовой, то и мы тѣмъ достойнѣе отпразднуемъ славу нашихъ св. первоучителей, чѣмъ больше нравственныхъ уроковъ почерпнемъ изъ сегоднешняго юбилея.—Бр. товарищи, почти треть изъ насъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а всѣ остальные чрезъ два—три года вступимъ на то поприще дѣятельности, на которомъ подвизались св. братья Кирилъ и Меѳодій, сдѣлаемся продолжателями ихъ свящ. труда. И вотъ сегодня 1000 лѣтъ назадъ умирающій Меѳодій умолялъ своихъ продолжателей не ослабѣвать въ дѣлѣ апостольскаго служенія, говоря: „Храните и другихъ увѣщайте хранить тотъ завѣтъ, который мы приняли отъ св. Апостоловъ и который потребуется отъ насъ въ день воздаянія. Со всею бдительностью

старайтесь охранять сердца ваши и братій вашихъ; ибо вы будете ходить среди сѣтей и будете восходить на вершины градовъ; ибо послѣ моей кончины придутъ къ вамъ злые волки, не щадящіе стада, чтобы увлечь за собою народъ — имъ противустойте вы, твердые въ вѣрѣ, какъ завѣщаетъ вамъ черезъ меня св. Ап. Павелъ". Эти слова относятся не только къ его ученикамъ и сотрудникамъ, но и къ намъ, вступающимъ въ число послѣднихъ. Отсюда ужъ слишкомъ ясно, каковъ главный урокъ сегоднешняго юбилея, чему онъ насъ научаетъ, что напоминаетъ. Да, это тысячелѣтіе славянскихъ церквей, раскрывающее предъ нами безконечный рядъ историческихъ событій и нашего отечества и другихъ странъ напоминаетъ намъ о томъ-же, о чемъ говоритъ намъ все, на что оборотишь взоръ, о чемъ говорятъ картины жизни простаго народа, алчущаго Христова свѣта, но еще не насыщеннаго, о чемъ говоритъ и жизнь образованныхъ невѣждъ въ вѣрѣ, т. е. общества, измучившагося въ тщетномъ исканіи истины, о чемъ гремятъ новыя событія человѣческихъ неправдъ, происходящихъ отъ оскудѣнія вѣры, о чемъ вопіетъ на небо всякая невинно пролитая кровь, всякая слеза вдовы и сироты, о чемъ вѣщаютъ различные ужасы жизни, въ родѣ самоубійствъ, проституціи, общественныхъ грабежей, развращенія невинныхъ дѣтей, мучительство слабыхъ, торжество злыхъ, о чемъ мы должны думать и болѣть душей, потому что, если и люди перестанутъ намъ напоминать объ этомъ, то „камни возопіютъ"—о томъ, что „жатвы много, а дѣятелей мало", много жатвы тяжелой, сорной, безотрадной—той-же самой жатвы, на которой трудились св. братья, на которой они видѣли мало радости, но много скорби, много униженій, клеветы, позора, пока не упали, по выраженію Кирилла, какъ издыхающіе волы на бороздѣ. Но какъ ни тяжка, ни мучительна эта жатва, но отречься отъ ней не можетъ и не смѣетъ никто, кому врученъ отъ Господина ея серпъ. Какъ не можетъ укрыться градъ, стоящій верху горы, такъ не смѣемъ и мы, бр., отойти праздно отъ порученной намъ тяжелой

жатвы, потому что намъ данъ серпъ, т. е. знаніе божественнаго закона и нравственное направленіе и вообще все необходимое для вступленія на поприще апостольской дѣятельности. Усвоивъ себѣ—волей—или не волей—это все равно—плоды пастырскаго воспитанія, мы тѣмъ самымъ возложили руку на плугъ Христовъ, а всякъ возложивый руку на орало, не озирайся вспять, „ибо раба зарывающаго въ землю талантъ Господа Своего“ ожидаетъ на страшномъ Его судѣ тяжкое проклятіе за то, что онъ, затворяя предъ ближними дверь въ царство небесное, лишаетъ ихъ самаго драгоцѣннаго для человѣка сокровища и въ очахъ Божіихъ является болѣе жестокимъ, чѣмъ тотъ, кто, имѣя въ рукахъ хлѣбъ, заставляетъ ближняго умирать съ голоду предъ своими глазами! Да, братіе, на картинѣ жизни св. первоучителей намъ всего ярче долженъ отобразиться ихъ завѣтъ для всѣхъ учителей вѣры стоять за истину, за Христа, не взирая ни на внѣшнія препятствія, ни на гораздо труднѣйшія препятствія внутреннія, на малодушіе, маловѣріе, скудость любви и проч., но подвизаться на святѣйшемъ изъ всѣхъ служеній человѣчеству, безконечно превосходящемъ всякое другое служеніе—на служеніи апостольскомъ, просвѣтительномъ, подвизаться до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови, претерпѣть всякую обиду, всякую внутренюю муку, какъ и всѣ тѣ, которые подобно св. братьямъ Кириллу и Меѳодію: руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще и узами и темницей.... и проидоша въ милотехъ и козьихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени,... въ пустыняхъ скитающеся и горахъ и въ пропастехъ земныхъ,.. хотя весь міръ не былъ ихъ достоинъ. И это будетъ не подвигъ, не милость наша, но нашъ долгъ, которымъ мы себя связали съ праведнымъ Судіей, принявъ воспитаніе отъ Его Церкви, запасшись тѣми нравственными, умственными и научными силами, которыми наше духовное образованіе такъ далеко опережаетъ свѣтское. Но эти преимущества въ нашемъ христіанскомъ сознаніи, какъ преимущества въ довѣренныхъ намъ талантахъ, суть не что иное, какъ преимущественная тяжесть того

креста, который возложенъ на каждаго христіанина, и о которомъ его спроситъ Судія, если утомилась спрашивать совѣсть, и забыло спрашивать общественное мнѣніе. Но Господь внѣ предразсудковъ времени и съ каждаго христіанина, а съ насъ особенно спросится не то, что мы желаемъ, а что на насъ возложено ученіемъ Спасителя, говорившаго: да отвержется себе всякій, кто идетъ за Нимъ. Онъ винилъ учителей вѣры во всякомъ злѣ міра, во всякой крови отъ крови Авеля до послѣдняго пророка. И вся эта кровь, а съ нею и кровь Богочеловѣка лежитъ тяжкимъ камнемъ и на насъ, если мы не будемъ отдавать на служеніе Ему и Его стаду всѣхъ нашихъ силъ, всей нашей крови.—И вотъ мы призываемся къ отчету. И конечно, бр. товарищи, мы намѣрены всѣ служить Богу и Его правдѣ, если не всѣ въ качествѣ пастырей, то въ качествѣ учителей и толкователей Его закона: но—увы—это намѣреніе преимущественно между всѣми благими намѣреніями юности мало кѣмъ приводится въ исполненіе и не будетъ приведено никогда, пока оно на ряду съ другими идеалами нашего возраста не выведено изъ области простыхъ юношескихъ стремленій и мечтаній. И горько ошибется тотъ, кто думаетъ, будто довольно имѣть благодушное настроеніе къ людямъ и искреннее сердечное намѣреніе посвятить себя на служеніе ближнимъ—для того, чтобы на самомъ дѣлѣ остаться вѣрнымъ этимъ стремленіямъ. Пусть онъ простретъ свою мысль въ предѣлы настоящаго, въ прошедшее или будущее, что поневолѣ приходится дѣлать въ юбелейные дни. Дѣствительно, пока любой изъ насъ не выходитъ мыслью изъ настоящаго и видитъ себя здѣсь окруженнымъ товарищами, дышащими тѣми-же благими намѣреніями, какъ и онъ самъ; когда тебѣ представляется съ одной стороны море науки, по которому ты несешься въ безконечную даль познанія и открываешь въ немъ все новые лучи Божественной славы; когда съ другой стороны ты видишь въ картинахъ современной жизни, какъ сильно она нуждается въ дѣятеляхъ христіанской любви и самоотверженія, которыми пылаешь ты и твои то-

варищи: то ты ощущаешь въ себѣ силы сдвинуть горы и остановить рѣки, жизнь представляется какою-то торжественной битвой, въ которой мы, какъ побѣдоносная рать, будемъ покорять царству умственнаго и нравственнаго свѣта все новыя и новыя области и жить въ вѣчной молодости, въ вѣчномъ праздникѣ. Но вотъ въ дни различныхъ годовщинъ и юбилеевъ, а тѣмъ болѣе въ сегоднешній тысячелѣтній юбилей перваго ректора первой славянской духовной школы противоположное настроеніе тѣснится въ душу. Въ эти дни вспоминаешь, что вѣдь были издавна люди со святыми намѣреніями, были, трудились и умерли,—а чаще были убиты—и ихъ нѣтъ, что въ частности и въ нашей Академіи не инымъ конечно было господствующее настроеніе ея прежнихъ чадъ, и вотъ они были—и ушли, явились другіе, нѣтъ и ихъ, пришли мы, не будетъ и насъ, объ насъ забудутъ, забудутъ и нашихъ преемниковъ студенчества. Вспоминается и то, что юношескія надежды прежнихъ студентовъ не сбылись, что и тѣ, кто остался имъ вѣренъ, осуществили лишь ничтожную ихъ долю, а большинство вовсе ихъ забыло, что вообще зрѣлый возрастъ и жизнь заставляетъ покидать идеалы юности, смѣяться надъ ними, и смиренно становиться въ ряды тѣхъ обычныхъ людей, которые пекутся лишь о хлѣбѣ насущномъ. Тогда жизнь вмѣсто вѣчнаго праздника представляется намъ какимъ-то коротѣимъ, но тяжкимъ сномъ и главное мѣсто на картинѣ ея занимаетъ фигура смерти, не личной только, но постоянной смерти всего добраго, постоянной смерти распятаго Христа, постояннаго торжества князя міра сего въ образѣ мамоны. И вспоминаются безнадежныя слова Екклезіаста: Кое изобиліе человѣку во всемъ трудѣ его, имъ же трудился подъ солнцемъ? Родъ преходитъ и родъ приходитъ,... и восходитъ солнце и заходитъ солнце и въ мѣсто свое влечется, и идетъ духъ и на круги своя обращается духъ. Вси потоцы идутъ въ море и море нѣсть насыщаемо: на мѣсто, аможе потоцы идутъ, тамо тіи возвращаются идти... Что было, тожде есть еже будетъ... нѣсть память первыхъ и послѣднимъ бывшимъ не

будетъ ихъ память съ будущими напослѣдокъ". При этихъ мысляхъ, какъ вихрь улетаетъ побѣдоносное настроеніе молодости и ты въ тяжкомъ унынiи начинаешь жаловаться на безсмыслiе жизни и безцѣльность дѣятельности, начинаешь смѣяться надъ своими идеалами, топтать ихъ въ грязь, услужливый грѣхъ, всегда лежащій у дверей нашего сердца, быстро занимаетъ наполнившую его пустоту и изъ сына свѣта дѣлаетъ тебя сыномъ тьмы. Гдѣ-же найдемъ мы точку нравственной опоры и осмысленіе самоотверженной дѣятельности, какою цѣпью соединимъ мы себя съ прошедшимъ и будущимъ, чтобы работа наша не была подобна сизифовой, чтобы всѣ дѣятели истины были-бы въ нашемъ сознаніи на самомъ дѣлѣ единая рать, а дѣло ихъ—строеніе одного зданія, чтобы въ немъ былъ смыслъ и цѣль, чтобы наша любовь представлялась намъ не плодомъ фантазіи и настроенія, свойственнаго возрасту, но откликомъ того закона, который вложенъ Творцомъ въ исторію человѣчества и міра. Конечно не разсужденія о прогрессѣ, о пребывающемъ значеніи нравственныхъ идей насъ утѣшатъ. Нравственная идея, да и все нравственное, все доброе и прекрасное имѣютъ смыслъ лишь постольку, поскольку существуютъ въ живомъ личномъ сознаніи; внѣ его всѣ эти слова суть только поэтическіе образы и только живая фантазія политическихъ дѣятелей запада можетъ вѣрить философамъ, злоупотребляющимъ этими образами, чтобы ставить ихъ въ качествѣ дѣйствительныхъ вещей. Нѣтъ, братіе и товарищи, только твердая, живая вѣра въ живаго вѣчнаго Бога можетъ придать смыслъ всякой нравственной дѣятельности, только вѣра въ Церковь, т. е. въ дѣйствительное, а не фантастическое только единство христіанскаго человѣчества (Ефес. 2 12—21) можетъ оправдать нашу потребность сознавать свое единство со всѣми, дѣйствовавшими во имя нашихъ цѣлей; только надежда на послѣдній судъ Божій, на то, что придетъ день, когда увѣнчана будетъ всякая правда и собраны во едино всѣ плоды ея, только эта надежда помогаетъ намъ одолѣть то отчаяніе въ жизни, которое налагаетъ на насъ

зрѣлище постоянной гибели всего добраго и постоянное торжество злаго начала въ мірѣ. И если память о прошломъ мірскомъ навѣваетъ на насъ уныніе, то память сегоднешняго святаго мужа окрыляетъ нашъ духъ вѣрою, что пусть былъ загнанъ и забытъ Христовъ слуга, пусть паства его впала въ ересь, пусть, можетъ быть, придетъ время, когда на этой землѣ изгладится память и вліяніе его дѣятельности: но тамъ въ лучшемъ мірѣ, въ мірѣ истины, все забытое, все подавленное воскрешено Христомъ, тамъ царствуетъ съ нимъ св. Меѳодій, тамъ сіяетъ вся его правда, тамъ истинное царство добра, царство Божіе. Вотъ такія-то благія стремленія юности непремѣнно должны имѣть свое оправданіе въ твердости убѣжденій, а сами по себѣ недостаточны для того, чтобы стать принципами дѣятельности. Не на нихъ должна опираться послѣдняя, но на вѣрѣ. Но и одной вѣры, т. е. убѣжденности въ загробномъ воздаяніи мало. Мало надѣяться, что добро восторжествуетъ на небѣ—надо вѣрить, что оно уже торжествуетъ на землѣ, ибо иначе ожиданіе суда Божія будетъ ожиданіемъ наградъ внѣшнихъ, вѣрить, что и здѣсь есть царство Христово, что слуги Его, тѣ, которые подобно Меѳодію „руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, (еще и узами и темницею,... и проидоша въ милотехъ и козьихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени... въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ и въ пропастехъ земныхъ, что всѣ эти исповѣдники Христа), уже здѣсь на землѣ имѣютъ отъ него вѣнецъ царства, уже здѣсь суть блаженнѣйшіе изъ людей. И христіанинъ вѣритъ въ это, вѣритъ въ то, что вся сила мамоны есть лишь попущеніе Божіе, что на дѣлѣ это есть полное безсиліе, суета и крушеніе духа—а настоящая сила заключается въ добрѣ, въ благочестіи что Духъ св., живущій въ Церкви обличилъ міръ о грѣсѣ и о правдѣ и о судѣ, что князь міра сего уже осужденъ. Вотъ съ такимъ-то убѣжденіемъ можно выходить жнецомъ на ниву Христову. Но подобное убѣжденіе сохранить не легко. И блаженны тѣ, которые сохранили его, какъ Кириллъ и Меѳодій! Но какъ усвоить себѣ такое убѣжденіе, практически этому пусть насъ научитъ жизнь Кирилла и Меѳодія.

Дѣйствительно, что болѣе всего поражаетъ въ исторіи просвѣтительной дѣятельности св. братьевъ—это постоянное униженіе и мелочныя, но тяжкія скорби, постоянно наносимыя имъ отъ ихъ-же сослужителей—латинскаго духовенства. Св. братьевъ не распинали, не возводили на костеръ, но имъ не давали сдѣлать шагу, не оставивъ ихъ неоклеветанными, не подорвавъ уваженія къ нимъ въ тѣхъ, отъ кого они зависѣли. Постоянная борьба съ клеветой и ложью скоро уложила въ гробъ св. Кирилла, но св. Меѳодій осужденъ былъ до глубокой старости встрѣчать препятствія своему дѣлу на каждомъ шагу, видѣть замаранным, или вовсе разрушеннымъ всякое благое начинаніе и наконецъ умирать съ ожиданіемъ, что латины камня на камнѣ не оставятъ въ зданіи славянскаго просвѣщенія, что и сбылось на дѣлѣ. Нѣтъ участи горчайшей, чѣмъ подобная! Легче быть мученикомъ, легче терпѣть одну казнь, чѣмъ быть терзаемымъ всю жизнь. Но на такую участь долженъ быть готовъ всякій, берущій на себя крестъ служенія Богу. Въ мірѣ скорбни будете и блаженъ тотъ, кто нелицемѣрно можетъ прибавить: но дерзаемъ, ибо Христосъ побѣдилъ міръ. И вотъ свв. Кириллъ и Меѳодій могли руководиться этой вѣрой, могли не требовать отъ жизни внѣшняго торжества правды, повѣрить въ ея побѣждающую силу даже въ ея униженіи. Почему? потому-что добра было въ нихъ самихъ такъ много, что они могли непосредственно сознавать его силу. Они въ пустынѣ воспитали въ себѣ любовь къ Богу и ближнимъ и конечно эта любовь показала имъ величіе ихъ служенія съ такою силой, что всѣ внутреннія и внѣшнія искушенія казались имъ ничтожными. Никто не можетъ оторвать меня отъ любви Христовой, говоритъ тотъ, кто ее имѣетъ. Безъ нея невозможно служить Богу—ни разумъ, ни стремленіе нравственной природы не можетъ противостать злу. Даже вѣруя въ вседержительство и единство Божіе, трудно Ему единому покланяться и не творить себѣ боговъ иныхъ развѣ Его; вотъ почему столь великъ отказъ І. Христа поклониться сатанѣ, и Его слова: Богу поклонися и Тому Единому служи. Потому-то столь

немногіе изъ насъ остаются вѣрны своей просвѣтительной миссіи, что естественному человѣку малою кажется внутренняя правда Христова ученія: ему нужно, чтобы она торжествовала въ томъ обществѣ, которое сильно на землѣ, ему стыдно упомянуть имя Христово въ свѣтской печати, ему стыдно положить на себя крестъ въ веселомъ обществѣ, ему не удержаться отъ какой-нибудь пошлой псевдолиберальной фразы въ мірѣ фразеровъ—онъ въ жизни покланяется не единому Богу, но тому началу, которое представляется ему одолѣвающимъ въ данный мигъ, онъ творитъ себѣ кумиръ и на небеси горѣ, и на земли низу, и въ водахъ подъ землею. Его жизнь есть жизнь минуты, жизнь настроеній, жизнь не имѣющая, или во всякомъ случаѣ не выдерживающая своего руководящаго начала. Дѣйствительно, о какомъ служеніи Богу и Его Церкви можетъ быть рѣчь для человѣка поступающаго подъ вліяніемъ настроеній? вѣдь онъ идолопоклонникъ въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова—онъ кланяется всему, что встрѣтится: попадетъ онъ въ свѣтское общество—онъ ничѣмъ не отличается отъ праздныхъ болтуновъ, попадетъ въ общество ученыхъ—онъ весь преданъ наукѣ, въ обществѣ духовныхъ лицъ—онъ благочестивецъ, услышитъ онъ разсужденіе о выгодахъ житейскихъ—и онъ имъ преданъ всею душею. И вездѣ при этомъ искрененъ, и въ одномъ мѣстѣ столь-же далеко увлекается, какъ въ другомъ. Такой характеръ, преобладающій въ русской—а думается и въ общечеловѣческой жизни—изображенъ всѣми писателями міра и всетаки остается преобладающимъ, потому что въ этомъ состоитъ жизнь обычнаго человѣка. Вотъ въ чемъ зло, вотъ въ чемъ препятствіе къ служенію Богу—и чему бы то ни было доброму—въ насъ самихъ гораздо болѣе, чѣмъ въ условіяхъ жизни. И посмотрите, дорого-ли стоятъ всѣ высокія стремленія юности. Увы, если есть что-нибудь безотрадно-грустное въ жизни человѣка, такъ это его юность. Кто изъ насъ не испыталъ или не видѣлъ на дорогихъ его сердцу, какъ постепенно убивается въ жизни юноши все высокое, все чистое, какъ сегодня онъ со смѣхомъ

берется за то, отчего съ ужасомъ отвернулся бы вчера и какъ завтра ему будетъ нипочемъ то, что отвратительно сегодня. Онъ покланяется всему сильному: будь это разумъ, будь это сила религіознаго чувства, будь это внѣшняя красота, или талантъ, будь это—увы—сила порочной страсти, будь это хмѣльный разгулъ. Но добрыя стремленія не уживаются со зломъ: они постепенно слабѣютъ и удаляются и отъ нихъ остаются лишь пустыя названія, т. е. фразерство, и человѣкъ лишь подъ старость съ ужасомъ видитъ свое паденіе. Вотъ братіе—наша жизнь, жизнь естественная, не есть-ли она съ ея высокими стремленіями, съ готовностью отдать всѣ свои силы и себя на служеніе Христу Богу и ближнимъ, не есть-ли она какая-то насмѣшка судьбы, какое-то навязанное намъ безсмысленное толченіе воды—однимъ словомъ вѣчный позоръ для существъ разумныхъ! И здѣсь-ли не правъ Экклезіастъ говорившій: Что пользы человѣку въ трудѣ его, которымъ онъ трудится подъ солнцемъ, всѣ это суета суетъ и крушеніе духа? Въ такой-ли жизни удержаться тѣмъ св. чаяніямъ и надеждамъ, которыми горятъ молодыя сердца, если не всегда, то въ минуты просвѣтленія сознанія отъ увлеченій? И мудренои ли, что люди, познавая непрочность этихъ стремленій, потомъ злостно смѣются надъ ними и въ конецъ ихъ забываютъ? Ужели, бр. и товарищи, и намъ предстоитъ таже участь? Вотъ четвертъ изъ насъ въ этомъ году вступаетъ въ жизнь дѣятелями — ужели-же и имъ придется наслѣдовать общую участь? Ужели намъ презрѣть наши благія чаянія и видѣть въ нихъ не болѣе, какъ проявленіе извѣстнаго возрастнаго періода, быть можетъ еще съ физіологической подкладкой? На эти вопросы долженъ отвѣчать утвердительно всякій, кромѣ христіанина. Христіанинъ-же вѣруетъ и исповѣдуетъ, что всякая любовь, всякое самоотверженіе, всякое душевное добро есть голосъ Божій, есть призывъ человѣка къ жизни во Христѣ, есть залогъ его священнаго предназначенія. Вотъ почему св. Церковь такъ свѣтло празднуетъ память тѣхъ, кто не измѣнилъ своему Божественному призванію, вотъ почему Гос-

поду было угодно и предъ нашимъ входомъ въ жизнь поставить предъ нами нравственный образъ св. Меѳодія. Вотъ человѣкъ, не поддавшійся суетности, вотъ живой примѣръ въ доказательство того, что не мечтательное значеніе имѣютъ просвѣтительныя стремленія человѣка, что и можно остаться имъ вѣрнымъ до послѣдняго издыханія.

Представляя намъ столь высокій примѣръ, Господь научаетъ насъ чрезъ жизнь св. Меѳодія положительнымъ образомъ той истинѣ, къ которой приводитъ чрезъ доказательство отъ противнаго изученіе нашей современной жизни. Эта истина гласитъ въ назиданіе вѣкамъ и народамъ: человѣкъ, если хочешь служить Богу и ближнимъ, то прежде всего воспитывай себя самого. Только это самовоспитаніе, только постоянное возгрѣваніе въ себѣ любви Христовой и постоянная молитвенная борьба съ житейской разсѣянностью и борющимся противъ тебя грѣхомъ можетъ сохранить тебя вѣрнымъ единому истинному Богу, а съ другой стороны—только такая живая вѣра можетъ осмыслить и осуществить въ дѣятельности тѣ свѣтлые идеалы, которыми проникнуто наше академическое юношество. Только тотъ будетъ жнецомъ на тяжелой сорной нивѣ Христовой, только тотъ не оставитъ Его плуга, кто укрѣпилъ и очистилъ себя христіанскою жизнью, потому что только благое можетъ благое выносить изъ сокровища сердца своего. Не нова эта истина, не новъ этотъ урокъ, это завѣщаніе первоначальниковъ славянскаго во Христѣ просвѣщенія —онъ такъ-же старъ, какъ стара и новая заповѣдь Христа и однакоже столь-же и нова, потому что столь-же незаконно всѣми пренебрегаема. Будемъ чаще обращать на ихъ жизнь наше вниманіе, и она много много откроетъ намъ такого, чему не научитъ теорія. Посмотрите: эти братья исполнили всякое служеніе: они и пустынножители и общественные дѣятели, и философы и уставники богослуженія, учители и эллиновъ, и славянъ, и варваровъ, борцы съ ученою ересью, огласители невѣждъ и въ заключеніе—исповѣдника, за Христа пріявшіе болѣзнь и смерть не отъ язычниковъ, но отъ слу-

жителей Божіихъ. Они и насъ всѣхъ научаютъ умѣть служить славѣ Божіей и въ пастырствѣ, и въ наукѣ, и во всякой дѣятельности, которая кому выпадетъ. Пусть поэтому, бр. товарищи, память о ихъ всесторонности научитъ и каждаго изъ насъ считать своимъ другомъ и соратникомъ всякаго, какъ бы его призваніе не отличалось отъ твоего—по слову Апостола: раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ и раздѣленія служеній суть а тойжде Господь. И раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ (1 Кор. XII 4—7). Изъ нашей Академіи выходятъ монахи и пресвитеры, воспитатели, учители и ученые, чиновники и публицисты, и если бы мы всѣ не въ теоріи, но и въ дѣйствительности умѣли стать на ту высоту всесторонней ревности о вѣрѣ, на которой стояли св. Кирилъ и Меѳодій, и дружно подвизаться на разныхъ поприщахъ и помогать другъ другу: то дѣйствительно мы могли бы сдѣлать много и много для славы Господней, въ чемъ да укрѣпятъ и да благословятъ насъ наши св. первоначальники и равноапостольные учители, о чемъ мы и будемъ усердно ихъ молить въ этотъ день ихъ юбилея, случившійся почти наканунѣ нашего разставанія. Аминь.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сюда вошли Слова, не доставленныя своевременно при печатаніи этого тома.

СЛОВО

на св. Пасху [1]).

„Пріидите новаго винограда рожденія божественнаго веселія въ нарочитомъ дни воскресенія царствія Христова насладимся“.

Христосъ воскресе!

Да, велико духовное „наслажденіе“ сегодняшняго праздника. Радуемся мы тому, что поруганный и убитый нечестивцами Христосъ, Спаситель нашъ, воскресъ изъ мертвыхъ; радуемся тому, что Его воскресеніе и намъ дало жизнь вѣчную; радуемся, наконецъ, и тому, что торжественный и великій день сей и наши-то души хоть не надолго пробудилъ отъ сна грѣховнаго и „пріобщилъ Христову царствію“. Посмотрите сегодня на людей, не всѣхъ, но на большинство: они какъ будто бы переродились. Гдѣ сегодня обычное между ними недружелюбіе, старанія другъ другу досадить, другъ друга осмѣять? Гдѣ присущая имъ кичливая гордость высшихъ предъ низшими? Гдѣ свойственная грѣшникамъ угрюмость и скрытность? Гдѣ всѣ эти орудія нашей духовной смерти? *„Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда“*? (Ос. XIII, 14). Вмѣсто злобы мы встрѣчаемъ сегодня взаимную между людьми

---

[1]) Произнесено на вечерни въ первый день Св. Пасхи въ соборѣ Александро-Невской Лавры; въ первый разъ напечатано было въ журналѣ «Церк. Вѣстникъ» 1889 г. № 15.

ласку, вмѣсто зависти — взаимное прощеніе, вмѣсто гордости—братское лобзаніе великихъ міра сего съ простолюдинами, вмѣсто духовной смерти мы видимъ „воскреcеніе и жизнь“, вмѣсто того ада, который мы устроили на землѣ въ своей грѣховной жизни, мы сегодня предвкушаемъ тотъ рай, то небесное царство, что Господь обѣщалъ любящимъ Его. „Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало“.

Благословенъ Господь нашъ І. Христосъ, Который возвелъ насъ отъ смерти въ жизнь, искупилъ насъ отъ тьмы къ свѣту; благословенъ да будетъ Онъ и за то, что установилъ въ своей церкви такой праздникъ, когда мы хотя не надолго, хотя „отчасти“ только можемъ вознестись на высоту христіанскаго настроенія духа, когда мы „входимъ въ радость Господа нашего“ и хоть нѣсколько приближаемся къ той жизни, которою жили древніе христіане, болѣе насъ достойные своего имени. О, если бы всегда жили мы тѣмъ радостнымъ, всепрощающимъ, любящимъ настроеніемъ души, которое испытываемъ сегодня! Какъ бы свѣтла и богоугодна была наша жизнь! Какъ бы мы сами, кажется, должны желать этого! Вѣдь если къ сидящимъ въ мрачной темницѣ преступникамъ, голоднымъ и заброшеннымъ, на минуту придетъ добрый человѣкъ, принесетъ къ нимъ свѣтъ и сытную пищу и ласковую бесѣду,— какъ они будутъ нетерпѣливо его ждать вторично, какъ они будутъ душою стремиться къ нему, и думать о немъ днемъ и ночью, и упрашивать стражей, чтобы еще разъ и еще разъ они уговорили дорогого гостя навѣстить ихъ! Такъ и нынѣ въ нашу мрачную темницу мірской жизни пришелъ воскресшій изъ мертвыхъ Христосъ, далъ намъ вкусить „новаго питія“ Своей любви, освѣтилъ насъ свѣтомъ Своей радости: намъ ли теперь не дорожить этою радостью, не беречь ея всю жизнь, какъ жемчужину, ради которой мудрый купецъ лишился всего имѣнія? Вкусивъ разъ Христа, переживъ хоть на минуту своимъ сердцемъ всю правду Его обѣтованій, всю сладость Его закона, неужели мы вновь утеряемъ ее? Неужели

только на сегодняшній день останемся христіанами? Вѣдь не на одинъ же только день воскресъ Христосъ: „*Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ*,—писалъ апостолъ,—*смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти. Ибо, что Онъ умеръ, то умеръ однажды для грѣха, а что живетъ, то живетъ для Бога. Такъ и вы почитайте себя мертвыми для грѣха, живыми же для Бога во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ*“ (Римл. VI, 9—11).

Итакъ, если бы мы на самомъ дѣлѣ хотя сегодня-то жили „для Бога“ и были бы „мертвы грѣху“, то конечно мы бы не могли такъ легко и быстро вновь оживать для грѣха и умирать для Бога. А если однако такъ случается, если мы только на нѣсколько часовъ живемъ для Христа, то значитъ живемъ не по настоящему, встрѣчаемъ Его воскресеніе съ недостаточно ясною вѣрою, съ недовольно твердою надеждою, съ слишкомъ слабою любовью. Какъ же намъ проникнуться настоящею, а не кажущеюся только радостью, чѣмъ наполнить свою душу, чтобы встрѣтить воскресшаго *достойно*, чтобы и сегодняшнее наше „пріобщеніе царствія Христова“ было не однодневнымъ легко исчезающимъ восторгомъ, но постоянно возрастающимъ проникновеніемъ заповѣдями Божіими, „чтобы радость наша была совершенна“ (Іоан. XVI, 24)? Припомнимъ священныя повѣствованія о явленіяхъ воскресшаго Спасителя своимъ апостоламъ и мyроносицамъ-женамъ; вникнемъ въ то расположеніе души, въ которомъ они удостоились ясно узрѣть вновь своего Учителя, о комъ они надѣялись, что Онъ есть „хотяй избавити Израиля“ (Лук. XXIV, 21); вникнемъ въ это расположеніе и постараемся его усвоить себѣ, дабы и намъ не въ смутномъ только чувствѣ, но со всею ясностью узрѣть „въ неприступномъ свѣтѣ воскресенія Христа блистающагося и радуйтеся рекуща“.

Вотъ „еще сущей тьмѣ“ идутъ на гробъ вѣрныя Христу ученицы, чтобы почтить поруганнаго и звѣрски казненнаго Учителя своего послѣднею земною честью и любовью, „несуще, яже уготоваша, ароматы“ (Лук. XXIV, 1), и—что дороже

ароматовъ—горькія слезы любви и благоговѣнія. Онѣ не презрѣли Христа въ Его поруганіи, не убоялись насмѣшекъ и ненависти Его враговъ, онѣ помнили только Его любовь и святость и съ сокрушенными сердцами спѣшили къ Его гробу. Но что же ихъ встрѣтило во гробѣ? Вмѣсто грубыхъ воиновъ—небесные ангелы, вмѣсто пещерной тьмы—невещественный свѣтъ, вмѣсто рыданій надгробныхъ—Самъ воскресшій съ привѣтствіемъ: „радуйтесь“ (Матѳ. XXVIII, 9). „Что ищите живаго съ мертвыми? Что плачете нетлѣннаго во тли? Шедше проповѣдуйте ученикамъ Его“. Шедшія на скорбь, на позоръ и обиды возвратились благовѣстницами и научили величайшей истинѣ воскресенія тѣхъ, кому надлежало „научить вся языки“ (XXVIII, 19).

Братіе! Когда мы видѣли въ жизни поруганіе Христа, когда встрѣчали забвеніе Его закона,—соблазненіе ли дѣтей, осквернение ли святыни, превознощеніе ли порока,—плакали ли мы какъ мироносицы, оставались ли тверды въ любви своей къ Нему? Отирали ли Его тѣло ароматами добрыхъ дѣлъ, обличая поносителей, вразумляя соблазняемыхъ, утѣшая огорченныхъ? А если мы такъ не поступали, то сотворимъ такъ нынѣ, и тогда исполнится наша радость о воскресеніи, сотворимъ такъ и присно, чтобы и намъ, какъ св. женамъ, удостоится узрѣть Христову жизнь даже при тѣхъ обстоятельствахъ, когда міру будетъ казаться, что законъ Его совершенно умеръ и попранъ въ жизни. Будемъ подражать св. женамъ въ безстрашной вѣрности ко Христу, не взирая на то, насколько Его цѣнятъ въ окружающей насъ жизни. Тогда мы, какъ всѣ истинно благочестивые, истинно Ему преданные люди, будемъ духовными очами всегда видѣть Его воскресеніе, подобно мироносицамъ, которымъ первымъ явилъ Онъ Себя въ прославленной плоти.

Вотъ еще, къ двумъ путникамъ Лукѣ и Клеопѣ подходитъ невѣдомый третій, спрашиваетъ ихъ о причинѣ ихъ скорби, и упрекнувъ за непониманіе пророковъ, начинаетъ имъ объяснять „наченъ отъ Моисея“, какъ „подобаше постра-

дати Христу и внити въ славу Свою“ (Лук. XXIV, 26, 27). Богодухновенныя предвѣщанія древнихъ праведниковъ, воспламенили духъ скорбныхъ учениковъ, въ душахъ ихъ съ новою силою отобразился нравственный обликъ ихъ возлюбленнаго Учителя—и что же? Пришедшій къ нимъ на трапезу путникъ, преломивъ хлѣбъ, вдругъ отверзъ имъ очи и они видятъ, что Самъ-то воскресшій Христосъ и былъ съ ними, Онъ-то и раскрылъ имъ сердца, разъясняя Писанія.

Братіе! Горятъ ли наши сердца при слушаніи слова Божія въ церкви? Тщимся ли мы и сами читать данное намъ въ св. Библіи откровеніе воли Господней? А если нѣтъ, то будемъ впредь поступать иначе, будемъ удѣлять хоть 15 минутъ въ каждомъ днѣ, который мы отдаемъ своимъ мірскимъ интересамъ, хоть нѣсколько минутъ для усвоенія божественнаго закона и, когда его читаемъ, будемъ горѣть сердцами, т. е. постараемся мысленно вкушать каждое слово Библіи своимъ сердцемъ, переживать въ себѣ самихъ все то, чему учитъ насъ Господь. Тогда мы будемъ всегда съ Нимъ жить, тогда нынѣ празднуемая радость Его воскресенія и впредь пребудетъ съ нами и мы будемъ носить ее всегда въ своихъ горящихъ сердцахъ, „Пасху празднующе вѣчную“.

Однако смотрите: ни мироносицы, ни ученики Христовы не удостоились Его встрѣтить безъ испытанія и скорби; но дольшее всѣхъ испытаніе повидимому понесла та, которой Онъ „явился первѣе“ (Марк. XVI, 9), т. е. Марія Магдалина. Не нашедши Господа во гробѣ, она не поняла, что пришелъ уже день и часъ Его прославленія, но рѣшила въ простотѣ души, что враги Его допустили еще новое поруганіе надъ Его тѣломъ, выбросивъ его куда-нибудь на улицу. Горько плачетъ она, такъ что отъ избытка слезъ не узнаетъ бесѣдующаго съ нею ангела, рѣшаетъ, что съ ней говоритъ садовникъ и обращается къ нему съ послѣдней надеждой: „аще ты еси взялъ Его, повѣждь, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возьму Его“ (Іоан. XX, 15). Но вдругъ она узнаетъ голосъ

не враждебнаго садовника, а сладчайшаго Господа Іисуса: „Маріе“, и поклоняется воскресшему во плоти Богочеловѣку.

Братіе! Сколько разъ въ жизни намъ приходилось терять Христа, не изъ пещеры погребальной, но изъ своего многогрѣшнаго сердца! Ищемъ ли мы Его снова? Плачемъ ли о потерѣ теплыми слезами сокрушенія? Просимъ ли всякаго вновь указать намъ путь къ Христу? А если нѣтъ, то будемъ въ этомъ подражать равноапостольной женѣ, которая въ свое время была можетъ быть грѣшнѣе насъ и однако дважды обрѣла Христа и Его спасеніе. Первый разъ Онъ изъ нея изгналъ семь бѣсовъ, а другой разъ послалъ ее благовѣстить „радость благовѣщенія“: такъ и намъ, если будемъ Его искать, если будемъ плакать при временной потерѣ къ Нему любви и надежды и твердой вѣры, если будемъ каяться и молиться и искать наученія у виноградарей церкви,—и намъ Господь откроетъ Себя, и насъ исполнитъ радостью Своего явленія, чтобы и мы „возвѣщали заутра милость Его и истину Его на всяку нощь“, всякій день, всякій шагъ помнили Его воскресеніе изъ мертвыхъ, дабы имъ побѣждать искушенія житейскія, и такимъ образомъ быть христіанами не сегодня только, но всю жизнь, сохранять ту любовь, то всепрощеніе, то смиреніе передъ всѣми, чѣмъ такъ сладокъ для насъ праздникъ воскресенія, приносящій такія чувства.

Итакъ, какимъ же расположеніемъ души возможно удостоиться лицезрѣнія Воскресшаго? Вѣрностью и любовью мироносицъ, слушаніемъ Писаній съ горящими сердцами двухъ апостолъ и неустаннымъ исканіемъ Христа Маріи Магдалины. Если мы будемъ поддерживать въ себѣ такія расположенія и съ терпѣніемъ ихъ воспитывать въ своихъ душахъ, тогда не только здѣсь на землѣ мы будемъ всегда имѣть въ сердцѣ радость Христова воскресенія, но и „истѣе Того причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Его“. А когда мрачная жизнь земли вооружится на духъ нашъ и искушенія плоти и міра начнутъ обуревать наше сердце подобно христоненавистнымъ книжникамъ, научившимъ воиновъ оклеветать чудо-

воскресенія, когда т. е. злоба, или зависть, или корысть, или честолюбіе, или блудная страсть возстанутъ противъ насъ, то будемъ вспоминать нашу сегодняшнюю пасхальную радость, будемъ воспроизводить въ душѣ то небесное блаженство, что мы нынѣ испытываемъ,—и увидимъ, какъ ничтожны въ сравненіи съ нимъ минутныя радости грѣха, который „показуетъ сладкая и вкушаетъ присно горькаго напоенія“. Далеко убѣжимъ отъ этой горечи грѣха и крѣпче привяжемъ къ своему сердцу сладость Христова воскресенія, будемъ ее соединять съ вѣрностью, любовью, чтеніемъ св. Писанія, и тогда сбудутся надъ нами слова Христовы: „паки узрю васъ и возрадуется сердце ваше и радости вашея никтоже возьметъ отъ васъ“ (Іоан. XVI, 22).

СЛОВО

въ Великій пятокъ *).

«*Сбысться Писаніе, еже глаголетъ: и со беззаконными вмѣнися. И мимоходящіи хуляху Его, покивающе главами своими и глаголюще: уа, разоряяй церковь и тремя денми созидаяй: спасися самъ и сниди со креста*» (Марк. 15, 28—30).

Совершилась спасительная страсть! Исполненъ ужасный приговоръ! Оклеветанъ Праведникъ, Безгрѣшный схваченъ, какъ злодѣй, Святый приведенъ на беззаконный судъ; небесный Посланникъ терпитъ поносное распятіе отъ нечестивыхъ! Но еще не выпита до дна чаша страданій! еще суждено превозмогать безаконной неправдѣ: невинный Страдалецъ и его немногіе послѣдователи лишены даже того послѣдняго утѣшенія невинности, чтобы если не сами мучители, то хотя бы общественное мнѣніе показало сочувствіе и состраданіе Мученику. Но нѣтъ, проходятъ толпы богомольцевъ на праздникъ, останавливаются и, покивая главами на страшное зрѣлище, изрыгаютъ насмѣшки и брань. Но что еще ужаснѣе,— не недоразумѣніе, не невѣдѣніе заставляетъ ихъ допускать сіе безуміе, но только ожесточенная злоба на ту правду, на ту безконечную святость, которую принесъ Господь на землю.

---

*) Произнесено въ Исаакіевскомъ Каѳедральномъ соборѣ 30-го марта 1890 года. Напечатано впервые въ журн. «Церк. Вѣдомости» 1890 г. № 16.

„Уа, разоряяй церковь!“—Ты пришелъ осудить наши преданія, вздумалъ перемѣнить порядки нашей религіозной жизни, которые намъ такъ дороги; Ты хвалился, что въ три дня создашь новые: такъ терпи же то, что терпишь: сойди съ креста и спаси Себя самъ. Намъ было Тебя не переспорить: Ты думалъ любовью и правдою устроить на землѣ миръ и не пожелалъ присоединиться къ намъ: теперь пусть видятъ всѣ, куда привели Тебя Твои добродѣтели.—Такъ думалъ поругаться Христу діаволъ, говорившій въ сердцахъ сей обезумѣвшей толпы. Казалось, что не стало на землѣ правды: ложь и злоба, вмѣнившая Христа со беззаконными, какъ будто окончательно и на вѣки воцарилась въ мірѣ. Многихъ праведниковъ казнила она, многихъ изгнала пророковъ, еще недавно обезглавила „большаго всѣхъ, рожденныхъ женами“ (Лук. 7, 28), а нынѣ пригвоздила ко кресту Святѣйшаго изъ святыхъ, такъ что затрепетала сама природа: „и тьма бысть по всей земли и померче солнце, и завѣса церковная раздрася посредѣ“ (Лук. 23, 45). Никогда не видѣло солнце такого страшнаго злодѣянія, никогда не обагрялась земля Божественною кровью, ни прежде, ни послѣ сего, ни во вѣки. Но Богъ благій и праведный Судія, превыше всѣхъ: и когда для плотскаго ума видѣлось посрамленіе правды и торжество зла, когда умирало „Солнце правды“ на поносномъ древѣ, осужденное беззаконными злодѣями, а самые злодѣи рукоплеская торжествовали: тогда же на небѣ совершился приговоръ на укрѣпившагося князя міра сего, тогда пришелъ судъ на всякое зло и творящаго злое (Іоан. 12, 31—34; Римл. 1, 18; 2, 9—11). Своею вольною страстью Господь открываетъ намъ, что стыдъ и позоръ не во внѣшнемъ уничиженіи, а въ грѣхѣ, что слава и правда не въ силѣ внѣшней, а въ чистотѣ сердца. У Него отнимаютъ земную жизнь, но здѣсь же зачинается новая жизнь благодати. „Когда душа Его принесетъ жертву умилостивленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное“ говоритъ о Христѣ Исаія (53, 10).

Съ тѣхъ поръ, какъ пострадалъ Господь, всѣмъ стало ясно, въ чемъ горе и смерть, всѣ стали различать праваго

отъ сильнаго, всѣ осуждаютъ не Распятаго, но его распинателей. Они стали предметомъ общаго омерзенія и ужаса, а Онъ сталъ нашимъ Свѣтомъ, нашею Жизнью, нашимъ Оправданіемъ. Поносное древо казни стало достопокланяемымъ знаменіемъ побѣды, надеждою спасенія,—а то Лобное мѣсто, на которомъ Его вмѣнили со беззаконными, изображается днесь предъ нашими глазами посреди священнаго храма, какъ святыня, и предъ изображеніемъ тѣла Его, полагаемаго во гробѣ, падаютъ ницъ на землю вельможи и цари.

Но, братіе, до конца-ли уничтожилось сходство нашего времени съ тогдашнимъ?—для всѣхъ ли открылись внутреннія очи, чтобы различать внутреннее отъ внѣшняго, сущее отъ кажущагося, чего не умѣли дѣлать безумные іудеи? Всели мы или, лучше сказать, всегда-ли преклоняемся предъ распятымъ Христомъ, какъ преклоняемся днесь предъ Его плащаницей? Или мы сами уподобляемся иногда христоненавистнымъ ослѣпленымъ іудеямъ, которые тоже покланялись Ему, какъ царю, за четыре дня до того, какъ предали Его на казнь? Или наши богослужебныя хваленія бываютъ, по легкости нашего настроенія, подобны еврейскому „Осанна“ при входѣ Христа въ Іерусалимъ? Смотрите, здѣсь Христосъ всѣми покланяемый, а тамъ, за стѣнами святаго храма, тамъ мы Его вездѣсущаго какъ встрѣчаемъ, когда видимъ снова въ умаленіи? Или невразумительны сіи вопросы? или непонятны эти слова? Тогда, можетъ быть, ты разъяснишь себѣ ихъ значеніе другими словами: *взажахся и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене, странень бѣхъ и не введосте Мене, нагъ и не одѣясте Мене; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене* (Мѳ. 25, 42—23). Да, когда мы встрѣчаемъ Христа не во славѣ, а въ уничиженіи, когда приходится ради Него лишиться, или потрудиться, или принять укоры и стыдъ въ обществѣ; когда Онъ толчется въ наше сердце (Апок. 3, 20) и требуетъ отъ насъ чего либо, для нашихъ предразсудковъ небывалаго и даже смѣшнаго, когда предлагаетъ разорить грѣховный домъ нашей любо-

страстной и горделивой души и обѣщаетъ намъ создать *тремя днями* новую жизнь всепрощенія, смиренія, любви и правды: вотъ тогда, какъ мы Его встрѣчаемъ?! Тогда мы далеки ли отъ безумныхъ іудеевъ, возлюбившихъ славу человѣческую паче, неже славу Божію (Іоан. 12, 43)?—Вотъ о чемъ размысли въ сердцѣ твоемъ, прикладываясь устами къ плащаницѣ; вотъ о какихъ дѣяніяхъ кайся, какъ благоразумный разбойникъ. Сія изображаемая во святомъ храмѣ Голгоѳа да научитъ тебя, о христіанинъ, да научитъ она тебя узнавать Христа Сына Божія, не только идущаго во славѣ, но и приходящаго къ тебѣ въ уничиженіи.—Когда поднимется въ тебѣ та борьба между любовію къ міру и любовію къ правдѣ, которую не выдержалъ Пилатъ, тогда подумай—во-первыхъ, о томъ, что въ то время, какъ ты воображаешь себя судьей между Христомъ и міромъ, то на самомъ дѣлѣ надъ тобою самимъ совершается судъ на небѣ, какъ тогда совершился онъ надъ княземъ міра;—а во-вторыхъ, если жалѣешь о своемъ спасеніи, то представь себѣ вновь Голгоѳу, распятаго на древѣ Христа и іудеевъ ругающихся Ему, представь всю эту страшную картину въ день твоего искушенія и спроси: хочу ли быть съ праведными мироносицами, не убоявшимися мірскаго позора ради Христа, или со злодѣями, Его осудившими? О семъ размысли и нынѣ предъ святою плащаницей; смотри, чтобы твое лобзаніе Христовыхъ язвъ во святомъ храмѣ, при постоянномъ отвращеніи отъ нихъ въ жизни, не уподобилось цѣлованію и поклоненію нечестивыхъ ругателей-воиновъ.

А если въ прошлой жизни ты знаешь за собой много такихъ христоненавистныхъ дѣлъ, каковы были дѣла іудеевъ, то обновись, покайся и, возвращаясь изъ храма, уподобися тѣмъ изъ нихъ, о коихъ сказано: *и вси пришедшіи народи на позоръ сей, видяще бывающая, біюще перси своя возвращахуся* (Лук. 23, 48). Возвратись и ты въ домъ твой измѣнившись подобно сотнику и иже съ нимъ, распни въ себѣ ветхаго человѣка, чтобы жить со Христомъ во вѣки. Аминь.

СЛОВО

предъ окончаніемъ учебнаго года *).

„Идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ“ (Мѳ. 18, 20).

Эти священныя слова, братіе, слышанныя нами въ завершительный день учебнаго года Академіи, побуждаютъ насъ спросить себя по внутреннему человѣку: были-ли и мы, т. е. наша академическая семья, собрана во имя Христово, былъ-ли между нами Христосъ? Если былъ, то благословенно лѣто сіе нашей жизни, со свѣтлою надеждою сосединимся мы вновь послѣ предстоящаго отдыха на лѣто будущее и съ утѣшеніемъ разстанемся съ тѣми братіями нашими, коимъ окончилось время ученія, коимъ предстоитъ идти и учить другихъ.

Былъ-ли между нами Христосъ? свѣтилъ-ли намъ обликъ Его? вдохновляла-ли Его любовь? освящала-ли Его истина? Если этотъ вопросъ каждый направитъ по отношенію къ своей личной жизни и начнетъ изслѣдовать достойно-ли онъ возжигалъ даръ богопознанія и добродѣтели, то конечно много укоровъ себѣ онъ услышитъ: вспомнитъ онъ, сколько

---

*) Произнесено за литургіею въ 1893 г. въ день Св. Духа въ храмѣ Московск. Дух. Академіи; въ первый разъ напечатано было въ журн. «Богосл. Вѣстн.» 1893 г., Сентябрь.

разъ заглушалъ терніями страстей сѣмя слова Божія, какъ отдавалъ его на съѣденіе птицамъ и потоптаніе прохожимъ. Не похвала себѣ, а смиренное покаяніе да будетъ плодомъ такого изслѣдованія. Но если обратимъ его къ жизни всего нашего ученаго и учащагося общества, то и здѣсь конечно, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, найдемъ не мало ошибокъ, грѣховъ, небреженія и нечувствія.—Однако не на эту сторону жизни хочу устремить взоръ вашъ, возлюбленные братіе, въ сей прощальный праздникъ. Хочу напомнить вамъ о тѣхъ лучшихъ сторонахъ нашей общественной жизни и о тѣхъ святыхъ дняхъ ея, когда сквозь грѣховный туманъ обычной жизни проникалъ свѣтъ высшей правды и любви и являлся среди насъ обликъ Христовъ. Вспоминаю ваши безкорыстные труды и созерцаніе истинъ Божіихъ, ваши общія и иногда столь усердныя молитвы и принятіе тайнъ Христовыхъ въ этомъ святомъ храмѣ, ваши попеченія о болящихъ, усердные молитвенные подвиги при гробахъ почившихъ учителей и товарищей, вашу общую искренность и безхитростное чистосердіе при всякомъ запросѣ, обращенномъ къ личной совѣсти и общую любовь къ Академіи, наукѣ и вѣрѣ, какъ въ учащихъ, такъ и въ учащихся. Правда, было бы помысломъ неразумной гордости утверждать, будто мы всегда пользовались всѣми средствами для возвышенія въ боговѣдѣніи и добродѣтели: но отрицать присутствіе въ нашей жизни освящающей благодати Христовой и ощущаемости такой высшей духовной связи, объединявшей насъ другъ съ другомъ и съ общимъ нашимъ священнымъ назначеніемъ—это значило-бы пренебрежительно отвращать умственный взоръ отъ ниспосланнаго свыше Божественнаго дара. Да будетъ-же благодареніе Подателю благихъ и Обновителю жизни нашей! Господь посылалъ въ нашу ученую семью сѣмена жизни. Но приняли-ли мы ихъ настолько глубоко въ нашу душевную ниву, чтобы не заглохли „*во время напасти и отъ печали, богатства и сластей житейскихъ?*“ (Лук. 8, 14). Этотъ тревожный вопросъ и наполняетъ

наши души при взглядѣ на покидающихъ насъ друзей, завершившихъ нынѣ свое подготовительное къ жизни поприще.

Пришелъ часъ ихъ удаленія отъ насъ, долженъ исполниться законъ жизни, требующій сего разлученія, законъ грустный, но неизбѣжный ни для семействъ, ни для обществъ: таковъ удѣлъ земнородныхъ. Велико утѣшеніе, когда разлука сія сопровождается свѣтлой надеждой о непреоборимомъ тожествѣ жизненнаго содержанія у разстающихся, объ общей непоколебимой вѣрности Христовой истинѣ: тогда-бы лишеніе личнаго общенія смягчалось яснымъ сознаніемъ общаго единства во Христѣ и Церкви, — какъ Апостолы, разсѣивающіеся по міру, но „связуеміи союзомъ любве“, мы бы утѣшались обѣтованіемъ Спасителя: „*иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ*“ (Іо. 15, 5).—Христосъ былъ среди насъ, но воспринятъ-ли Онъ нами такъ, какъ было принято сѣмя тою доброю землею, гдѣ творился „*плодъ въ терпѣніи*“ (Лук. 8, 15)? Поставленъ-ли домъ нашей духовной жизни на твердомъ камени, которому не страшны „*дожди, рѣки и вѣтры*“ (Матѳ. 7, 25)? Достанетъ-ли елея у исшедшихъ во срѣтеніе коснящаго Жениха (Матѳ. 25, 5)?—Подобныя опасенія понуждаютъ насъ со смиреніемъ удалить взоръ отъ картинъ жизни апостольской, отъ „огненныхъ языкъ и дыханія бурна“. (Дѣян. 2, 2—3) и уподобить сей день разставанія съ совершенно иною скромною картиной, часто изображаемой мірскими поэтами,—съ картиной напутствованія матерью покидающаго ее сына, идущаго на подвигъ ратный. Съ заботою и страхомъ даетъ ему мать послѣднія наставленія, ободряетъ себя мыслію о его будущихъ успѣхахъ, но тутъ-же уязвляетъ свою душу картинами нравственныхъ паденій, потери сыномъ всякаго великодушія и честности, опасеніемъ полнаго забвенія имъ ея родительской любви. Что можетъ оградить васъ, братіе, отъ всѣхъ этихъ напастей искусительной жизни? Идеализмъ-ли юности? принятыя-ли построенія философской нравственности? самая-ли богословская образованность, облаго-

раживающая духъ? Конечно, все это прекрасныя начала, всѣ они въ жизни далеко не безплодны, но увы, какъ безсильны они, чтобы противостать искушеніямъ, чтобы одушевить человѣка дѣятельнымъ самоотверженіемъ, отвратить отъ гнуснаго разврата, пролить въ его душу нѣжную любовь къ меньшей братіи, сблизить его духовно со всякою порученною ему душою, научить примирять скорбящихъ съ ихъ тяжелымъ жребіемъ, *быти всѣмъ вся* (1 Кор. 9, 22), какъ это требуется отъ достойнаго питомца Академіи. Хороши эти начала, это естественное юношескимъ годамъ благородное одушевленіе, но почему оно въ дальнѣйшей жизни такъ рѣдко является дѣятельной силой и такъ часто лишь предметомъ нѣжныхъ, но невозратимыхъ къ дѣйствительности и безплодныхъ воспоминаній? Вѣдь тѣмъ и хороши стремленія юности, что предметъ ихъ—дѣятельное служеніе добру и истинѣ: почему-же по наступленіи времени этого служенія люди начинаютъ прежніе годы стремленій считать лучшею, поэтичнѣйшею эпохой своей жизни и лишь въ воспоминаніяхъ о ней ищутъ себѣ нравственнаго отдохновенія? А все потому, что они естественныхъ благихъ порывовъ своихъ не очистили и не укрѣпили благодатнымъ свѣтомъ общенія Христова и молитвы, пренебрегали обликомъ Христовымъ, открывавшимся для нихъ въ сравнительно невинное время юности, свободное отъ искусительной борьбы съ нуждою и домогательствъ внѣшнихъ успѣховъ и преимуществъ.

„*Да не будетъ этого съ вами всѣ, проходящіе путемъ*“ нашей дорогой Академіи (Плач. 1, 12)! Пусть ваши воспоминанія о годахъ студенческихъ будутъ подобны не воспоминаніямъ прародителей о потерянномъ раѣ, ни плѣненнаго Израиля о Іерусалимѣ, но воспоминаніями какъ-бы вдохновенныхъ подвижниковъ о первыхъ шагахъ своего духовнаго возрожденія или ученыхъ мудрецовъ о своихъ ученическихъ полудѣтскихъ сочиненіяхъ съ первыми проблесками свѣтлой мысли.—Вмѣстѣ съ сокровищницей мудрости и образованности возьмите съ собою изъ этихъ священныхъ стѣнъ некрадомое

сокровище облика Христова, — этой единственной твердой опоры для добродѣтели, открывавшейся вамъ въ пережитыхъ священныхъ минутахъ общенія со Христомъ въ молитвѣ и чистомъ братолюбіи; охраняйте его отъ жизненнаго разсѣянія и имъ освящайте добрые задатки юношескихъ лѣтъ. Съ такимъ завѣтомъ благословляетъ васъ въ путь жизни Академія, какъ мать сыновъ своихъ, благословляетъ васъ памятью всего добраго и святаго, пережитаго нами вмѣстѣ въ этихъ стѣнахъ. Возвращайте его и не забывайте своей матери Академіи: *„послушайте мене преподобніи сынове и прозябните, яко шипки, произрастающія при потоцѣ сельномъ: и якоже Ливанъ дадите благовоніе, и процвѣтите цвѣтъ, яко кринъ: преподадите воню и воспойте пѣснь. Благословите Господа во всѣхъ дѣлѣхъ Его“* (Сир. 39, 16—19). Если будете носить въ себѣ Христа, обогащенные познаніемъ и опытомъ жизни, сокровищемъ мудрости и боговѣдѣнія, то не себя только сохраните невредженными, но и явитесь участниками въ великомъ обѣтованіи о проповѣдникахъ истины Божіей: *се дахъ тя въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли* (Ис. 49, 6). Аминь.

СЛОВО

на кончину Государя Императора Александра III *).

„Вотъ день! вотъ пришелъ, наступила напасть“ (Іез. 7, 10).

Итакъ наступилъ тотъ горестный день, когда Господь опредѣлилъ отнять у насъ нашу радость, оставить насъ сиротами. Взято нынѣ Господомъ *„дыханіе жизни нашей, помазанникъ Господень.... о которомъ мы говорили: подъ тѣнью его будемъ жить среди народовъ“* (Плач. 4, 20). Взятъ тотъ, кого шесть лѣтъ тому назадъ чудесно возвратилъ намъ Господь изъ когтей погибели. Тогда Всевышній поднялъ надъ Русью Свой угрожающій перстъ, призывая ее къ покаянію, а нынѣ опустилъ на нее Свою карающую десницу, увидѣвъ что первая угроза недостаточно воздѣйствовала на сердца. Впрочемъ и та угроза была не первая: сколько разъ Господь спасалъ изъ рукъ злодѣевъ Государя Александра Николаевича, показывая этими устрашеніями, что Россія виновна предъ Нимъ, но до тѣхъ поръ мы не одумывались, пока Богъ не отвратилъ Свою защитительную десницу и потрясенная отчизна должна была омывать слезами покаянія искаженный ранами трупъ царя-страдальца. Однако и это временное просвѣтлѣніе

---

[1]) Произнесено 21 Октября 1894 г. за литургіей въ храмѣ Московской Дух. Академіи. Въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Богословскій Вѣстникъ» 1894 г.

умовъ, выражавшееся въ самоукореніяхъ и въ исправленіи жизни многихъ, оказалось на столько непрочнымъ, что даже и тотъ великій день, когда Господь грозилъ оставить насъ не только безъ Царя, но и безъ потомства его, это незабвенное 17-е число сего мѣсяца, не могло вразумить насъ. Пустьже теперь русскіе люди измѣнятъ дни радости на дни скорби, мученій совѣсти и стыда предъ Богомъ. Да, именно стыда предъ Богомъ, праведно отвергающимъ насъ. Ибо спросятъ насъ теперь многіе: гдѣ-же, Святая Русь, твои прославленныя молитвы? гдѣ твоя вѣра? гдѣ твоя любовь къ твоему Государю? Или ты такъ оскудѣла всѣми сими дарами, или настолько прогнѣвалъ Бога народъ твой, что даже святые мужи въ тебѣ не могли умолить Его и отвратить гнѣвъ Его отъ тебя? Да поистинѣ послѣдній укоръ справедливъ. Господь показывалъ намъ дѣлами Своего Промысла то, что говорилъ въ древности народу Своему черезъ пророка: „*Я готовлю вамъ зло и замышляю противъ васъ; итакъ обратитесь каждый отъ злаго пути своего и исправьте пути ваши и поступки ваши. Но они говорятъ: не надѣйся; мы будемъ жить по своимъ помысламъ и будемъ поступать каждый по упорству злаго своего сердца*“ (Іер. 18, 11—12). „*Ты не молись о народѣ семъ во благо ему. Если они будутъ поститься, Я не услышу вопля ихъ*“ (14, 12). „*Хотя бъ предстали предъ лице Мое Моисей и Самуилъ, душа моя не приклонится къ народу сему* (Іер. 15, 1. и Іез. 14).

Тщетны были для насъ вразумленія Божіи, хотя были они многочисленны и разнообразны, ибо въ послѣдніе годы уже не человѣческою рукою устрашалъ онъ насъ за Царя нашего и не ею спасалъ его, а Своею простертою мышцею избавлялъ насъ, пока не истощилось долготерпѣніе Его и ниспала на насъ сегодняшняя праведная кара.

Образумимся-ли мы хотя нынѣ? Возненавидимъ-ли свои отступленія отъ духа евангельскаго и духа народнаго?—Смотрите у насъ на лицахъ какъ бы вина какая, какъ бы смутное ощущеніе того, что не взялъ бы Господь отъ насъ утѣхи

очей нашихъ, лучшаго украшенія нашей отчизны, еслибъ мы сами цѣнили дары Его благодатнаго о насъ промышленія.

Не случайныя только паденія воли нашей возстановили противъ насъ Всевышняго, но то дерзостное попраніе духа Христова, то полное нежеланіе созидать въ себѣ евангельскую жизнь, содержавшуюся предками нашими, та общая ложь, то блудное растлѣніе, которыя проникли отъ высшихъ круговъ общества уже и въ простой народъ. Охладѣли русскіе люди ко святой вѣрѣ, возлюбили иноземный обычай жизни, горделивый, сухой и холодный, и не только перестали стыдиться своего грѣховнаго ожесточенія, но начали похваляться имъ, такъ, что уже не порокъ сталъ предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ, а цѣломудріе, набожность и смиреніе, сохранившееся у немногихъ. За это Господь и обездолилъ нашу землю, за это обрушилъ на нее сей ударъ и отнялъ тотъ залогъ нашего благополучія, предъ которымъ стали склоняться съ почтеніемъ горделивѣйшія главы иноземныхъ народовъ, прежде презиравшихъ насъ, а нынѣ видящихъ въ нашемъ Государѣ опору общаго мира и справедливости.

Неоцѣнима наша потеря, сердце наше подавляется глухою болью, мы чувствуемъ, что сами виновники нашей утраты и горько плачемъ, видя, что не могли во время возвратиться, ибо грѣхи наши стали между нами и небомъ мѣдною стѣною, объ которую, разбиваясь, возвращались въ нѣдро наше всѣ возносимыя молитвы.

Оттого и наша печаль такъ глубока, горе такъ разъѣдающе, не смотря на то, что кончина Государя христіанская, непостыдная и мирная. Училъ онъ насъ, какъ жить и служить ближнему, училъ и тому, какъ умирать. Дай Богъ всѣмъ намъ такой завидной кончины! Царямъ земнымъ многіе завидуютъ при ихъ жизни, но очень немногимъ государямъ возможно завидовать или соревновать въ смерти; во главѣ этихъ немногихъ стоитъ нашъ благочестивѣйшій Монархъ, спокойно смотрѣвшій въ глаза приближавшейся кончины и давно нерадѣвшій объ исполненіи врачебныхъ совѣтовъ, но

искавшій отрады въ бесѣдѣ съ праведными пастырями, въ совмѣстныхъ съ ними молитвахъ, а наипаче въ троекратномъ пріобщеніи св. таинъ. Его рука, пораженная предсмертнымъ недугомъ, находила силу, чтобы начертывать слова сочувствія и благодарности на сыновнія заявленія подданныхъ воиновъ и родителей дѣтей, учащихся подъ Государевымъ покровительствомъ, а его сердце, ослабѣвшее уже для правильной поддержки тѣлесной жизни, продолжало согрѣвать ласкою окружающихъ, побѣждая присущее сей тяжкой болѣзни мрачное настроеніе. Сія блаженная кончина была вѣнцомъ праведнаго царствованія въ теченіи почти четырнадцати лѣтъ. Это *царское правленіе* было поистинѣ *царскимъ служеніемъ*, этотъ вѣнецъ—крестнымъ бременемъ. Ибо едвали многихъ монарховъ знаетъ исторія, которые были бы столь чужды исканія личной славы и угодничества предъ толпой и предъ сосѣдними державами, какъ нашъ усопшій Монархъ. Не искалъ онъ въ дѣяніяхъ своихъ ни блеска, ни похвалъ, но только общей пользы, самой сущей правды, а наипаче милости къ бѣднымъ, труждающимся, обремененнымъ, къ малымъ по возрасту и наконецъ къ служителямъ вѣры, которую усопшій справедливо считалъ высшею истиною и главнымъ оплотомъ государственнаго процвѣтанія. Осторожно и сдержанно началъ онъ свои предпріятія, а затѣмъ, освоившись съ дѣлами правленія, сталъ поступать все тверже и смѣлѣе: его нравственный образъ выяснялся все отчетливѣе предъ лицемъ восхищеннаго народа и нѣжная, пламенная любовь милліоновъ окружала его тронъ. Онъ разцвѣлъ въ пышный прекрасный цвѣтъ, на который любовался весь міръ; даже недоброжелатели отечества и трона противъ воли полюбили его и ради него начали любить Россію. Судя по человѣчески теперь-то бы намъ и жить, да радоваться на Царя нашего, да учиться у него исполненію долга своего и заповѣдей Божіихъ,—подражая его жизни и дѣламъ. О еслибы дѣйствительно ему достойно подражало русское общество, столь щедрое на благородныя слова и обыкновенно безсильное для благородныхъ дѣяній!

Но мы не шли по стопамъ его, мы оказались недостойными его сынами. Духовное разложеніе и развратъ укоренялись въ обществѣ и въ народѣ все глубже, за свѣтильникомъ мы не слѣдовали и вотъ свѣтильникъ отъятъ отъ насъ, подвигнутъ со своего мѣста.

Строго наказалъ насъ Господь, но не для отмщенія, а для вразумленія. Онъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы отвратили осуетившіеся взоры наши отъ своекорыстныхъ цѣлей и житейскаго разсѣянія, а взглянули въ себя самихъ, чтобы увидали, какъ далеко ушли мы отъ христіанскихъ завѣтовъ святыхъ строителей нашего отечества и создателей народнаго духа,—чтобы ужаснулись своего ожесточеннаго нечувствія и въ слезахъ покаянія, искренняго и всеобщаго, умолили Бога о народномъ и общественномъ возрожденіи. Сего требуетъ Господь, насъ посѣтившій Своею праведною карой, Онъ требуетъ также и благодарности къ отшедшему благодѣтелю Россіи, незримо простирающему къ намъ свои царственныя руки и просящему теперь нашей молитвенной помощи для неукорнаго восхожденія духа его въ райскія обители. Хотя праведенъ былъ духъ сей, но и онъ нуждается въ теплыхъ молитвахъ Церкви. Пусть же онѣ возносятся, какъ ѳиміамъ къ Богу и ограждаютъ душу возлюбленнаго Государя отъ всякой напасти. Аминь.

СЛОВО

на день восшествія на престолъ Государя Императора *).

Молю прежде всѣхъ творити молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за вся, яже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (I Тим. II, 1—3).

Эти слова Св. Писанія, которыя собрали насъ сегодня на общую молитву за возлюбленнѣйшаго Государя нашего, научаютъ насъ, братіе, той истинѣ, что общественное благоустройство и общенародный, для всѣхъ вожделѣнный миръ находится въ тѣснѣйшей зависимости не отъ одной только гражданской доблести облеченныхъ властью лицъ, но и отъ свойствъ ихъ нравственной, внутренней жизни, отъ ихъ моленій, прошеній, благодареній.

Строй государства языческаго рѣзко раздѣлялъ внутреннюю жизнь каждаго гражданина отъ его общественныхъ обязанностей и вполнѣ довольствовался, если въ этихъ послѣднихъ граждане руководятся началомъ внѣшней видимой

---

*) Произнесено 21 октября 1896 г. въ Казанскомъ Каѳедральномъ соборѣ на литургіи; въ первый разъ было напечатано въ журналѣ «Дѣятель» 1896 г. № 11-й.

законности, нисколько не стараясь о томъ, чтобы различать добро и зло по существу, чтобы воздавать людямъ кромѣ справедливости еще и любовь и состраданіе. Единственнымъ сильнымъ побужденіемъ или точнѣе понужденіемъ къ исполненію своихъ обязанностей всѣми служило тогда начало отвѣтственности или напротивъ поощренія; а естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка явилось то, что даже внѣшняя-то справедливость сохранялась лишь постольку, поскольку была связана съ такою отвѣтственностью. Всѣ дѣла государственныя, особенно-же дѣла судебныя, разсматривались правителями не съ той стороны, чтобы усмотрѣть въ нихъ сущую правду или общую пользу, а съ той, какимъ образомъ такое или иное рѣшеніе отзовется на участи, на благополучіи самаго правителя или судіи: похвалитъ-ли его за такое рѣшеніе его начальникъ, понравится-ли оно толпѣ народной, которая тоже имѣла вліяніе на участь государственныхъ лицъ. Интересовались и тѣмъ, чтобы иногда показать въ дѣлахъ свой произволъ и безнаказанность, дабы устрашить всѣхъ силою своей власти; иногда мудрили, чтобы представить себя хитрыми и потому опасными для своихъ враговъ людьми. Однимъ словомъ, сообразно съ устройствомъ всего государственнаго порядка, всѣ правительственныя лица сосредоточивали заботы только надъ собою, только о томъ и старались, чтобы избѣжать отвѣтственности предъ начальствомъ и предъ толпою, чтобы получить отъ того и отъ другой какъ можно больше поощреній, такъ что всѣ ихъ слова и дѣла, предпринимаемыя ими, имѣли только эту себялюбивую цѣль, а ихъ должность и вообще всѣ народныя нужды, къ нимъ обращенныя, являлись только средствомъ для такой цѣли. Подобное положеніе вещей въ противовѣсъ съ порядкомъ жизни христіанской съ поразительною живостью изложено въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, при описаніи допросовъ Св. Апостола Павла римскими правителями Феликсомъ, Фестомъ и царемъ Агриппой. Всѣ они говорятъ пышныя слова о справедливости, всѣ хвалятся другъ другу своими заботами о благѣ народномъ, о защитѣ угнетенныхъ, а на

самомъ дѣлѣ стараются нажить неправедную мзду, угодить толпѣ народной, выслужиться предъ правительствомъ своею ложью и потому оставляютъ въ позорныхъ узахъ того, котораго недостоинъ былъ ни ихъ горделивый, безбожный Римъ, ни даже весь міръ. Клевеща на святаго, и восхваляя другъ друга, они влачили изъ города въ городъ этого свѣтильника вселенной, какъ бы творя судъ во имя законности и справедливости, а на самомъ дѣлѣ повергая самихъ себя вѣчному осужденію, какъ враговъ истины, враговъ Божіихъ.

Мы сказали, что этотъ строй жизни былъ противоположенъ строю христіанскому. Въ какомъ отношеніи? О, эта противоположность поражаетъ насъ на первыхъ же строкахъ повѣствованія Дѣписателя. Насколько лживы, льстивы и напыщены слова и дѣла римлянъ, настолько прямы и дерзновенны отвѣты и поступки блаженнаго Апостола. Онъ далекъ отъ самой мысли добиться свободы чрезъ подарокъ или льстивое слово, онъ бодро идетъ въ заключеніе неправедное и спокойно пускается въ далекое плаваніе на новый судъ къ нечестивому царю.

Но это все еще не столько поражаетъ насъ, братіе, сколько то слово его, которое начертываетъ онъ послѣ всѣхъ этихъ истязаній къ своему любезному ученику и духовному сыну Тимоѳею: „*молю прежде всѣхъ творите молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за вся, иже во власти суть*“. Дивное завѣщаешь ты, божественный Павелъ! тамъ нечестіе, а здѣсь молитва, тамъ хищеніе, а здѣсь благодареніе, тамъ лесть, а здѣсь благочестіе и чистота, тамъ завистливая и злостная борьба за власть, за преобладаніе, а здѣсь тихое и безмолвное житіе.

Поистинѣ, не знаемъ, чему болѣе удивляться, высотѣ-ли жизни христіанъ того времени или тому, какъ эта святая жизнь могла умѣщаться въ развращенномъ, безбожномъ царствѣ римскомъ, да притомъ не только умѣщаться, но даже не враждовать противъ послѣдняго, даже пользоваться нѣкоторыми его условіями, чтобы укрѣпляться въ благочестіи и

чистотѣ. Это тѣмъ непонятнѣе для насъ, братіе, что мы постоянно оправдываемъ свое нерадивое, нехристіанское отношеніе къ ближнимъ ссылками на житейскую неправду; мы указываемъ со злорадствомъ нѣсколько извѣстныхъ намъ случаевъ, когда боровшіеся за правду и добро дѣятели терпѣли отъ своихъ начальниковъ; мы съ злобною горечью припоминаемъ и такія явленія, когда люди недостойные и нечестные были награждаемы властью и получали высшія полномочія. „Такія явленія должны насъ научить, говоримъ мы обыкновенно, должны научить относиться къ нашему служебному долгу чисто внѣшнимъ образомъ, соблюдая въ немъ лишь внѣшнюю законность, дабы никто не могъ къ намъ придраться и обвинить насъ. Не можемъ мы не руководиться и мыслію объ условной отвѣтственности предъ начальникомъ, взамѣнъ даже дѣйствительной пользы дѣла, потому что всѣ, слишкомъ прямо служившіе истинѣ, наживали только огорченія и служебныя непріятности“. Вотъ въ виду такого-то самооправданія мы и вспомнили порядки древняго Рима и подвиги св. Апостола. Пусть и въ наше время остается много неправды въ устроеніи земнаго, гражданскаго общежитія: но вѣдь какъ бы далеко ни заходили мы въ печальной русской привычкѣ клеймить укоризнами очечественные порядки, все-же ни одинъ, сколько-нибудь правдивый и разумный человѣкъ не станетъ опровергать той истины, что строй царства римскаго былъ безъ сравненія грѣховнѣе, порочнѣе, лживѣе всякаго христіанскаго государства. И вотъ смотрите: съ тѣмъ строемъ входитъ въ соприкосновеніе общество святыхъ и святѣйшій Апостолъ; обличаютъ они лживыхъ судей, но повинуются суду; скорбятъ о недостойныхъ правителяхъ, но молятся за всѣхъ, кто во власти, дабы жить безмятежно, благочестиво, чисто.

Изъ этого сопоставленія нельзя не убѣдиться, братіе, въ томъ, что оправдывающіе свое нерадѣніе къ общественному благу ссылкою на неправые порядки прежде всего виноваты сами въ холодности къ участи ближнихъ своихъ и своего отечества; въ этомъ убѣдимся мы еще непоколебимѣе, если

присмотримся поближе къ нимъ и вообще къ современнымъ обличителямъ общественнаго строя. Дѣйствительно, пусть бы они такъ извиняли свое равнодушное отношеніе къ дѣламъ служебнымъ, но вѣдь они тѣ-же извиненія приводятъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ призываютъ къ какому-либо доброму начинанію, не касающемуся ни ихъ службы, ни ихъ служебныхъ отношеній. Приводить такія извиненія любятъ и тѣ современные люди, которые совершенно независимы отъ какого-либо казеннаго учрежденія, люди совершенно свободные и по званію своему, и по имущественному состоянію. „Да развѣ можно что-нибудь доброе устроить при нашихъ старинныхъ порядкахъ“, кричатъ они, нетерпѣливо отмахиваясь отъ благихъ предпріятій и стараясь воспользоваться случаемъ, чтобы перейти къ трескучимъ толкамъ о нашемъ якобы неблагоустройствѣ.

Не къ нимъ конечно простирается и сіе слово наученія, ибо ихъ никогда и въ храмѣ Божіемъ не бываетъ, да и чувства ихъ настолько чужды всякаго благожелательства, настолько пріучены къ тому только, чтобы возбуждаться раздраженіемъ и осужденіемъ, что, если бы они и прикоснулись къ доброму дѣлу, то развѣ напортили бы только, внеся въ него самолюбіе, ссору, недоброжелательство. Не къ нимъ, братіе, а къ намъ, вѣрнымъ слугамъ престола, сіе предостереженіе. Будемъ помнить, что примѣръ древнихъ христіанъ воспрещаетъ намъ всякое извиненіе своей холодности къ общественному благу ссылками на несовершенство правленія или правителей, отъ коихъ зависимъ мы. Будемъ помнить и то, что лишь тогда можемъ мы подняться на совершенное исполненіе своего долга, взамѣнъ только видимой правоты, если не будемъ раздѣлять жизни служебной отъ жизни внутренней, отъ христіанской совѣсти, исполняя дѣло свое съ молитвами, моленіями и благодареніями, не страшась преслѣдованія за правду, не ища похвалы отъ людей, но хвалясь крестомъ Христовымъ, т. е. радуясь о всякомъ страданіи, переносимымъ за Его правду. Будемъ помнить, что грѣшный человѣкъ, поставлен-

ный во главѣ учрежденія или дѣла общественнаго, лишь въ томъ случаѣ можетъ вносить въ жизнь умиротворяющій, тихій свѣтъ состраданія и надежды, если къ внѣшней законности своихъ поступковъ прибавить сердечное, самоотверженное участіе къ тѣмъ, кто отъ него зависитъ, если будетъ работать не надъ бумагами только, но и надъ своимъ нечистымъ сердцемъ, очищая его воздержаніемъ, молитвой и мыслью о будущемъ судѣ, всѣми тѣми средствами, о которыхъ Павелъ говорилъ судьѣ Феликсу, но тотъ „*пришелъ въ страхъ и отвѣчалъ: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя*“ (Дѣян. XXIV, 25.).

Но, если и на все сіе не хватаетъ еще у насъ достаточнаго усердія и мужества, то начнемъ хотя-бы съ меньшаго и вспомнимъ, о, вспомнимъ о томъ, что помимо служебной области есть область другихъ общественныхъ отношеній, то тихое и безмолвное житіе, которое было привнесено въ міръ христіанствомъ, какъ царство не отъ міра сего, та область благочестія и чистоты, гдѣ за добрыя дѣла никто не укоритъ и не остановитъ. Вотъ что говоритъ блаженный Апостолъ объ этихъ отношеніяхъ: *умоляемъ также васъ, братія, вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ, будьте долготерпѣливы ко всѣмъ. Смотрите, чтобы кто кому не воздавалъ зломъ за зло, но всегда ищите добра и другъ другу, и всѣмъ. Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о васъ воля Божія во Христѣ Іисусѣ. Духа не угашайте. Пророчества не уничижайте. Все испытывайте, хорошаго держитесь. Удерживайтесь отъ всякаго рода зла*“ (I Сол. V, 14—22.).

Видите, сколько даровъ можемъ мы приносить Богу и ближнимъ. Вступимъ въ эту область новыхъ отношеній, Новаго Завѣта. Тогда новую жизнь будемъ мы вносить и въ строй отношеній служебныхъ, тогда къ сегодняшнему благодаренію и молепію за Царя нашего приложимъ и истинную жертву любви къ нему. Аминь.

СЛОВО

въ Великій Четвергъ о любви къ ближнимъ. [1]

Желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами (Лук. 22, 15).

Среди печальныхъ воспоминаній Страстной седмицы одинъ только нынѣшній день, четвертый, преизобилуетъ событіями и воспоминаніями—не то чтобы совсѣмъ радостными, но утѣшительными. Въ этотъ день мы, слушатели евангельскихъ чтеній и пѣснопѣній церковныхъ, нѣсколько отвлекаемся отъ мрачныхъ картинъ іудейской злобы на Спасителя и вводимся въ горницу Сіонскую, зримъ Христа среди друзей Его, слышимъ глаголы любви Его, внимаемъ тому, какъ Онъ, „*возлюбль Своя сущія въ мірѣ; до конца возлюби ихъ*“ (Іоан. 13, 1).

Сообразно съ болѣе свѣтлыми евангельскими воспоминаніями, и храмы Божіи, и напѣвы церковные, и составъ службы въ день сей принимаютъ видъ и духъ праздничный. Не скорбь, а тихая, примиряющая надежда и смиренное благодареніе вселяются въ наши сердца: мы преклоняемся въ сознаніи собственной немощи предъ величіемъ любви Христовой, которая и въ эти страшные дни, почти въ самый часъ преданія, восторжествовала надъ ужасною скорбью оклеветанія, заушеній, оплеваній, распятія и смерти,—восторжествовала настолько, что могла во всей божественной красотѣ, съ оте-

[1] Произнесено въ Казанскомъ Каѳедральномъ соборѣ; въ первый разъ напечатано въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ» 1897 г. іюнь.

ческою нѣжностью излиться на учениковъ Христовыхъ. Сіято торжествующая любовь и есть причина церковной радости во дни скорбей. Вотъ Господь устрояетъ ученикамъ праздничную вечерю, умываетъ имъ ноги, какъ послѣдній рабъ; Онъ говоритъ имъ объ общей ихъ измѣнѣ, но сейчасъ же прощаетъ имъ ихъ немощь и Самъ же утѣшаетъ ихъ въ томъ, что Онъ ими же будетъ оставленъ. Вы оставите Меня одного, но Я буду не одинъ—Отецъ со Мною; итакъ, имѣйте во Мнѣ миръ, но не впадайте въ отчаяніе отъ своей немощи: Я буду ждать васъ по воскресеніи въ Галилеѣ.—Господь называетъ ихъ чадцами, называетъ друзьями, завѣщаетъ любить другъ друга—и, войдя въ садъ Геѳсиманскій, когда уже приближался къ Нему предатель, молится небесному Отцу, чтобы всѣ Его ученики и даже всѣ тѣ люди, которые увѣруютъ во Христа по слову ихъ, соединились вмѣстѣ, въ одно таинственное общеніе съ Нимъ и Отцемъ Его, подобно тому, какъ во Святой Троицѣ сохраняется вѣчное единство между Божескими Лицами.

Вотъ она святая, Божественная, Христова любовь; ей не страшна приблизившаяся позорная казнь; она не хочетъ сокрушаться о предстоящемъ сегодня плѣненіи со оружіемъ и дрекольми, о заушеніи въ домѣ нечестиваго первосвященника, о веревкахъ, о бичеваніи, о терновомъ вѣнцѣ, о поруганіи и страшномъ распятіи крестномъ. Она знаетъ только то, что пришли послѣдніе часы земного общенія съ немощными и непросвѣщенными, но чистыми сердцами учениковъ и вотъ она возгорается предсмертнымъ пламенемъ святой ревности о ихъ просвѣщеніи и гласитъ имъ о святомъ таинствѣ евхаристіи, учитъ ихъ смиренію, взаимной любви, надеждѣ на Бога, терпѣнію скорбей и утѣшенію отъ Святаго духа.

Не къ однимъ апостоламъ, братіе, но и ко всѣмъ намъ, христіанамъ, распростираетъ объятія свои любовь Божественнаго Спасителя нашего, грядущаго на вольную страсть: „*якоже азъ возлюбихъ вы, да и вы любите себе; о семъ уразумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между*

собою“ (Іоан. 13, 35). Идя на страшную смерть и страсть, я всю душу Свою влагаю на любовь къ вамъ, какъ бы такъ говоритъ Господь: любите же и вы другъ друга, какъ Мои послѣдователи; такова Моя заповѣдь.—Да, братіе, заповѣдь крѣпкая, приказаніе властное, ибо скажите теперь, какая, хотя бы и самая лукавая, совѣсть можетъ освободить себя отъ такого долга любви, благотворенія, благоснисхожденія и самозабвенія?

Сказалъ бы я, что не нуждаюсь въ ближнихъ; довольно того, что, я самъ буду чистъ отъ лжи, безпутства и неправды; но препятствуетъ мнѣ примѣръ святѣйшаго Сына Божія, за правду Свою влекомаго на казнь, но все-же устремляющаго взоръ любви и слово утѣшенія къ ученикамъ и ученицамъ Своимъ.

Сказалъ бы я, что не могу благотворить людямъ, потому что они грубы, глупы и неблагодарны, что не оцѣнятъ любви; но и здѣсь евангеліе замыкаетъ уста мои, обнаруживая немощи, неразумѣніе и измѣну тѣхъ, къ кому была обращена нѣжная любовь Спасителя.

Наконецъ, сказалъ бы я то, что такъ любятъ повторять сыны нынѣшняго маловѣрнаго и нетерпѣливаго вѣка; сказалъ бы: мнѣ самому тяжко, скорби облегаютъ меня—ни любить, ни благотворить я не могу, а только быть любимымъ: самъ я нуждаюсь въ утѣшеніи—мнѣ не до другихъ.—Но, о какимъ жгучимъ стыдомъ покроются слова эти, лишь только я вспомню о тайной вечери, о прощальной бесѣдѣ, о словѣ утѣшенія къ Пречистой Матери, къ ученику со креста и къ покаявшемуся разбойнику.

Такъ, братіе, связанный и обвиненный Христосъ связалъ наши сердца, чтобы они не уклонялись „въ словеса лукавствія непщевати вины о грѣсѣхъ“. Онъ, Котораго не могъ оправдать двоедушный Пилатъ предъ Его врагами, отнялъ всякое оправданіе отъ нашего двоедушнаго сердца, если-бъ оно пожелало освободиться отъ узъ любви и самораспятія.

Чѣмъ болѣе, братіе, мы слышимъ, или читаемъ Еванге-

ліе, или совершаемъ въ церковной службѣ плѣненнаго Христа, тѣмъ болѣе становимся Его плѣнниками во исполненіе неложныхъ словъ Его: *„аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. 12, 32).

Тяжела, братіе, жизнь того плѣнника, который не слушаетъ своего владыки: всякое непослушаніе его карается тяжкими побоями.—Плѣнъ духовный, плѣнъ сердца, можно, правда, освободить не отъ этихъ бичеваній, не отъ укоровъ просвѣщенной Евангеліемъ совѣсти, но отъ того, чтобы ощущать ея удары. Можно оглушить свое сердце, сдѣлать выю свою желѣзною и лобъ мѣднымъ, и самую совѣсть соженною (Іез. 3, 7; (Тим. 4, 2). Но знайте, братіе, что для слышавшихъ слово Божіе въ этомъ страшномъ ожесточеніи заключается единственное, не скоро пріобрѣтаемое, средство къ тому, чтобы освободить свой умъ отъ плѣненія въ послушаніе Христу (2 Кор. 10, 5), ибо безъ этого страшнаго условія ваша совѣсть при каждомъ жестокомъ и небратолюбивомъ дѣлѣ вашемъ будетъ напоминать вамъ объ умовеніи ногъ, о садѣ Геѳсиманскомъ, о крестѣ и Голгоѳѣ, и Христосъ, плѣнившій сердце ваше, будетъ поражать его нѣмыми укорами, какъ въ ту ночь поразилъ Онъ отступившаго Петра воззрѣніемъ очей Своихъ.

Ей, Господи! Ты Своею святою жизнію, Своею всепрощающею любовію, Своимъ самозабвеніемъ навсегда осудилъ всякій грѣхъ, всякое себялюбіе! Хотя и тернистъ тотъ путь, по которому Ты зовешь насъ за Собою, но для слушателей Твоего Евангелія нѣтъ иного пути, кромѣ этого, или же пути сознательной погибели, по подобію предателя Іуды. Итакъ, мы не будемъ избѣгать Твоего плѣна, заключающагося въ храненіи любви другъ ко другу. Но Ты насъ укрѣпляй всегда Твоими святыми глаголами, которыми утѣшалъ учениковъ Своихъ въ день преданія. Да не смущается наше сердце, да вѣруемъ всегда во Отца и въ Тебя, да не убоимся скорбей міра, да не лишимся помощи Утѣшителя Духа, чтобы Онъ и намъ вспоминалъ всегда тѣ слова, которыя Ты говорилъ на землѣ!

Такова, братіе, да будетъ нынѣ исповѣдь нашихъ сердецъ и наша молитва къ страждующему за насъ и о насъ Спасителю. Возлюбимъ плѣнъ Его, возлюбимъ другъ друга отъ дня сего, и пусть эта любовь, не требующая благодарности и не знающая собственныхъ печалей, а только нужды ближнихъ нашихъ, начнетъ вселяться въ сердца насъ, поющихъ и воспѣвающихъ спасительную смерть Христову, дабы и мы, хотя бы ко днямъ приближенія смерти нашей, могли сказать съ апостоломъ: „*я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ*“ (Римл. 8, 38—39).

Оглавленіе.

Стр.

1) Рѣчь при нареченіи въ санъ епископа . . . . 5.

А) Слова общеназидательныя.

2) Слово въ день Святителя Николая Чудотворца. 9.
3) Слово въ день рожденія Государя Императора. 15.
4) Слово въ день сошествія Св. Духа. . . . . 20.
5) Бесѣда въ недѣлю четвертую св. Постовъ. . . 25.
6) Слово на Великій Пятокъ . . . . . 38.
7) Слово на освященіе М. Исидоромъ новозданнаго храма въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы Новгородской губерни Крестецкаго уѣзда, Каевской волости на пустырѣ—Козловкѣ. . . . . 46.
8) Слово при открытіи памятника О. Ѳ. Миллеру. 52.
9) Слово въ день св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго . . . . . 57.
10) Слово на день Святителя Николая Чудотворца и тезоименитство Наслѣдника Цесаревича . . . . . 62.
11) Рѣчь на молебствіи Безплотнымъ Силамъ въ день открытія академическаго журнала: Богословскій Вѣстникъ . . . . . 69.
12) Слово на день памяти преподобнаго Сергія. 77.
13) Слово при открытіи памятника Императору Александру II . . . . . 82.
14) Слово въ день священнаго коронованія ихъ Императорскихъ Величествъ . . . . . 89.

Стр.

15) Слово въ день святителя Николая и тезоименитства Государя Императора 6 декабря 1895 г. . . 94.
16) Слово на Богоявленіе . . . . . 102.
17) Слово въ день открытія Святыхъ Мощей святителя Ѳеодосія Черниговскаго . . . . . 110.
18) Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ по окончаніи III-го всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда 116.
19) Слово въ день Преображенія Господня . . . 121.

Б) Слова воспитанникамъ духовной школы.

20) Слово въ день академическаго акта, къ студентамъ С.-Петербургской Академіи . . . . . 126.
21) Слово о крестѣ пастырскаго служенія. . . . 132.
22) Слово на 14 ноября . . . . . 141.
23) Слово въ день Апостола Матѳея . . . . . 145.
24) Бесѣда въ навечеріе св. Праотецъ . . . . . 149.
25) Слово на день св. Димитрія Ростовскаго . . 153.
26) Слово на день св. Апостола Іоанна Богослова . 157.
27) Слово къ студентамъ Петербургской Дух. Академіи . . . . . 161.
28) Слово въ день Богоявленія Господня о томъ, какими средствами усовершенствуется общественная жизнь, при вступленіи въ должность ректора Московской Духовной Академіи . . . . . 166.
29) Слово на молебнѣ предъ началомъ ученія . . 173.
30) Слово на Покровъ Пресвятыя Богородицы . . 182.
31) Слово на молебствіи предъ началомъ ученія, при вступленіи въ должность ректора Казанской Академіи. . . . . 192.
32) Слово къ окончившимъ курсъ слушателямъ Миссіонерскихъ Курсовъ. . . . . 200.
33) Слово о духовныхъ дарахъ юности . . . . . 204.

Стр.

В) Слова на постриженіе въ монашество.

34) Слово при постриженіи студентовъ Московской Духовной Академіи—свящ. Іоанна Грекова (Василія) и Николая Борисоглѣбскаго (Григорія) . . . . 216.

35) Слово при постриженіи студента Московской Дух. Академіи—діакона Павла Сосновскаго (Діонисія) . 220.

36) Слово при постриженіи въ монашество студента Московской Дух. Академіи Данилова (Стефана) . 224.

37) Слово при постриженіи вольнослушателей Московской Дух. Академіи М. Ѳ. Алексѣева (Михея) и В. Машкина (Серапіона). . . . . 229.

38) Слово при постриженіи студента Московской Духовной Академіи Николая Безсонова (Никона) . . . 233.

39) Слово при постриженіи студента Московской Дух. Академіи Владиміра Никольскаго (Андроника). . 237.

40) Слово при постриженіи магистранта Московской Духовной Академіи Василія Мещерскаго (Евдокима) . . . . . 241.

41) Слово при постриженіи въ монашество студентовъ Казанской Академіи священника Никодима Троицкаго (Наѳанаила) и Валентина Лебедева (Варсонофія). . 248.

42) Слово при постриженіи студентовъ Казанской Духовной Академіи, священниковъ—Михаила Павлова (Макарія) и Павла Раевскаго (Ѳеодосія). . . . . 253.

Г) Слова и рѣчи надгробныя.

43) Слово въ день годовщины смерти доцента С.-Петербургской Духовной Академіи Александра Александровича Приселкова. . . . . 258.

44) Извлеченіе изъ церковнаго слова надъ тѣмъ же усопшимъ . . . . . 263.

45) Слово при погребеніи О. Ѳ. Миллера . . . 266.

Стр.

46) Слово въ годовщину со дня кончины проф. А. Е. Свѣтилина . . . . . 273.

47) Слово при погребеніи профессора В. Д. Кудрявцева . . . . . 278.

48) Рѣчь у гроба въ Бозѣ почившаго Митрополита Леонтія . . . . . 283.

49) Слово при поминовеніи дѣятелей Братства пр. Сергія . . . . . 288.

50) Слово при погребеніи Епископа Михаила . . 294.

51) Въ день памяти Достоевскаго . . . . . 300.

52) Слово предъ панихидой о Пушкинѣ . . . . 311.

Д) Слова юношескія.

53) Слово въ годовщину послѣ сибирской язвы . 330.

54) Слово на Богоявленіе . . . . . 333.

55) Слово въ день юбилейной памяти св. равноап. Меѳодія . . . . . 338.

Приложеніе.

56) Слово на св. Пасху. . . . . 353.

57) Слово въ Великій Пятокъ . . . . . 360.

58) Слово предъ окончаніемъ учебнаго года . . . 364.

59) Слово на кончину Государя Императора Александра III . . . . . 369.

60) Слово на день восшествія на престолъ Государя Императора. . . . . 374.

61) Слово въ Великій Четвергъ о любви къ ближнимъ . . . . . 380.